

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN
№ 6/09

Scientific monthly

Linguistic Series
Moscow Journal of Linguistic
Volume 11

Moscow 2009

ВЕСТНИК РГГУ
№ 6/09

Ежемесячный научный журнал

Серия «Языкознание»
Московский лингвистический журнал
Том 11

Москва 2009

УДК 1(07)
ББК 87я7

Главный редактор
Е. И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д. П. Бак

Ответственный секретарь
Б. Г. Власов

Главный художник
В. В. Сурков

Серия
Языкознание / «Московский лингвистический журнал»

Редакционная коллегия серии:

С.И. Гиндин (главный редактор серии)
Н.Г. Семенова (ответственный секретарь серии)
А.В. Дыбо
О.А. Казакевич
Г.Е. Крейдлин
М.А. Кронгауз
Р.И. Розина
М.Б. Рукодельникова
Я.Г. Тестелец
З.М. Шаляпина

ISSN 1998-6769

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

Содержание

К 50-летию создания Лаборатории машинного перевода I МГПИИЯ

- З. М. Шаляпина
Об одной пионерской статье, или Принципы формализации семантики в 1961 г.....9
- Н. Н. Леонтьева
Как я оказалась в машинном переводе (Воспоминания о раннем периоде ЛМП).....28
- Н. Н. Леонтьева
О семантике – в Лаборатории и после.....38

Теоретические и описательные исследования

- О. О. Багеева
Типы пунктуационного оформления писем малограмотных авторов..... 68
- В. А. Богушевская
Семантика терминов цвета китайского языка с позиций теории семантических примитивов.....81
- А. В. Есипова, Л. Н. Арбачакова
Возрожденные слова (по материалам шорских героических сказаний)..... 86
- Н. А. Коротаяев
Пограничные паузы как мера просодической интеграции в устной речи: случай сложноподчиненных конструкций.....105
- Е. В. Муравенко
Об изменении значения и сочетаемостных свойств глагола *скупать*.....117
- С. И. Переверзева
Признак «ориентация тела и его частей»
(формальное определение и содержательные пояснения).....136
- И. А. Шаронов
Проблемы анализа и описания побудительных междометий.....160

Прикладные исследования

Е. В. Бречалова Об одном подходе к семантико-синтаксическому анализу корейского предложения.....	177
М. В. Ермаков К выявлению лексического ядра лингвистической ситуации (на материале текстов криминальных сводок).....	200

Обзоры. Рецензии. Аннотации.

А.Г. Козинцев Компьютерные программы-шутники и теория юмора.....	215
---	-----

Московские лингвисты

Вослед 70-летию Альфреда Наумовича Журина
(1938–1991)

А. И. Коваль Альфред Наумович Жури́нский – ученый и человек.....	228
Е. В. Муравенко Задачи А.Н. Журина.....	242
А. В. Козьмин, С. Ю. Неклюдов «Загадки» А.Н. Журина.....	249

Лингвистические источники и справочные материалы

Т.Б. Агранат Водские тексты с поморфемной нотацией.....	256
О.А. Казакевич, Н.К. Митрофанова, Е.Л. Рудницкая Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикации гlossированных текстов (публикация 2-я).....	286
Abstracts.....	324
Сведения об авторах.....	329

Table of Contents

Towards the 50th Anniversary of Foundation of Laboratory for Machine Translation in the Moscow Institute of Foreign Languages

Z.M. Shalyapina Recalling One Pioneering Paper, or Semantics and its Formaliza- tion in 1961.....	9
N. N. Leontyeva My Way to Machine Translation.....	28
N. N. Leontyeva On Semantics – in the Laboratory and After.....	38

Theories and Descriptions

O. O. Bageeva The Types of Punctuation Layout in the Letters of Semiliterate Authors.....	68
V. A. Bogushevskaya Semantics of Colour Terms in Chinese Language: the Theory of Semantic Primitives' Approach.....	81
A.V. Esipova, L. N. Arbachakova Revitalized Words (on the Background of the Shor Heroic Epos).....	86
N. A. Korotaev Measuring Prosodic Integration in Clause Combining: Pauses at Syntactic Borders.....	105
E.V. Muravenko On Changes in Meaning and Government of the Russian Verb <i>Skuchat'</i>	117
S. I. Pereverzeva A Formal Definition of the “Body Parts’ Orientation” Feature.....	136
I.A. Sharonov Problems of Volitive Interjections Analysis and Description.....	160

Applications

E.V. Brechalova An Approach to the Formal Semantic and Syntactic Analysis of Korean Sentences.....	177
M. V. Ermakov Revealing the Lexical Nucleus of a Linguistic Situation (the Case of Criminal Reports).....	200

Surveys. Reviews. Abstracts

A. G. Kozintsev Humorous Virtual Agents and the Theory of Humor.....	215
---	-----

Linguists of Moscow: Biographies and Memoirs

On Alfred Zhurinsky (1938–1991) after his 70th Anniversary

A.I. Koval Alfred Naumovich Zhurinskij – the Scientist and Personality.....	228
E.V. Muravenko A.N. Zhurinsky’s Linguistic Problems.....	242
A.V. Kozmin, S.Y. Neklyudov A.N. Zhurinsky’s “Riddles”.....	249

Linguistic Sources & Reference Materials

T.B. Agranat Votic texts with glosses.....	256
O.A. Kazakevich, N.K. Mitrofanova, T.L. Rudnitskaya Life Stories of Autochthonous Populations of Siberia: Publica- tions of Glossed Texts (2nd Publication).....	286
Abstracts.....	324
Information about the authors.....	330

К 50-летию создания Лаборатории машинного перевода I МГПИИЯ

З.М. Шаляпина

Об одной пионерской статье, или Принципы формализации семантики в 1961 году

Рассматривается статья «О принципиальном использовании смысла при машинном переводе», опубликованная в 1961 г. А.К. Жолковским, Н.Н. Леонтьевой и Ю.С. Мартемьяновым. Демонстрируется, что в ней не просто введены новые, более мощные и более адекватные задачам того времени средства формализованного лингвистического описания, но выявлен и поставлен целый ряд лингвистических проблем, которые до того оставались «за кадром». Более того, в указанной статье впервые намечены многие пути и методы решения этих проблем, сохранившие свою научную значимость до настоящего времени. Тем самым она послужила фундаментом и источником целого ряда школ и направлений в исследованиях по синтаксису и семантике в современной теоретической и компьютерной лингвистике.

Ключевые слова: история лингвистики, семантическое представление, коммуникативная организация смысла, семантический синтез, синонимия, лексические функции, глубинный синтаксис.

Сейчас принято оценивать результативность научной деятельности по количественным критериям – прежде всего по тому, сколько статей опубликовано в журналах, включенных в заранее определенные списки, сколько докладов прочитано на международных научных форумах и т.п. Публикации в журналах, не входящих в соответствующие списки, и доклады, сделанные на отечественных конференциях, считаются менее ценными, а статьи в сборниках стоят на низшем уровне иерархии.

Конечно, некоторый смысл количественные критерии имеют: полное отсутствие научных публикаций и докладов, скорее всего, означает отсутствие и достойных публикации результатов. Но в общем случае количество, объем, формальный статус и даже цитируемость публикаций не находятся в сколько-нибудь прямой корреляции с их качеством, научной значимостью и степенью воздействия на дальнейшее развитие

З. М. Шаляпина

соответствующей научной области. Одно из свидетельств этого – вышедшая в 1961 г. статья трех сотрудников Лаборатории машинного перевода 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков Александра Константиновича Жолковского, Нины Николаевны Леонтьевой и Юрия Семеновича Мартемьянова «О принципиальном использовании смысла при машинном переводе».¹

Эта статья была опубликована в сборнике «Машинный перевод», изданном в Институте точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР. Общий ее объем 36 000 знаков – 0,9 авторского листа, по 0,3 листа на каждого автора. Тем не менее пути исследований, намеченные этой небольшой публикацией, и поныне, как нам представляется, остаются актуальными для теоретического и компьютерного языкознания, а ряд высказанных в ней идей не просто получили в дальнейшем широкое распространение, но стали своего рода аксиоматикой данной области лингвистики. Рассмотрим некоторые из них (заранее просим извинения у читателя за возможную субъективность каких-то из высказываемых ниже суждений).

1. Формализация семантики как центральная задача исследований по автоматическому переводу

В рассматриваемой статье впервые в исследованиях по проблеме машинного перевода обращено внимание на содержание самого процесса перевода и задача исследований сформулирована с учетом этого содержания. Авторы, неявно полемизируя с Н. Хомским, а также с О.С. Кулагиной, И.А. Мельчуком и другими современниками, стоявшими в то время на позициях «конфигурационного» подхода к задаче машинного перевода², подчеркивают, что неверно понимать перевод «как установление соответствий между грамматическими конфигурациями различных языков» в предположении, что «после выбора соответствующей конфигурации легко будет осуществить ее «лексическое наполнение», т.е. подставить в нее соответствующие слова» (с. 18). Напротив, «задачей перевода является передача на другом языке не грамматики, а смысла переводимого текста» (с. 18). Анализ текста при переводе предлагается трактовать как его понимание, а синтез – как изложение результатов этого понимания «своими словами на другом» языке (с. 46). Тем самым в центр исследований по формализации естественного языка в целях машинного перевода ставится задача описания семантики.

Было бы, разумеется, несправедливо утверждать, что до этой статьи формализацией семантики не занимались. Занимались, и достаточно активно – прежде всего в сфере библиотечных классификаций и информационного поиска, где еще в 1933 г. было введено понятие фасетной (= многомерной) семантической классификации³, а с начала 50-х гг. XX века стали разрабатываться так наз. семантические коды – формализованные языки для структурированного представления семантики в терминах семантических множителей. Эти разработки, прежде всего Кливлендский семантический код⁴, были хорошо известны авторам обсуждаемой статьи, которые ссылаются на них как на источник понятия и термина «семантический множитель» (с. 20). Но Кливлендский код создавался еще до того, как внимание компьютерной лингвистики обратилось к синтаксису и в ее арсенал вошли такие универсальные средства его формализации, как структуры зависимостей и составляющих⁵. Поэтому в его основу легли прежде всего морфологические модели: базисные понятия Кливлендского кода задавались семантическими множителями, смысловые отношения между ними – формальными суффиксами и инфиксами⁶. Понятно, что для детального описания естественно-языковой семантики этот аппарат недостаточен.

Занимались семантикой и непосредственно специалисты по машинному переводу – прежде всего в лаборатории Маргарет Мастерман, где разрабатывалось компонентное представление лексической семантики на основе тезаурусов⁷. Однако структура этого представления опиралась преимущественно на теоретико-множественные связки – конъюнкцию и дизъюнкцию, что ограничивало возможности учета в ней более сложных типов синтаксических отношений.

Заслуга Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова в том, что в их статье впервые был предложен аппарат семантического представления – семантической записи, позволяющий отображать в ней синтаксические деревья, и предложен целый ряд принципов построения такой записи, ставших в дальнейшем классическими.

2. Общие требования к семантическому представлению

Важнейший из предложенных в рассматриваемой статье принципов представления смысла лингвистических единиц состоит в том, что необходимо уметь «записывать смысл вы-

сказывания, отвлекаясь от конкретных языковых способов его выражения» (с. 18).

С учетом этого к семантической записи предъявляются три основных – и теперь уже хрестоматийных – требования: она должна обеспечивать возможность «во-первых, слова и выражения с одинаковым смыслом записать одинаковым образом, во-вторых, слова и выражения, разные по смыслу, записать по-разному, причем, в третьих, точно отобразить степень и характер их несходства» (с. 18).

Эти требования позволяют авторам сделать вывод, что семантическая запись не может быть ограничена уровнем слов ни «сверху», ни «снизу».

С одной стороны, ни лексические, ни морфологические единицы не могут служить в качестве семантических целых. На примерах демонстрируется, что, во-первых, формальная структура слов не коррелирует со степенью их смысловой простоты или сложности и, во-вторых, смысл отдельной лексической единицы, как правило, неэлементарен, что мешает использовать его в качестве единицы описания смысла других слов. Соответственно, предлагается представлять смысл слова **расчлененным** образом – «в виде некоторой совокупности более элементарных единиц» – семантических множителей, по отношению к которым он «часто является образованием такого же порядка сложности, как предложение по отношению к слову» (с. 19-20).

С другой стороны, поскольку смысл неэлементарных лексических единиц может передаваться в том же или в другом языке «по частям» (с. 38), т.е. в виде сочетаний других лексических единиц, вводится требование, чтобы аппарат такой записи был одинаково пригоден и для слов, и для словосочетаний. Более того, он должен предусматривать «переход от записи смысла отдельных слов к записи смысла целой фразы» (с. 30, выделение наше – З.М.Ш.). Тем самым понятие семантического представления распространяется с отдельных слов и именных словосочетаний (рассматривавшихся в библиотечных семантических кодах) на более крупные единицы естественно-языковых текстов – предложения.

При этом эксплицитно формулируется принцип **универсальности** такого представления относительно различных естественных языков: точно так же, как семантическая запись отдельных слов не принадлежит «никакому конкретному языку» (с. 30), так и «смысловая запись фразы свободна от условностей конкретного языка, которые обычно осложняют переход к выражению того же смысла на другом конкретном языке» (с. 29).

Этот принцип иллюстрируется на примере предложений *La préoccupation des pays du Benelux est facile à comprendre* и *The unease felt in Benelux countries is understandable*. Строя их семантические представления в терминах предлагаемого аппарата, авторы рассматриваемой статьи демонстрируют, что эти «две фразы различных языков, различные по своей синтаксической структуре, но одинаковые по смыслу, могут быть сведены к одной смысловой записи» (с. 35).

Наконец, в рассматриваемой работе впервые определена принципиальная методика построения «изображения слова в <семантических> множителях» (с. 27). Для этого предлагается рассматривать не просто отдельные слова, но использовать «сравнение ряда высказываний с явно тождественным смыслом» (с. 20). Иными словами, в качестве операционного критерия для определения состава семантической записи описываемых единиц вводится исследование **СИНОНИМИИ** как взаимозаменяемости языковых выражений с тождественным смыслом, причем на уровне не отдельных слов, но содержащих их более крупных единиц текста. При этом «запись слов в семантических множителях» должна служить «полному (в идеале) устранению синонимии (т.е. сведению к единой записи всех синонимичных выражений)» (с. 26).

По существу здесь впервые в лингвистическом контексте дано определение смысла как инварианта синонимических преобразований, ставшее впоследствии краеугольным камнем для теории «Смысл ↔ Текст»⁸.

3. От семантических множителей к семантическим предикатам

Значительным шагом вперед в теории лингвистической семантики и семантического синтаксиса явились введенные Жолковским, Леонтьевой и Мартемьяновым принципы формального представления в семантической записи отношений между ее элементами.

В это время в компьютерной лингвистике уже достаточно широко исследовалось понятие валентности. Первоначальная аморфная трактовка этого понятия (валентность как сочетаемость вообще)⁹, как и количественная его трактовка (валентность глагола как число допустимых при нем актантов¹⁰) уже начали уступать место дифференцированному пониманию валентностей как предсказаний текстовых связей определенных типов и уровней¹¹. Однако даже применительно к валентно-

стям лексических единиц рассматривались прежде всего формальные разграничения – двусторонний, семантико-синтаксический характер таких валентностей еще не осознавался.

В описании же собственно семантических отношений основными средствами их отображения все еще оставались операторы теории множеств – конъюнкция, дизъюнкция и отрицание, а в семантических кодах, как уже упоминалось, – также средства, построенные по образцу морфологических показателей естественного языка. Авторы рассматриваемой статьи впервые обратились в этих целях к более мощному формальному аппарату – теории предикатов, из которой была взята идея «пустых мест», которые допустимы у семантических множителей и на которые могут «ставиться» другие множители или их комбинации (с. 22).

Такие же «пустые места» предусматриваются и в лексическом словаре – для лексем, имеющих их в своей семантической записи. Тем самым – хотя и с использованием другого термина – впервые эксплицитно утверждается семантическая лексических валентностей и их обусловленность валентностями семантических элементов в составе толкований соответствующих лексических единиц. При этом в статье подчеркивается, что наличие у слова «пустых мест» не зависит от его морфологической и формально-синтаксической принадлежности: «в языке такими словами часто являются глаголы, существительные, предлоги, союзы, многие прилагательные» (с. 30-31). Заметим, что эта мысль и сейчас остается нетривиальной: часть лингвистов до сих пор признает предикатами только глаголы.

При анализе для единиц с «пустыми местами» должно происходить «заполнение пустых мест синтаксически связанными словами» (с. 31). Соответственно, в семантическом синтаксисе и на уровне элементарных смысловых единиц – семантических множителей, и на уровне более крупных семантических образований, представляемых естественно-языковой лексикой, предусматриваются, помимо теоретико-множественных отношений, отношения «постановки на места», называемые в статье «двусторонними». Последний термин здесь несколько неточен, поскольку подразумевает не просто двусторонность, но и прежде всего несимметричность соответствующих отношений. В современной терминологии это отношения заполнения актантных валентностей, или (предикатно-)актантные отношения.

Определив отношения данного типа, Жолковский, Леонтьева и Мартемьянов впервые связали семантические и синтакси-

ческие структуры, на несколько лет опередив в этом теорию Н. Хомского и его последователей. В ней первая попытка установить такую связь сделана в 1963¹², однако отношения между элементарными семантическими признаками в семантических представлениях («прочтениях» – readings) лексических единиц все еще были ограничены конъюнкцией и дизъюнкцией. Лишь позже в синтаксис таких представлений добавлены понятия «слотов» (slots), соответствующих «местам» лингвистических предикатов, и их «заполнителей» (fillers)¹³.

Отметим два важных достоинства введенного исследователями подхода к семантическому синтаксису.

(а) В рамках этого подхода исчезают жесткие априорные ограничения на количество и характер отношений, допускаемых в структуре смысловой записи: не только список самих семантических множителей, но и инвентарь смысловых отношений становится открытым множеством.

(б) В семантическую запись вводятся синтагматические смысловые отношения того типа, который наиболее характерен для естественного языка, – «двусторонние» актантные отношения, имеющие принципиально несимметричную семантику и стандартно реализуемые в естественно-языковом синтаксисе столь же несимметричными подчинительными конструкциями.

4. Семантическая запись слова и межсловные семантические отношения

Понятие смысловых отношений, как оно трактуется у Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова, заслуживает специального рассмотрения.

Оно введено прежде всего в связи с противопоставлением «перевода по конфигурациям» и «перевода по смыслу» (см. выше в §1). Отмечая, что при переводе «важны, в первую очередь, не грамматические связи между словами, а смысловые отношения между смысловыми же компонентами высказывания», авторы статьи подчеркивают: «Для перевода не существенно, что такое-то существительное является дополнением к глаголу в определенной конфигурации. С точки зрения смысла существеннее, соответствует ли некоторый смысловой компонент действительному объекту воздействия в некотором процессе, адресату этого процесса или просто чему-то соприсутствующему в нем (Ср. «убить зверя», «посетить товарища», «получить

книгу)» (с. 18) (в цитате подчеркнуто мною – З.М.Ш.). При этом указывается: «В отличие от грамматических конфигураций, смысловые отношения такого рода могут считаться общими для различных языков» (с. 18).

Легко видеть, что это прообраз будущих глубинных (семантических) падежей: сама используемая терминология сразу вызывает у современного читателя ассоциации с теорией Ч. Филлмора¹⁴. Между тем до его первой статьи на данную тему оставалось еще 7 лет!

Однако трактовка смысловых отношений интересна не только сходством с подходом Филлмора, но и отличиями от него. Ч. Филлмор, определяя падежные отношения как своего рода «семантические валентности», не увязывает их с семантическими описаниями обладающих ими слов, но, напротив, предлагает исключать связанную с этими отношениями информацию из лексических описаний, вынося ее в описание падежей как таковых. В результате его «семантические падежи» предстают как некоторая «внешняя» относительно лексики информация, которая не выводима из лексических толкований, но дополняет их (в частности, может «вводить» контекстную полисемию).

Жолковским, Леонтьевой и Мартемьяновым предложен принципиально иной подход (пояснения в угловых скобках наши – З.М.Ш.): «смысловая конкретизация связи <между предикатом и заполнителем его «места»> заключена в самом наборе множителей <характеризующих семантику предиката>... двустороннее отношение в зависимости от набора семантических множителей ... может иметь значение воздействия, восприятия, эмоционального отношения, временного предшествования, сообщения, обладания и др.» (с. 39).

Как видим, авторы статьи прямо говорят о взаимосвязи смысловой интерпретации отношений, устанавливаемых при заполнении мест (валентностей) лингвистического предиката, с семантикой самого предиката, как она задается в его словарном описании структурой семантических множителей. Наличие у естественно-языковой единицы «пустых» мест, в свою очередь, увязывается с сопоставленной предикату смысловой записью: «Смысловая запись слова в словаре либо содержит пустые места, либо не содержит. В первом случае слово является связующим членом двустороннего отношения и формирует запись всех членов этого отношения» (с. 30).

При таком подходе структура отношений между языковыми элементами не является чем-то «внешним» относительно этих элементов, но определяется как реализация их собственных (потенциальных) свойств: «Заполнение пустых мест синтаксически связанными словами производится с учетом содержащейся в словаре информации о форме и некоторых смысловых характеристиках тех слов, которые способны занять соответствующие пустые места» (с. 38)¹⁵.

Таким образом, если в теории Ч. Филлмора семантические отношения (падежи) уточняют семантику связываемых ими слов, то подход Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова приводит к идее, что и на уровне семантических элементов, и на уровне слов, словосочетаний и предложений как более или менее сложных структур таких элементов смысловые отношения выводимы из свойств самих связываемых ими единиц.

Позже было показано, что для идеальной системы полностью элементарных семантических единиц оба подхода равносильны, так как семантические элементы и семантические отношения в такой системе взаимно определяют друг друга, различаясь используемыми в них способами обобщения семантической синтагматики¹⁶. При подходе, впервые намеченном в рассматриваемой работе троих исследователей, в роли обобщающих единиц, к которым сводятся неэлементарные структуры, выступают узлы этих структур – семантические сущности. В этом смысле здесь представлен один из вариантов сущностного подхода к языку¹⁷. Подход Ч. Филлмора, напротив, опирается на реляционный тип обобщения, когда в качестве обобщающих единиц выбираются ребра обобщаемых структур – семантические отношения.

5. Коммуникативная организация смысла и возможности ее отображения в структуре единиц разных уровней

Совершенно оригинальной для своего времени особенностью предложенного Жолковским, Леонтьевой и Мартемьяновым подхода к описанию семантики является то, что в семантической записи было предусмотрено отображение коммуникативной организации описываемого смысла. В статье рассматриваются три ее аспекта, связанные со способом заполнения и упорядочением (в разных отношениях) «мест» лингвистических предикатов, и для каждого из этих аспектов вводятся свои обозначения.

5.1. Коммуникативная организация в структуре толкования лексического предиката

Прежде всего авторы обращают внимание на то, что в языке возможны предикаты, «прочитывающие» некоторую ситуацию в разных направлениях – с «перестановкой мест», например: *иметь* и *принадлежать*, *доволен* и *радует*, *раньше* и *позже*, *знать* и *быть известным* (с. 22). Если говорить в современных терминах, члены приводимых пар лексем представляют собой **конверсивы**, т.е. задают одну и ту же ситуацию, но отличаются распределением своих актантов, вводящих ее участников, в иерархии, определяемой способом их оформления: актант, который при одном члене пары оформлен как подлежащее или определяемое, при другом выполняет роль дополнения и наоборот. В рассматриваемой работе впервые выявлен и в явном виде указан факт «смыслового тождества соответствующих высказываний» (с. 23).

Заметим, что лексические конверсивы не только до появления данной публикации, но и еще годы спустя описывались в лексикологии и лексикографии как антонимичные друг другу. Так, в словаре антонимов, изданном в 1971 г.¹⁸, пары *больше – меньше*, *впереди – позади*, *лучше – хуже*, *слева – справа*, *брать – давать*, *победа – поражение* и др. даются в общем списке антонимов, ничем не выделяясь среди других их видов. Предложенное исследователями рассмотрение членов таких пар как семантически тождественных с точностью до перестановки аргументов, т.е. при условии такой перестановки – синонимичных, являлось нетривиальным языковедческим открытием.

Новаторский характер носит и сопровождающее это рассмотрение замечание, что различие таких предикатов содержательно аналогично залоговым различиям типа *Франция изучает проектvs. Проект изучается Францией* (с. 22). Указывая, что в соответствующих конструкциях «соотношение по направлению передано самой грамматической формой, например, значение формы причастия страдательного залога = «переставь места внутри скобок»» (с. 23), авторы рассматриваемой статьи впервые эксплицитно вводят трактовку страдательного залога как конверсива, принятую впоследствии в теории «Смысл ↔ Текст»¹⁹.

В то же время отмечается и то, что хотя высказывания с «разнонаправленными» предикатами указанного типа в целом взаимозаменяемы, нельзя игнорировать и имеющиеся между

ними смысловые различия, которые, в соответствии с общими требованиями к семантической записи, должны находить в ней свое отражение. Средств, обеспечиваемых теорией множеств и теорией предикатов, для этого недостаточно, поэтому в предлагаемый семантический формализм вводится дополнительный знак «исходности», позиция которого в обозначении «двустороннего» смыслового множителя должна задавать направление его «прочтения».

5.2. Коммуникативная организация в структуре словосочетания

Второй аспект коммуникативной организации высказывания, на который обращают внимание авторы рассматриваемой статьи, также касается смысловых ситуаций с несколькими участниками. Здесь, однако, выделяется другой аспект их естественно-языкового представления – то, какой из участников ситуации «подается как главный» (с. 23) в синтаксической структуре словосочетания.

Вариативные возможности естественного языка в этом отношении демонстрируются на примере единиц «собственность» и «владелец» в сравнении с единицей «принадлежать» (с. 23-24): с одной стороны, они синонимичны²⁰, поскольку «обрисовывают одну и ту же ситуацию («некто имеет, а нечто принадлежит»)», но, с другой стороны, «акценты в них расставлены по-разному». Отмечается, что наличие таких акцентов «с точки зрения смысла не безразлично» и должно эксплицитно отображаться в семантической записи (в качестве соответствующего показателя предлагается подчеркивание). При этом отмечается связь данного способа их выражения в языке с противопоставлением определения и определяемого.

В естественно-языковом синтаксисе, как известно, противопоставление синтаксических конструкций по тому, какой из членов конструкции выделяется в качестве главного, было впервые исследовано О. Есперсеном, который ввел в этой связи термины *нексус* и *юнкция*²¹. У Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова это противопоставление впервые связывается с понятием логического акцента, получая тем самым семантическую интерпретацию²².

5.3. Коммуникативная организация предложения, представленная в его позиционной структуре

Третий аспект коммуникативной организации высказывания, для которого в рассматриваемой работе упоминается

З. М. Шаляпина

необходимость его отображения в семантической записи, – это логический акцент, выделяющий «то главное, что утверждается», средствами порядка слов (с. 24). Речь идет о явлениях, известных современному читателю как актуальное, или тематическое, членение предложения. Этот аспект коммуникативной организации предлагается обозначать двойным подчеркиванием, как в примере: *Англия входит в эту зону vs. В эту зону входит Англия.*

Рассматривая все эти виды «акцентов» и «направленности прочтения» как принципиально семантические явления, авторы выявляют глубинную общность таких, на первый взгляд, разнородных средств языкового выражения, как лексические конверсивы в языковой парадигматике, залоговые пары в морфологии, взаимозаменяемость глагольного предиката и стандартного обозначения его субъекта или объекта в сочетании со связкой, соотношение определительных связей со связями типа «предикат-актант» и, наконец, порядок слов, рассматриваемый в его коммуникативных функциях. Тем самым впервые в языкознании эксплицитным образом утверждались функциональный параллелизм, семантическая родственность всех указанных типов лингвистических явлений.

6. Семантический синтез

Особо следует рассмотреть введенные и подробно проиллюстрированные в рассматриваемой статье принципы семантического синтеза.

6.1. Множественность синтеза

Авторы статьи эксплицитно формулируют требование, чтобы в словаре синтеза для той или иной смысловой записи давались все синонимичные слова и формы, а сам процесс синтеза предусматривал бы «разрешение синонимии» средств выражения – выбор окончательного варианта перевода на основе правил, которые должны быть «достаточно гибкими, чтобы придавать синтезируемой фразе естественный вид» (с. 36-37). В другой работе, опубликованной в том же году одним из авторов рассматриваемой статьи Н.Н. Леонтьевой, данное требование звучит еще более четко: задачей синтеза провозглашается «построение максимального количества фраз, соответствующих одной смысловой записи, т.е. составление множества перифраз одной мысли»²³.

Тем самым вводится принцип **множественности** синте-

за, послуживший в дальнейшем теоретической базой для системы синонимического перифразирования, разработанной А.К. Жолковским и И.А. Мельчуком²⁴, и получивший дополнительное обоснование в рамках теории «Смысл ↔ Текст»²⁵.

Уже в рассматриваемой статье перечисляется и иллюстрируется целый ряд средств, которые должны обеспечивать эту множественность: от синонимии грамматических и лексических способов выражения одного и того же смысла (включая возможность перераспределения семантических множителей между разными словами, множественность способов заполнения одних и тех же «мест» лингвистических предикатов – вариантность оформления заполняющих эти «места» единиц, факультативность этого заполнения, варьирование тех или иных аспектов коммуникативной организации рассматриваемых сочетаний и т.п.) до включения в синтезируемый текст «пустых» единиц и учета при выборе конкретных языковых средств того лексического и грамматического контекста, в котором эти средства должны функционировать.

6.2. Лексическая обусловленность как один из источников множественности синтеза

В связи с требованием учитывать при синтезе текста контекстное окружение вводимых в этот текст единиц в рассматриваемой статье дана, в частности, первая формулировка важнейшего из тех принципов, на которых позже была построена теория лексических функций (ЛФ): «разные слова могут быть лексически обусловленными вариантами выражения одного смысла («оказывать влияние», но «производить впечатление»)» (с. 26, подчеркивание авторов – *З.М.Ш.*). Как видим, и в качестве примеров в статье указываются те единицы, которые в теории ЛФ определяются как значения лексических функций – в данном случае функции Op_{eg_1} .

Иллюстрируя возможности введения в текст при синтезе «пустых» глаголов (с. 45-46), авторы статьи приводят также примеры, соответствующие другим глагольным ЛФ: $Labor_{12}$ (*сохранять в тайне*) и $CausOp_{eg_1}$ (*держат в неизвестности*). При этом подчеркивается важность учета лексических ограничений на их сочетаемость: «При выборе «пустого» глагола необходимо учесть пометы о возможной лексической сочетаемости (и при самих пустых глаголах, и при словах, которые могут сочетаться с ними)» (с. 45-46) и демонстрируется роль рассматриваемых единиц в формировании синонимических вариантов выражения одного смысла: «Тогда <для фразы

З. М. Шаляпина

Детали проекта были скрыты> возможно образование таких вариантов: «Детали проекта сохранялись в тайне», «держались в неизвестности» (с. 45-46).

6.3. Варьирование при синтезе средств представления коммуникативной организации высказывания

Еще целый ряд явлений, в дальнейшем учтенных в теории ЛФ, рассматривается в работе Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова в связи с проблемами коммуникативной организации языковых высказываний. Это единицы, впоследствии получившие в указанной теории название «замен», или «парадигматических вариантов»²⁶: конверсивы (с. 22-23) и стандартные обозначения актантов – например, слова *собственность* и *владелец* в их соотношении с глаголом *принадлежать* (с. 23-24), в теории ЛФ определяемые соответственно как S_2 и S_1 от этого глагола.

При перечислении средств, обеспечивающих варьирование результатов синтеза, в статье приводятся также примеры двух других типов замен – синонимов и единиц, имеющих то же значение, но относящихся к разным частям речи (в теории ЛФ – синтаксических дериватов). Эти средства иллюстрируются, в частности, перифразами: *Англия подумывает о выдвижении проекта* и «*Англия намерена выдвинуть проект*» (с. 40).

Таким образом, в рассматриваемой статье фактически задана – частью эксплицитно, частью в виде естественно-языковых иллюстраций – целая программа исследований по созданию будущей системы синонимического перифразирования теории «Смысл ↔ Текст» и основного инструмента этой системы – аппарата лексических функций.

7. Другие замечания и разграничения

Завершая рассмотрение статьи Жолковского, Леонтьевой и Мартемьянова, отметим, что помимо перечисленных выше принципиальных теоретико-методологических положений, она содержит также ряд более частных замечаний и разграничений, также явившихся новыми для своего времени. Отметим три таких разграничения.

7.1. Противопоставление лингвистической и энциклопедической семантики

В статье введено противопоставление лингвистически значимых и незначимых аспектов семантики. В частности, смысл

слова лингвистически значим и должен отражаться семантическими множителями в той части, в какой он «регулярным образом соотносится со смыслом других слов» (с. 24) и эти множители «а) могут быть использованы для ликвидации полисемии соседних слов, б) обуславливают ... участие <слова> в разного рода смысловых операциях» (с. 25). Остальную, лингвистически незначимую часть лексической семантики предлагается просто идентифицировать, например, в случае предметной лексики – обозначать порядковым номером (с. 25). В американской компьютерной лингвистике аналогичное противопоставление семантических признаков (semantic markers) и различителей (distinguishers) появляется лишь два года спустя²⁷.

7.2. Противопоставление лексических толкований и селекционных ограничений

Эксплицитно разграничены, с одной стороны, семантическое описание самой лексической единицы, которое «позволяет точно обрисовать смысловые пределы слова, не внося ничего от окружающих слов» (с. 28), и, с другой стороны, требования такой единицы к своему контексту – информация о «смысловых характеристиках тех слов, которые способны занять соответствующие пустые места» (с. 31). В хомскианской лингвистике этому соответствует противопоставление «прочтений» (readings) лексических единиц и селекционных ограничений (selectional restrictions), налагаемых ими на другие элементы структуры, введенное также на два года позднее²⁸.

7.3. Противопоставление значимых и незначимых предложно-падежных показателей

Противопоставлены два типа падежных форм и предлогов: одни несут собственную смысловую информацию и должны отображаться в семантической записи как двухместные предикаты (с. 33), другие «используются лишь как формальные указатели для того, чтобы определить место зависимого понятия внутри скобок управляющего», и представление их собственного смысла в семантической записи опускается (с. 32). В теории «Смысл ↔ Текст» данный принцип вошел, как известно, в методику построения глубинно-синтаксического представления в отличие от поверхностно-синтаксического.

Заключение

Конечно, конкретная система формальных средств, предложенная в рассмотренной статье, скорее всего, покажется современному читателю наивной. Ненужным предстает при

современных возможностях языков программирования цифровое обозначение семантических множителей и оператора конверсии. И напротив, неоправданным усложнением формализма, ориентированного, по замыслу, на компьютерную реализацию, выглядит использование в нем «просодических» графических средств: надчеркивания для оператора отрицания, двух видов подчеркивания для разных типов логического акцента и т.п.

Важно, однако, другое: авторы не просто ввели новые, более мощные и более адекватные решаемой задаче средства формализованного лингвистического описания, но выявили и поставили целый ряд лингвистических проблем, которые до того оставались «за кадром», а также предложили принципы их решения, до сих пор сохранившие свою научную значимость.

В результате рассматриваемая статья послужила фундаментом и источником целого ряда школ и направлений в исследованиях по синтаксису и семантике в современной теоретической и компьютерной лингвистике. К ней восходят определение глубинного синтаксического представления и теория лексических функций в модели «Смысл ↔ Текст»²⁹; теория расчлененного смысла, созданная Ю.С. Мартемьяновым³⁰; алгебра контекстных модификаций семантических отношений и включающая ее общая теория понимания естественно-языковых текстов Н.Н. Леонтьевой³¹; язык формальных толкований слов и словосочетаний³² и понятие сущностного подхода к языку³³ в работах автора данного обзора.

Думаю, что в нашем поколении немало языковедов, которые так или иначе – непосредственно или опосредованно, сознательно или неосознанно – испытали в своей работе влияние этой почти забытой статьи.

Примечания)

¹ Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С. О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Труды Института точной механики и вычислит. техники АН СССР. Вып. 2: Машинный перевод. М., 1961. С. 17-46. (Далее страницы указываются в скобках в тексте). Второе издание статьи см. в книге: Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М.: Языки славянской культуры, 2004, с. 84-99. В данной работе статья цитируется по первому изданию.

² См., например, Мельчук И.А. Модель языка-посредника для машинного перевода // Тезисы Конференции по машинному переводу. М.:

- МГПИИЯ 1-й, 1958. С. 20-22; Кулагина О.С., Ляпунов А.А., Мельчук И.А., Молошная Т.Н. Теоретические основы машинного перевода на русский язык // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961. С. 374-382.
- ³ Ranganathan S. R. Colon classification. Madras, 1933. Позже И.А. Мельчук, распространив принципы такой классификации также на не-семантические аспекты лингвистического описания, назвал ее «скользящей» (см. работу Мельчук И.А. Автоматический анализ текстов (на материале русского языка) // Славянское языкознание. М., 1963. С. 477-509).
- ⁴ Melton J.L. The Semantic Code Today // American Documentation. 1952, vol. 13, № 2. P. 176-181; Perry J.W., Kent A., Berry M.M. Machine literature searching. N.Y.: Interscience Publishers, 1956.
- ⁵ В общем языкознании эти структуры уже были известны: первые примеры деревьев зависимостей даются еще в книге: Kern F. Grundriß der deutsche Sprachlehre. Berlin, 1896; понятие непосредственно составляющих эксплицитно определено в статье: Wells R.S. Immediate constituents // Language. 1947. Vol. 23. P. 81-117. Но в теорию компьютерной лингвистики эти понятия были, как известно, включены только во второй половине 50-х гг. XX века в работах: Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague: Mouton&Co., 1957 (рус. перевод: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962); Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1959 (рус. перевод: Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988); Lecerf Y. Programme des conflicts, modèle des conflicts // Traduction automatique. 1960, vol. 1, № 4. P. 11-18; № 5. P. 17-36 (рус. перевод: Лесерф И. Применение программы и модели конфликтной ситуации к автоматическому синтаксическому анализу естественных языков // Научно-техническая информация. 1963, № 10. С. 42-50); Hays D.G. Grouping and dependency theories. Santa Monica (Calif.): RAND Corp., 1960.
- ⁶ См. Москович В.А. Информационные языки. М.: Наука, 1971. С. 72-79; Черный А.И. Введение в теорию информационного поиска. М.: Наука, 1975. С. 85-87.
- ⁷ Masterman M. The potentialities of a mechanical thesaurus / Cambridge Language Research Unit. Cambridge (Engl.), 1956; Masterman M. The thesaurus in syntax and semantics // Machine translation. 1957, vol. 4, № 1-2. P. 33-43 (рус. перевод: Мастерман М. Тезаурус в синтаксисе и семантике // Математическая лингвистика. М.: Мир, 1964); Richens R.H. Interlingual machine translation // Computer journal. 1958, vol. 1, № 3. P. 144-147.
- ⁸ Жолковский А.К., Мельчук И.А. К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст» // Машинный перевод и прикладная лингвистика / МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 11. М., 1969. С. 7; Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. С. 10 (переизд. в 1999, «Языки рус. культуры»).
- ⁹ Кацнельсон С.Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948, № 2. С. 114-134.
- ¹⁰ Tesnière L. Éléments de syntaxe structurale...
- ¹¹ Андреев Н.Д., Берков В.П., Засорина Л.П. Исчисление валентностей при переходе от входного языка к языку-посреднику // Тезисы совещания по математической лингвистике. Л., 1959. С. 72; Лейкина Б.М. Некоторые

- аспекты характеристики валентностей // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста / АН СССР. Ин-т научной информации. Вып. 5. М.: ВИНТИ, 1961.
- ¹² Katz J.J., Fodor J.J. The structure of semantic theory // Language. 1963, vol. 39, № 2 (part 1). P. 170-210.
- ¹³ Katz J.J. Philosophy of language. N.-Y., L., 1966. P. 151-175 (рус. перевод: Катц Дж. Семантическая теория // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10: Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981, с. 33-49).
- ¹⁴ Fillmore Ch. J. The Case for Case // Universals in Linguistic Theory. N.Y., 1968. P. 1-88 (рус. перевод: Филмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 10: Лексическая семантика. М.: Прогресс, 1981, с. 369-495).
- ¹⁵ Алгоритм анализа текста, целиком основанный на этом подходе, описан в работе: Жолковский А.К. О правилах семантического анализа // Машинный перевод и прикладная лингвистика / МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 8. М., 1964. С. 17-32.
- ¹⁶ Шаляпина З.М. Семантические элементы как основа лексикографического описания: общие принципы и формальный аппарат // Машинный перевод и прикладная лингвистика / МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 15. М.: 1972. С. 54-98; Шаляпина З.М. Об одном формализме для записи толкований слов и словосочетаний // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып. 1. М., Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. С. 73-110.
- ¹⁷ Общее определение сущностного подхода в его сопоставлении с реляционным см. в работах З.М. Шаляпиной: Шаляпина З.М. Оппозиция «часть-целое» и сущностный подход к моделированию языковой компетенции // Роман Якобсон: тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С. 541-551; Шаляпина З.М. Трехмерная стратификационная модель языка и его функционирования: К общей теории лингвистических моделей. М.: Восточная литература, 2007. Более ранними вариантами сущностного подхода являются также описывавшиеся автором лексикографический и словоцентрический подходы, см.: Шаляпина З.М. Система АРАП: словарь, грамматика и их использование при автоматическом анализе // Международный семинар по машинному переводу. М.: ВЦП, 1975. С. 135-138; Шаляпина З.М. Грамматика и ее соотношение со словарем при словоцентрическом подходе к языку (На опыте формализованного лингвистического описания) // Вопросы языкознания, 1991, № 5. С. 42-54.
- ¹⁸ Введенская Л.А. Словарь антонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1971.
- ¹⁹ Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл→Текст»... С. 83.
- ²⁰ В рассматриваемой статье на стр. 23 во 2-й строке снизу опечатка: вместо «нельзя считать полностью омонимичными слова «собственность», «владелец», «принадлежать»...» следует, очевидно, читать: «нельзя считать полностью синонимичными...».
- ²¹ Jespersen O. The Philosophy of Grammar. L.: George Allen and Unwin, 1924 (рус. перевод: Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1958).
- ²² Позже на этой основе было определено более общее понятие коммуникативного режима семантических отношений, см.: Шаляпина З.М. К проблеме коммуникативной организации текста и ее отражения в се-

- мантической записи // Вычислительная лингвистика. М.: Наука, 1976. С. 53-80.
- ²³ *Леонтьева Н.Н.* Модель синтеза русской фразы на основе семантической записи Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста / АН СССР; Ин-т науч. информации; 1 МГПИИЯ. М.: ВИНТИ, 1961. Цит. по: *Мельчук И.А., Равич Р.Д.* Автоматический перевод. 1949-1963. Критико-библиографический справочник. М.: ВИНТИ, 1967. С. 371.
- ²⁴ *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О возможном методе и инструментах семантического синтеза // Научно-техническая информация. 1965. №6. С. 23-28; *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М.: Наука, 1967. С. 177-238.
- ²⁵ *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»... С. 198-199.
- ²⁶ Описание таких «замен» см., например, в: *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»... С. 78, 83-88.
- ²⁷ См. статью *Katz J.J., Fodor J.J.* Op. cit. P. 170-210.
- ²⁸ *Katz J.J., Fodor J.J.* Op. cit. P. 170-210.
- ²⁹ *Жолковский А.К.* О правилах семантического анализа // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1964. С. 17-32; *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О семантическом синтезе... С. 177-238; *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* К построению действующей модели языка «Смысл ↔ Текст»... С. 5-35; *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст»...; и другие работы тех же авторов.
- ³⁰ *Мартемьянов Ю.С.* К описанию текста: язык валентно-юнктивно-эмфазных отношений // Машинный перевод и прикладная лингвистика / МГПИИЯ им. М.Тореза. М., 1970. Вып. 13. С. 89-116; М., 1970. Вып. 14. С. 43-70; *Мартемьянов Ю.С.* Связный текст – изложение расчлененного смысла // Предв. публ. Проблемной группы по эксперим. и прикл. лингвистике / ИРЯАН СССР. Вып. 40. М., 1972 с. 3-59.
- ³¹ *Леонтьева Н.Н.* Создание информационного языка на базе семантического анализа текста // Научно-техническая информация. Серия 2. 1971, № 8. С. 8-15; *Леонтьева Н.Н.* К теории автоматического понимания естественных текстов. Часть 3. Семантический компонент. Локальный семантический анализ. М.: МГУ, 2002; *Леонтьева Н.Н.* Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006.
- ³² *Шаляпина З.М.* Формальный язык для записи толкований слов и словосочетаний // Проблемы кибернетики. Вып. 36. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит.-ры, 1979. С. 247-278; см. также работы, упомянутые в примеч. 16.
- ³³ См. работы, упомянутые в примеч. 17.

Н.Н. Леонтьева

Как я оказалась в машинном переводе (Воспоминания о раннем периоде ЛМП)

Воспоминания автора о раннем периоде Лаборатории машинного перевода: коллегам и научной жизни – в связи с 50-летием Лаборатории машинного перевода И МГПИИЯ.

Ключевые слова: Лаборатория машинного перевода, машинный перевод, элементарный смысл.

Как можно передать ту легкую и веселую атмосферу, с которой началась работа Лаборатории машинного перевода (ЛМП)? Только вспомнив молодость, мягкую весну и ощутив еще раз свежий ветер новой науки. Это было время горячих разговоров, организованных дискуссий и стихийных споров вокруг семантики, по всем тем научным проблемам и течениям, которыми была наполнена атмосфера вокруг Лаборатории. Мои же личные воспоминания о начале ЛМП связаны, естественно, с тем, как я попала в ЛМП в 1959 году.

Работать я начала, будучи на втором курсе филфака МГПИ имени Потемкина. Сначала решила бросить институт, сдала раньше экзамены за 2-й курс и нанялась рабочим в геолого-разведочную экспедицию. Почти полгода на это ушло (в Тянь-Шане была разведка – искали полезные ископаемые в горах, потом меня переманили в Кара-Кумы, плато Усть-Урт, где искали воду, там я была уже техником-вычислителем, вычисляя с логарифмической линейкой сопротивление почв и проч.). Вернувшись в Москву, я решила восстановиться, но уже не на дневном, а на вечернем факультете, чтобы начать работать, а не предаваться приятным, но «пустым», как мне тогда казалось, занятиям. Мне повезло: после первой же вечерней лекции зашла секретарь (Анна Израилевна) и объявила, что в Институт языкознания нужны две «девочки», кто хочет? Все (около 30 человек) кинулись к ней с криками «Я, меня!». Но она, маленькая, раздвинула толпу толстых вечерних тёток и поманила пальцем меня, сидевшую в дальнем углу, сказав: «Вот она летом работала, значит, ей больше нужна работа». Так я и еще одна студентка попали в Институт языкознания. Мне предложили вы-

© Леонтьева Н.Н., 2009

брат: сектор диалектологии (где нужен был специфический корректор) или фонетическую лабораторию, где надо было иметь дело с записывающей техникой и чертить графики. Я выбрала диалектологию, это было на втором этаже. Там и началась моя история – узнала Игоря Мельчука, сначала в виде страстного громкого пронзительного голоса, который мешал всем работать; из библиотеки выскакивали и шипели, но НЕ мог говорить тише этот проповедник чего-то нового и необычного. Потом я и самого увидела: ярко-рыжая шевелюра, небольшой, тонкий (спортивный), он держал открытую банку сваренной им сгущенки (теперь ее называют «варёнкой»), предлагая всем окунуть пальчик, лизнуть и тем вкусно поздравить его с днем рождения.

Видимо, это было 18 октября 1956 года. А речи его страстные были о машинном переводе и вообще о машине, которая скоро будет не только тексты понимать, но даже анализировать картины Ван-Гога, объясняя эффекты. Я стала спорить, что это невозможно. После нескольких кратких диалогов (ведь отвлекаться от работы можно было только на минуты, когда проветривали комнату) Игорь устало бросил: Чем спорить, взяла бы и сделала что-то полезное.

– А ... что ... можно?

– Ну, например, доказать избыточность флексий русского прилагательного. Ты хоть знаешь, что такое алгоритм?

– Не..ет.

– Миша, объясни ей. (Это мимо пробежал Миша Белецкий).

Миша в 5 минут показал, как надо записывать команды алгоритма, мне сразу это очень понравилось. Описывать человеческими словами проблему было тоже увлекательно. Мельчук беспощадно перечеркивал мой текст, исправлял и выгонял переделывать, это было так ново в моей жизни, что он был возведен в кумиры и оставался им долгие годы – в работе, в походах, во взглядах на мир и оценках окружающего. При этом я не уставала спорить с ним, возражать, совершенно не осознавая его уровень и не понимая, что отрывала у него драгоценное время. (По прошествии лет утешало одно: он бы тратил энергию и время все равно, например, он не жалел сил убеждать какого-то партийного деятеля в абсурдности его позиции, учил секретаршу переводить научные статьи, а потом приходилось доделывать переводы самому и т.д.). В какой-то момент он мне сказал: Ну, вот, теперь можешь делать доклад на конференции по машинному переводу (МП).

Первая Всесоюзная конференция по МП проходила в сте-

нах 1-го МГПИИЯ (потом он стал «имени Мориса Тореза», а теперь МГЛУ – Московский государственный лингвистический университет). Запомнилось только выступление знаменитого Стеблина-Каменского, который начал первое заседание цитатой из В.Брюсова:

*Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.*

(Переводчики считали, что МП не только грядет, но уже сметает их). И еще помню жаркие дискуссии о природе языка-посредника – ЯП: Мельчук утверждал, что ЯП – это система соответствий, Андреев (Ленинград) защищал какие-то непонятные семоглифы, а Бельская настаивала, что в качестве ЯП должен выступать естественный язык, русский или английский.

Заканчивая институт, я продолжала работать на договорной основе «на подхвате» у лингвистов: была и в секторе «Словаря языка Пушкина», и недолгое время в секторе А.А. Реформатского (уже в новом Институте языкознания, а прежний, «марровский», стал Институтом русского языка – ИРЯ РАН), и в Институте этнографии недалеко. Однажды (уже после конференции), выбегая из ИРЯ, я была остановлена Ивановым Вячеславом Всеволодовичем на лесенке возле раздевалки. Я попыталась проскользнуть незамеченной мимо этого великого ученого, но он вдруг остановил меня – и тут произошел поворотный для меня разговор:

«Нина, я знаю, что Вы можете заниматься научной работой, но я могу предложить Вам только техническую должность: открылась Лаборатория машинного перевода, и там есть ставка лаборанта, не хотите пойти туда?». – Конечно, хочу! (я просто задохнулась от счастья). «Но там очень маленькая зарплата». – Я могу работать бесплатно, Вяч.Всеv.! «Там много технической работы». – Я готова хоть полы мыть. «А Вы умеете на машинке печатать?» – Нет, но очень быстро научусь. (Т.е. ответы были из «Мексиканца» Лондона).

Тут же ВВ (мы так его потом и звали – Вэвэ) объяснил, как найти Виктора Юльевича (В.Ю.=ВЮ=ВэЮ) Розенцвейга, я немедленно побежала и через 15 минут была в ИН'Язе (так мы называли МГПИИЯ). В.Ю. вел занятие по разговорному французскому языку, и почти час я слушала в смежной аудитории его мягкий рокочущий баритон.

Вскоре я стала первым сотрудником ЛМП (в моей трудовой книжке есть запись «Зачислить с 1 мая 1959 г.», хотя сам приказ подписан 15-м мая, а работать я начала еще раньше),

а В.Ю. долгое время я называла про себя вторым отцом. Пока я разбиралась в делах Объединения по машинному переводу, незаметно появился Юра Мартемьянов, за ним Алик Жолковский, и в конце лета Юра Щеглов. Этот состав получил задание от Вяч.Всев. Иванова искать «элементарные смыслы» (семантические множители – СМ) и создавать (теоретически?) машинный перевод. Юра Мартемьянов принес рулон миллиметровки шириной в коридор, днем раскатывал его в мало посещаемом отсеке МГПИИЯ, начертил таблицу и после коротких дискуссий вносил в нее очередной СМ. Видимо, я много спорила тогда, и Алик посвятил мне семантический множитель «отрицание» - в таком виде:

НИ	НЕ
посвящает автор	
этот семантический множитель	
«-» (отрицание)	

(Увы, этот и многие другие интересные документы затерялись во время многочисленных переездов моей семьи, а также из-за частых перемещений самой ЛМП).

Кроме научных занятий, отнимавших не очень много времени, ЛМП в этом составе + Ира Зимняя из соседнего кабинета психологии ходили на лекции по матанализу (вели занятия Т. Гаврилова и Ю. Шиханович) вместе со студентами образованного тогда же Отделения МП на переводческом факультете, решали задачи, писали контрольные и т.д. Как-то возвращаемся в ЛМП усталые после трудной контрольной и продолжаем обсуждать, кто как вычислял синусы-косинусы, а Алик говорит: «Ну вот, окосинусели до посинусения». Мы (особенно Ира и я) не могли остановиться от хохота, а Алик даже обиделся: «Что тут смешного?! Вот когда я действительно что-то остроумное выдаю, вы не смеетесь». Что ответить? Придуманное не смешно, а вот когда так вылетело...

Нгуен-Хай-Зыонг учил нас языку вьетнамскому, а по учебнику (кажется, Айлярова) учили турецкий; Ю.Щеглов вел латинскую терминологию и еще какой-то африканский язык (кажется, хауса), а я, младший лаборант, пыталась хоть в чем-то догнать своих коллег и тихонько вытягивала из Ю.Мартемьянова систему французских глаголов. Попутно сочинялись смешные стишки; Константиновичи (А.К.Жолковский и Ю.К.Щеглов) вслух анализировали фильмы Эйзенштейна и тут же превращали мысли в статьи. Ю. Мартемьянов преподавал еще французский на переводческом факультете. Я обзванивала членов

Объединения по МП, вела картотеку подписчиков на сборник «Машинный перевод и прикладная лингвистика» (МП и ПЛ), а также редактировала сами статьи и доводила до издания. Работалось очень весело, особенно когда пришло время писать алгоритмы. Это было первое «настоящее дело», а все свои секретарские дела я старалась выполнять «между делом». Особенно много сил уходило на издание МПиПЛ, включая не только поиски типографий, переговоры с авторами, но и продажу-рассылку и прочее. Однажды кто-то приехавший из Праги спросил: «А кто у Вас занимается сборником?». Алик живо отреагировал: «Да никто, он сам выходит». Моя картотека включала около (или более) 200 подписчиков. Тогда Юра Щеглов и сочинил стишок:

«Неумолим событий бег,
За днем проходит день.
Приносит деньги нам узбек,
Уносит бюллетень».

Ведь МПиПЛ продолжал серию «Бюллетеней по машинному переводу», №№ 1-7, поэтому мы и именовали иногда новый сборник с № 1(8) бюллетенем. Только раз я сказала, что мне нужна помощь в рассылке сборника (когда на почте потребовали, чтобы отправитель сам заполнял бланки с адресами и прочее). В.Ю. мягко приказал всем сотрудникам включиться. Надо было, сидя на почте, трижды вписывать в бланк, а потом еще и в ведомость полные данные адресата, они запоминались и слогались в рифмы (особенно популярным был Гаазе-Раппопорт), смеху было столько, что на второй день почтовые работники нас прогнали, и все пошло обычным чередом.

Тогда же наметилась поездка в Новосибирск – для установления контакта с единственным коллективом (под руководством А.В.Гладкого в Институте математики Сибирского Отделения АН СССР), который тоже занимался семантическими деревьями. Собирались трое: Алик Жолковский, Юрий Мартемьянов и я, но мое имя проректор по науке Г.В. Колшанский вычеркнул: лаборантам научная командировка не положена. Это была важная для меня поездка, так как я давно задумала вообще переехать в Новосибирск, и видимо, говорила об этом Юре Мартемьянову. Он пошел к Колшанскому, сам отказался, но добился, чтобы послали Алика и меня.

И вот мы на берегу искусственного моря, на узкой полоске песка между водой и железной дорогой рисуем семантические структуры, деревья, стираем их, поясняем. Рисуем веточкой и в прямом смысле слова «на песке». (Потом, случайно ли, Вяч.

Всеv. Иванов прочел свой стих с рефреном *Говорят, что всего прочнее Дом, построенный на песке.*) Иногда наши структуры смыывает волна, иногда дискуссию прерывает шумно проходящий рядом поезд. Продолжаем спорить о природе элементарных смыслов и в жалком прибрежном лесу, пробираясь сквозь полумертвую, но густую растительность. Алик не выдерживает серьезности Гладкого, говорит мне тихо: «Разыграем ...», тут же срывает толстый и выше человеческого роста тростник, встает передо мной на колени и протягивает с нужным выражением: «Нина, я дарю тебе этот цветок», а я жеманно отвечаю: «Спасибо, Алик, я вернусь в гостиницу и поставлю его в стакан». Гладкий смущен (однако сейчас из нас троих именно он вспомнил и уточнил эту сцену, по телефону), и на время мы меняем серьезный жанр на легкое общение. Но споры и по дороге, и на транспорте продолжаются.

Из письма А.В. Гладкого, прочитавшего эту мою заметку: «Что касается мест, где говорится обо мне, то я все-таки вовсе не был смущен галантным поведением Ж., но это не так уж важно. А вот никакого «чахлого прибрежного леса» не было, но по обеим сторонам шоссе, которое потом застроили и назвали Морским проспектом, был настоящий густой лес с большими деревьями, и на его опушке, т. е. вдоль шоссе, попадались чудовищной высоты и толщины экземпляры тысячелистника – под сенью деревьев он ведет себя куда скромнее».

(Видимо, многочисленные дальнейшие походы с И.А. Мельчуком по разным лесам повлияли на мои 50-летней давности зрительные образы. На самом деле из пейзажей я помню очень ясно только семантические деревья на песке. Уже тогда еще не вылился в слова, но «мычался» протест: «Семантика БОЛЬШЕ синтаксиса, она не может уместиться в структуру дерева!»). Видимо, эти и дальнейшие мои возражения дали основания А. Жолковскому записать в своей самиздатовской тетрадке: «Нина – она из тундры, деревьев не понимает»).

Были мы (или я одна?) еще в Новосибирском театре на прекрасном балете «Жизель». Новосибирск был добр (ночью шли дожди, а утром улицы были светлы и чисты), но и скуп (в столовых практически ничего съедобного не было, запомнились только горы грязной посуды с остатками неизвестно чего), поэтому всю неделю ели мы только на улице: пирожки с картошкой, с горохом, с повидлом. Из письма Гладкого: «В пирожковой на Морском проспекте я сам чуть не каждый день обедал в то время, пирожки были очень хороши».

Когда возвращались в Москву и стояли у окна, глядя на бесконечные степные просторы с торчащими вдоль дороги сусликами, Алик начинал петь. То русскую народную, то свою любимую «Постой, паровоз, не стучите, вагоны ...», на каждом слове меняя тональность. Я как-то взмолилась: «Алик, ну, пожалуйста, только не пой». Он огорченно ответил: «Нина, но душа-то у меня русская, певучая». До сих пор помню эту интонацию.

Конечно, и в группе А.В. Гладкого, и в нашей гостинице обсуждаем совместимость взглядов на семантику, но потом ничего не совместили. Мне нравились «сибирские» семантические деревья больше, чем наши (ЛМП) записи «предикатов первого порядка», но это пока другая тема. Правда, когда в 1968-м году (спустя 9 лет) я обратилась к А.В. Гладкому, не может ли он быть моим оппонентом на защите кандидатской, он ответил такой же короткой телеграммой: «А кто же еще?»

* * *

На защите (9 лет спустя). Пожалуй, добавлю к этому «легкому» началу эпизод, связанный с самой защитой и сопровождавшийся многими казусами. Дело в том, что я не собиралась защищаться – и не только потому, что любые «карьерные» соображения были чужды и моему научному руководителю (а им в заочной аспирантуре Института языкознания был Игорь Александрович Мельчук), и мне. У меня должен был появиться второй ребенок, я была уже в отпуске. Но по просьбе заведующего Сектором прикладной лингвистики А.А. Реформатского я наскоро собрала папку с материалами, которые у меня были, и сдала в Отдел аспирантуры, чтобы в отчете Сектора были слова об успешном завершении, а я формально считалась окончившей аспирантуру без защиты. Вдруг через месяц я получаю извещение, что на такое-то число назначена моя защита (не помню точно, но это было последнее заседание Ученого совета ИЯз в июне 1968 г.) и что отменить это нельзя.

Был месяц безумной работы с текстом и прочей подготовкой. Однажды сижу я в секторе и сортирую свои примеры на эллипсис (эту тему мне подарил И.А. Мельчук). Мимо проходил А.А. Реформатский, бросил короткий взгляд на мои бумажки и говорит: «А вот тут не эллипсис, а синтаксический нуль». Это мимолетное замечание великого человека вдруг осветило поновому весь материал: я поняла, что у нуля, у пустоты, тоже есть свои градации. Я разделила явления синтаксического эллипсиса и смысловой компрессии и выделила несколько формально различных видов смысловой неполноты – по способу ее отображения в семантической записи текста, которую я пред-

ложила. Работа получила логическое завершение, и мне удалось быстро подготовить автореферат «Семантический анализ текста и смысловая неполнота». К этой теме я возвращаюсь всю жизнь, считая явление смысловой неполноты краеугольным камнем семантического анализа текста.

Когда я спросила научного руководителя, не нужны ли какие-нибудь отзывы на мой автореферат, он ответил: «Нет, много отзывов производят обычно обратное впечатление». С только что родившимся ребенком на руках в новой квартире без телефона я и не могла бы ничего организовать. Только Юлий Анатольевич Шрейдер по собственной инициативе привез мне прекрасный деловой отзыв, который я сочла письмом лично мне (ему особенно понравилась мысль об относительности определения смысловой неполноты, отзыв и сейчас хранится у меня).

Последней попыткой отложить защиту был мой визит накануне к В.Н. Ярцевой, директору Института языкознания и Председателю Совета, которую я хотела напугать тем, что защита провалится (основанием так считать было наличие в текстах и ссылках нескольких имен, включая имя научного руководителя, которые уже считались скандальными), но безуспешно.

Казусы начались с первых же минут. Зачитывают рекомендацию с места работы (ЛМП 1 МГПИИЯ). Это полстраницы с перечислением того, что соискательница закончила. Ни слова об общественной работе, каковой была вся моя неоплачиваемая организационная и научная работа, ни единого слова о сути работы. Директор ИРЯ Филин, сидевший в президиуме, поднял брови: «Первый раз вижу такую рекомендацию». (А дело было в том, что Колшанский, проректор по научной работе, подписывавший бумагу, дал мне образец, по которому надо было самой написать о себе отзыв. Я опустила все имевшиеся в подказке стандартные похвалы, оставив лишь самый обязательный шаблон «пользуется уважением товарищей». Когда принесла ему на подпись, он скривился: «Ну, зачем Вы о себе так» и вычеркнул даже это «уважение». Очень не любил он нашу лабораторию).

Настало время читать отзывы. К моему удивлению, оказалось, что прислали даже два отзыва – оба по полстраницы. Один был из Тбилиси от М.П. Чхаидзе, который «отсидел» свои 17 лет и по возвращении влился в машинный перевод. Отзыв был примерно такой: «Нина Л. хороший человек. И Сима Никитина хороший человек. И они вместе написали хорошую

статью... Значит, Н.Л. заслуживает... и т.д.». Второй был еще неожиданнее, от какого-то геолога, который случайно прочел мою заметку про семантику Времени. Так этот геолог написал, что и ему, и вообще геологии очень нужно такое описание – при определении времени залегания пластов земли. Оба раза Филин снова вскидывал брови: «Первый раз слышу такой отзыв...». Аудитория веселилась. Между прочим, был еще нормальный хороший отзыв Ю.Д. Апресяна, но я не помню, чтобы его хотя бы упомянули (возможно, это был необходимый внутренний отзыв).

Накануне дня X я узнала, что на защите должны быть еще и схемы с демонстрацией главных положений. На их подготовку ушла последняя бессонная ночь. Мой муж чуть ли не пластилином соединял непокорные листы ватмана с рейками и веревочками; во время моего доклада все они упали – поочередно, но ровно тогда, когда я заканчивала показ каждого из них. Хуже было моему оппоненту А.В. Гладкому, который выступает обычно экспромтом: он сначала планировал строить выступление по первой схеме; когда она упала, стал переключаться мысленно на вторую; когда же упала и третья схема – он сам пал духом, и тут его приглашают выступить. А.В. потом говорил, что никогда не оказывался в таком беспомощном положении (но слушатели, кажется, этого не поняли: филологи ведь очень уважают математиков, а выступление было интересным и по делу). Второй мой оппонент – Е.А. Земская – тоже проанализировала и разъяснила смысл работы на серьезном лингвистическом уровне.

Вопросы, конечно, были, и главные вопросы – от В.А. Звегинцева. Сначала он попросил меня написать на доске две фразы: 1. *Гарун бежал быстрее лани*, и 2. *Теперь бежишь ты ласк моих* и объяснить, какие валентности я припишу слову *бежать* в словаре. Кажется, ответ мой его удовлетворил. В выступлении же он сказал, что Н.Л. претендует на анализ Целого Текста, а сама приводит в качестве примера только разбор предложения. Он честно дал понять, что будет голосовать «против», хотя я и объяснила, что текст разбирать долго, а методика анализа у меня единая для малых и больших отрезков текста.

Когда уже шло голосование (мне и друзьям было очевидно, что оно будет провальным), в зал влетела О.С. Ахманова, зав. кафедрой в МГУ и тоже член Ученого совета ИЯз, объясняя свое опоздание тем, что она лечила внуков: «Пришлось бросить...». Она расписалась и опустила свой бюллетень тут же в урну, тем самым определив окончательный результат: лишь полголо-

са перевесили в пользу «ЗА». Потом в кулуарах она говорила: «Видите, это Я спасла эту девочку». Может быть, потом она и пожалела об этом, но факт остается фактом. А лет через 10 после этого, когда на защите в МГУ одной прикладной работы оппонентами выступали В.А. Звегинцев и я, он принес мне по сути дела извинение, сказав (когда мы ходили по коридору, ожидая результаты голосования), что «тогда мы еще не понимали всю важность подобных работ». Еще через несколько лет он послал ко мне на работу (в лабораторию МП с французского языка ВЦП, о чем см. в следующей заметке) выпускников Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ, считая, что у нас ведутся едва ли не самые интересные работы в Москве. На деле, все они были прекрасные молодые специалисты – Е.Г. Соколова, О.А. Гулыга, И.М. Кудряшова, М.Б. Бергельсон, М.В. Житомирская (Суханова) и другие, силами которых были созданы за две пятилетки две версии системы французско-русского автоматического перевода (ФРАП).

Еще одна цитата из полученного мною письма А.В. Гладкого: «Вашу защиту я плохо запомнил, но одна смешная подробность, возможно, Вам неизвестна: было очень жарко, я снял пиджак и повесил его на спинку стула, а когда меня вызвали и я встал, сидевший рядом В.Ю. зашипел: «Наденьте пиджак!.. Вы не в институте математики!...» Как знать – если бы не он, результат голосования мог бы оказаться отрицательным».

Я позволила себе вспомнить эти забавные (и значимые, возможно, только для меня) события потому, что в них отразилась хотя бы частично обстановка начала «новой науки», – ее ведь ждали многие, особенно молодежь. Отношение к ней «старших» было в основном настороженное, если не считать таких удивительно молодых из «старших», как Александр Александрович Реформатский и Петр Саввич Кузнецов. Они оба ходили на все заседания Объединения по МП. На одном из таких заседаний А.А. Реформатскому, не имевшему докторской степени, было присвоено это почетное звание.

Сейчас прошел достаточный срок, чтобы оглянуться назад, осознать, какие ожидания реализовались, а какие были слишком романтическими. Еще важнее, на мой взгляд, понять тенденцию развития прикладных систем обработки текстов на сегодняшний день и выяснить взаимоотношения прикладных систем с лингвистической теорией. Этим раздумьям посвящена следующая, более серьезная часть моих заметок.

О семантике – в Лаборатории и после

Дискуссия о семантике в теоретической и прикладной лингвистике. Лаборатория машинного перевода. Элементарные смыслы. Проблема «стыковки» лингвистических и «предметных» знаний. Информационно-лингвистическая модель (ИЛМ) и ее отличия от модели «Смысл-Текст» (МСТ).

Ключевые слова: машинный перевод, элементарный смысл, семантический анализ, смысловые отношения, предметные знания, информационно-лингвистическая модель, «мягкое» понимание.

50 лет назад в стенах Лаборатории машинного перевода (ЛМП) 1 МГПИИЯ была заложена теория «элементарных смыслов». Одно из научно-прикладных направлений ЛМП привело к созданию информационно-лингвистической модели (ИЛМ) – с более крупными единицами понимания текста (от «элементарных ситуаций» до «текстовых фактов»). Дальше об этом будет говорить подробнее.

Сейчас, по прошествии многих лет, я бы остановилась на одном аспекте споров и противоречий, связанных со словами *Смысл* и *Семантика*, поскольку до сих пор нет единого толкования стоящих за ними понятий. Лингвисты считают их своими терминами. Действительно, семантика – это сердцевина лингвистики. Но две неразлучные дисциплины, они же родные сестры – теоретическая лингвистика (ТЛ) и прикладная лингвистика (ПЛ) – часто не могут прийти к согласию в вопросе о том, что такое семантика, где она начинается и где кончается. Прикладная лингвистика вынуждена принимать во внимание иное, чем в ТЛ, более узкое и более специальное понимание термина и понятия «Смысл». Ведь назначение ПЛ, а точнее, систем автоматической обработки текстов – обслуживать не только и не столько лингвистов, сколько любых специалистов из других предметных областей, нуждающихся в быстрой обработке текстов на естественном языке (ЕЯ).

У лингвистов и «специалистов» (не-лингвистов), работающих с ЕЯ-текстами, это выливается в создание разных моделей. Серьезные лингвисты стремятся к созданию фундаментальных моделей, полностью соответствующих теории языка

и реализуемых на компьютере. А «специалисты», вынужденные часто создавать **свои** модели прикладных систем анализа профессиональных текстов, называют их «моделями на выброс», признавая их экспериментальный и временный характер. Можно ли примирить эти два подхода и найти общее решение проблемы автоматического понимания текстов на едином для тех и других естественном языке? Можно ли придти к единому толкованию слова *Смысл*?

По-настоящему, системно, решить это противоречие может только серьезная теория. Но я склоняюсь к тому, что искать решение надо даже не в ТЛ, а в обобщении опыта создания систем **автоматического понимания текстов** (АПТ): ведь этот опыт и позволяет проверить практикой адекватность тех или иных определений спорных понятий. В компьютерных системах, имеющих дело с текстами на ЕЯ, резко обозначены границы между уровнями, поскольку разным уровням соответствует различный формальный аппарат, и приходится на практике преодолевать или как-то иначе решать проблему «стыков» – между лингвистическими уровнями и не только. Вот на таких стыковочных участках положения ПЛ порой оказываются «теоретичнее» ТЛ, особенно когда надо привлекать к анализу внетекстовые знания, без которых любое определение Смысла текста будет неполным, или договориться о том, что такое адекватность понимания.

Однако мало кто из лингвистов готов согласиться с тем, что такие участники процесса понимания, как пользователь, программист, логик или «специалист» в какой-либо узкой предметной области могут внести уточнения в коренные вопросы собственно лингвистики. Но и «специалистов» не всегда можно убедить, что без серьезной лингвистической основы проблему интеллектуальной обработки знаний решить не удастся. «Специалисты», создавая системы АПТ, вынуждены «сражаться» с лингвистическими проблемами сами, кто как умеет. Лингвистам же трудно апеллировать к «специальным» знаниям, которых слишком много и они разные, а еще труднее «исключить» их из текстов: аппарат не позволяет. Тем не менее, именно лингвистам надлежит определять, что такое **Смысл** и как его фиксировать, а остальным специалистам – уметь искать **Смысл** в текстах, опираясь на научно обоснованные понятия. Пока оказывается, что это не один и тот же объект.

Теория систем АПТ еще не сформировалась, но у нее уже непростые отношения с лингвистической теорией семантики. Поскольку дискуссия по этому вопросу не только не закрыта,

но практически даже не начиналась, я и осмелилась вынести ее на обсуждение – с большой надеждой, что проблема имеет положительное решение. Итак, это проблема «стыка» ТЛ и ПЛ, но лишь в том понимании (допускаю, что оно ограниченное), которое сформировалось у меня как результат личного опыта работы с прикладными системами, начиная с участия в разработке простых моделей машинного перевода на основе «элементарных смыслов» (1959 год, ЛМП) и заканчивая сегодняшним днем – периодом развитых информационных интересов и технологий (2009 год).

1. Об элементарных смыслах

Многим (из разных публикаций и учебников) известно, что именно в ЛМП начались работы по поиску «элементарных смыслов» (ЭС), как определил Вячеслав Всеволодович Иванов задачу Лаборатории в 1958 году. Конечно, В.В. Иванов следил за развитием работ по машинному переводу (МП) в США и Европе, проблема МП вызвала настоящий бум в то время. И не на пустом месте возникла идея семантических примитивов, а в подражание или развитие работ по информационным системам, прежде всего Перри, Берри и Кента, которые называли их «семантическими множителями»¹. Этот последний термин стал на долгое время символом (паролем, знаменем) ЛМП.

Что касается идеи элементарного смысла, сошлюсь на статью трех авторов, начавших эту работу (Жолковский-Леонтьева-Мартемьянов), опубликованную в сборнике «Машинный перевод» в 1961 году² и перепечатанную в скорректированном виде в книге Ю.С. Мартемьянова³. Главная мысль статьи состояла в том, что «Задачей перевода является передача на другом языке не грамматики, а смысла переводимого текста». Это было как бы противопоставление недавно вышедшему переводному (с английского) сборнику «Машинный перевод»⁴, где больше обсуждались синтаксические и технические проблемы (недостаток памяти для словаря и др.). В то же время необходимо отметить, что уже в этом сборнике были подняты и проблемы неоднозначности (статья В.Ингве), и несколько важных семантических проблем (например, намечено понятие семантической роли, не меняющейся при синтаксических преобразованиях, и даже дано определение семантического согласования – в статье Л. и А. Вундхейлеров).

Напомню основные сведения о метаязыке ЭС и структуру записи на нем, как они сложились в ЛМП и были отражены в упомянутой статье.

Семантическая запись простого предложения имела вид $P(A, B, C)$, что соответствует форме многоместного предиката с его сильными аргументами (реально больше 3-х аргументов в нашем эксперименте не встретилось). Если в предложении была «слабая» группа (Д), она присоединялась внешним, опоясывающим предикатом: $E(P(A, B, C), D)$, где E – смысловой эквивалент связи. Каждая из лексических единиц, включая сам главный предикат, представлена в записи некоторой комбинацией ЭС – так, как задан (определен) «смысл» данной лексемы в семантическом словаре. Синтаксис ЭС был стандартный: определяемое после определяющего, а на N-е место предиката должны встать его зависимые. Так, слово *понимать* имело смысловой код 22.25.0(31.26,), оно расшифровывается как ЭС «умственность-22»+«восприятие-25» одушевленного субъекта («одушевленность-31» и «элемент»-26). Знак 0 использовался для обозначения двустороннего отношения «исходности»: выражение *A имеет B* запишется как 6.0(A, B), но *B принадлежит A* – как 0.6(B, A). Для выделения основного члена ситуации введен был знак подчеркивания:

<i>Собственность</i>	6.0 (31.26, <u>B</u>)
<i>Владелец</i>	6.0 (<u>31.26</u> , B)
<i>Принадлежать</i>	<u>0.6</u> (B, 31.26).

Авторы концепции ЭС не придавали ей статус общелингвистической теории. Напротив, заявлено, что разложению на ЭС разумно подвергать лишь те лексемы, которые активно участвуют в языковом перифразировании (*дать-получить-иметь; все-каждый*). Конкретные предметные слова, даже и предикатные, исключались из рассмотрения. Хотя уже с первых строк статьи объявлялось, что «Важны, в первую очередь, ...смысловые отношения между смысловыми же компонентами высказывания», собственно «смысловые отношения» появляются лишь как значение связи со слабой группой или придаточным предложением. Неявно, парадигматические сходства и различия между понятиями можно было видеть в частично совпадающих наборах ЭС; так, *зона* описана в словаре двумя множителями: 20.26 («пространственный элемент»), а *страна* – тремя: («пространственный одушевленный элемент» – 20.31.26), где 20=«пространство», 26=«элемент»; они различаются на ЭС 31=«одушевленность».

Таких ЭС было всего 3 десятка, с их помощью можно было представить значения около 100 слов, содержащихся в небольшом политическом тексте из журнала Moscow News, издававшегося на пяти языках. Нами были созданы 3 алгоритма

анализа текстов на английском (А. Жолковский), французском (Ю. Мартемьянов) и шведском (Ю. Щеглов) языках (анализы кончались построением одинаковой семантической записи) и алгоритма независимого синтеза, со всеми необходимыми трансформациями, на русский язык (Н. Леонтьева). Работа по программированию всех алгоритмов проводилась в ИТМ и ВТ (Институт точной механики и вычислительной техники АН СССР). Реализация затруднялась внешними обстоятельствами. Однако некоторые выводы можно было сделать уже на этапе подготовки к эксперименту.

Что касается «перевода по смыслу», то вряд ли кто будет отрицать важность этого призыва, но до его реализации в устойчивой и воспроизводимой форме пока не хватило пятидесяти прошедших лет. До сих пор осталось еще много нерешенных проблем – в основном лингвистического свойства, но их решают в основном как отдельные частные задачи. Мне кажется, что небесполезно посмотреть на проблему машинного перевода более поверхностным, но и более прагматичным взглядом. И в ней не обойтись без нескольких «аспектов»:

1. Аспект внешней прагматики – кому и зачем нужен МП (помимо чисто научной области применения как сферы проверки правильности лингвистических решений).

2. Аспект внутренней прагматики – без каких компонентов / крупных «деталей» не может обойтись система МП.

3. Аспект выбора внутреннего инструментария – какой способ представления смысла приведет скорее к цели (при том, что целью всегда остается «перевод по смыслу»).

Проблема «элементарных смыслов» (ЭС) относится к третьему аспекту, т.е. выбору инструмента анализа естественных текстов. Я начала с нее – не только потому, что она больше двух других проблем связана с ЛМП. В эксперименте с моделью ЭС прагматика подразумевалась в самом общем виде: МП был востребован обществом, а сама задача была увлекательной с лингвистической точки зрения. Но ведь характер метаязыка полностью зависит от тех задач, которые он призван обслуживать, т.е. от того, как заданы аспекты 1 и 2: они определяют и всю стратегию анализа, и круг привлекаемых к анализу средств (в первую очередь словарей). Ниже я к этому вернусь (см. п.4).

О том, как уточнялась со временем задача МП и какой вклад внесли в эту проблему работы ЛМП, я могу говорить только от первого лица, то есть достаточно субъективно. Главное состоя-

ло в том, что впервые был предложен вариант семантического метаязыка, на котором можно было представить в идеале любой текст, а также задать некоторые необходимые при переводе правила смыслового перифразирования. Эти достижения не пропали даром, но работа вскоре приняла несколько другой поворот: включившийся в работу Лаборатории И.А. Мельчук придал ей более строгий характер, сосредоточившись на синтаксических деревьях. Так начался второй важный этап в жизни ЛМП.

2. Появление модели и теории «Смысл↔Текст»

В начале 60-х гг. у нас и за рубежом началась глубокая разработка синтаксического уровня, трансформаций и т.д., на первый план вышли системы МП второго поколения. Работа шла с понятием дерева предложения, его синтаксических связей (синтагма, конфигурация, модель управления и др.), а также неоднозначности в установлении внутрифразовых связей. Вышла книга «Автоматический перевод»⁵, отражающая исследования по МП почти всех ведущих коллективов мира. В ней основное внимание было направлено именно на явление неоднозначности, которая не решается только средствами синтаксиса. К тому времени И.А. Мельчук⁶ и Л.Н. Иорданская⁷ уже проделали грандиозную работу по описанию русского синтаксиса в алгоритмическом виде. И.А. Мельчуком и О.С. Кулагиной было создано несколько версий систем машинного перевода⁸, с английского и французского языков на русский. Мельчук, будучи фактическим руководителем нескольких научных направлений, в том числе и в ЛМП, первым переключился серьезно на проблемы семантического словаря и «смыслового» синтеза. Лаборатория кипела от горячих споров вокруг темы: «Где взять тот самый смысл, с которого можно строить выходной текст на основе смыслового же словаря?».

Поиски адекватного определения смысла продолжались в ЛМП в жанре описания семантики групп слов. При этом давались не только толкования лексем, входящих в какую-либо тематическую парадигму (время, целесообразная деятельность, воля, сила, имущественные отношения и др.), но и формулировалась вся аксиоматика, поддерживающая определения слов в возможном семантическом словаре. Большая часть этих работ нашла отображение в сборнике МПиПЛ, выпуск 8, вышедшем в 1964 г.⁹ Сборник был переведен в дальнейшем на английский

язык и получил широкий международный резонанс. Хотя этот цикл работ ЛМП достоин большего внимания, я не останавливаюсь на нем, так как это все же в основном словарные работы, и их лучше освещать при более серьезном и специальном описании именно семантических словарей нового типа. (Правда, Ю.С. Мартемьянов пытался формализовать запись ситуаций для небольших связных текстов, но это направление не стало общим, а в дальнейшем оно было описано в его книге, см. ссылку 3).

Возник тандем Мельчук-Жолковский, этот творческий союз подарил миру идею и разработку лексических функций (ЛФ)¹⁰; их основой могла быть собираемая в то время в ЛМП картотека «пустых» слов, которые трудно было описать в категориях ЭС. Понятие лексической функции как вида типовой лексической связи стало ценным аппаратом описания части лексем и словосочетаний с «трудной» семантикой. Конечно, введение ЛФ не могло компенсировать полностью отсутствие «грамматики смыслов» в теории ЭС. Развитие экспериментальной модели ЭС на этом прекратилось, а разные варианты списка ЭС используются до сих пор как вспомогательное средство различения значений, дополнительно к синтаксическим свойствам слов и конструкций. Имея синтаксические структуры как твердое начало (и даже синтактико-семантические, поскольку в синтаксическом дереве появились сложные семантические узлы вида «ЛФ + ее аргумент»), можно было выходить на новый уровень, включающий семантические толкования лексем. Но на этом шаге произошла длительная остановка. Семантические толкования лексем, как они отражены в МПиПЛ №8, были слишком сложными и одновременно «размытыми», далекими от возможности их формализации и тем более от машинной реализации.

Основным направлением ЛМП стала работа над моделью, получившей имя «Смысл-Текст» (МСТ)¹¹. В разработку включился Ю.Д. Апресян, в дальнейшем МСТ приобрела статус «Теории Смысл-Текст», или ТСТ, с тремя авторами: Мельчук-Апресян-Жолковский. Описание значений лексем приобрело системный вид. Вторым после синтаксиса необходимым компонентом этой теории и модели был объявлен толково-комбинаторный словарь (ТКС)¹². Описание лексем по формату ТКС (для русского, английского и французского языков) стало на долгие годы столбовой дорогой не только работ в ЛМП, но и всей отечественной структурной лингвистики.

3. Другие направления в ЛМП. Интерес к «целому тексту»

Параллельно с ТСТ в лаборатории развивались и другие, боковые течения. Так, продолжали работать с художественным текстом Жолковский и Щеглов¹³; Мартемьянов и Г.В. Дорофеев исследовали логические связи и естественные выводы в коротких текстах¹⁴; С.И. Гиндин работал с лингвистикой «целого текста»¹⁵, Э.И. Королев стал заниматься информационно-поисковыми системами (ИПС), были и другие увлечения. Наиболее серьезный фронт работ развернулся вокруг возникшей на новой основе задачи англо-русского автоматического перевода (АРАП), которую поддерживал недолго хоздоговор с ВЦ Армянской ССР. В рамках этой системы создавался англо-русский многоаспектный автоматический словарь (АРМАС), руководство которым осуществляла Э.М. Шаляпина¹⁶.

Мой интерес к информационным системам подогревался двумя обстоятельствами: в них был и целый текст и даже массивы текстов с их прагматикой (запросы и вопросы пользователя), но там был и лингвистический анализ. Было нелегко сделать выбор между двумя крайностями: глубокой лингвистикой, имеющей дело с уровнем предложения (линия Мельчук, Апресян), и лингвистикой как глубоко прикладной, практической дисциплиной. Это последнее диктовалось хоздоговорами (начиная с Главного ВЦ Госплана СССР как заказчика работ и потом других). Мне по разным причинам выпало второе, о чем и сейчас не жалею, но много сил ушло в дальнейшем на попытки соединить это второе с первым, в чем я не встретила поддержки ни с той, ни с другой стороны. К тому же оказалось, что научные расхождения (разные взгляды на одну проблему и способы ее решения) тесно связаны с человеческими отношениями. Чтобы «развести» их, я сделала не одну попытку показать неконфликтность и даже дополнительность двух установок: одной – на детальный лингвистический анализ предложений, другой – на создание информационного образа целого текста.

В итоге я пришла к выводу, что необходимо строить более прочный мост, соединяющий лингвистическую семантику с информационными системами (далее ЛС и ИС), что нужно теоретически обосновать эту связь (в частности, уточнить, как соотносятся понятия «Информация» и «Смысл»). Вряд ли можно называть результаты первой установки (ЛС) объективными, а результаты второй субъективными, как иногда их интерпретируют. В обеих есть изрядный процент субъективизма, но в ин-

формационной системе субъективизм принципиален, так как ИС обязательно включает адресата, а каждый адресат ищет свою (субъективную) информацию. Формально это противоречие выражается в том, что лингвистический анализ стремится к построению единственной правильной структуры, к единственной «истине», а ИС должны строить столько разных информационных структур, сколько будет вопросов к тексту, ибо моделируют разные понимания одного источника. Но ведь разные понимания одного объекта – одно из главных свойств человеческого восприятия. И создать модель, строящую разные результаты понимания вербального материала естественных текстов, – очень увлекательная задача.

В последнее время необходимость соединения методов информационного и лингвистического анализа в один работающий комплекс подтверждается практикой многих зарубежных систем. Существуют методы и работающие программы, извлекающие из текстов заказанную информацию, причем относящуюся не только к объектам с их параметрами, но часто и к действиям над ними. Это системы типа Information Extraction (IE-системы), обычно ограниченного масштаба и настроенные на одну предметную область. В таких задачах заранее определены и формат создаваемых баз данных (БД), и лексика, которая может заполнять поля БД. Поиск ведется в заранее отобранном (информационной системой) массиве, где заведомо содержатся искомые сущности. Для их выявления и проводится лингвистический анализ. Но в IE-системах, в отличие от отечественных подходов, слабо развит как раз лингвистический компонент. Хотя они и работают с «целым текстом», но ищут ограниченный круг объектов с их параметрами (в основном имеющими количественное измерение), для которых жестко заданы лингвистические способы оформления. В развитых странах полагаются скорее на информационные технологии, чем на поиск более содержательных взаимодействий текста с компьютером.

Повышение **содержательности поиска** нужной пользователю информации по тексту или корпусу текстов остается в основном за лингвистикой. Она должна идти «навстречу» задаваемым в предметных областях описаниям и уметь строить более естественные и более крупные единицы, чем узлы синтаксического дерева, выраженные преимущественно отдельными лексемами. Ведь стыковка текстовых структур с любыми другими вербальными структурами предметных областей – все же лингвистическая задача: она должна обеспечить переводчи-

мость их содержания с языка-1 на язык-2, даже если эти языки принадлежат одному естественному (ЕЯ).

4. Нужны ли «другие» лингвистические модели?

Начав в предыдущем разделе разговор об информации и семантическом метаязыке, я практически перехожу к обоснованию собственной научной линии, тем более что другие подходы достаточно полно отражены и продолжают отражаться в публикациях. Находясь на стыке текста и предметных областей (ПО), проблема их взаимодействия если и затрагивала лингвистов, то скорее в модальности «Отстаньте». Это всегда меня удивляло, так как семантика текста неизбежно выходит «в жизнь», только не прямо, а «вербально». Как это реализовать в системе АПТ? Ждать полного формального описания семантики всех ПО? Или заказать концептуальную схему, пригодную для всех наук и дисциплин? Это нереально. Значит, остается единственный путь – **сравнение двух типов «текстов»**: с одной стороны – сам анализируемый текст, с другой стороны – естественные источники, уже имеющиеся в той ПО, которая вовлечена в процесс АПТ. Это своеобразный машинный перевод с общего языка на специальный. Он обостряет интерес к лингвистическим моделям анализа текста: справятся ли с таким МП? Казалось, что в этой задаче невозможно обойтись без какого-то метаязыка, объединяющего общезначимые и специальные тексты.

Выполняя в ЛМП работы по синтезу (с трех названных выше языков), я сделала для себя такие внутренние выводы: а) лексемы не нужно рассыпать на атомы, так как не определен синтаксис самих ЭС, а их набор и даже имена субъективны и вызывают много споров; б) напротив, семантику связей аргументов со своими предикатами нужно задавать в явном виде **элементарных смысловых отношений** (ЭСО), они и будут служить атомарными формулами в семантическом представлении фразы и, далее, всего текста. Таких единиц в языке намного меньше, чем ЭС, к тому же, их легче сформулировать и найти переводы на другие ЕЯ. Само множество ЭСО может быть набрано для любого языка, если все связи, вычлняемые в этом языке, заменить словами и затем провести работу по обобщению сходных по семантике слов и минимизации их количества. Иначе говоря, надо лексикализовать все виды бинарных грамматических и синтаксических связей. Мы придем к очень похожим спискам, которые можно свести к единому списку, совместимому со всеми

исходными. В этом убеждает и практика создания международного языка UNL первой версии¹⁷, который на 90 % совпал со списком ЭСО, созданным ранее как обобщение семантики русских предлогов¹⁸. Элементы такого единого списка и будем считать **метасловами**, единицами семантического метаязыка (пока не будет предложен другой метод).

Следующая моя статья уже описывала этот новый подход (см. статью 1967 г.)¹⁹. Лишь через несколько лет после этого я случайно узнала о статье Ч. Филлмора (1968 г.) о семантических падежах²⁰, что прибавило уверенности в полезности найденных семантических реалий.

Но я все же не стала пользоваться понятием «падеж», так как ЭСО присутствуют не только как характеристики связей лексемы-предиката со своими зависимыми, но они могут соединять также содержательные единицы по всему тексту. Это и значение любой – сильной или слабой – синтаксической связи, и связи между предложениями, и связи между содержательными частями слова, и между всем текстом и его заголовком и т.д.; они же могут связывать и сами ЭС. Таким образом, ЭСО оказывались новой универсальной единицей описания значений в тексте. Но они оставались при этом вполне элементарной единицей – кванта информации, кванта сообщения: $P(A, B)$ – о единице А говорится, что она находится в отношении Р к другой единице В, что можно уже считать **элементарной ситуацией** лингвистического плана. Поддерживало и то, что в ИПС, получивших тогда широкое развитие, и в их главном инструменте (Тезаурусе) тоже использовалось подмножество подобных ЭСО (род-вид и др.). Оставалось только определить более или менее устойчивый список ЭСО, пригодный для описания синтагматики и парадигматики любых текстов, общезначимых и специальных. (После многих экспериментальных проверок я могу утверждать, что список из примерно пятидесяти основных ЭСО оказывается достаточным для описания семантических связей в любом тексте, а активно используемых отношений вдвое меньше).

Я была уверена, что ЭСО не только не противоречат синтаксическим связям в МСТ, но продолжают их на семантическом уровне. Вслед за моими учителями я тоже стремилась к построению единого, однозначного и непротиворечивого синтаксического представления (СинП) и далее семантического представления (СемП). Считала, что семантика даже с таким небольшим багажом, как Список смысловых отношений и предсказываемые ими семантические классы возможных чле-

нов заданных ЭСО, может справиться с задачей снятия синтаксической омонимии, которая была главным препятствием на пути к получению однозначной структуры. Дальнейшая (с 1976 г.) практическая работа над созданием системы МП²¹ изменила эту установку.

Во-первых, я убедилась, что конечно, семантическая интерпретация снимает часть синтаксической омонимии, но добавляет и свою, более серьезную неоднозначность, в том числе для предложений, имеющих однозначную синтаксическую структуру (ср. *Чужой опыт непереносим, Сопротивление проводника* и много других примеров). Вторым доводом, хоть и несколько позже, стало изменение политического климата в сторону плюрализма, допускающего разные взгляды на один и тот же предмет, текст и, в частности, на семантическую интерпретацию текста. Вдруг стало ясно, что не нужно так упорно стремиться к одному единственному решению в семантическом представлении: ведь оно-то и должно обеспечивать разные «понимания» одного и того же текста разными реципиентами. Еще одним мотивом, побудившим к раздумью относительно природы СемП, стало знакомство с работами, вводящими фактор прагматики в ткань лингвистических описаний (см. работы Т.В. Бульгиной и др.). Как минимум, в семантической структуре должны быть учтены автор текста и адресат, воспринимающий текст²².

Из этого следовало, что и в модель понимания текста нужно вводить компоненты, отвечающие за прагматику в системе: Автор, «Воспринимающее устройство (ВУ)», а также компонент, отвечающий за включение внетекстовых знаний хотя бы минимального объема: без них невозможно создание полноценного текстового семантического анализа. Это было легко отобразить на схеме модели. В схему был включен также компонент «Разработчик модели»: к нему должны возвращаться результаты оценки качества перевода и другие рекламации, которые требуют коррекции словарей и процессоров²³.

Я не видела естественного способа включения компонента знаний, как и активного участника процесса понимания текста, в системы, основанные на синтаксическом подходе. Между тем информационные системы работали с этими компонентами, представляющими «внутреннюю прагматику системы», и это относилось, конечно, к семантике.

Вернемся к «внешней» прагматической установке (кому нужен МП), которая тоже влияет на стратегию анализа текста. Ясно, что ожидать перевода целых связных текстов полностью

автоматически и с хорошим качеством пока нереально. А ведь информация из текстов на неродном языке остро нужна специалистам, хотя бы (и даже предпочтительно) в кратком виде. Недаром возник целый класс систем типа «перевод-реферат». Так абстрактная модель МП расширилась внешней установкой на перевод (и понимание) не только детального содержания исходного текста, но и возможностью передачи части содержания, соответствующей интересам пользователя. **Компрессия содержания текста** стала еще одним аспектом АПТ и нитью, связывающей лингвистику с информатикой. Ведь содержание естественного текста можно сжимать, опираясь на многие его свойства, включая «недостатки» (неполнота и др.). Оказывалось, что такая задача даже более реалистична, чем полный перевод. В итоге схема МП расширилась до информационно-переводческой модели, отражающей разные типы понимания текста²⁴.

5. Начало проблемы «предметной области» в ЛМП

Еще одно направление работы Лаборатории меньше известно лингвистам других коллективов. Когда в СССР были свернуты, вслед за Америкой, работы по МП и вошли в моду новые термины (АСУ, ИИ, БД и др.), в Лаборатории появился жанр хоздоговоров. Чтобы продолжать работы по системе англо-русского МП и особенно словаря типа ТКС, нужно было зарабатывать деньги. Сотрудников стало гораздо больше (на временные работы приглашались даже программисты), часть переключилась на разработку информационной системы для ГВЦ Госплана СССР; работы продолжались семь лет, я отвечала за этот хоздоговор. В отдельных задачах можно было обойтись достаточно простыми методами обработки текстов (морфологический анализ или индексирование текстов на основе языка словосочетаний в Общем классификаторе наименований разных видов продукции)²⁵. Новым в этом направлении работ было то, что потребовалось обратить внимание на явление «предметной области» (ПО), которое до тех пор мало занимало лингвистов.

В Госплан поступали заявки со всего Союза и по разным тематикам, здесь и понадобились мои общезначимые ЭСО²⁶. Тексты мы расписывали в терминах ЭСО вручную, как и вопросы к текстам, но интересно было строить алгоритмы их сопоставления и доказывать соотносимость (степень близости) примерно так, как решаются алгебраические уравнения.

Однако на ЭВМ нас не допускали, и тогда я обратилась к заказчику с вопросом «Сколько же можно плавать в сухом бассейне? – Дайте, наконец, воду!». Нам же не давали не только воду, но часто и зарплату сотрудникам, так как каждый год перезаключался договор, сотрудников всех увольняли и снова зачисляли, а зарплату задерживали, иногда до лета. Тем не менее отчеты нужно было предъявлять каждый квартал. Терпение лопнуло, когда на мое предложение взять двух человек из ЛМП в штат ГВЦ (чтобы вовремя оформляли все дела от заказчика) я получила циничный ответ: «Ну, нет, если мы возьмем Вас, Вы будете авторами системы, а так мы сами».

В поисках нормальных заказчиков мы с В.Ю. Розенцвейгом обошли многие институты (в том числе закрытые), и везде надо было вникать в тематику и потребности и составлять перспективный план работ на несколько лет вперед – все безуспешно. Тогда я и согласилась перейти в отраслевой Институт информации (ЦНИИТЭСтроймаш) заведующим лабораторией ИПЯ и стала, в рамках хоздоговора с ЛМП, заказчиком работ по семантическому анализу текстов. Вместе с Е.В. Урысон²⁷ мы создавали алгоритмы анализа заголовков к текстам ПО «Строительное, дорожное и коммунальное машиностроение». Они программировались в Гатчине, как и система автоматического индексирования текстов по этой ПО, созданная мною с сотрудниками ЦНИИТЭСтроймаш. Был также создан оригинальный двухступенчатый Тезаурус как инструмент анализа текстов отрасли. В Тезаурусе использовалось разложение терминов на смысловые примитивы, только равные словам ЕЯ, плюс помета семантического класса типа «Устройство-Ус, Действие-Д, Предмет-П» и другие достаточно очевидные (так, слово *Грейдер* = *Машина-Ус* + *Выравнивание-Д* + *Земля-П*), а алгоритмы индексирования в таких категориях использовали некоторые правила вывода на Грамматике ЭСО²⁸.

Мне было интересно проверить еще раз возможности аппарата ЭСО на материале и других предметных областей. В ЦНИИ по приборостроению вместе с работавшими там прикладными лингвистами было выполнено описание в форме БД около ста понятий, обозначающих приборы (*амперметр, вольтметр, зонд* и т.д.), с точки зрения их поведения в тексте (сочетаемость с другими важными для ПО характеристиками). Используемый аппарат я назвала «энциклопедическими функциями (ЭФ)», по аналогии с лексическими функциями, из списка которых тоже были взяты некоторые «энциклопедические» ЛФ. С использованием анкет на таком специфическом,

ограниченном «Приборостроением» языке ЭФ был проведен ручной эксперимент по «автоматическому индексированию» текстов рефератов и проведено сравнение с результатами традиционного индексирования²⁹.

Третьей областью проверки аппарата ЭСО «в полевых условиях» была тематика сельскохозяйственного машиностроения. Сотрудники редакционного отдела этого института с длинным названием просили помощи у лингвистов, сетуя на неграмотность специалистов, пишущих инструкции по ремонту с/хоз машин («Они пишут *трещины в щелях*», – жаловались редактора). Я предложила им простенький язык «метаотношений» (метаЭСО), позволяющий проверять полноту и «формальную» правильность любого утверждения в тексте инструкций, чем они легко и пользовались. Добавлю, что аналогичный метаязык ЭСО верхнего (по отношению к содержанию) уровня я предлагаю и студентам ТиПЛ на спецкурсах в РГГУ, прежде чем они перейдут к созданию подробного и серьезного СемП высказывания. Этот ЭСО коротко аттестован в моем учебном пособии³⁰. А метод анкетного описания понятий, подобный описанию приборов, был развит и применен С.Е. Никитиной в Тезаурусе лингвистических терминов³¹.

В дальнейшем метаязык ЭСО был применен также к описанию семантической и композиционной структуры официальных политических документов в экспериментальной системе ПОЛИТЕКСТ³². Этот опыт использования созданных лингвистами средств семантического метаязыка для описания семантики разных ПО еще не закончен. Мне он интересен сейчас только возможностью исследования проблемы взаимной адаптации разных систем. А вдруг лингвистика окажется полезной еще и в задаче описания и «мягкого» преодоления стыков в гуманитарной области (скажем, в моделях человеческих и социальных конфликтов)?

Проблема ПО развивалась и дальше – в моих работах с ЛМП по линии семантики.

6. Начало ИЛМ

Через четыре года моей практики руководства «извне» частью семантических работ ЛМП открылся Отдел машинного перевода во Всесоюзном центре переводов (ВЦП), я перешла туда на условии, что ЛМП будет постоянным соисполнителем по договорам. Так я стала заказчиком работ ЛМП на долгий период (вплоть до 90-х годов), а часто оказывалась и их основным

исполнителем. В ВЦП удалось привлечь и студентов ОСиПЛ МГУ для составления словарных статей семантического компонента системы МП. Конечно, работающих на хоздоговоре лингвистов, как и студентов, проблема ПО касалась мало, они были заняты в основном наполнением словарей.

При создании системы ФРАП (французско-русский МП, или АП) первоначальной проблемной областью была математика, так как мы взяли за основу систему перевода французских математических текстов О.С. Кулагиной, вместе с ее словарем французских оборотов. Но в ВЦП, где создавалась в числе других и наша система ФРАП, в его производственной части, шел реальный поток заказов на переводы. Надо было учитывать «требования самой жизни», то есть искать заказчиков и настраиваться на какую-то актуальную предметную область.

Исследование массивов ВЦП (т.е. состава «чемоданов переводов» с французского языка на русский) дало пеструю картину. Было несколько заказов по предметной области «Металлургия», а также по тематике «Развитие пчеловодства в древнем Израиле». Выбрали Metallургию, стали настраивать словари. Все обещания дирекции помочь, обеспечить терминологией и тезаурусами остались обещаниями, пришлось лингвистам разбираться самим, когда выбирать эквивалент *губчатое железо*, а когда *железистая губка*, и т.п.

Когда в системе был реализован этап анализа оборотов и терминов и был сдан соответствующий отчет, пришла разгромная рецензия из Госкомитета по науке и технике: *Почему и зачем металлургия, когда нужна электроника?* Пришлось срочно наполнять словарь новой, другой лексикой, тем более что был найден конкретный заказчик переводов по микроэлектронике (из НИЦЭВТ). Он «материализовался» как компонент ВУ (воспринимающее устройство), совмещающая несколько функций: не только заказчик и адресат переводов, но также специалист в какой-то области знаний, а к тому же еще и оценщик качества МП (переводы мы подвергали небольшому постредактированию). Наш непосредственный заказчик передал нам такой диалог с директором НИЦЭВТ, которому он показал наши переводы:

Директор (читает): «Ужасный перевод!»

– Так это же машина переводила!

– Ах, машина?.. (читает еще): «Прекрасный перевод!»

Так была поставлена перед нами первая серьезная научная (она же и жизненная) проблема гибкой адаптации «реальной»

(хоть и строящейся еще) системы МП к разным предметным областям при жестком требовании строить сразу «промышленную» систему. Правда, когда мы сдавали Госкомиссии в 1986 году вторую версию системы ФРАП, я как руководитель настояла на том, чтобы систему принимали в **ОПЫТНО**-промышленную эксплуатацию, а не сразу в промышленную, как сдавались все остальные 9 систем ВЦП, за что и заработала далеко не первое лишение премий и прочих благ.

Систему О.С. Кулагиной (ФР-2) нам пришлось оставить: она была прямолинейна, а семантика заменялась списками слов, требующих особой обработки. Обдумывание задачи «мягкой стыковки» лингвистических структур со структурами разных ПО, а также ряда связанных с ней задач, заняло не один год. Пришлось не просто вводить уровень Семантического Представления (СемП), но пересматривать границы и функции уровня семантики. СемП текста не могло остаться простой одномерной структурой. Оно должно было отобразить, кроме разнородных аспектов содержания, и возможные варианты сжатия и выхода на разные режимы перевода. Результатом была более универсальная модель понимания текста, названная впоследствии информационно-лингвистической (ИЛМ)³³. Частично ее функции были реализованы в подсистеме ПОЛИТекст системы РОССИЯ, создаваемой в Институте США и Канады РАН и перенесенной потом в МГУ.

В новой задаче отклонение от столбовой дороги (МСТ или ТСТ) состояло в том, что в ее конструкцию включены свойства информационных систем, прежде всего компонент настройки на предметную область и пользователя, что стало возможным благодаря адаптивным качествам используемого метаязыка ЭСО. Это ослабило требования к синтаксической структуре предложений, которая могла оставаться недостроенной или неоднозначной, так как многие функции передавались семантическому компоненту.

Труднее всего было реализовать банальное утверждение о необходимости вводить Знания в семантический анализ и семантические структуры текста. Ведь абсолютно нереально собрать все или даже замкнутую часть знаний о мире и ввести их в ЭВМ. Чтобы настроить лингвистические процессоры и словари на заданную тематику, требовалось обычно «хирургическое вмешательство» лингвистов и специалистов. Очевидно, что это осуществимо только в небольших экспериментах, но для массового автоматического анализа специальных текстов «хирургическое» введение предметных знаний в состав лингви-

стических компонентов практически невозможно (такой вывод я повторю и сейчас).

А естественный вывод напрашивался сам собой. Ведь все вербальные источники знаний, которые нужно или можно подключить к анализу, – это своего рода тексты, только написанные на «другом» языке (даже если они принадлежат одному ЕЯ). Они должны быть переведены на принятый метаязык, чтобы быть сравнимыми с анализируемым текстом, так как сравнению подлежат только однородные сущности. С точки зрения содержания фрагмент знания представляет собой как бы развернутый вопрос, в нем уже присутствуют все те единицы, в терминах и «в пользу» которых должен проводиться анализ текста. Если речь идет о поиске, они задают контекст, для которого нужно найти максимально близкий фрагмент текста, который и будет служить основанием для ответа. С точки зрения адаптации средств лингвистического анализа к ПО нужно учесть тот факт, что правила перифразирования на принятом метаязыке ЭСО намного проще, чем средства синтаксических или синтактико-семантических преобразований. Общее решение проблемы стыковки лингвистических и специальных знаний может моделироваться на обозримом объекте – семантическом пространстве текста – в режиме исследования его свойств.

7. Семантический анализ в ИЛМ

Сам семантический компонент ИЛМ оказался многоуровневым, он включает построение как минимум четырех структур содержательного уровня. Очень коротко охарактеризую уровни анализа и создаваемые структуры.

Первый уровень – это прямая семантическая интерпретация синтаксических представлений (СинП) всех подряд предложений и построение первичного СемП (СемП1), а еще правильнее – **семантического пространства** (СемПрост) текста (подробнее о нем см. ниже). Второй уровень – операция коррекции первичного СемП: построение более правильных – в соответствии с семантической грамматикой – семантических узлов, постановка некоторых «слабых» актантов на место отсутствующих сильных, замена пустых и местоименных слов их антецедентами и т.п. Здесь же происходит сжатие СемП и укрупнение единиц с целью собрать полную семантическую Ситуацию. На третьем уровне СемП подвергается очередному выравниванию узлов – по результатам сравнения их с внешними единицами, заданными хотя бы в виде Тезауруса, и выявле-

нию основных тематических линий текста. Наконец, четвертый уровень анализа строит информационные структуры – по правилам «вычисления» наиболее информативных единиц. Они могут быть получены либо сравнением исходных словарных «весов» лексем (лингвистический путь), либо сравнением СемП текста с СемП запроса, когда «вес» единиц задан извне (информационный, прагматический путь). Генерируются другие структуры типа «Ситуация», которые и представляют Текст во внешней информационной среде. Можно говорить и о разных степенях редукции структуры при построении ответа на вопросы к данному тексту или при включении основного содержания этого текста в Базы данных и/или знаний.

В прикладной системе мы имеем дело с текстовой, то есть вербальной, средой, а не с действительностью (или жизнью). Чтобы материализовать (вербализовать) соотнесение текстовых единиц с объектами действительности, необходимы лингвистические аналоги для этих объектов. Если нас интересуют факты, события, ситуации, то в качестве их текстовых аналогов уместно ввести соответствующие крупные единицы семантического анализа целого текста: **Ситуацию (Сит), Событие (Соб), Текстовый факт (ТФ)**. Они имеют лингвистический статус, но являются заготовками к построению сложных концептуальных единиц **базы знаний**. Видимо, правильнее говорить о получении лингвистическими единицами **статуса концептуальных единиц**. (Вопрос о том, когда лингвистические единицы становятся концептами, остается пока открытым).

Ситуативное представление (СитП) предложений текста – одна из важных промежуточных семантических структур; СитП задает иерархию лексем, основанную на семантических словарных описаниях, но иную, чем в синтаксическом представлении (СинП).

К входным данным при построении СитП относится результат сегментации текста на простые предложения. (Программа анализа сложных предложений на синтаксическом уровне – их сегментации и затем объединения разорванных частей простых фраз – выполнена, например, Т.Ю. Кобзаревой³⁴, при этом устанавливаются некоторые связи кореференции; считаю, что использование семантики даже в пределах первичного анализа могло бы уточнить их). Как инструменты построения СитП привлекаются еще два вида ресурсов: а) схема и состав типовой единицы Ситуация; б) значения нескольких полей семантического словаря, определяющие роль, место и вес данной лексики в структуре Ситуации.

Для простых двусоставных предложений (которых в тексте большинство, учитывая и результаты сегментации сложных) правила построения СитП таковы. Нетерминальный символ СИТ подчиняет лексему, выбранную как лексическое ядро (ЛЯ) ситуации. В стандартном случае им становится главный предикат. Если у него максимальный информационный вес, такое СитП является устойчивым, его ЛЯ переходит в структуру со своими смысловыми валентностями, заполненными иногда на предшествующем уровне. Единица СИТ тоже имеет словарную статью со своим набором валентностей, это перечень отношений, которые могут характеризовать любую ситуацию: ВРЕМЯ(? ,СИТ), ЛОЖ(? ,СИТ), УСЛОВИЕ(? ,СИТ), ПРИЧИНА(? ,СИТ), УТОЧНЕНИЕ(? ,СИТ) и другие значения в основном сирконстантных и «слабых» связей. Логическая сумма наборов семантических отношений (СемО), являющихся валентностями единиц СИТ и ЛЯ, образует гипотезы, позволяющие присоединять к этим символам оставшиеся «оторванными» группы слов.

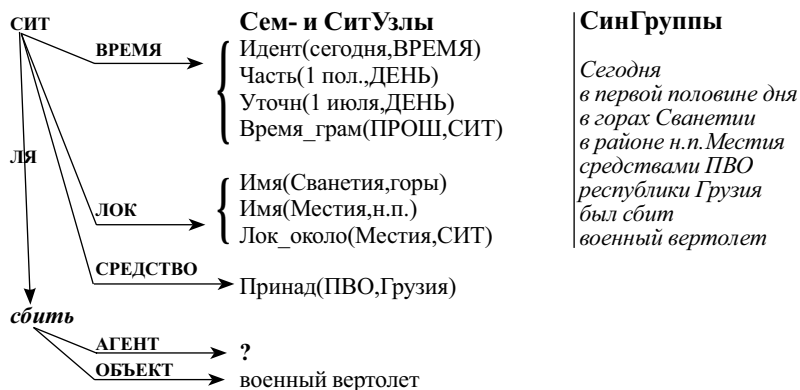
Наибольший вес в словаре имеют лексемы, обозначающие активные действия (*строить, разрушать, воевать, голосовать* и т.п.). У многих предикатов вес зависит от семантики актанта (чаще это смысловой объект или содержание), что фиксируется в нашем словаре. Важны связи модальности и оценки в СитП. Модальность «РЕАЛ» (реальная Ситуация) повышает вес, а модальности, отрицающие само действие, снижают вес до нуля. Некоторые правила построения СИТ и выбора ее лексического ядра приводятся в статье Ермакова М.В.³⁵

Если словарный вес главного предиката оказался ниже веса зависимого от него предиката, СитП неустойчиво и требует перестройки иерархий, установленных в СинП. На роль ЛЯ выйдет зависимое; главное слово СинП станет в структуре СИТ зависимым, а его собственная семантическая характеристика будет именем связывающего их СемО. Так, *подготовка к сбору урожая* перейдет в СитП как *сбор урожая в стадии подготовки*, поскольку ВЕС слова *подготовка* ниже ВЕСа узла *сбор урожая*. Этот последний станет лексическим ядром СитП, а синтаксически главное слово – семантически зависимым; в данном случае именем связи будет собственная характеристика слова *подготовка*:

СТАДия (*подготовка, сбор_урожая*).

Ниже приведена упрощенная структура СИТ, первой крупной единицы СемПрост текста, и окончательные информационные единицы, которые могут быть собраны при анализе короткого сообщения из газеты:

1 июля. Сегодня в первой половине дня в горах Сванетии в районе населенного пункта Местия средствами ПВО республики Грузия был сбит военный вертолет.

Информационные Узлы

СОБЫТИЕ = Сбили военный вертолет
 АГЕНТ = ПВО Грузии
 ВРЕМЯ = 1994 г. – 1 июля
 МЕСТО = Грузия – Сванетия – Местия

Статус и формальные свойства следующей по рангу единицы («Событие», «Соб») приобретают не все, а лишь семантически сильные единицы Сит. Лингвистический анализ в системе АПТ должен уметь настраиваться на объективное выявление «сильных» Ситуаций: ведь только они станут теми единицами, которые уместно внести в БД «События». Так, узел *подготовка к войне* семантически слабее, чем узел *война* (в модальности РЕАЛ), *помощь при тушении пожара* слабее *пожара*, *замысел убийства* слабее *убийства*, *обсуждение доклада* слабее *доклада* и т.п. По умолчанию Событием (Соб) может быть объявлена Ситуация, если ее лексическое ядро имеет максимальный словарный ВЕС (обозначает активное действие), контекст не привел к снижению веса, модальность СИТ вычислена как РЕАЛЬНОЕ действие, а ее аргументы реализованы в ближайшем контексте или получили поддержку в тексте.

Сильной единица типа Сит будет и в том случае, если лексическое ядро Сит войдет в списки слов-событий, заданные самим пользователем (субъективное Соб). Например, пользователь захочет собрать сведения из текстов именно обо всех видах помощи какому-то государству независимо от события, которое явилось причиной – *наводнение, землетрясение, пожар*... Тогда даже слабая единица ЛЯ(Сит) станет субъективно

сильной. Гибкость метаединицы Сит позволяет структуру Сит перестроить «в пользу», или «навстречу», запросу пользователя – тогда тоже получим другой состав единицы Событие, отражающий вид самой помощи.

Для синтаксически неполных предложений будет построено заведомо неполное СитП. Предикат односоставного предложения (например, *Война.*) займет место ЛЯ, а валентности узлов СИТ и ЛЯ останутся пока незаполненными. Многие лексемы и выражения с очевидной семантикой займут соответствующее их основной характеристике место в структуре СИТ, например, односоставная фраза *Осень 1993.* встанет на первое место СемО ВРЕМЯ: ВРЕМЯ(*Осень_1993, ?СИТ*), т.е. на данном отрезке текста остается неясным, о какой ситуации пойдет речь в тексте. Даже в случае односоставных предложений с «предметными» лексемами (*Река. Нефть. Рыба.*) им отведена роль пока неясного Актанта неизвестной СИТ. Выяснение того, к каким ситуациям присоединить такие изолированные узлы, будет отнесено на следующие этапы. Сама фиксация семантически необходимых, но отсутствующих на данном отрезке участников Ситуации создает формальный стимул для перехода к анализу целого связного текста.

Рассмотренные выше единицы СИТ и СОБ имеют локальный характер: они могут представлять содержание отдельного высказывания, абзаца, но не быть важными в контексте целого текста. «Текстовый факт» (ТФ) – это структурная единица, представляющая содержание всего текста. В простом случае ТФ можно собрать как последовательность всех СитП, которые удалось построить при анализе: $ТФ(Текста) = СитП1 + СитП2 + \dots + СитПк$. Такая структура ТФ близка к результату лингвистического анализа. ТФ можно собрать и как последовательность всех Событий, построенных на основе множества ситуативных представлений: $ТФ(Текста) = СОБ1 + СОБ2 + \dots + СОБк$, и это будет более сжатая, но и более далекая от лингвистической структура. Оба эти вида ТФ собирают «действия» или близкие к ним ситуации, что естественно для единицы, названной «текстовым фактом».

Пользователя может заинтересовать иной аспект ситуации (отличный от словарно или контекстно выделенного), в том числе предметные сущности. Например, в ситуацию вовлечены семантически сильные «предметные» участники, как то: деньги, наркотики, преступники, спонсоры и т.п. Будем обозначать «предметных» участников символами объектов (ОБ1...ОБк), но позволим им занимать позицию главного предиката при включении в состав единицы ТФ. Итак, структура

ТФ может включать и такие единицы, где онтологическим предикатом объявлен искомый объект, а его аргументами оказываются уточняющие параметры и другие сильные семантические узлы, в том числе само Событие:

ОБ=преступник(ИМЯ,КЛИЧКА,Соб=*пойман*,ВРЕМЯ).

Если пользователя интересует последовательность событий-катастроф, можно задать ТФ как цепочку из имен отрезков времени (Т1 ...Тк), включающих эти события:

ТФ = Т1(СОБ1) + Т2(СОБ2) + ... + Тк(СОБк).

Семантический анализ должен объединить построенные единицы в связную структуру ТФ, но может ограничиться простым перечислением найденных единиц (СИТ, СОБ, ОБ, Термины).

Каждый ТФ выражает в сжатом виде главную информацию текста. Это своего рода многоместный предикат, аргументы которого собраны не как заполнители словарных синтаксических валентностей предиката, а как реализованные в тексте и подтвержденные всем текстом семантические участники описываемой ситуации. В вышеприведенном примере ТФ совпадает с Событием: **Сбили военный вертолет (1Агент, 2Время, 3Место).**

Итак, собственно задачам адаптации предшествует интересная лингвистическая работа с построенным семантическим пространством текста. Способ построения крупных единиц (СИТуация, СОБытие и Текстовый Факт), имеющих значимость для «внешнего» мира, более подробно описан в одной из последних статей автора³⁶. Анализ произвольных текстов с извлечением из них тех связанных ситуаций, которые составляют содержательную основу текста, всегда представлялся мне задачей номер один. Из «ситуаций» как лингвистических единиц формируются более крупные единицы и структуры, которые можно считать уже информационными представлениями. Они нужны не только для гибкого механизма настройки лингвистического процессора на разные ПО, но и для решения других не просто актуальных, а «горящих», в социальном масштабе, проблем.

Всю задачу ИЛМ можно сформулировать как сложное преобразование адаптивного семантического пространства текста «навстречу» предметной области и/или индивидуальным знаниям или поисковому предписанию пользователя. Такая задача может выполняться на экспериментальной структуре связанного текста, какой является структура Семантического Пространства.

Большую роль в этой теории прикладной системы выполняет Словарь с описанием возможного поведения слов именно в масштабе текста и относительно ПО. Но описание устройства семантического словаря в модели ИЛМ – отдельная задача³⁷.

Семантический анализ любого естественного текста (ЕТ) связан с преодолением принципиальных трудностей разного рода. Прежде всего это заведомая неполнота семантического словаря, создание которого в полном масштабе – очень трудоемкая задача. Добавим и субъективизм исходных семантических описаний слов в словаре. Обе трудности преодолимы при учете законов организации ЕТ (избыточность, синонимия и др.) как объекта анализа и благодаря выбранной методике анализа, которая позволяет работать с таким несовершенным объектом, как СемПрост текста.

8. Особенности семантического пространства как адаптивной семантической структуры

Если сравнить предполагаемые результаты семантического анализа целого текста двумя методами – ЭС («элементарных смыслов») и ЭСО («элементарных смысловых отношений») – то можно увидеть не только различия, но и сходство. В обоих случаях мы получаем своего рода семантическое пространство текста. Подход ЭС, производя декомпозицию значимых лексем на составляющие их более мелкие смыслы, как бы «размывает» границы между словами, позволяя комбинировать ЭС иначе, чем это было в анализируемом тексте. Подход ЭСО «размывает» границы между предложениями (включая и другие части текста), выравнивая структуру целого использованием только одной простейшей синтаксической конструкции. Первый подход «работает» с атомами, второй – с молекулами (целыми словами) и их связями. В обоих случаях мы имеем дело с незаконченными, промежуточными структурами, открывающими простор для использования свойств целого текста. Считаю, что оба типа структур поставляют нам ценный экспериментальный объект, позволяющий создавать и отрабатывать формальные методы анализа содержания текста.

Хотя мы остановились в практической работе на построении только промежуточной структуры, а необходимые в семантике процедуры сжатия содержания текста проследили лишь умозрительно, можно утверждать, что мы вышли в другую, отличную от классических, модель. Это несимметричная модель (анализ и синтез обслуживаются разными грамматиками).

В ней само определение «смысла» текста претерпевает изменения. Если в классических моделях СемП сохраняет все то, что было в тексте (т.е. Смысл = СемП = Текст), то в ИЛМ выполняется неравенство: Смысл короче Текста. Смысл формируется заново для каждого акта его восприятия – это функция отображения знаний и вопросов ВУ на содержание воспринимаемого текста. Он ближе к понятию Информации по Шрейдеру³⁸, что требует более детальной разработки, выходящей за рамки приводимых здесь беглых рассуждений.

Мы начинали в ЛМП работы по машинному переводу «через смысл», имея в виду цель, которая сначала виделась как одна для всех и единственно правильная. Эта прекрасная цель – создание СемП целого текста как однозначной, полной, правильной и логически непротиворечивой структуры – образует лишь одно из возможных «измерений» семантики текста. Желательно, чтобы хоть одна из возможных интерпретаций содержания целого текста в практической системе удовлетворяла так формулируемому идеалу.

Укажу еще два аспекта, по которым ИЛМ расходится с МСТ. Это отношение к так называемым «дефектам» естественного текста – а) неполноте и б) неоднозначности разного рода. Неполнота фиксируется нами в явном виде еще в первичной интерпретации синтаксических связей в терминах ЭСО, неоднозначность тоже отображается в той же структуре СемПрост с помощью метаотношения несовместимости двух или более частей структуры. Тема видов смысловой неполноты развита в отдельной статье³⁹.

В нашей модели эти «недостатки» играют конструктивную роль. Фиксация и работа с неполнотой в структурах текста моделирует работу с компонентом Знания: ведь задаваемое «сверху» знание будет всегда неполным (в том числе СемП вопроса пользователя к тексту). Структура СемПрост **динамична**. На следующих уровнях анализа неполные формулы могут заполняться единицами из других частей текста – на основании только смысловых критериев⁴⁰. Содержательную неоднозначность локальных участков и целого СемП желательно сохранять, так как она моделирует восприятие и понимание текста, которые в норме неоднозначны.

Содержание текста по-разному сочетается со знаниями и установками воспринимающей личности (ВУ). Благодаря свойству **эластичности** СемПрост в нее могут быть добавлены (или изъяты) любые фрагменты, записанные на том же метаязыке. В описываемой абстрактной модели это даст возможность

каждой конкретной личности добавлять свой вопрос, придав большой вес искомым сущностям, и далее запускать анализ, отыскивать в тексте свои «линии интересов», или строить «свой смысл». Смысл появляется (или не появляется) при восприятии текста другой разумной системой, в том числе человеком.

И еще одно соображение хочется добавить. На мой взгляд, полный анализ текста должен сопровождаться **оценкой** всех его качеств. Это и дефекты исходного ЕТ: сколько в нем синтаксически неполных предложений, как часто нарушаются правила семантической согласованности, сколько фраз не имеют логического продолжения и т.д. Важны и положительные свойства текста (сколько и какие темы затронуты, как выделяется содержательный центр и другие). Плохое информационное качество конкретных ЕТ может дать интересный научный и даже практический выход: логическим следствием (пока ещё далеким) анализа текстов явится возможность формальной оценки информационных свойств ЕТ, в частности, не только меры правильности, но и степени связности текста, а также новизны и ценности информации, заключенной в каждом исходном тексте⁴¹.

Работа над уточнением текстового семантического метаязыка ЭСО (основа которого описана в разных статьях автора, начиная с автореферата канд. дисс. 1968 года) имеет скорее теоретический характер, но относится не к теории устройства языка (как в ТСТ), а к теории автоматического «понимания» и восприятия текста, к прикладной лингвистике. Свойства метаязыка ЭСО (синтагматика, парадигматика и логические свойства отношений) задают ту «метрику», которая управляет возможными преобразованиями единиц на структуре СемПрост. Считаю, что уже структура СемПрост (как первая реальная в составе ИЛМ промежуточная семантическая структура целого текста) дает основания осуществлять важнейшую функцию АПТ – сжатие и компактное представление содержания текстов.

Заключение

Проследить свою собственную научно-практическую линию в составе ЛМП и в последующих работах я считала бесполезным потому, что она сложилась на пересечении нескольких отечественных направлений и/или школ, связанных с семантикой: теории элементарных смыслов, теории «Смысл↔Текст», лексической семантики и информатики. Начиная с задачи машинного перевода как научной и прикладной дисципли-

лины, эта линия выводит к комплексной проблеме, названной «искусственный интеллект», в ее гуманитарной части. К сожалению, реализовать на компьютере из семантических задач удалось немного. Не ищущ оправданий в разных внешних обстоятельствах, но одну из причин указать даже приятно – это слишком быстрый прогресс вычислительной техники. Ведь в ходе работ нам пришлось перепробовать все поколения: от ЭЦВМ, больших, миди- и мини-ЭВМ до современных ПК и ноутбуков. И здесь проблема стыковки разных систем стояла очень остро: из-за разных видов несовместимости и «непереносимости», в том числе технической, не раз приходилось бросать сделанное и начинать почти «с чистого листа». Надо сказать, что это обстоятельство тоже способствовало поиску более естественного и простого способа анализа текста, диктуемого больше материалом текстовых реалий, чем задаваемыми «сверху» законами построения только правильных структур.

Многомерная по своей сути структура текста, включающая возможные расширения и сжатия, интерпретации и выводы, обобщения и специализацию, может быть представлена как плоский вербальный объект, как «псевдотекст», записанный на некотором едином метаязыке. Этот объект, названный Семантическим пространством текста, позволяет формулировать многие свойственные человеку семантические операции гораздо проще и естественней, чем они выглядели бы в терминах строгих лингвистических правил, работающих от предложения к предложению. Например, применение аксиомы «Одно и то же лицо не может в один и тот же отрезок времени находиться в нескольких разных местах» позволит отбросить как неверные множество альтернативных формул, построенных в локальном контексте разных предложений как синтаксически правильные варианты. Конечно, одновременно должно работать и множество других правил (доказательства тождества самих «объектов» в разных упоминаниях по тексту и т.д.). Но это как раз лишний стимул подумать об иной организации собственно семантических процессоров, моделирующих понимание целого текста.

Переход от последовательной организации модулей семантического анализа к параллельной работе многих разнородных проверок в одном семантическом пространстве поможет освободить лингвистов от планирования только сверху «правильных» результатов понимания текста на каждом уровне. Ведь лингвисту приходится еще в словаре закладывать все возможности поведения слова во всех контекстах. Может быть, лучше упростить описания лексем в словаре в их синтаксиче-

ски правильном поведении и перенести центр внимания на учет свойств самого текста, полагаясь на правила «здорового смысла» и вычислительные возможности компьютера? Этот вопрос остается пока без ответа, так как он требует проведения многих экспериментальных работ.

В заключение я хочу выразить искреннюю благодарность С.И. Гиндину за его поддержку «целотекстных» и Domain-ориентированных идей автора в течение многих лет совместной работы – в ЛМП МГПИИЯ и далее на кафедре ТиПЛ РГГУ, а также за помощь в работе над моими заметками в данном разделе Вестника РГГУ.

Примечания

- ¹ *Perry J.W., Kent A., Berry M.M.* Machine literature searching. N.Y.: Interscience Publishers, 1956.
- ² *Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С.* О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Сб. Машинный перевод, ИТМ и ВТ АН СССР, 1961. Здесь и далее полные библиографические данные ко всем упоминаемым в тексте работам автора до 2006 г. включительно, а также дополнительные сведения даются по статье: *Гиндин С.И., Семенова Н.Г.* Материалы к библиографическому указателю печатных работ Н.Н.Леонтьевой // Вестник РГГУ. 2007. №8, с. 215-235 (серия МЛЖ № 9/2).
- ³ Та же статья, в кн.: *Мартемьянов Ю.С.* Логика ситуаций. Структура текста. Терминологичность слов. См. *Гиндин, Семенова.* Указ. соч.
- ⁴ Машинный перевод: Сборник статей; перев. с англ. / Под ред., предисл. П.С. Кузнецова. М.: Изд. иностранной литературы, 1957. В сборнике статья: В. Ингве «Синтаксис и проблема многозначности» и статья Л. и А. Вундхейлеров «Некоторые понятия логики в применении к синтаксису».
- ⁵ Автоматический перевод: Сборник статей: перев. с англ., итал., нем. и франц. / Под ред., предисл. О.С. Кулагиной, И.А. Мельчука. М., 1971. 368 с.
- ⁶ *Мельчук И.А.* Автоматический синтаксический анализ. Т.1. Общие принципы. Внутрисегментный синтаксический анализ. Новосибирск. 1964. 359 с.
- ⁷ *Иорданская Л.Н.* Автоматический синтаксический анализ. Т.2. Межсегментный синтаксический анализ. Новосибирск. 1967. 232 с.
- ⁸ Историю МП см. в кн.: *Кулагина О.С.* Исследования по машинному переводу. М.: Наука, 1979. 320 с.
- ⁹ Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8, М.: Изд-во МГПИИЯ, 1964. 252 с.
- ¹⁰ *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. Вып. 19. М.: Наука, 1967. С. 177-238.
- ¹¹ *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
- ¹² ТКС – толково-комбинаторный словарь. Авторы: Апресян Ю.Д., Мельчук

- И.А. и др. Серия публикаций ПГЭПЛ, Ин-т русского языка АН СССР, 1976-1996. ТКС описан также И.А. Мельчуком в его книге «Опыт теории лингвистических моделей Смысл ↔ Текст». См. сноску 11.
- ¹³ Жолковский А.К., Щеглов Ю.К. Работы по поэтике выразительности: Ин-варианты – Тема – Приемы – Текст. М.: Прогресс. 1996. – 344 с. (Предисл. М.Л. Гаспарова).
- ¹⁴ Мартемьянов Ю.С., Дорофеев Г.С. Серия работ по семантике связного текста, см. в кн.: Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слов. М.: Языки слав. культуры, 2004.
- ¹⁵ Гиндин С.И. Внутренняя организация текста. Элементы теории и семантический анализ. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971. 390 с.
- ¹⁶ Шаляпина З.М. Англо-русский многоаспектный автоматический словарь (АРМАС) // МП и ПЛ, 1974, вып. 17. С. 7-116.
- ¹⁷ Uchida Hirochi, Zhu Meiyang, Tarcisio Della Senta. A Gift for a Millenium. <http://www.unl.ias.unu.edu>.
- ¹⁸ Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Смысловые отношения, передаваемые русскими предложениями. См. Гиндин-Семенова, 1969:3.
- ¹⁹ Леонтьева Н.Н. Об одном способе представления смысла текста. См. в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1967:2).
- ²⁰ Fillmore, Charles J. The case for case // Universals in Linguistics Theory. Austin, Texas, 1968.
- ²¹ Статьи Леонтьева Н.Н., Никогосов С.Л. Контуры анализа в системе французско-русского машинного перевода, Система ФРАП как информационная система, Леонтьева Н.Н. Система французско-русского автоматического перевода (ФРАП): лингвистические решения, состав, реализация см. в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1977:1, 1982:7, 1987:3).
- ²² Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах // Под ред. Кибрика А.Е., Нариньяни А.С. М.: Наука, 1987. 280 с.
- ²³ См. два выпуска «Обзорной информации» ВЦП: 1) Синтаксический компонент в системах машинного перевода, 2) Семантический компонент в системах автоматического понимания текстов в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1981:3, 1982:5).
- ²⁴ Леонтьева Н.Н. Информационная модель системы автоматического перевода. *Leontyeva, Nina*. Stages of Information Analysis of Natural Language Texts. См. в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1985:1; 1987:5,6).
- ²⁵ Гиндин С.И., Леонтьева Н.Н. Задачи и общее строение системы автоматического индексирования с использованием информационного языка словосочетаний см. в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1975:1).
- ²⁶ Статьи Леонтьева Н.Н., Эрастов К.О. Автоматизация обработки текстовой части экономической информации для информационной системы, Леонтьева Н.Н., Мартемьянов Ю.С., Розенцвейг В.Ю. О выявлении и представлении смысловой структуры текстов экономических документов см. в: Гиндин, Семенова. Указ. соч. 1(1967:1; 1971:2).
- ²⁷ Леонтьева Н.Н., Урысон Е.В. Алгоритм построения информационной записи для текста (1 этап). См. Гиндин, Семенова. Указ. соч. (1973:1,2).
- ²⁸ Леонтьева Н.Н., Вишнякова С.М. Опыт автоматического индексирования со смысловым сжатием. См. Гиндин, Семенова. Указ. соч. 1(1977:2).
- ²⁹ Леонтьева Н.Н., Волковыская Е.В., Копылова О.Т., Молчанова Т.В., Штернова О.А. Словарь энциклопедических функций и его роль в авто-

- матическом индексировании. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (1978:2).
- ³⁰ *Леонтьева Н. Н.* Автоматическое понимание текста: системы, модели, ресурсы. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (2006:1).
- ³¹ *Никитина С.Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике. М.: Наука, 1978. 374 с.
- ³² *Леонтьева Н.Н.* ПОЛИТЕКСТ: информационный анализ политических текстов. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (1995:1).
- ³³ *Леонтьева Н.Н.* К теории автоматического понимания текстов. Часть 1. Моделирование системы «мягкого понимания» текста: информационно-лингвистическая модель. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (2000:1).
- ³⁴ *Кобзарева Т.Ю.* Принципы сегментационного анализа русского предложения // *Московский лингвистический журнал*. М.: Изд-во РГГУ, 2004. Т. 8. №1. С.31-80.
- ³⁵ *Ермаков М.В.* К выявлению лексического ядра лингвистической ситуации (на материале текстов криминальных сводок). См. настоящий выпуск.
- ³⁶ *Леонтьева Н.Н.* Постсемантический анализ текста: промежуточные структуры // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. статей к юбилею Е.В.Падучевой*. М.: Языки слав. культуры. М., 2008. С. 526-546.
- ³⁷ *Леонтьева Н.Н.* Русский общесемантический словарь (РОСС): структура, наполнение. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (1997:1).
- ³⁸ *Шрейдер Ю.А.* О семантических аспектах теории информации // *Информация и кибернетика*. М., Наука, 1976. С. 15-47.
- ³⁹ *Леонтьева Н.Н.* Смысловая неполнота или неграмотность? Взгляд прикладного лингвиста // *Slavica Helsingiensia* 35. С любовью к слову: Festschrift for Arto Mustajoki. Helsinki 2008. P. 144-167.
- ⁴⁰ *Леонтьева Н.Н.* Семантический анализ и смысловая неполнота текста. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (1968:1).
- ⁴¹ *Леонтьева Н.Н., Никогосов С.Л.* Система ФРАПи проблема оценки качества автоматического перевода. См. *Гиндин, Семенова*. Указ. соч. (1980:1).

О.О. Бажеева

Типы пунктуационного оформления писем малограмотных авторов

В данной публикации представлены результаты анализа употребления пунктуации в корпусе писем малограмотных авторов. Первая часть корпуса опубликована в предыдущем томе журнала. Вторая часть будет опубликована в следующем томе. В рамках данной статьи рассматриваются два аспекта исследования – набор используемых в тексте пунктуационных знаков и систематичность их употребления. Указанные аспекты объединяются общим понятием «пунктуационное оформление малограмотного текста». Основное внимание в данной статье уделяется классификации типов пунктуационного оформления текстов малограмотных авторов.

Ключевые слова: классификация, письма, пунктуация, функции знаков препинания, периферия пунктуационной системы, текст, пунктуационное оформление текста, малограмотность, корпус текстов.

Данная публикация имеет целью представить результаты анализа употребления пунктуации в корпусе писем малограмотных авторов¹. Полный анализ подразумевает исследование пунктуации в трех аспектах. Первый аспект – набор пунктуационных знаков, используемый в тексте. Исследование в данном аспекте имеет целью понимание того, какими знаками владеют авторы малограмотных текстов, владеют ли они общеизвестными знаками препинания, используют ли они какие-то особые знаки в своих текстах.

Второй аспект исследования – систематичность употребления пунктуационных знаков. Использование пунктуации предполагает не только владение некоторыми знаками, но и привычку регулярно ставить эти знаки в тексте. Исследование систематичности направлено на определение наличия/отсутствия такой привычки у малограмотных людей.

Третий аспект – функции знаков в тексте. Малограмотные авторы не владеют нормами правописания и ставят знаки препинания, ориентируясь, скорее, на интуицию. Интересно будет понять, для чего используются знаки в их текстах. Исследование

в данном аспекте должно выявить, какие функции знаков представлены в текстах малограмотных, какие синтаксические позиции ими осознаются и отмечаются.

Все три аспекта исследования пунктуации составляют то, что можно назвать «пунктуационным поведением». В рамках данной статьи мы ограничимся подробным рассмотрением первых двух аспектов, объединив их общим понятием «пунктуационное оформление малограмотного текста». В завершение статьи мы в общих чертах расскажем о функциях пунктуационных знаков в исследуемом корпусе. Уточним, что рассматривается пунктуация только в основном тексте письма: без формул начала и конца письма, которые учитываются, только если они пространственно не отделяются от текста.

Многообразие пунктуационного оформления малограмотных текстов можно свести к основным типам, представляющим собой звенья общей классификации. Классификация строится на базе четырёх ключевых противопоставлений.

Первое противопоставление: использование vs. неиспользование основных пунктуационных знаков.

Основные пунктуационные знаки – это, прежде всего, общепринятые, зафиксированные в нормативных изданиях знаки препинания. В настоящий момент нормативным изданием является свод «Правил русской орфографии и пунктуации»². Согласно Правилам, основные знаки препинания – это точка, восклицательный знак, вопросительный знак, запятая, тире, точка с запятой, двоеточие, кавычки, скобки и многоточие. Отметим, что для данного исследования мы не относим к основным знакам элементы, которые признаются отдельными пунктуационными единицами в ненормативных изданиях (например, двойная запятая и двойное тире³; сочетание запятой и тире⁴ и пр.).

В лингвистической литературе подчеркивается пунктуационная функция прописной буквы. Отмечается, что «прописная буква как знак, исторически связанный с красной строкой, является в настоящее время вспомогательным знаком точки, ставящимся не в конце отдельного члена, а в его начале»⁵. Прописную букву после точки не считают при этом избыточной: при ее отсутствии возникла бы проблема понимания в случае, когда последнее слово предложения – сокращение с точкой. Кроме того, прописная буква помогает избежать утомления при чтении, поскольку занимаемая ей верхняя половина строки зрительно воспринимается лучше, чем нижняя половина, где ставится точка⁶.

В текстах малограмотных авторов пунктуационная функция прописной буквы подтверждается. Нередко в них наблюдается ситуация, когда перед прописной буквой в слове, начинающем предложение, нет точки. Одиночная точка тоже употребляется иногда самостоятельно, без своего «усилителя». Поэтому для данного исследования мы немного модифицируем набор основных пунктуационных знаков и будем говорить не о точке, а о тройственном знаке, вариантами которого являются: одиночная точка, одиночная прописная буква и сочетание точки и прописной буквы. Введем для этого знака обозначение – ТОЧКА. Выражение «использовать ТОЧКУ» будет означать здесь использование одного или нескольких вариантов этого тройственного знака. Интересно отметить, что встречаются малограмотные тексты, в которых используются сразу три варианта. Точка при сокращении слов нами не учитывается, поскольку этот знак не служит цели сегментации текста. Не выполняет пунктуационную функцию также и прописная буква в первом слове текста.

Все множество писем малограмотных авторов можно условно разделить на тексты, в которых используются основные пунктуационные знаки, и тексты, в которых они не используются. Так, в примере 1⁷ приводится текст с основными знаками: вариантами ТОЧКИ и запятой. В письме используются все три варианта тройственного знака. Предложение *Я подвергалась к работам...* начинается с прописной буквы, при этом отсутствует точка, заканчивающая предыдущее предложение. В этом же тексте далее есть фрагмент *...выкладывали высокие стены. Также посылали в лес...*, в котором мы видим сочетание точки и прописной буквы. Встречается здесь и одиночная точка между предложениями *...укладывали на плохую дорогу. из рославского лагеря нас перегнали в стодоличевский р-он.* В примере 2⁸ приводится письмо, в котором нет ни одного знака препинания.

Второе противопоставление: использование одного основного знака vs. использование более одного основного знака.

Среди малограмотных текстов со знаками препинания встречаются такие, в которых используется несколько разных основных знаков. Им можно противопоставить письма, в которых нет пунктуационного разнообразия. В таких текстах имеется только один знак, и он может употребляться с различной частотой⁹. Этот знак – всегда ТОЧКА или запятая. Вероятность

оформления малограмотного текста с помощью других основных знаков очень мала.

Пример 1

Заявление
 На ваш номер ОИЗ.10.2003 г.
 сообщаю что я вместе ссовоими
 родителями принудительно была угнона
 Немцами в Рословский лагерь
 Я подвергалась к работам рыли окопы
 засыпали ямы на дорогах вырезали
 из травы дирвенье, и выкладовали
 высокие стены. Также посылали в лес
 собирать сучья и укладывали на плохую
 дорогу. из рославского лагеря нас
 перегнали в стодоличевский р-он где
 также подвергалась принудительным
 работам. 11/XI-2003 г Б—ова

Пример 2

25 октября
 уважаемая комиссия документ
 я ваш получила и пишу ответ
 когда нас вокуировали гнали в
 переди стоя подоружеем
 пригнали нас налинею скома
 доволи нам увогон был товар
 ный вогон и повезли привезли
 нас урослов и нашу машину на
 какой я ехола повернули кцер
 кве заключою проволку и нам
 скомадоволи вылизть ити заним
 навторой этаж мы пришли там
 была очинь много народа уже
 привезены а напервом этаже
 были наши солдаты пленной
 и вот мы там долгое время
 были пока пошол тиф много
 умерло кудата их вывозили
 так как холод и голод

Объяснение этому явлению найти не трудно. Точка и запятая наиболее ярко проявляют структурный принцип, доминирующий в русской пунктуации. Это – грамматические знаки, показатели синтаксического, структурного членения письменной речи. Точка фиксирует конец предложения, а запятая – главный знак, ставящийся на стыке частей сложного предложения. В любом тексте можно найти такие структурно-обусловленные знаки. Их называют «фундаментом» русской пунктуации, «необходимым минимумом» для общения между пишущим и читающим¹⁰. Точка и запятая – главные знаки, действующие соответственно на межфразовом и внутрифразовом уровнях. Согласно Б.С. Шварцкопфу, точка является «доминантой» в классе разделительных конечных знаков¹¹. В свою очередь, запятая в классе разделительных знаков середины предложения считается самым «элементарным средством графического членения грамматического характера», знаком препинания, наиболее близким «к функции разделения внутри предложения в чистом виде»¹².

Знакомства с прописной буквой, точкой и запятой не обойти даже тем людям, которые прошли программу только начальной школы. Поэтому в большинстве малограмотных текстов присутствует либо ТОЧКА, либо запятая, либо оба этих знака.

Третье противопоставление: употребление основных пунктуационных знаков с определенной систематичностью vs. спорадическое употребление основных пунктуационных знаков.

В письмах малограмотных авторов пунктуация может употребляться более или менее систематично, количество пунктуационных знаков в разных текстах очень сильно варьируется. Судить о том, много или мало знаков в тексте, можно только относительно существующей нормы. Чтобы определить, какова нормальная относительная частота употребления пунктуации в письмах, мы обратились к эпистолярным текстам грамотных людей.

Было сделано несколько выборок текстов писем, созданных известными литераторами и учеными и относящихся к различным периодам XX века. Суммарно рассмотрено 205 текстов объемом не более одной книжной страницы соответствующего издания, по 50-55 писем на один временной период. Первый период (1900-1910 гг.) представлен письмами А.П. Чехова¹³ и М.А. Волошина¹⁴. Второй период (1930-1940 гг.) – письмами Н.И. Вавилова¹⁵ и его корреспондентов¹⁶. Третий период (1960-1970 гг.) представляют письма А.Т. Твардовского¹⁷ и письма из переписки К.И. Чуковского с Л.К. Чуковской¹⁸. Четвёртый период (1990-2000 гг.) представлен письмами М.Л. Гаспарова¹⁹.

В каждой из указанных четырех выборок текстов была вычислена относительная частота употребления пунктуации: общее число пунктуационных знаков в текстах выборки делилось на общее число словоформ. Были получены следующие результаты. В первом, третьем и четвертом временном периоде на один пунктуационный знак приходится 4-5 словоформ (относительная частота – 0,231, 0,254 и 0,234 соответственно). Во втором периоде – на один знак приходится 6-7 словоформ (относительная частота 0,154). Таким образом, в текстах Н.И. Вавилова и его корреспондентов обнаружилась самая низкая «нормальная» относительная частота употребления пунктуации. Величину 0,154 можно признать нижней границей нормальной частоты, а частоту, которая меньше 0,154 считать низкой.

Однако частота 0,154 не может считаться в равной степени нормальной для грамотных текстов и для малограмотных текстов, в которых нормой является большое количество пропусков пунктуационных знаков. Поэтому представляется оправданным определить для малограмотных текстов собственную нормальную относительную частоту употребления

пунктуации и относительно этой нормы судить о том, часто или редко ставятся в текстах знаки. В качестве нижнего порога нормальной частоты в малограмотном тексте была условно признана величина вдвое меньше минимальной нормальной частоты в грамотном тексте, т.е. 0,08.

Было, однако, замечено, что в письмах Н.И. Вавилова систематически употребляются точка и запятая, и, следовательно, полученный показатель 0,154 распределяется, в основном, на два знака, а в малограмотном тексте может использоваться всего один знак. Для такого случая был также определен нижний порог нормальной частоты для текстов с одним знаком, составивший 0,04. С учетом вышеизложенного, относительная частота употребления пунктуации в малограмотных текстах была определена так:

- 1) от 0,08 и выше – нормальная частота для текстов с несколькими знаками;
- 2) от 0 до 0,08 – низкая частота для текстов с несколькими знаками;
- 3) от 0,04 и выше – нормальная частота для текстов с одним знаком;
- 4) от 0 до 0,04 – низкая частота для текстов с одним знаком.

Принимая во внимание полученные показатели, мы можем противопоставить тексты, в которых пунктуация употребляется с определенной систематичностью (с нормальной частотой), текстам, в которых пунктуация употребляется спорадически (с низкой частотой).

Так, в примере 3²⁰ приводится текст, в котором пунктуация употребляется систематично. На 24 словоформы основного текста приходится 6 употреблений вариантов ТОЧКИ, относительная частота употребления пунктуации 0,25. В тексте из примера 4²¹ пунктуация употребляется спорадически. На 42 словоформы приходится всего 2 знака – ТОЧКА и тире. Относительная частота употребления знаков 0,05.

Четвертое противопоставление: использование дополнительных пунктуационных знаков vs. неиспользование дополнительных пунктуационных знаков.

Пунктуационное оформление малограмотных текстов не исчерпывается основными пунктуационными знаками. В них также могут присутствовать дополнительные знаки, так называемые, знаки «периферии»²² системы русской пунктуации. Знаки периферии – это дополнительные графические средства, которые служат «цели дифференциальной выразительности графической передачи текста»²³.

Пример 3

Пример 4

<p>Высылаю Архивную справку Подтверждаю Что немцы захватили наше село. И мать работала. Но она рассказывала что они не вели перепеси Люди были не грамотные. Дело 507101 ин. II группы П————ый</p>	<p>На ваше письмо сообщаю что с Марта 1942 г по апрель 1944 года находился в Гомеле и Реченком лагеря – пилил лес в доль дороги немтчыбоялис партизан чистил дороги от снега копал противтанковый ров. Находился в Гомельской области по день освобождения Советсами войсками 2003 -10 - 24 числа [Подпись]</p>
--	---

К периферии системы русской пунктуации относят:

- а) композиционно-пространственные средства (линейки, звездочки, строчной ряд отточий, «вертикальный пробел»),
- б) шрифтовые средства печатного текста (прямой набор и курсив; набор вразрядку и без разрядки; светлый, полужирный и жирный шрифт и т.п.),
- в) пунктуационно-орфографические комплексы (для оформления сложных пунктуационных ситуаций – контекста с прямой речью, драматического произведения) и
- г) абзац²⁴.

Знаки периферии пунктуационной системы встречаются не только в печатных текстах, они появляются и в рукописных текстах малограмотных носителей языка, однако, в последних разнообразие знаков не столь велико. Для рукописных текстов не значимо большинство шрифтовых знаков: например, оппозиции типографских средств «прямой набор – курсив» или «набор без разрядки – набор вразрядку» и пр. Едва ли также в текстах малограмотных авторов встретятся сложные пунктуационно-орфографические комплексы. Как правило, для таких текстов характерны композиционно-пространственные знаки. Далее мы будем называть их просто дополнительные знаки. В некоторых малограмотных текстах, в которых нет знаков препинания, дополнительные знаки могут быть единственным пунктуационным средством.

По нашим наблюдениям в малограмотных текстах могут появляться следующие дополнительные знаки: стык абзацев, изменение поля текста, увеличенный межстрочный интервал, подчёркивание, нумерация при перечислении, увеличенный пробел на строке. Возможно появление индивидуальных знаков.

Знаком «стык абзацев» мы называем тройственный знак, вариантами которого являются: абзацный отступ, неполная (недописанная) строка и сочетание абзацного отступа и неполной строки. В рукописном тексте стык абзацев определяется по расположению строк текста относительно друг друга при условии, что выдерживается левый и/или правый край текста. Если же строки «прыгают», то стык абзацев определить нельзя. Так же, как и ТОЧКА, стык абзацев может отделять друг от друга некоторые сегменты текста тремя способами: маркируя только конец предыдущего сегмента, маркируя только начало следующего сегмента и маркируя одновременно конец предыдущего и начало следующего сегмента. Стык абзацев – самый распространенный дополнительный знак в малограмотных текстах.

В рукописном тексте малограмотного автора дополнительным знаком может быть изменение самой «площади», поля текста. Такой знак имеет место при разном расположении групп строк в тексте, зачастую он имеет вид «скоса вниз» и используется в конце письма для выделения блока завершающих фраз.

Дополнительным знаком в рукописном малограмотном тексте иногда выступает широкий межстрочный интервал, отличающийся от остальных межстрочных интервалов. Такой знак нередко используется в начале и конце письма, отделяя от основного текста коммуникативную рамку (слова приветствия, прощания, дату, подпись, адрес).

Подчеркивание и нумерация при перечислении – знаки, которые могут принимать разный вид. В рукописных текстах возможны различные виды подчеркивания – одной прямой линией, двумя прямыми линиями, волнистой линией и др. Нумерация опознается по наличию, как минимум, двух цифр (арабских, римских), причем, цифры могут сопровождаться или не сопровождаться дополнительными знаками (возможны скобки, точки, буквы).

Итак, малограмотные тексты можно разделить на тексты, в которых используются дополнительные знаки и тексты, в которых они не используются. Текст с дополнительными знаками приводится в примере 1 (см. выше). В письме используется знак стык абзацев после фразы *...сообщаю что я вместе с родителями принудительно была угнона Немцами в Рословский лагерь*. Текст без дополнительных знаков представлен в примере 3 (см. выше).

В результате выделяются 10 типов пунктуационного оформления текстов малограмотных авторов:

- Тип 1. Употребление с определенной систематичностью ТОЧКИ или запятой.
- Тип 2. Употребление с определенной систематичностью ТОЧКИ или запятой и использование дополнительных знаков.
- Тип 3. Спорадическое употребление ТОЧКИ или запятой.
- Тип 4. Спорадическое употребление ТОЧКИ или запятой и использование дополнительных знаков.
- Тип 5. Употребление с определенной систематичностью нескольких основных знаков.
- Тип 6. Употребление с определенной систематичностью нескольких основных знаков и использование дополнительных знаков;
- Тип 7. Спорадическое употребление нескольких основных знаков.
- Тип 8. Спорадическое употребление нескольких основных знаков и использование дополнительных знаков.
- Тип 9. Использование только дополнительных знаков.
- Тип 10. Отсутствие пунктуации

В публикуемом корпусе реализуются все перечисленные типы пунктуационного оформления. Из 100 текстов корпуса **Тип 1** обнаруживается в пяти текстах (П-8, П-12, П-26, П-68, П-69). В трех из них используется только ТОЧКА; в двух текстах используется только запятая. Относительная частота варьируется от 0,05 до 0,25. ТОЧКА и запятая употребляются здесь для относительно равномерного разграничения текста на предложения и иногда на темы.

К **Типу 2** относятся двенадцать текстов корпуса (П-2, П-10, П-11, П-31, П-32, П-44, П-46, П-51, П-54, П-60, П-67, П-89). Обязательным знаком во всех текстах является ТОЧКА. Однократное употребление в некоторых текстах других знаков (скобки, кавычки) признается случайным, не влияющим существенно на общее пунктуационное оформление. Относительная частота варьируется от 0,042 до 0,19. ТОЧКА употребляется, в основном, для выделения предложений и тематических блоков, она также может употребляться в некоторых позициях запятой и двоеточия. Для выделения предложений и тем используется также дополнительный знак – стык абзацев (в редких случаях

межстрочный пробел), который еще служит для выделения начала и конца письма

Тип 3 представлен в корпусе девятью текстами (П-22, П-29, П-33, П-39, П-50, П-61, П-71, П-82, П-90). Относительная частота употребления пунктуационных знаков варьируется в них от 0,006 до 0,03. В шести текстах используется ТОЧКА, в трех текстах – запятая. ТОЧКА и запятая употребляются в данных текстах спорадически, как правило, в нормативной функции. Маркируются начало/конец предложения и однородные члены предложения.

Тип 4 реализуется в двенадцати текстах корпуса (П-9, П-16, П-19, П-40, П-53, П-57, П-58, П-62, П-65, П-72, П-77, П-97). В одиннадцати из них используется ТОЧКА, и в одном – запятая. Относительная частота варьируется от 0,004 до 0,038. ТОЧКА и запятая спорадически выделяют предложения. В текстах используются также дополнительные знаки («стык абзацев», увеличенный пробел на строке, изменение поля текста), служащие, как правило, для выделения предложений и тем.

Тип 5 встречается в семи письмах (П-4, П-13, П-14, П-23, П-56, П-75, П-86). Во всех текстах присутствуют и ТОЧКА, и запятая. В четырех из них фиксируется употребление и других основных знаков: точки с запятой, двоеточия, скобок, кавычек, восклицательного знака. Относительная частота употребления пунктуационных знаков варьируется от 0,08 до 0,16. ТОЧКА используется в данных текстах для регулярного членения текста на предложения, запятая и другие основные знаки – для менее регулярного внутрифразового членения.

Самый продуктивный в корпусе – **Тип 6**. Он реализуется в 30 текстах (П-1, П-3, П-7, П-18, П-20, П-25, П-27, П-30, П-35, П-42, П-45, П-48, П-52, П-59, П-63, П-64, П-73, П-76, П-79, П-80, П-81, П-83, П-85, П-88, П-91, П-93, П-94, П-95, П-100). Относительная частота употребления пунктуационных знаков варьируется от 0,08 до 0,26. ТОЧКА используется для относительно регулярного маркирования начала и конца предложений. Нередко в одном тексте встречаются все варианты этого знака. Другими достаточно заметными функциями ТОЧКИ являются – выделение части предложения в самостоятельное предложение (парцелляция) и разделение главного и придаточного предложения (функция запятой). В данных текстах широко используется запятая, служащая, в основном, для разграничения предложений, указания на придаточное предложение и однородные члены; нередко она ставится также перед уточнением. Отмечаются, кроме того, «интонационные» запя-

тые, поставленные в позициях, где по правилам русского правописания знаков быть не должно. Кроме ТОЧКИ и запятой, в текстах спорадически употребляются и другие знаки – восклицательный знак, тире, кавычки, скобки, точка с запятой, двоеточие. При этом тире, точка с запятой и восклицательный знак используются в функции других знаков. Основным дополнительным знаком является недописанная строка. Она служит, как правило, для выделения начальных и конечных фраз (и частей фраз) письма и для указания на конец отдельной темы в середине текста.

Тип 7 представлен в корпусе пятью текстами (П-5, П-28, П-47, П-74, П-96). В трех из них, кроме ТОЧКИ и запятой, присутствуют другие основные знаки: тире, скобки, кавычки. Пунктуация используется, в основном, нерегулярно. Относительная частота варьируется от 0,03 до 0,07. Реализация этого типа в корпусе характеризуется спорадическим использованием ТОЧКИ и запятой для выделения предложений и других основных знаков для редкого внутрифразового членения.

Тип 8 обнаруживается в 15 текстах (П-15, П-17, П-24, П-34, П-36, П-37, П-38, П-55, П-66, П-70, П-78, П-84, П-87, П-92, П-99). Относительная частота употребления пунктуационных знаков варьируется от 0,016 до 0,075. Для текстов корпуса, представляющих этот тип, характерно спорадическое употребление ТОЧКИ и запятой на границе между предложениями. Тексты отличаются бедным внутрифразовым и абзацным членением. Кроме ТОЧКИ и запятой, в них встречаются скобки, кавычки, восклицательный знак, тире, двоеточие и точка с запятой. Тире, двоеточие и точка с запятой нередко ненормативно употребляются в функциях других знаков. Самый частотный дополнительный знак – недописанная строка – служит для указания начальных или конечных фраз письма и иногда на конец темы в середине письма. Редко встречаются также дополнительные знаки – увеличенный межстрочный пробел, подчеркивание и изменение поля текста.

Самый непродуктивный тип пунктуационного оформления в корпусе – **Тип 9**, реализуется всего в двух текстах (П-21, П-43). В текстах нет знаков препинания. В одном письме употребляется дополнительный знак «изменение поля текста», в другом – знак «стык абзацев» (вариант недописанная строка). Дополнительные знаки служат, в основном, для маркирования композиционных частей письма.

Тип 10 представлен в корпусе тремя текстами (П-6, П-41,

П-49), для которых характерно полное отсутствие каких-либо пунктуационных средств.

Таково распределение выделенных типов пунктуационного оформления в рассматриваемом корпусе. Следующим шагом исследования должно быть выявление и подробное описание функций, в которых употребляются в текстах корпуса пунктуационные знаки. Предварительно можно отметить следующее. Малограмотные авторы наиболее «чувствительны» к пунктуационным ситуациям: «начало/конец предложения», «однородность членов предложения» и «уточнение», а также к текстовым позициям начала и конца письма. Во многих текстах с помощью пунктуационных знаков выделяются отдельные темы.

В исследуемом корпусе писем можно заметить иерархию нормативности употребления пунктуационных знаков. Почти всегда в нормативной функции употребляется ТОЧКА, восклицательный знак, скобки и кавычки. Менее нормативным употреблением отличается запятая. И самая большая путаница возникает в употреблении «сложных» знаков: точки с запятой, тире, двоеточия.

Примечания

- 1 Первая часть корпуса опубликована в предыдущем томе журнала, вторая часть будет опубликована в следующем томе.
- 2 Правила русской орфографии и пунктуации: Утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР. – М.: Учпедгиз, 1956.
- 3 Шварцкопф Б.С. Современная русская пунктуация: Система и ее функционирование. М.: Наука, 1988. С. 10.
- 4 Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М.: Айрис-пресс, 2006. С. 151.
- 5 Щерба Л.В. Теория русского письма. – Л.: Наука, 1983. С. 150.
- 6 Панов М.В. И все-таки она хороша! Рассказ о русской орфографии, ее достоинствах и недостатках. М.: Наука, 1964. С. 162–163.
- 7 Пример взят из первой части корпуса, опубликованной ранее (П-18)
- 8 Пример взят из первой части корпуса (П-6)
- 9 Примеры текстов, в которых используется один основной знак, см. в публикации писем в следующем томе журнала (П-61 – используется только запятая, П-69 – используется только вариант ТОЧКИ).
- 10 Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. М.: Высшая школа, 2003. С. 389.
- 11 Шварцкопф Б.С. Указ. соч. С. 27.
- 12 Там же. С. 34.

- 13 *Чехов А.П.* Собрание сочинений. Т. 12: Письма 1893-1904. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957.
- 14 *Волошин М.А.* Из литературного наследия. Т. 1. СПб.: Наука, 1991.
- 15 *Вавилов Н.И.* Из эпистолярного наследия, 1929-1940 гг. М.: Наука, 1987.
- 16 *Николай Иванович Вавилов: Научное наследие в письмах: Международная переписка. Т.V:1936-1937.* М.: Наука, 2002.
- 17 *Твардовский А.Т.* Собрание сочинений. В 6-ти т. Т.6. Письма (1932-1970). М.: Художественная литература, 1983.
- 18 *Чуковский К., Чуковская Л.* Переписка: 1912-1969. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
- 19 *Гаспаров М. Л.* «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М.Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981-2004 гг. // Новое литературное обозрение. 2006. №77. С.145-259.
- 20 Пример взят из первой части корпуса (П-8)
- 21 Пример взят из первой части корпуса (П-5)
- 22 Термин Б.С. Шварцкопфа.
- 23 *Реформатский А.А.* Техническая редакция книги: Теория и методика работы. Л.: Гос. Изд-во Лёгкой Промышленности, 1933. С. 108.
- 24 *Шварцкопф Б.С.* Указ. соч. С.66-67, 71.

В.А. Богушевская

Семантика терминов цвета китайского языка с позиций теории семантических примитивов

Подход теории семантических примитивов Анны Вежбицкой основан на факте соотношения лексем с прототипическими для них объектами – универсальными понятиями, существующими во всех языках. Цветонаименования, согласно этой теории, могут ассоциироваться со следующими основными точками референции: ночь, день, огонь, солнце, растительный мир, небо, земля. Анализ базовых цветонаименований китайского языка и соответствующих им эталонов показал принципиальные отличия в красно-желтом участке спектра. Категория «макро-белого» представляется более дробной, чем в схеме эволюционной последовательности возникновения цветонаименований, составленной А. Вежбицкой.

Ключевые слова: китайский язык, семантика, цветонаименования, теория семантических примитивов, Анна Вежбицкая, синкретичный 'цин', GRUE, гипоним, макро-белый, картина мира, культурная память слова.

Семантика цветовых терминов привлекала внимание многих лингвистов¹. При этом, как правило, под семантикой цветонаименований (названий, имен цветов, далее – ИЦ) понимался сам цвет – физический объект, стоящий за данным признаком, вследствие чего «<...>исследовали не ЗНАЧЕНИЕ названий цвета, а межъязыковое соответствие цветовых ФОКУСОВ»².

В этом отношении исключением является подход Анны Вежбицкой, которая предлагает рассматривать семантику цветовой терминологии как соотношение не с реальными цветами, а с прототипическими для них объектами. Идею формализации значений Вежбицкая обосновывает при помощи созданной ей теории семантических примитивов – универсальных элементарных понятий, которые есть во всех языках. При помощи их комбинаций каждый язык может создавать бесконечное число специфических только для него и для данной культуры конфигураций. Семантические примитивы являются лексическими универсалиями, иными словами, это такие элементарные по-

нения, для которых в любом языке найдется обозначающее их слово. Таким образом, происходит цепочечное толкование одного понятия через другое, нечто сродни объяснениям в любом толковом словаре. Например, «красный» может быть определен как «цвет, близкий цвету крови», а «кровь», в свою очередь, как «жидкость, циркулирующая в организме, красного цвета».

Знания носителей языка о собственном языке в существенной степени подсознательны. Так, например, если розовый и красный для русскоговорящего похожи по цвету, то желтый и коричневый – просто разные цвета, такие же разные, как, например, красный и фиолетовый. Рядовой носитель языка никогда не скажет, что «желтый малой яркости – это бурый, а оранжевый малой яркости – коричневый»³.

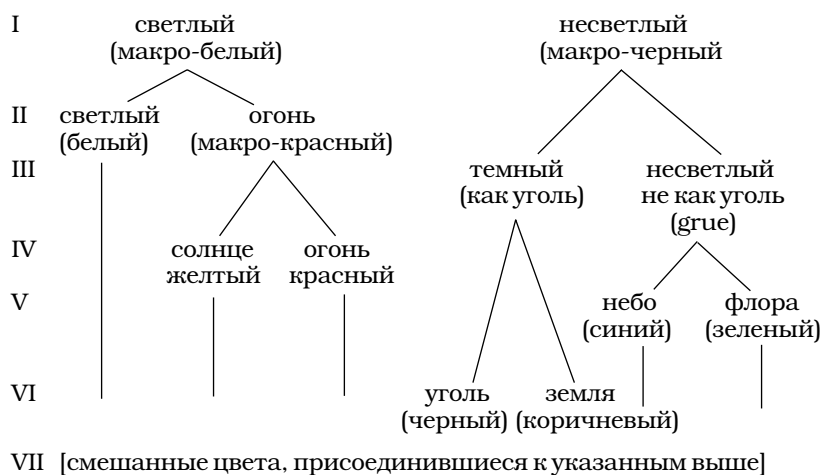
Вежбицкая оспаривает состоятельность идеи описания семантики ИЦ в терминах физики, указывая на то, что системы цветоименований в различных языках использовались задолго до появления знания о природе цвета, и обучение их использованию проводится без помощи цветных пластинок, на реальных объектах окружающего мира. Она считает, что хотя и невозможно выразить словами цветное восприятие, тем не менее, можно связать зрительные категории с определенными универсальными доступными человеку образцами – объектами наивной картины мира, после чего они будут доступны передаче другим людям. В число таких образцов исследователь включает день, ночь, огонь, солнце, растительный мир и небо, которые составляют основные точки референции в человеческом «разговоре о цвете».

Универсальными по отношению к понятию «цвет» А. Вежбицкая предлагает считать следующие факторы:

- 1) различие между временем, когда человек видит («день»), и временем, когда он не видит («ночь»);
- 2) понятие фона (окружения) как фундаментального структурного элемента референции при любом описании зрительного восприятия (например, не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая);
- 3) роль сравнения или универсальное понятие ПОДОБИЯ в передаче зрительных ощущений⁴.

Результаты ее исследования были представлены в виде схемы с указанием соответствующих этапов возникновения основных цветовых терминов (рис. 1):

Рис. 1. Схема семантической эволюции ИЦ А. Вежбицкой⁵

Основываясь на результатах нашего исследования и принимая во внимание представления о толковании цвета китайским этносом, мы внесли корректировки в схему семантической эволюции цветоименований Анны Вежбицкой. Применительно к ИЦ китайского языка (КЯ), эту схему мы представляем на рис. 2.

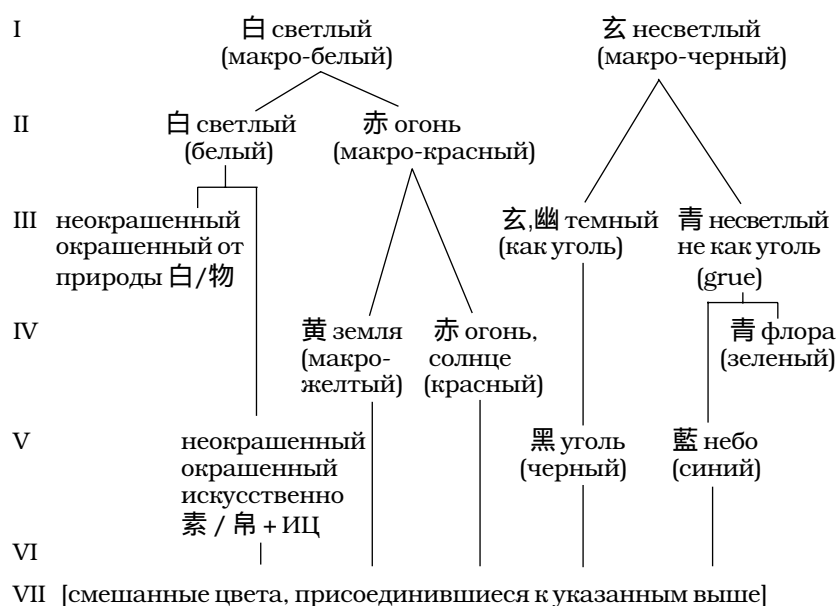
Как видно из этой схемы, в КЯ существуют принципиальные отличия семантических примитивов, и это прежде всего наблюдается в красно-желтом участке спектра. Так, в китайской цветовой картине мира солнце и солнечный свет первоначально представлялись белым. Существует мнение, что ИЦ 白bái «белый» является производным от лексемы 日rì «солнце»⁶. Впоследствии солнце стало ассоциироваться с обозначением красного, но никогда не отождествлялось с желтым цветом.

В качестве семантического прототипа «желтого» выступала земля. Как известно, в китайской пятичастной модели мира центральная зона была представлена конкретно бассейном района реки Хуанхэ, желтые лессовые почвы которого служили главным ареалом сельскохозяйственной деятельности иньцев⁷. Именно поэтому желтый у китайцев особенный, он выступает скорее как макро-желтый, являясь гипонимом для «желтого» и «коричневого» в силу своей ассоциации с цветом земли, но это ни в коем случае не тот яркий и солнечный «жёлтый», как в классификации А. Вежбицкой.

В КЯ существует аналог «тёмного» синкретичного 'goue' (сим-

биоз от англ. ИЦ green + blue) – это лексема 青 q ng. Специфика этого ИЦ заключается в том, что он является не только гипонимом для «зеленого» и «синего», но также и для «черного, темного»⁸.

Рис.2. Схема семантической эволюции ИЦ китайского языка

Более сложным и дробным в китайской цветоязыковой картине мира представляется также синонимичный ряд для обозначений светлого (макро-белого) цвета. В рамках этой группы мы выделили следующие две подгруппы:

1) окрашенный/неокрашенный от природы (противопоставление ИЦ 白 bái «белый» и 物 wù «пестрый» в иньских гадательных надписях⁹);

2) окрашенный/неокрашенный при помощи красителей, где ИЦ 素 sù в качестве обозначения некрашеной ткани противопоставлено описанию получаемых при помощи крашения цветов. Все цветовые термины этой подгруппы относятся первоначально к текстильным и описаны в «Шовэнь цзецзы» через лексему 帛 bó как через основу для создания цвета, поэтому схематично изображены как «帛 bó + ИЦ».

Принципиально важным мы считаем то обстоятельство, что текстильные термины уже на этом этапе включали обозначения для розового (紅hóng) и фиолетового (пурпурного) (紫zǐ) цветов.

Таким образом, в цветообозначающей лексике КЯ два фактора из трех по отношению к понятию «цвет» не совсем совпадают с теми универсальными, которые были предложены А. Вежбицкой. Китайский этнос своеобразно представляет понятия: 1) окружения – земля видится не коричневой, а включающей категорией «макро-желтого», 2) подобия – солнце для китайцев не желтое, а красное.

Как показывает опыт исследования терминов цвета китайского языка, семантические примитивы в языках могут в той или иной степени отличаться. В связи с этим, познание языковой картины мира любого этноса не представляется возможным без когнитивного подхода к представлению информации этим этносом, то есть без обращения к этимологическим словарям, а также без учета «культурной памяти»¹⁰ слова.

Примечания

- ¹ См.: Berlin B., Kay P. Basic color terms: their universality and evolution. Stanford: CSLI Publications, 1999; Witkowski, S.R., Brown, C.H. An explanation of color nomenclature universals // American Anthropologist. 1977. Vol. 79. P. 50–57; Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
- ² Вежбицкая А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия / Пер. Т.Е. Янко // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. С. 240.
- ³ Фрумкина Р.М. Цвет, смысл, сходство: Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984. С. 23.
- ⁴ Вежбицкая А. Указ. соч. С. 232–234.
- ⁵ Wierzbicka A. The meaning of color terms: semantics, culture and cognition // Cognitive Linguistics. 1990. №1. P. 144.
- ⁶ Wang Tao. Colour Terms in Shang oracle bone Inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1996. Vol. 59. №. 1. P. 76.
- ⁷ Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Издательство «Лань», 2003. С. 111.
- ⁸ См.: Богусевская В.А. О цветоименовании в китайском языке // Известия Восточного института ДВГУ. 1999. № 4. С. 131–138.
- ⁹ Wang Tao. Указ. соч. С. 81.
- ¹⁰ См.: Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43–73.

А.В. Есипова, Л.Н. Арбачакова

Возрожденные слова (по материалам шорских героических сказаний)

Статья посвящена анализу архаичной лексики, содержащейся в неопубликованных героических сказаниях, вошедших в текстовую базу электронного корпуса шорских текстов. В ней раскрываются значения имен богатырей и подземных чудовищ, рассматриваются наименования представителей сказочного и реального животного мира, обозначения аллюра коня, элементов жилища, сказочного и реального ландшафта, а также образные слова, употребляющиеся для благозвучия и выразительности речи. Возрожденные посредством языкового и культурно-исторического анализа слова (46 лексем) способствуют более глубокому пониманию шорского фольклора - сокровищницы забытых понятий и их обозначений, кладезя наименований ушедших предметов, отражения истории малочисленного тюркоязычного народа Южной Сибири, находящегося под угрозой исчезновения.

Ключевые слова: тюркология, языки Южной Сибири, фольклор, словообразование, шорский язык.

Предлагаемая вниманию читателей статья посвящена анализу той части эпической лексики шорского языка, которая уже вышла из употребления и вызывает трудности понимания не только у слушателей, но иногда и у самих сказителей. Материал для исследования взят из электронного корпуса шорских текстов¹ (ЭКШТ), который был создан в 1999–2002 гг. группой ученых России и ФРГ. В работе принимали участие сотрудники и студенты Кузбасской государственной педагогической академии (ранее Новокузнецкий государственный педагогический институт), Новокузнецк; Института Филологии СО РАН, Новосибирск; Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, и Университета им. Й.В. Гете, Франкфурт на Майне².

Текстовая база ЭКШТ включает как опубликованные, так и неопубликованные тексты. Основная часть неопубликованных текстов состоит из героических сказаний (альптыг ныбак), записанных Л.Н. Арбачаковой от одного из последних шорских кайчи³ В.Е. Таннагашева и ныбакчы⁴ А.П. Напазакова. В альптыг ныбак встречаются устаревшие слова и выражения,

© Есипова А.В., Арбачакова Л.Н., 2009

которые в современном быту уже не употребляются. Л.Н. Арбачаковой приходилось проводить дополнительный опрос сказителя и других знатоков старины, чтобы выявить их значение.

Обращение к эпосу как “кладовой” архаичной лексики не является чем-то принципиально новым. Мы продолжаем существовавшую в российской тюркологии традицию использования фольклора в качестве источника выявления лексики, отражающей бытовой уклад, материальную и духовную культуру народа, исчезающей из языка вместе с уходом старого образа жизни. В.И. Вербицкий, В.В. Радлов, а затем Н.П. Дыренкова, записывая произведения шорского фольклора, выясняли у сказителей значения вышедших или выходящих из активного употребления слов, а затем комментировали их с позиций ученых-тюркологов, этнографов и фольклористов. Эту практику продолжают и современные исследователи: А.И. Чудояков, Д.А. Функ, Л.Н. Арбачакова.

В.И. Вербицкий и В.В. Радлов обрабатывали эпические тексты в то время, когда все шорцы жили в своей естественной среде, а шорский язык еще не был подвержен влиянию неродственных языков. Записи Н.П. Дыренковой производились тогда, когда фольклор был основной формой реализации культурной жизни шорского народа. Ею зафиксированы лучшие сказания шорского эпоса в исполнении самых талантливых сказителей 20–30-х гг. XX в.⁵

Сегодня большая часть шорцев проживает в городах и поселках городского типа, а шорский язык испытывает сильное влияние русского и находится под угрозой исчезновения. Современные исследователи шорского фольклора работают в условиях, когда шорским языком свободно владеет лишь малый процент людей старшего поколения, проживающих, как правило, в селах. Русский язык стал родным для большей части шорского населения. В Горной Шории все меньше остается истинных знатоков шорского языка и фольклора. Утрачена традиция исполнения героических сказаний в течение нескольких ночей, а также на охотничьем стане. Отрывки из эпоса исполняются преимущественно на праздниках или на вечерах встреч. Из-за большого количества содержащихся в них незнакомых слов слушателям уже трудно понимать содержание сказаний в деталях. По этой же причине и ученым сложно переводить на русский язык записываемые ими эпические произведения.

В создавшихся условиях первостепенное значение приобретает выявление вышедших из употребления слов шор-

ского языка и установление их значений. В данной работе предпринята попытка определить значения неизвестных в настоящее время слов посредством языкового и культурно-исторического анализа. А.В. Есиповой анализируются слова, значения которых были объяснены ученому-фольклористу и носителю шорского языка Л.Н. Арбачаковой кайчи В.Е. Таннагашевым и ныбақчы А.П. Напазаковым или выявлены самой Л.Н. Арбачаковой в процессе ее исследовательской работы. В статье устанавливаются значения 46 слов, которые объединены нами в несколько тематических групп.

1. Отрицательные персонажи шорского эпоса

В настоящее время непросто найти человека, способного объяснить значение неизвестного исследователю слова. Неоценимую помощь в трактовке слов и выражений, которые основной массой шорского населения уже забыты, оказал сказитель В.Е. Таннагашев. Однако наблюдения над сделанными им пояснениями и переводами показали, что и сам кайчи сегодня уже не все помнит. В том числе он не может точно представить себе образы некоторых подземных чудовищ из шорского эпоса. Они воспринимаются им как обыкновенные люди. Так, *Челбеген* – чудовище, пожирающее людей, по словам сказителя, похоже на человека, но только может иметь от трех до семи голов. В.И. Вербицкий дает более полное описание этого фольклорного персонажа. *Челбеген* – сказочный людоед. Эти чудовища могли иметь от одной до двенадцати голов, т.е. были одноглавые, трехглавые, семиглавые или двенадцатиглавые. По окраске они подразделялись на черных и рыжих (*қара* и *сары*), а по месту жительства – на морских и земных. «У многоглавых чудовищ некоторые головы имели особое назначение. *Пир пажы-была қобрақ тартты*, *Пир пажы-была сарнады*, *Пир пажы-была сықтады*, *Пир пажы-была қамнады*, *Пир пажы-была қайлады*. Одна голова на дудке играла, одна голова пела, одна голова выла, одна голова шаманила и одна голова сказывала сказки»⁶. Был еще и *Чес тайактыг Челбеген* – Чельбеген с медным посохом⁷.

Одним из ключевых отрицательных персонажей шорского фольклора является *Шимелдей* (*Шибелдей*, *Шмелдей*, *Қара-Шмелдей*, *Қара-Шбелдей*). Так называли сверхъестественных существ, обычно женщин⁸. Это – существо женского пола «из подземного мира, с отвратительной внешностью: с очень длинным носом, с ногами, длиной в 70 сажень⁹ и проч.»¹⁰. Известна

свинцовоглазая и рогатая *Шимелдей*, а в сказании *Чабал Кан Мерген* впервые описана *Шимелдей* с вытянутыми губами – *шуш тунчуктыг Кара Шимелдей*.

Образ *Шимелдей* трактуется В.Е. Таннагашевым неоднозначно. В сказании *Қазыр Тоо* она выведена как злая, коварная колдунья. Автор «Хакасско-русского историко-этнографического словаря» В.Я. Бутанаев¹¹ тоже считает ее бабой-ягой или ведьмой. Однако, по словам В.Е. Таннагашева, это может быть и женщина из бедных, простолюдинка, по-другому «черная девка». По мнению Л.Н. Арбачаковой, *Шимелдей* не походит ни на Бабу-Ягу, ни на ведьму. Этот образ гораздо разнообразней и сложнее: от коварной и мстительной обольстительницы до помощницы и друга богатыря. В некоторых произведениях, образ *Шимелдейки* переосмыслен, и сказитель может посмеяться, поиздеваться над ней. Например, в сказании *Чаш Салғын*, записанном от В.Е. Таннагашева, богатырь, встретив на дороге *Шимелдейку*, зарывает ее в землю вниз головой. Позже между ее ног прокладывается дорога, по которой гонят табун лошадей, отару овец и т. д. Подобный образ *Шимелдейки*, встречается и в сказке *Қара Меке*, записанной от Е.Г. Кусургашевой, 1927 года рождения, проживающей в селе Бородино под городом Мыски. Аналогичное описание содержится также в статье Д.А. Функа «Заметки на полях шорско-русского словаря». Автор приводит здесь цитату из воспоминаний нижнемерасских старожилков о великом импровизаторе кайчи Морошке (Н.А. Напазаков): «Алып (АВЕ: богатырь) Кара-Шмельдейку схватив, вверх ногами перевернул; платье задрал, промеж ног ее воды налил – озеро получилось; рыб в озеро пустил плавать»¹². В этих выражениях описана расправа богатыря над Кара-Шмельдей за ее козни. *Шимелдей* часто становится объектом насмешек со стороны сказителя, что является характерным для мрасской сказительской школы (Д.А. Функ, в личной беседе).

В сказании *Алтын Сырық* *Шмелдей* выступает в качестве доброй помощницы героя, и в то же время это сниженный мифологический образ, о чем свидетельствует пренебрежительно-снисходительное отношение самого повествователя к *Шмельдей*¹³.

В шорском фольклоре встречаются не только положительные, но и отрицательные образы богатырей, в том числе и отрицательные образы богатырш. Недобрая сущность этих персонажей отображена и в их внешности. Для описания внешнего облика такой героини в эпосе используется сочетание *челтек шаш*, перевод которого В.Е. Таннагашев не знает, но в

хакасском языке данное выражение имеет значение *прическа, стриженные волосы*¹⁴ (ср.: шор. *челтек* 'челка, прядь')¹⁵. С такими волосами обычно встречается в эпосе образ отрицательной девушки-богатырки.

2. Положительные персонажи шорского эпоса

Важную роль в понимании образа богатыря играет его имя. В.Е. Таннагашев раскрыл значение имен некоторых богатырей и силачей. Например, *Алып Күрелдей* означает 'Могучий богатырь', *Алтын Сабақ* – 'Золотой пучок'.

В.Е. Таннагашев перевел вторую часть женского имени *Алтын Сабақ* как 'Пучок'. По-видимому, вполне возможно перевести его и как 'Серьга', так как в кондомском диалекте шорского языка слово *сабақ* имеет значение 'серьга'. Слова *сабақ* со значением 'пучок' или корня, от которого оно могло быть образовано, нам найти не удалось. Может быть, оно просто не зафиксировано в словарях, включающих шорскую лексику. Однако данное значение можно, видимо, вывести из основного значения слова *сабақ* 'ветвь, на которой висят ягоды и семена'¹⁶. Оно обозначает, вероятно, и кисть ягод, т. е. *пучок* ягод, который висит на ветви.

В процессе работы над фольклорным материалом ученым нередко приходится реконструировать старые слова, восстанавливая в определенной мере их значения. Истолкование значения и происхождения подобных слов у разных исследователей не всегда совпадает. Так, Д.А. Функ считает, что для толкования имени *Сабақ* более подходит значение 'ветка', чем 'пучок': *Алтын Сабақ* 'Золотая Ветка'. Вероятно, значение этого слова обусловлено тем признаком, который был характерен для внешности героини.

В шорских эпических сказаниях часто идет речь о чайзанах. Слово *чайзан* в них понимается как прислуга или пастух, хотя на Алтае так называли главу рода или князя. Подтверждением этому служит словосочетание *алтын чайзаннар*, которое часто встречается в героических сказаниях. В.Я. Бутанаев в своем словаре отмечает, что так называли ханских детей, либо наследников престола¹⁷. В шорских же героических сказаниях *чайзан*, является ханским пастухом, а в лучшем случае, старшим управляющим по хозяйству или виночерпием, т. е. слугой, подносящим напиток приезжему богатырю. Приведем фразу из сказания *Чеппе сар аттыг Чеппе Салгын*: «*Алтын чайзаны қыйғырбалды: "Эзе, алтын чайзан", – тедир - "Ақ малды*

нандыра қачырар!» – тедир. ... Позвал Алтын Чайзанов: “Эзе, Алтын Чайзаны!» – сказал, “Белый скот обратно гоните!»».

3. Представители сказочного животного мира

В шорских эпических сказаниях широко представлен животный мир, который состоит как из реальных, так и из сказочных животных и птиц. Сказочной птицей является, например, *алтын қыйғылық*. По мнению сказителя, это – жар-птица. Некоторые ученые предлагают другой вариант перевода ‘чудесная птица, чудо-птица’. В *Грамматике шорского языка* Н.П. Дыренковой¹⁸ и в словаре *Шор-қазақ пазоқ қазақ-шор үргедиг сөстүк* Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькина¹⁹ это слово имеет значение ‘павлин’. Д.А. Функ в статье «Заметки на полях шорско-русского словаря» слово *қыйғылық* перевел как ‘фламинго’²⁰. Как пишет Н.П. Дыренкова, чудесная птица часто фигурирует в верованиях и фольклоре алтайских и абаканских тюрков. У шорцев отсутствует точное представление об этой сказочной птице: одни считают ее лебедем, другие – павлином или орлом²¹. В.И. Вербицкий переводит это слово как ‘орел’, давая следующие комментарии: «По преданию *қыйғылық* всем птицам – царь; с золотыми перьями; летает в небе; поет жалобно, — кто услышит, заплачет»²². Очевидно, что это слово образовано от существительного *қыйғы* ‘крик’. Основываясь на этом факте, Л.Н. Арбачакова предполагает, что *қыйғылық* – это, возможно, какая-нибудь волшебная птица-вестница, а буквальный перевод этого слова – ‘крикун’. Хотя пока нет ясного представления о том, какая это птица, все-таки понятно, что основным признаком, положенным в наименование данной птицы, является ее способность жалобно петь, принося печальную весть.

К экзотическим животным относится и *қомдат* ‘ящер, сказочная ящерица’. Еще одним сказочным животным является *текке аң*. В.Е. Таннагашев перевел это выражение как ‘мамонт’. В качестве примера он привел слова из старинной песни: *Теккениң тегейи тегриге четчин педи?* ‘Достанет ли мамонт небо своей макушкой?’ Однако из этой фразы следует лишь то, что в песне речь идет об огромном звере, который своей макушкой может достать небо.

В шорско-русском и русско-шорском словаре²³ сложное слово *текке аң* тоже переведено как ‘мамонт’. Однако в древнетюркском языке слово *тека* I имеет значение ‘козел’²⁴. Это же значение отмечено и в матурском говоре шорского языка:

теке (т. мат.) 'тик – дикий козел, самец'²⁵. В качестве названия для сибирского горного козла слово *táiká* встречается в разных источниках²⁶. В алтайском языке оно имеет форму *теке* 'каменный козел' и относится к устаревшим словам²⁷, а в тувинском языке – *те* или *деге* 'дикий козел'²⁸. По мнению Махмуда Кашгарского, горный козел относится к семейству антилоп, так как его рога, длиной до 1,5 метров, дугообразно загнуты назад и похожи на рога антилопы²⁹.

Версия о том, что шорское сложное слово *текке ааң* означает 'мамонт' известна, но ставится учеными под сомнение. Так, М. Стаховский считает что, название мамонта семантически не представлено выражением козел-зверь³⁰. С другой стороны, найденные в Сибири бивни мамонта по форме похожи на мощные, хотя и меньшего размера, рога сибирского горного козла, и поэтому мамонт в народной фантазии воспринимается как образ огромного похожего на горного козла зверя³¹.

4. Представители реального животного мира

В героических сказаниях встречаются не только сказочные или экзотические птицы и звери, но и обычные животные, названия которых на шорском языке уже неизвестны большинству его носителей.

В значительной мере это относится к наименованиям коней. В настоящее время даже пастухи не знают большинство этих терминов. Однако проникновение в их смысл играет весьма важную роль в понимании образа богатыря, для которого конь является верным другом и помощником. Терминология, связанная с обозначением коня в шорском языке, как и в других языках Саяно-Алтая, очень разнообразна. В сказаниях В.Е. Таннагашева встречаются, например, **наименования коня по однородной масти** (*озар ат* 'саврасый'³² конь' или 'конь с шерстью ядовитого цвета'), **наименования по интенсивности окраса** (*ақ шамдар ат* 'светло-игрневый'³³ конь'; *қара тор ат* 'темно-каурый'³⁴ конь', *қара турстуг ат* 'темно-гнедой'³⁵ конь'), **наименования коня по неоднородной масти** (*ақ шоқур ат* 'бело-крапчатый'³⁶ конь'), **наименования по цвету части тела** (*қул азақтығ қара кўрең ат* 'светлоногий темно-коричневый конь'), **наименования по форме части тела** (*қанақ қабақтығ қыбақ қор ат* 'шишколобий или бугристолобий саврасо-рыжий конь'), **наименования по свойствам шерсти** (*килим тўктўғ ат*, *челбир тўктўғ ат*). Значение определительного сочетания *килим тўктўғ ат* В.Е. Таннагашев забыл,

но в хакасско-русском словаре В.Я. Бутанаева оно переведено как 'конь с бархатной шерстью'³⁷. В словаре В.И. Вербицкого также отмечены варианты этого слова: *килиң* 'плис; бархат' и *килис* 'бархат'³⁸. Выражение *челбир тўктўг ат* сказитель перевел как 'длинношерстный конь', а некоторые информанты дали другое толкование: 'пушистый' или 'лохматый конь'. Оба перевода правомерны, так как слово *челбир* (к.) означает 'мохнатый, косматый, долго-шерстный'³⁹.

Сопоставим переводы терминов для обозначения масти коней, сделанные В.Е. Таннагашевым, с теми обозначениями, которые содержатся в шорско-русских словарях или в дополнении к шорско-русскому словарю Н.Н. Курпешко-Таннагашевой, Ф.Я. Апонькина, опубликованном Д.А. Функом.

Таблица 1. Термины для обозначения масти коней

Масть коня	В.Е. Таннагашев	В.В. Вербицкий	Н.Н. Курпешко, Ф.Я. Апонькин	Д.А. Функ
кул	светлый	кула (кул'ат) саврасый	–	кул (кул'ат) саврасый
кўрең	коричневый	бурый ⁴⁰	коричневый; багровый, бурый (о масти коня)	–
кыбак қор	саврасо-рыжий	–	–	–
озар	саврасый	–	–	–
тор	гнедой	гнедой	–	гнедой
торуг	гнедой	–	–	–
турстуг	гнедой	–	–	–
шамдар	игрневый	игрений	–	игрневый
шокур	крапчатый	пестрый, чубарый	–	шокыр чубарый

Пояснения к Таблице 1

1. Описания масти коней взяты из толкового словаря В.И. Даля⁴¹ и приведены здесь для того, чтобы рядовые читатели (как шорской, так и русской национальности) могли точно представить образ богатырского коня – ключевой, как для понимания характера богатыря, так и его мощи.

2. Если сравнить описание масти коней у В.И. Даля и у шорских информантов, то налицо некоторое несовпадение. В словаре В.И. Даля «саврасо-рыжий» – это окрас одного цвета, только разного тона (разница в интенсивности тона), у В.Н. Таннагашева – смешанный окрас, состоящий из двух мастей.

3. В современных шорско-русских словарях наименования масти коней практически отсутствуют. Так, в словаре Н.Н. Курпешко, Ф.Я. Апонькина⁴² из названных В.Е. Таннагашевым обозначений присутствует только одно – *күрең*. Там есть еще и глагол *шоққурлан* – ‘пестрить’, хотя прилагательного *шоқур* со значением ‘пестрый, чубарый’ нет. Данные из «Шорско-русского словаря» Судочакова М.Л., Чульжанова Г.Д., Косточакова Г.В.⁴³ не включены нами в таблицу, так как в нем из сравниваемых лексем содержится лишь одна, и то без пометы «о масти коня». Это – *күрең* ‘коричневый, бурый’.

Как показывает таблица, только в двух случаях обозначение масти коня совпадает у всех авторов, включивших данные лексемы в свои словари (*тор* ‘гнедой’ и *шамдар* ‘игрневый’). В остальных случаях наблюдаются некоторые расхождения. Наименования коня по масти наиболее полно представлены у В.Е. Таннагашева, и их почти нет у Н.Н. Курпешко-Таннагашевой, Ф.Я. Апонькина. У В.Е. Таннагашева на две лексемы, обозначающие масть коня (*озар* ‘саврасый’, *қыбақ қор* ‘саврасорыжий’), больше, чем у В.И. Вербицкого и у Д.А. Функа. Кроме того, у него есть три варианта обозначения масти «гнедой»: *тор*, *торуг* и *турстуг*. У В.И. Вербицкого и у Д.А. Функа одинаковое количество включенных в таблицу обозначений масти коня, но у Д.А. Функа даны обозначения-термины. У других авторов есть и смысловой перевод данных лексем: ‘светлый’ (*қул*), ‘коричневый’ (*күрең*), ‘крапчатый’ (*шоқур*) – у В.Е. Таннагашева, ‘бурый’ (*күрең*) и ‘пестрый’ наряду с ‘чубарый’ (*шоқур*) – у В.И. Вербицкого, ‘багровый, бурый’ (*күрең*) – у Н.Н. Курпешко-Таннагашевой, Ф.Я. Апонькина. Эту особенность русско-шорского словаря отметил Д.А. Функ, разбирая содержащиеся в нем значения слова *күрең* 1) коричневый; 2) багровый, бурый (о масти лошади). «Приведенные в словаре значения ‘багровый, бурый’ с пометкой “(о масти лошади)” точны лишь по смыслу и лишь применительно к употребительной в данное время лексике»⁴⁴.

Итак, как видно из проведенного анализа, в современных шорско-русских словарях встречаются лишь единичные названия масти коней, а их переводы иногда неточны. Смысловой перевод встречается даже у тех носителей шорского языка, которые лучше других владеют родным языком, т. е. у кайчи. Это свидетельствует о том, что сегодня и они уже не достаточно хорошо помнят данную лексику. Наиболее известными обозначениями являются в настоящее время *тор* ‘гнедой’, *шамдар*

‘игрневый’ и *кўрең* ‘саврасый, бурый’. Терминология, связанная с обозначением коня, наиболее полно представлена в настоящее время в фольклоре.

5. Аллюр коня

Важное место в эпосе занимает лексика, характеризующая бег коня и припоминаемая с большим трудом. Бег коня различают по скорости: *шын чўгўт* (диал. *шын чўгўде*) букв. ‘истинный бег’, *қалық* ‘галоп’, *чортуп* ‘рысь’, *челек* (к.) ‘трухня (тихая рысь)’, *чорга* ‘иноходь (быстрый красивый ровный бег)’. Конь может бежать галопом (*қалықпа*), рысью (*чортуппа*), где рысью, где шагом (*шалам чортуппа*). Слово *шала* отсутствует в шорско-русских словарях, но там есть лексема *шала* со значением ‘чуть, не вполне, полу’⁴⁵; ‘небрежно, невпопад’ (Арбач.), которая служит также первым компонентом парного слова *шала-шула* ‘как попало’ (Арбач.). Понятно, почему выражение *шалам чортуппа* может означать также ‘вялый бег’ или ‘бег рысью, но с некоторой ленцой, переходящий иногда на шаг’.

Мерой скорости в фольклоре служит скачок (прыжок) коня, который в несколько прыжков преодолевает большое расстояние, поднимаясь на вершину горы, оказываясь за пределами своего мира или на другом конце света. Для передачи этого значения используются выражения типа *тоғус қалық шенепкел* или *алты қалық шидепкел*. Слово *шенепкел* кайчи затруднялся перевести. Однако эта лексема известна. В словаре В.И. Вербицкого содержится слово *шене* (к.) ‘мерять’.

Дословно упомянутое выше выражение с названным глаголом переводится ‘девять скачков (прыжков) отмерить’, которое означает отмерить необходимое расстояние, сделав девять прыжков, т. е. проделать нужный путь за девять прыжков или в девять скачков покрыть (какое-то расстояние). Ключевым словом при переводе второго выражения является лексема *шиде* – мрасский вариант произношения глагола *шыда* (к.) ‘терпеть, выносить, сносить, вытерпеть; мочь; иметь силу что-л. сделать’. В данной эпической формуле этот глагол используется в значении ‘иметь силу что-л. сделать’. Все выражение означает буквально ‘иметь силу преодолеть большое расстояние за несколько скачков (прыжков)’, т. е. очень быстро, в мгновение ока оказаться на другом конце земли, например. Сказитель перевел его ‘осилить (большое расстояние) за несколько скачков’. Следовательно, второе выражение переводится подобно первому: ‘за шесть скачков преодолеть или осилить (путь)’. Данное

выражение характеризует мощь богатыря, конь которого способен покрыть огромное расстояние всего за шесть скачков (прыжков), т. е. мчится как ветер. Если конь обладает такими необыкновенными способностями, то какой же сверхъестественной силы богатырь, управляющий таким конем!

6. Потаенное место в конском копыте

Интересные пояснения дал нам кайчи В.Е. Таннагашев относительно значения слова *мерик*. Обычно данное слово переводится как 'раковина под копытом коня', т. е. полое пространство с нижней стороны копыта коня. В толковом словаре русского языка В. Даля слово *раковина* имеет несколько значений, в том числе – «испод копыта конского со стрелкою посередине»⁴⁶. Кайчи тоже использует слово *стрелка*, разъясняя значение слова *мерик*. По его мнению, *мерик* – это 'стрелка копыта лошади', т. е. продольная бороздка в форме стрелки посередине нижней стороны копыта. Она представляет собой мягкое место вытянутой формы, куда обычно богатырь вбивает девушку, превращенную им в медную иглу. Как видим, оба перевода дополняют друг друга. Следовательно, слово *мерик* имеет одно значение 'раковина в форме стрелки посередине нижней стороны конского копыта'. В эпосе мерик используется богатырем для того, чтобы спрятать там заколдованную девушку и увести ее с собой.

7. Образные слова

В героических сказаниях встречается ряд сложных слов, которые уже вышли из употребления. Значительное количество из них представляет собой парные слова, образованные по модели: полнозначная + полнозначная основа или полнозначная + неполнозначная основа. Среди них много ритмизованных основ, которые употребляются для благозвучия и образности речи. Большинство носителей шорского языка с трудом припоминает значение таких слов. Даже сказитель В.Е. Таннагашев часто не знает перевод второго компонента парного слова, замечая, что так обычно говорили, употребляли эти слова для выразительности речи.

Слово *сыгыт-сагыт* образовано путем соединения двух разных равноправных основ с близким значением. По сравнению со значениями исходных основ оно имеет более отвлеченное значение. Слово *сыгыт-сагыт* 'свист и шум' носит собира-

тельный характер и переводится как 'большой переполох', т. е. переполох, сопровождающийся большим шумом. Его значение формируется путем сложения значений исходных основ. Как видно, оно включает разные равноправные основы, которые находятся в общем семантическом поле. Второе слово (*сагыт*) дополняет значение первого (*сыгыт*). Значит, анализируемое парное слово образовано по модели полнозначная + полнозначная основа.

Парное слово *эрик-чарык* употреблено кайчи В.Е. Таннагашевым в сочетании *эрик-чарык этпеди*, которое он перевел, как 'оговориться не дала' (т. е. 'не дала что-то сказать против ее воли'). Сказитель не перевел ни само парное слово, ни составляющие его компоненты. В словаре В.И. Вербицкого содержится слово *эрик* (н-к. аб.) 'воля'. В этой же словарной статье приведено сочетание *эрик пербеен* 'против воли'⁴⁷, из которого ясно, что слово *эрик* имеет значение 'воля как волевой акт', а не как 'воля – свобода'. В словарном составе шорского языка есть слово *чарык* со значением '(белый) свет, мир', но оно не может быть вторым компонентом данного парного слова. Следовательно, в рассматриваемом парном слове вторая основа является ритмизованным компонентом, который не обладает лексическим значением, а употреблен для благозвучия. Значит, слово *эрик-чарык* образовано по модели: полнозначная + неполнозначная основа. Для выяснения его точного значения требуется дополнительная поисковая работа, связанная с накоплением и анализом примеров, в которых употреблено данное парное слово.

Сложное слово *адазы-парий* В.Е. Таннагашев перевел как 'очень хороший, прекрасный, удивительный'. В героических сказаниях оно встречается в определительных сочетаниях с определяемыми существительными девушка, богатырь, конь и т. д. Названные сочетания означают "исключительная (необыкновенная) девушка (богатырь, конь)". Слово *адазы-парий* подчеркивает необычную красоту девушки, либо необыкновенную мощь коня, т. е. имеет значение 'необыкновенный, исключительный', которое формируется путем сложения значений компонентов сложного слова. Вторым компонентом *парий* переводится 'благородный, высокородный', а первый – 'отец-его', если рассматривать его как притяжательную форму третьего лица единственного числа существительного *ада* 'отец'⁴⁸: *ада*+*зы* (притяж. афф. 3 л. ед. ч.) 'отец-его'. Дословно сложное слово *адазы-парий* может означать «отец-его благородный (высокородный)», что соответствует выражениям русского языка «благородных кровей» или «благородного рода».

8. Элементы жилища

Современным шорцам уже сложно представить жилища, где обитали сказочные богатыри. Им не понятно, например, именное сочетание *кўлей (кўўлей) маазы (мазы)*. По мнению кайчи, оно, также как и слово *очуқ (очақ)* (к.), имеет значение 'очаг'. *Очуқ* – это сооружение, которое выполняло раньше функцию печки. В нем разводили огонь, и в нем постепенно скапливалась зола. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля дано значение слова очаг. Это – «огнище, возвышенный подъ, для разводки огня, теплого, стряпного или работного»⁴⁹. Очаг располагается перед печкой или отдельно от нее. Он используется для варки пищи на тагане, т. е. треножнике. Очаг мог снабжаться дымоволоком (т. е. дымоходом)⁵⁰. В.И. Вербицкий дает следующее пояснение к слову *очақ* (к.) / *очуқ* (к.): «очаг – таган, на который ставится котел»⁵¹. Слово *таган* известно не всем. Заглянув в толковый словарь, выясняем, что таган – это «круглый или долгий железный обруч на ножках, под которым разводят огонь, ставя на него вареву; треножник»⁵². Следовательно, можно уточнить перевод этого слова, содержащийся в словаре В.И. Вербицкого. *Очақ* (к.) / *очуқ* (к.) – это 'стоящий над огнем железный треножник с обручем наверху, на который ставится котел'. В хакасском языке слово *очых*, означает 'железный треножник, стоящий над очагом'. На основе этого определения можно заключить, что слово *очых* имеет два значения: 1) огнище (обмазанное глиной круглое углубление в полу, в котором разводится огонь); 2) железный треножник, стоящий над огнищем. По словам носителей шорского языка, слово *очақ* (к.) / *очуқ* (к.) имеет то же значение, что и в хакасское слово *очых*. Исходя из толкований этого слова, сделанных разными носителями шорского языка, можно, видимо, считать слово *очақ* (к.) / *очуқ* (к.) многозначным. Оно передает следующие значения: 1) обмазанное глиной круглое углубление в полу для разведения огня в целях обогрева жилища и приготовления пищи; 2) стоящий над огнем железный треножник с обручем наверху, на который ставится котел. Порядок следования значений произвольный.

В сочетании *кўлей (кўўлей) маазы (мазы)*, также имеющем значение 'очаг', первое слово является производным от основы *кўл* 'зола'. Исходя из ее значения, можно допустить, что данное сочетание используется для обозначения особого рода печки, в которой разводится (разжигается) огонь, и в которой скапливается зола. Слово *кўлей* в шорско-русских словарях нами не

обнаружено, однако оно содержится в словаре В.И. Вербицкого с пометой аб. (= абаканский). Это свидетельствует о том, что данная лексема имеется в хакасском языке: *кӱлей* (аб.) 'залежь, старая пашня'. По словарю В.И. Даля выясняем, что слово *залежь* имеет несколько значений. Оно обозначает «то, что залегает, пласт горной породы, торфа и пр.», а также «пашня, покинутая до задернения»⁵³. На основании анализа выражений, в которых встречается слово *кӱлей*, можно предположить, что в шорском языке оно имеет не второе, как в хакасском языке, а первое значение, т. е. 'слой (пласт) золы, скопившейся в очаге'. Значение слова *кӱлей* подтверждает справедливость перевода сочетания *кӱлей (кӱӱлей) маазы (мазы)* как 'очаг', сделанного кайчи В.Е. Таннагашевым. Заключение о смысле всего определительного сочетания мы делаем, основываясь только на значении первого компонента, по той причине, что второй компонент рассматриваемого сочетания нам не удалось найти в используемых нами словарях тюркских языков. Данное сочетание употребляется в выражениях: *кӱлей (кӱӱлей) маазын (мазын) тастыпча (тасты- – диал. вариант слова ташта-)* досл: '[богатырь] очаг (т. е. таган) бросает или опрокидывает', *кӱлей (кӱӱлей) маазын (мазын) шашча* досл: '[богатырь] очаг (т. е. золу) рассыпает, разбрасывает'. Они используются в ситуации, когда богатырь разрушает жилище врага. Судя по значению глаголов *ташта-* 'бросать, кидать' и *шаш-* (к.) 'рассыпать, разбросать', сочетание *кӱлей (кӱӱлей) маазы* имеет те же значения, что и слово *очақ (очуқ)*: 1) разновидность печки (огнище) и 2) железный треножник, который ставится над огнем и служит подставкой для котла.

В эпических формулах, описывающих разрушение жилища, используется и слово *очақ (очуқ)*. Сравните, например, примеры из «Шорского фольклора» Н.П. Дыренковой: *очуқтарын аңдарды, қазаннарын тӱңдерди*. 'Опрокинул треножник (очаг), перевернул котел' (АВЕ). Разрушить очаг, значит, уничтожить юрту, разрушить стойбище, поясняет Н.П. Дыренкова⁵⁴. Подобное выражение есть и в хакасском языке. В словаре В.Я. Бутанаева в качестве примеров со словом *очых*, приведена фраза из эпоса: «*тас очыгын талабысханнар, талган-кулӱн толадыбысханнар* 'разрушил жилище' (букв.: 'разбил чугунный треножник, развеял пепел')»⁵⁵. Следовательно, слова *очақ* и *кӱлей (кӱӱлей) мазы* имеют еще одно, третье, значение. Они обозначают 'домашний очаг' (т. е. 'жилище, юрту, стойбище').

Шорский фольклор сохранил не только слова, но и отдельные значения слов, которые в современном шорском языке уже

утрачены. Так, слово *қатпаш* сегодня в значении 'комната' не употребляется, однако в содержащихся в ЭКШТ эпических сказаниях, которые еще не опубликованы, оно имеет именно это значение. Сравните также пример из «Шорского фольклора» Н.П. Дыренковой: *қырық қатпаш* 'сорок складок, сорок комнат'. «Вероятно, этот образ основан на складках оболочки шатра», пишет она⁵⁶.

9. Элементы сказочного и реального ландшафта

В.Е. Таннагашев пояснил также значение слов и словосочетаний, употребляемых в эпосе для описания сказочного и реального ландшафта. Наряду с другими к ним относятся выражения *чер тулбазын, суг пурулуш, чер тўндўғи, чердиң тўндўғи*, имеющие значение 'подземный вход'. Н.П. Дыренкова пишет, что «земля, по представлению шорцев, имеет отверстие тюндюк; через это отверстие шаман спускается внутрь земли к духам подземного мира»⁵⁷. Поясняя значение приведенных выше выражений, В.Е. Таннагашев тоже говорит, что в центре земли есть вход в землю через яму, напоминающую водоворот. По-шорски она называется *чер тулбазыили суг пурулуш*. Через эту яму или через узкий ход, напоминающий по форме дымоход – *чер тўндўғи*, эпическому герою приходится спускаться под землю, чтобы сразиться с богатырями подземного мира.

Словосочетание *пом ашқым* тоже относится к забытым. По мнению Таннагашева В.Е., оно означает 'отлогий участок в горах, где можно временно отдохнуть'. В словаре В.И. Вербицкого содержится только слово *пом* (мат.) *бом* 'узкое место между горой и рекой, где проложена дорога'⁵⁸. В шорско-русском словаре Н.Н. Курпешко-Таннагашевой, Ф.Я. Апонькина имеются производные слова *ашқы* 'полка' и *ашпақ* 'покатый'⁵⁹, образованные от того же корня, что и слово *ашқым*. Их значения помогают раскрыть значение выражения *пом ашқым*, как 'узкого, покатога места в горах, пригодного только для временного отдыха'.

Следует учитывать, однако, что слово *пом/бом* может иметь и другое значение. Оно известно на Саяне-Алтае в значении 'важное событие на жизненном пути' (данное понимание восходит к буддизму). Шаманка, например, может поставить больному "диагноз": *ўч пом т'аргылу* (тел.). Это означает, что человека на его жизненном пути ожидают – ему на роду написано! – три смертельных препятствия» (Д.А. Функ в личной

беседе). Решающую роль для точного понимания этого слова играет контекст.

В шорских героических сказаниях, исполняемых В.Е. Таннагашевым, есть слова, значение которых не помнит уже и сам сказитель. Там, например, в сказании «Қазыр Тоо» речь идет о двух сказочных горных хребтах: *керим сын* и *эрим сын*. Богатырь старается проехать эти места без остановки, так как там его подстерегает опасность. Сказитель не знает перевода этих выражений, однако значения слов *эрим* и *керим* известны. *Эрим* – это ‘мучение, страдание; мучительный, причиняющий муку’, а *керим* – ‘непроходимое, непреодолимое препятствие; непреодолимый, непроходимый’. Понятно, что в первом случае подразумевается хребет, где люди подвергаются мучениям, а во втором случае это – хребет, который невозможно преодолеть. Однако названия хребтов стали, видимо, уже именами собственными и на русский язык не переводятся. В словаре В.Я. Бутанаева есть выражение *кірим сын* с пояснением, что это ‘сказочный горный хребет, отождествляемый фольклористами с Великой китайской стеной’⁶⁰. Выражение *эрим сын* в словаре отсутствует.

Перевод забытых сказителем слов *чеген тўбў* и *телекей* был найден нами в словаре В.Я. Бутанаева: *телекей* ‘мир’ или буквально, ‘круглый мир’⁶¹; т.е. ‘весь белый свет’. *Чиген* – ‘атмосфера, воздух, воздушная оболочка земли’⁶². По мнению Л.Н. Арбачаковой, в шорском эпосе выражение *чеген тўбў тартылды* можно перевести, как ‘дно воздушной оболочки земли потянулось’. Сравните, перевод подобной фразы, сделанный Н.П. Дырнковой: *чеген тўбў тартылыбышты* букв., ‘дно чегеня растянулось, зашевелилось, стянулось’⁶³. Д.А. Функ подчеркивает, что рассматриваемое слово известно во всех кочевнических культурах (Д.А. Функ, в личной беседе): *чеген* ‘чеген’ (т. е. ‘атмосфера, воздух, воздушная оболочка земли’).

Таким образом, в процессе записи и перевода на русский язык шорских героических сказаний был выявлен пласт лексики, который не известен не только рядовым носителям шорского языка, но и самим сказителям. Перевод отдельных слов В.Е. Таннагашев уже не знает, а значение некоторых слов хоть и понимает, но объяснить, по-русски или подобрать соответствующий русский эквивалент не может. Тем большую ценность имеет его помощь в трактовке тех слов и выражений, которые он еще помнит, и которые основной массой шорского населения уже забыты. Возрожденные с его помощью шорские

слова займут достойное место в словарном составе шорского языка, помогут восстановить исторически достоверную картину прошлой жизни шорского народа, будут способствовать более глубокому пониманию шорского фольклора – сокровищницы забытых понятий и их обозначений, кладезя наименований ушедших предметов, отражения истории народа с богатой духовной и материальной культурой.

Сокращения

перен. – переносное значение
букв. – буквально
диал. – диалектный
ЭЖШТ – электронный корпус шорских текстов
АВЕ – пометы, сделанные Алисой Васильевной Есиповой
Арбач. – Любовь Никитовна Арбачакова
ср. – сравните
и проч. – и прочее

Языки, диалекты и говоры

аб. – абаканский
древнетюр. – древнетюркский язык
т. – теленгутский
тел. – телеутский
тув. – тувинский язык
хак. – хакасский язык
шор. – шорский язык
к. – кондомский диалект шорского языка
в-к. – верхне-кондомский говор кондомского диалекта шорского языка
мр. – мрасский диалект шорского языка
мат. – матырский говор: язык шорцев, проживающих на р. Матыр (Хакасия), близкий к верхне-кондомскому говору

Примечания

- ¹ Работа проводилась при поддержке Немецкого научного общества и Российского фонда фундаментальных исследований: проект «Создание электронного корпуса шорских текстов (литературных и образцов устной речи) с целью сохранения материалов исчезающего языка, и его лингвистическое описание», № 00-06-04005 ННИО_а.
- ² «Schorica» [Электронный ресурс] // Сайт Кузбасской государственной педагогической академии. – Электронные данные. Новокузнецк, 2008. – Режим доступа: <http://shoriya.kuzgpa.rdtc.ru>, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 10.12.08.
- ³ Қайчы – это исполнитель героических сказаний горловым пением (кай'ем) под комус.
- ⁴ Ныбакчы – это человек рассказывающий сказки или героические сказания, без комуса и горлового пения.

- ⁵ Чудояков А.И. Шорские героические сказания. М., Новосибирск: Наука, 1998. С. 12. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17).
- ⁶ Вербицкий В.И. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. С. 88.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1940. С. 382.
- ⁹ Сажень – мера в 3 аршина, 12 четвертей, в 7 английских или русских, и 6 французских футов.
- ¹⁰ Функ Д.А. Заметки на полях шорско-русского словаря / Народы Российского Севера и Сибири. Сибирский этнографический сборник. Вып. 9. М., 1999. С. 165
- ¹¹ Бутанаев В.Я. Хакаско-русский историко-этнографический словарь. Абакан 1999.
- ¹² Функ Д.А. Указ. соч. С. 165.
- ¹³ Чудояков А.И. Указ. соч. С. 445.
- ¹⁴ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 217.
- ¹⁵ Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-қазақ пазоқ қазақ-шор ұрғедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемеровское кн. изд-во, 1993. С. 62.
- ¹⁶ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 281.
- ¹⁷ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 33
- ¹⁹ Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч. С. 30.
- ²⁰ Функ Д.А. Указ. соч. С. 153.
- ²¹ Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. С. 408.
- ²² Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 157.
- ²³ Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч. С. 53.
- ²⁴ Древнетюркский словарь. / Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. С. 550.
- ²⁵ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 345.
- ²⁶ Hauenschild I. Tierbezeichnungen dei Mahmud al-Kaschgari: eine Untersuchung aus sprach- und kulturhistorischer Sicht // Turcologica 53. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. S. 204.
- ²⁷ Баскаков Н.А., Топчакова Т.М. Ойротско-русский словарь. М., 1947. С. 146.
- ²⁸ Тувинско-русский словарь. / Под ред. Э.Р. Тенишева, - М., 1968. С. 391, 139.
- ²⁹ Цит. по: Hauenschild I. S. 204.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Саврасый – конская масть: рыжий впрожелть, навись (хвост и грива) и (всегда) ремень по хребту чёрные.
- ³³ Игреньвый – игрений – конская масть: рыжий, с гривой и хвостом белесоватыми, светлее стана.
- ³⁴ Каурый – конская масть: стан рыжеватый, светло-буроватый, впрожелть, хвост и грива такие же или светлее, а ремень по хребту потемнее, но не черный. Масти каурая и саврасая свойственны казанским малорослым

- плотным татарским лошадям и близко подходят к соловой и буланой, но эти желтее, а хвост и грива у соловой белее, у буланой чернее.
- ³⁵ Гнедой, рыжий или бурый, но ноги и навесь чёрные или тёмные
- ³⁶ Крапчатый – конская шерсть, масть: мешаной, нечистой шерсти, в мелких пезинках; темные пятна по всей шерсти, примесь рыжей шерсти в серой, или в черной и белой.
- ³⁷ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 46.
- ³⁸ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 177.
- ³⁹ Там же. С. 427.
- ⁴⁰ Бурый – конская масть между рыжею и вороною (чёрною), вся искрасна-коричневая, а навесь (хвост и грива) потемнее.
- ⁴¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1981.
- ⁴² Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч.
- ⁴³ Судочаков М.Л., Чульжанов Г.Д., Косточаков Г.В. Шорско-русский словарь. Новокузнецк, 1992.
- ⁴⁴ Функ Д.А. Указ. соч. С. 152.
- ⁴⁵ Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч. С. 67.
- ⁴⁶ Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 37.
- ⁴⁷ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 51.
- ⁴⁸ Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч. С. 14.
- ⁴⁹ Даль В.И. Указ. соч. Т. II. С. 775.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 225.
- ⁵² Даль В.И. Указ. соч. Т. IV. С. 38.
- ⁵³ Даль В.И. Указ. соч. Т. I. С. 596.
- ⁵⁴ Дырленкова Н.П. Шорский фольклор. С. 388.
- ⁵⁵ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 76.
- ⁵⁶ Дырленкова Н.П. Шорский фольклор. С. 382.
- ⁵⁷ Там же. С. 404.
- ⁵⁸ Вербицкий В.И. Указ. соч. С. 264.
- ⁵⁹ Курпешко-Таннагашева Н.Н. Указ. соч. С. 18.
- ⁶⁰ Бутанаев В.Я. Указ. соч. С. 44.
- ⁶¹ Там же. С. 142.
- ⁶² Там же. С. 214.
- ⁶³ Дырленкова Н.П. Шорский фольклор. С. 385.

Н.А. Коротаяев

Пограничные паузы как мера просодической интеграции в устной речи: случай сложноподчиненных конструкций¹

В работе рассматривается один из аспектов просодической организации сложноподчиненных конструкций в устной речи – длина пограничной паузы между частями конструкции. Показывается, что этот параметр, который можно использовать как формальный коррелят семантической интеграции, принимает разные значения для конструкций трех основных семантико-синтаксических классов – объектных, определительных и обстоятельственных.

Ключевые слова: устный дискурс, паузация, сложноподчиненные конструкции, членение дискурса, синтаксис и просодия.

1. Вступление

В центре внимания настоящего исследования – сложноподчиненные конструкции русского языка. Этот класс языковых единиц многократно подвергался научному анализу на материале кодифицированного письменного дискурса, но куда в меньшей степени изучен как феномен устной речи. Между тем в устном модусе дискурса реализуется целый ряд свойств, рассмотрение которых в принципе невозможно в рамках письменного языка. Прежде всего, это просодические особенности поведения сложноподчиненных конструкций. В чем состоят эти особенности, и как на материале устного дискурса проявляются традиционные различия между семантико-синтаксическими типами конструкций?

Один из важных параметров просодической организации, который можно использовать для ответа на эти вопросы, – распределение пауз на границах между составляющими конструкции. Мы покажем, что данные пограничной паузации свидетельствуют о высокой степени семантической интеграции составляющих сложноподчиненных конструкций в целом, а также в известной мере коррелируют с традиционным делением сложноподчиненных конструкций на объектные, определи-

тельные и обстоятельственные. Материалом нашего исследования послужил корпус «Рассказы о сновидениях», состоящих из 129 устных рассказов детей и подростков об увиденном ими во сне. Подробное описание корпуса, а также изложение принимаемой нами модели порождения дискурса см. в книге «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса»².

2. Паузы и элементарные дискурсивные единицы

Паузы – неотъемлемая характеристика устной речи. По разным данным, они составляют около половины звучания любого естественного дискурса. Вместе с тем расположение пауз в потоке речи не случайно, а подчиняется определенным закономерностям. Несколько упрощая картину, можно сказать, что паузы бывают двух типов: сегментирующие и хезитационные.

Сегментирующие паузы сигнализируют о завершении вербализации некоторого шага дискурса и о подготовке следующего шага³. С когнитивной точки зрения каждый такой шаг реализует один «фокус сознания»⁴; с языковой точки зрения – это единый просодический комплекс, в прототипическом случае представляющий собой простую предикацию (клаузу). Мы называем такие единицы *элементарными дискурсивными единицами* (ЭДЕ). Вычленение ЭДЕ в речевом потоке – центральный компонент анализа дискурсивной структуры, для реализации этой процедуры мы используем набор семантико-синтаксических и просодических критериев. Важно отметить, что наличие или отсутствие паузы при выделении ЭДЕ в расчет не принимается⁵. Вместе с тем анализ корпуса «Рассказы о сновидениях» показал, что 62.7% границ ЭДЕ паузы содержат. Появление таких пауз, которые также можно назвать *пограничными*, – физиологическая и когнитивная необходимость любого устного дискурса: оно, во-первых, связано с необходимостью сделать вдох после производимой на выдохе вокализации, во-вторых, позволяет говорящему произвести планирование своей речи в нормальном режиме.

Хезитационные паузы также связаны с планированием, но уже не с «естественным», каноническим его производством, а с разного рода нарушениями речевой программы – временными затруднениями, которые говорящий испытывает при развертывании своего дискурса. С логической точки зрения пограничные и хезитационные паузы не противопоставлены

друг другу: говорящий вполне может испытывать затруднения как внутри одной ЭДЕ, так и на границе между двумя ЭДЕ (в последнем случае чаще используются не *абсолютные* паузы, т. е. полное отсутствие вокализации, а *заполненные* – ээ, мм и т. д., которые сближаются с таким типичным симптомом хезитации, как удлинение гласных и согласных сегментов). Оценить общее число хезитационных пограничных пауз нелегко, а вот частота внутренних пауз, которые, по всей видимости, практически всегда указывают на хезитацию, известна. В корпусе «Рассказы о сновидениях» одна внутренняя пауза встречается примерно в каждой третьей ЭДЕ (точнее – 0.328 пограничной паузы на одну ЭДЕ). Если же взять за основу число границ между словами внутри ЭДЕ, то окажется, что только 12% таких границ содержат паузу⁶.

В дальнейшем мы уделим основное внимание пограничным паузам, однако приведенные выше данные о внутренних паузах также будут нам полезны.

3. Пограничные паузы в сложноподчиненных конструкциях

Как уже было сказано, прототипическая ЭДЕ представляет собой простую клаузу. В нашем корпусе к этому типу относятся более двух третей всех ЭДЕ (другие распространенные типы – это разного рода неполные, оборванные ЭДЕ, а также «малые» ЭДЕ, по синтаксическому объему уступающие клаузе). Соответственно, и один из самых стандартных случаев сочетания ЭДЕ – это сочетание двух или более клауз. Законы таких сочетаний, конечно же, отличаются от принципов построения сложных предложений в кодифицированном литературном языке⁷. В частности, само понятие предложения – если его вообще уместно использовать при анализе непринужденного устного дискурса – имеет тут явно иное содержательное наполнение. И все же на материале нашего корпуса достаточно надежно выделяется множество конструкций, весьма похожих на «привычные» сложные синтаксические структуры письменного языка. Составляющие этих конструкций представляют собой клаузы, и между ними наличествует отношение синтаксического подчинения, выражаемое, в частности, при помощи подчинительных союзов и союзных слов и/или специальных (нефинитных) форм глагола в зависимой предикации. Всего таких конструкций в корпусе содержится 348, одна из них приведена ниже:

(1) 049z⁸

- 10.9 6. ... (0.6) Там ещё ... (0.1) на /пути /–встречался= || ... (0.1) встретился
–к-камен-нь...
14.9 7. ... (0.4) на котором были разные \надписи.

Как видно из транскрипционной записи примера (1), на границе между главной и зависимой предикациями (строки 6 и 7) имеется пауза – как это и бывает в 62.7% границ ЭДЕ в корпусе. Однако для всего массива сложноподчиненных конструкций в корпусе такая ситуация не характерна: граница между главной и зависимой предикациями сопровождается паузой только в 32.9% случаев⁹, а в остальных случаях пограничная пауза отсутствует, см., например, следующие конструкции:

(2) 115n

- 28.4 24. ... (0.3) мне почему-то казалось
29.5 25. что я должна всё /решить,

(3) 016z

- 44.7 22. ... (1.3) {ОТКАШЛИВАНИЕ 0.3} ... (1.0) /Мне постоянно' ... (0.4) не
давали шумы на \у-улице с-спать,
50.8 23. потому что ... (0.3) на' ... (0.3) на /улице было много \–машин,

Итак, если для всего корпуса доля нулевых пограничных пауз составляет 37.4%, то для сложноподчиненных конструкций – 67.1%. Столь разительный контраст можно интерпретировать таким образом, что наличие или отсутствие пограничной паузы свидетельствует о различной степени *семантической интеграции* соседствующих ЭДЕ. Достаточно очевидно, что по сравнению с произвольным сочетанием ЭДЕ составляющие сложноподчиненной конструкции связаны более тесными семантическими отношениями, которые, собственно, и закреплены в грамматической форме. Преимущественное отсутствие пограничной паузы, таким образом, служит просодическим сигналом повышенной семантической интеграции. Еще выше степень семантической интеграции внутри одной ЭДЕ: как уже было отмечено, там паузы встречаются только в 12% межсловных границ. Все эти данные можно считать формальным подтверждением интуитивного представления о том, что сложноподчиненная конструкция – это «уже» не один минимальный дискурсивный шаг, но при этом и «не совсем» два.

Кроме того, можно предположить, что паузы на границе ЭДЕ, составляющих сложноподчиненную конструкцию, с большей вероятностью, чем произвольные пограничные паузы, имеют гезитационную природу. Частичным подтверждением этого предположения может служить тот факт, что такие пау-

зы несколько чаще, чем в общем случае (17.1% против 12.3%), реализуются как заполненные, см. следующий пример:

(4) 036z

25.1 26. ... (0.5) «Если вы не /пустите,

28.6 27. ээ(0.4) /я больше к вам /никогда не –приду-у!»

4. Пограничные паузы и семантико-синтаксические классы

4.1. Исходные предположения и данные корпуса

Целый ряд содержательных и формальных критериев указывает на то, что составляющие сложноподчиненных конструкций трех основных семантико-синтаксических классов проявляют различную степень внутреннего единства. Не углубляясь в подробности, можно привести следующие факты.

1. В объектных конструкциях зависимая клауза заполняет обязательную семантическую валентность главной предикации; в определительных и обстоятельственных конструкциях это чаще всего не так.

2. Объектные и определительные клаузы тем или иным образом включены в синтаксическую структуру главной предикации, тогда как обстоятельственная клауза присоединяется к главной на уровне всего предложения. Именно этот критерий положен в основу различения сложноподчиненных предложений нерасчлененной и расчлененной структуры в «Русской грамматике»¹⁰ (см. §§ 2765, 2947; предложения расчлененной структуры – это исключительно предложения с обстоятельственными придаточными). Сходная идея реализована в рамках референциально-ролевой грамматики Р. Д. Ван Валина и У. Фоли с ее тремя типами юнктивной связи: ядерным, центральным и клаузальным. Наиболее тесно входящие в конструкцию предикации связаны в случае ядерной юнкции, наименее тесно – в случае клаузальной юнкции; при этом существует соответствие между типом синтаксической связи и степенью семантической интеграции: в объектных конструкциях по большей части используется ядерная и центральная юнкция, в обстоятельственных – клаузальная¹¹.

3. Для объектных конструкций в большей степени, чем для каких-либо других, характерна десентенциализация зависимой части¹², в частности – использование номинализаций¹³. В нашем корпусе стремление объектных зависимых к десентенциализации проявляется в конструкциях с бессоюзными инфинитивами и инфинитивными оборотами, которые, в от-

личие от инфинитивных зависимых, вводимых союзами, не образуют отдельных ЭДЕ. В большинстве случаев речь идет о выражении того или иного объектного отношения (см. должна всё решить и не давали спать соответственно в (2) и (3)).

4. Наконец, в объектных конструкциях регулярно наблюдается грамматикализация главного предиката – явление, при котором этот предикат утрачивает существенную часть своих глагольных свойств и понижается в статусе до маркера того или иного грамматического значения (речь идет в первую очередь о некоторых употреблениях эпистемических и цитационных глаголов¹⁴).

Итак, в целом составляющие объектных полипредикативных конструкций связаны между собой существенно теснее, чем части конструкций с сентенциальным сирконстантом. Что же касается определительных конструкций, то они занимают на шкале семантико-синтаксической связности промежуточное положение, частью своих свойств сближаясь с объектными, частью – с обстоятельственными. В данном разделе нас будет интересовать, согласуется ли эта шкала со степенью просодической интеграции, измеряемой в терминах пограничной паузации.

Для измерения просодической интеграции мы использовали четыре параметра: уже упомянутую долю нулевых пограничных пауз, среднее и медианное значения, а также долю пограничных пауз от 0.5 секунды и выше. Порог в 0.5 секунды выбран потому, что это значение является средним для пограничных пауз по всему корпусу (но при этом уже весьма высоким для сложноподчиненных конструкций: для них среднее значение составляет 0.2 секунды).

В том случае если степень просодической интеграции наивысшая в объектных конструкциях и самая низкая в обстоятельственных, среднее и медианное значения паузы, а также доля «длинных» пауз от 0.5 секунды на пути от объектных конструкций к обстоятельственным должны последовательно нарастать, а доля нулевых пауз, напротив, последовательно понижаться. Как станет видно из дальнейшего обсуждения, реальные данные, приведенные в таблице 1, согласуются с этим предположением лишь частично.

Прежде чем перейти к обсуждению полученных результатов, следует дать некоторые пояснения к представленной ниже таблице. Во-первых, в ней отдельно учтены обстоятельственные конструкции с постпозицией и препозицией зависимой части. Дело в том, что только конструкции этого семантико-

синтаксического класса допускают равновероятное расположение зависимой части как перед, так и после главной (объектные и определительные зависимые практически всегда находятся в постпозиции к матричной предикации). Кроме того, препозитивные и постпозитивные обстоятельственные клаузы существенно различаются семантически: в нашем корпусе предшествуют главной предикации чаще всего временные и условные зависимые, следуют за ней – причинно-следственные и целевые¹⁵.

Во-вторых, можно заметить, что общее число учтенных конструкций (337) не равняется сумме по столбцам со второго по пятый (343). Это связано с тем, что некоторые конструкции демонстрируют свойства более чем одного класса – и потому учитываются более чем в одном столбце таблицы, а другие, наоборот, не укладываются ни в один из трех основных классов¹⁶.

**Таблица 1. Пограничные паузы
в сложноподчиненных конструкциях сновных
семантико-синтаксических классов**

	Объектные	Постпоз. обстоят.	Определи- тельные	Препоз. обстоят.	Всего
Всего случаев	186	53	55	49	337
Среднее значение	0.14	0.20	0.23	0.38	0.20
Медиана	0.0	0.0	0.0	0.1	0.0
Доля нулевых пауз, в процентах	74.2	66.0	58.2	49.0	67.1
Доля пауз от 0.5, в процентах	11.3	15.1	18.2	28.6	15.7

4.2. Обсуждение результатов

Как и ожидалось, рассмотренные параметры пограничной паузации действуют согласованно: в столбцах 2–5 таблицы 1 степень просодической интеграции последовательно ослабевает слева направо, причем на левом полюсе шкалы располагаются объектные конструкции, а на правом – конструкции с препозитивными обстоятельственными зависимыми. Положение объектных конструкций не требует особых комментариев: оно согласуется с исходным предположением – как и тот факт, что на противоположном полюсе располагается один из позиционных подклассов обстоятельственных конструкций. Большого внимания заслуживают две другие тенденции.

1. Преппозитивные обстоятельства в массе своей отделены от главной клаузы значительно большей паузой, чем постпозитивные. Одно из возможных (неформальных) объяснений этого факта состоит в том, что различия в значениях пограничной паузации связаны тут не со степенью взаимной интеграции составляющих конструкции, а с прагматическими особенностями порождения сложных синтаксических структур.

Когда обстоятельственная клауза располагается после вершинной предикации, в вершинной предикации обычно не содержится никаких формальных указаний на то, что дальше последует зависимая клауза. Чаще всего наличие обстоятельственной клаузы никак не вытекает из семантической и синтаксической структуры главной предикации – см., в частности, пример (3) выше. Мало чем может «помочь» слушающему и интонационное оформление: едва ли не любой вариант (подъем, падение или какой-либо другое движение тона в главном акценте вершинной предикации) вполне совместим с дальнейшим появлением как синтаксически зависимой, так и синтаксически независимой ЭДЕ. Таким образом, сравнительно короткая (в частности, нулевая) пограничная пауза выступает в данном случае важным индикатором содержательной связности конструкции, восполняя недостаточность лексико-синтаксических и интонационных сигналов.

При препозиции обстоятельственной клаузы дело обстоит совсем иначе. Вернемся к приведенному выше примеру (4). В нем налицо две важные особенности, противопоставляющие его примеру (3). Во-первых, в начальной ЭДЕ имеется формальный показатель подчинительной связи – союз *если* (так обстоит дело практически во всех обстоятельственных конструкциях с препозицией зависимой части, да и в явном большинстве сложноподчиненных конструкций всех классов в зависимой составляющей есть союз или союзное слово¹⁷). Во-вторых, зависимая ЭДЕ произносится с прототипической интонацией фазовой незавершенности (см., в частности, работу С.В. Кодзасова¹⁸, а также наше исследование о способах просодического оформления сложноподчиненных конструкций в корпусе «Рассказы о сновидениях»¹⁹). Эти два фактора в сумме обладают крайне высокой предсказуемой силой: слушающий с наибольшей вероятностью ожидает немедленного появления синтаксически главной предикации. Соответственно, от говорящего уже не требуется дополнительно подчеркивать связность составляющих конструкции посредством короткой пограничной паузы,

и он может затратить больше времени на планирование и/или вербализацию второй ее части.

2. Безусловно противоречит первоначальному ожиданию тот факт, что определительные конструкции располагаются на шкале просодической интеграции правее конструкций с постпозитивными обстоятельственными клаузами. Более того, даже если рассмотреть обстоятельственные конструкции с постпозицией и препозицией зависимой части как единый класс, они окажутся правее определительных по параметрам «среднее значение» (0.28 против 0.23) и «доля пауз от 0.5» (21.2% против 18.2%), но останутся пусть незначительно, но левее по параметру «доля нулевых пауз» (58.7% против 58.2%).

Можно было бы попытаться объяснить этот факт через противопоставление рестриктивных и нерестриктивных определительных клауз. Как известно, рестриктивное зависимое служит для идентификации референта определяемого им существительного, выделяя его среди множества аналогичных референтов. В нерестриктивном придаточном, напротив, не содержится идентификации референта вершинной именной группы: референт уже в достаточной степени определен при помощи других средств, и о нем просто сообщается некоторая новая информация (см., например, классическую работу Э. Кинана²⁰; в концепциях Н.Ю. Шведовой и Е.А. Земской для этого же противопоставления используются другие термины: «ограничительно-выделительная» vs. «распространительная связь»²¹ и «собственно-определяющая (идентифицирующая)» vs. «определятельно-распространительная функция»²² соответственно). Поскольку нерестриктивные контексты демонстрируют ряд свойств, нехарактерных для сложноподчиненных конструкций²³, можно было бы ожидать, что основной вклад в высокие значения пограничной паузации, отмеченные для определительных конструкций в целом, вносят нерестриктивные случаи.

Однако подобная логика на нашем материале «не работает». Прежде всего, несмотря на когнитивную значимость и обоснованность противопоставления рестриктивных и нерестриктивных зависимых, для большинства конструкций, встретившихся в корпусе, достоверно установить, к какому из этих двух типов они относятся, тяжело или даже невозможно: формальные показатели рестриктивности / нерестриктивности обычно отсутствуют, исключительно семантические соображения помогают также далеко не всегда (собственно, именно поэтому мы и рассматриваем все определительные конструк-

ции как единый класс). Так, в приведенном выше примере (1), как представляется, невозможно отдать предпочтение ни рестриктивной ('встретился тот камень, на котором были надписи'), ни нерестриктивной ('встретился камень, на нем были надписи') трактовке.

Некоторые случаи все же можно считать очевидными, но нерестриктивных из них совсем мало, а для рестриктивных (всего – 22 примера) значения пограничной паузации мало отличаются от общего случая: среднее значение составляет 0.18, доля нулевых пауз – 59.1%, доля пауз от 0.5 секунды и выше – 13.6%.

Таким образом, приходится признать, что с точки зрения пограничной паузации определительные полипредикативные конструкции ведут себя в нашем корпусе практически так же, как обстоятельственные. На шкале просодической интеграции оба этих класса явно противопоставлены объектным конструкциям, но между собой различаются незначительно.

5. Заключение

В работе был рассмотрен один из параметров просодической организации сложноподчиненных конструкций в устной речи – величина пограничной паузы между клаузальными составляющими конструкции²⁴. Было продемонстрировано, что по сравнению с произвольным сочетанием двух элементарных дискурсивных единиц (ЭДЕ) сложноподчиненные конструкции характеризуются значительно менее продолжительными и более редкими пограничными паузами. В этом свете пограничные паузы в сложноподчиненных конструкциях сближаются с сугубо хезитационными внутренними паузами, встречающимися в пределах одной ЭДЕ. Данные пограничной паузации свидетельствуют о том, что части сложноподчиненных конструкций демонстрируют высокую степень просодической интеграции, отражающую их семантическую слитность.

Также было показано, что распределение пограничных пауз в сложноподчиненных конструкциях различных типов неравномерно: самые низкие значения зафиксированы в объектных конструкциях, самые высокие – в конструкциях с препозитивными обстоятельственными зависимыми. Этот факт согласуется с первоначальным предположением о том, что составляющие объектных конструкций должны проявлять максимальную степень просодической интеграции, а составляющие обстоятельственных конструкций – минимальную. В то

же время с первоначальным предположением не согласуются данные о том, что конструкции с постпозитивными обстоятельственными зависимыми имеют в целом более короткие пограничные паузы, чем конструкции с препозитивными зависимыми, а также о том, что в определительных конструкциях зафиксированы практически такие же значения пограничной паузации, что и в обстоятельственных.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 07-06-00061а.
- ² Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / Под ред. Кибрика А.А. Подлеской В.И. М.: ЯСК, 2009.
- ³ См.: *Levelt W.J.M. Speaking. From intention to articulation.* Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989.
- ⁴ См.: *Chafe W. Discourse, consciousness, and time.* Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- ⁵ Рассказы о сновидениях. С. 59 и сл.
- ⁶ 1222 внутренние паузы на 10 204 межсловные границы *внутри* ЭДЕ.
- ⁷ См., в частности, работы *Лаптева О.А.* Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976; *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981; *Miller J., Weinert R.* Spontaneous spoken language: Syntax and discourse. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- ⁸ Все примеры приводятся в транскрипционной нотации. После номера примера указывается идентификационный код рассказа в корпусе; каждая ЭДЕ записывается в отдельной строке, слева от транскрипционной записи ЭДЕ указывается время начала ее произнесения (за нулевую отметку принимается начало соответствующего звукового файла) и ее номер в рамках рассказа. Абсолютные паузы отмечаются при помощи определенного количества точек, после которых в скобках следует указание на их длительность с точностью до десятой доли секунды. Пограничные паузы пишутся в начале новой строки, а не в конце предыдущей. Подробнее о формате транскрипции см. в книге «Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса».
- ⁹ С пограничной паузой произносятся 126 сложноподчиненных конструкций, без паузы – 211; еще в 11 случаях определить величину паузы невозможно, поскольку между синтаксически главной и синтаксически зависимой частями располагается ЭДЕ-вставка.
- ¹⁰ Русская грамматика / Под ред. Шведовой Н.Ю. Т. 1, 2. М.: Наука, 1980.
- ¹¹ *Foley W., Van Valin R.D.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 271.
- ¹² См.: *Lehmann Ch.* Towards a typology of clause linkage // *Clause combining in grammar and discourse* / J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 181-225.
- ¹³ Среди прочих см. работы *Ross J.R.* Nouniness // *Three dimensions of linguistic theory* / O. Fujimura (ed.). Tokyo: TEC, 1974. P. 137-258; *Noonan M.*

- Versatile nominalizations // Essays on language function and language type / J. Bybee, J. Haiman, S.A. Thompson (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 373-394; *Horie K.* Complement clauses // Language typology and language universals / M. Haspelmath (ed.). Vol. 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. P. 979-993.
- ¹⁴ См.: *Diessel H., Tomasello M.* The acquisition of finite complement clauses in English: A corpus-based analysis // *Cognitive Linguistics*, 12-2, 2001. P. 97-144; *Boye K., Harder P.* Complement-taking predicates. Usage and linguistic structure // *Studies in Language*, 31 (3), 2007. P. 569-606; *Коротаев Н.А., Кибрик А.А., Подлесская В.И.* Осложнения канонической структуры: на стыке моно- и полипредикативности // *Рассказы о сновидениях*. С. 268-288; Конструкции с цитацией, или «чужой речью» / *А.О. Литвиненко, Н.А. Коротаев, А.А. Кибрик, В.И. Подлесская* // *Рассказы о сновидениях*. С. 288-309.
- ¹⁵ Конечно, жесткого запрета, к примеру, на препозитивное расположение причинной клаузы нет, но, как показано в ряде работ, в конструкциях с начальным и конечным положением придаточных одного типа обнаруживаются немалые содержательные различия. См., например: *Thompson S.A.* Subordination and narrative structure // *Coherence and grounding in discourse* / R. Tomlin (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1987. P. 432-454.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Коротаев Н.А.* Просодическая организация сложноподчиненных конструкций // *Рассказы о сновидениях*. С. 490-492.
- ¹⁷ Данные из: *Коротаев Н.А., Кибрик А.А., Подлесская В.И.* Указ. соч. С. 247-249.
- ¹⁸ *Кодзасов С.В.* Фазовая символика тона // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца* / Под ред. Арутюновой Н.Д. М.: Индрик, 2002.
- ¹⁹ *Коротаев Н.А.* Указ. соч. С. 499-514.
- ²⁰ *Keenan E.L.* Relative clauses // *Language typology and syntactic description*. Vol. 2: Complex constructions / T. Shopen (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 141-170.
- ²¹ *Русская грамматика*. §§ 2092-2094.
- ²² *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Щиряев Е.Н.* Указ. соч. С. 260.
- ²³ См., например: *Кобозева И.М.* О критериях иллокутивной самостоятельности частей сложного предложения // *Труды Международного семинара «Диалог'99» по компьютерной лингвистике и ее приложениям*. 1999. С. 133-137; *Cristofaro S.* Subordination. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- ²⁴ В других наших работах мы анализировали еще один параметр просодической организации – тип *акцентной схемы*, отражающий, по нашему мнению, способ распределения коммуникативной нагрузки между составляющими конструкции (см.: *Коротаев Н.А., Подлесская В.И.* Фразовая акцентуация в сложных предложениях с постпозитивными придаточными в русском языке: опыт использования устного корпуса с просодической разметкой // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2008»*. Вып. 7 (14). М.: ИПИ РАН, 2008. С. 234-240; *Коротаев Н.А.* Указ. соч. С. 499 и сл.).

Е.В. Муравенко

Об изменении значения и сочетаемостных свойств глагола *скучать*

Статья посвящена изменениям в значении и управлении глагола *скучать* с конца XVIII века по настоящее время. Анализируются причины этих изменений, показан их системный характер. Предлагается проект нового специализированного словаря изменения управления и сочетаемости в русском языке конца XVIII – начала XXI в. и приводится словарная статья глагола *скучать* для этого словаря.

Ключевые слова: эмотивные глаголы, глагол *скучать*, глагольное управление, изменения в управлении, диатеза, участник ситуации, экспериенцер, стимул, словарь управления, словарь изменения управления.

В русском языке, как и в любом другом, постоянно происходят изменения. Исследователей языка и составителей словарей больше привлекают изменения в лексике, и они находят отражение в новых словарях, а между тем, и синтаксический уровень языка подвержен не менее существенным изменениям. Одним из видов синтаксических изменений является изменение управления слова: обращаясь к произведениям классиков, мы нередко сталкиваемся не только с устаревшими словами, но и с непривычным для нас, устаревшим управлением привычных слов. Синтаксические архаизмы, в отличие от лексических и морфологических, обычно не комментируются при издании классических произведений, и современному читателю многое бывает непонятно, школьники же часто принимают устаревшее употребление за ошибки писателей. Поэтому исследование и описание синтаксических изменений, издание синтаксических комментариев к классической литературе, а также словарей изменения управления представляется мне актуальной задачей.

В этой статье мне хочется рассмотреть изменение глагольного управления и возможные причины этого на конкретном примере, а именно, обратившись к употреблению глагола *скучать* с конца XVIII века по настоящее время.

Как и у других эмотивных глаголов, у глагола *скучать* имеются два участника ситуации: экспериенцер (лицо, испытывающее состояние) и стимул (причина, вызывающая состояние). За два последних века и способы выражения этих участников, и само значение глагола подверглись изменениям. Рассмотрим разные употребления глагола по возможности в хронологическом порядке.

Соотношение значений глагола *скучать* с конца XVIII до середины XIX века

В результате анализа употреблений глагола *скучать* в текстах конца XVIII в. – середины XIX в. становится ясно, что глагол *скучать* мог обозначать два несколько разных эмоциональных состояния: а) состояние скуки и б) состояние (чувство) досады, недовольства. Каждое из этих двух значений допускает две диатезы.

Диатеза 1:

а) 'вызывать состояние скуки'; б) 'вызывать чувство досады, недовольства'

ЭКСПЕРИЕНЦЕР	СТИМУЛ
Косв. дополнение в дат. падеже	Подлежащее

Примеры: а) *Бездействие скучает ему*; б) *Издержки скучают ему*.

(Об употреблениях типа *он скучал ему своими вопросами* см. ниже.)

Диатеза 2:

а) 'испытывать состояние скуки'; б) 'испытывать чувство досады, недовольства, тяготиться чем-л.'

ЭКСПЕРИЕНЦЕР	СТИМУЛ
Подлежащее	1) инфинитив; 2) стандартные способы выражения причины: тв.п., от + род, за + тв.п., придаточные предложения; 3) косвенные способы выражения причины; 4) контекстное выражение причины.

Примеры: а) *Он скучал бездействием, от бездействия*; б) *Они скучали убытком, заботами*.

В ряде словарей, изданных в XX веке, отмечается управление глагола творительным падежом. В БАС, МАС и СЯП эта возможность рассматривается как отдельное значение: 'тяготить-

ся кем-, чем-либо', тогда как остальные употребления (прежде всего без дополнений и с формами **от + род.п.**) считаются выражающими другое значение: 'испытывать скуку'. Например, в БАС предложение *После нашего отъезда, как мне потом рассказывали люди, оставшиеся в деревне, она очень скучала от безделья* [Л.Н. Толстой. Детство] приводится для иллюстрации первого значения 'испытывать скуку', а предложение *Но скоро запорожцы начали понемногу скучать бездействием* [Н.В. Гоголь, Тарас Бульба] иллюстрирует другое значение — 'тяготиться кем-, чем-либо'. Анализ примеров показывает, что разницы в значениях глагола, с одной стороны, управляющего творительным падежом, а с другой, управляющего другими формами, в частности **от + род. п.**, или использующегося без дополнения, нет, т. е. и *скучать чем*, и *скучать от чего* (и без дополнения) могли иметь как значение 'испытывать скуку', так и значение 'испытывать досаду, тяготиться чем-л.'. Таким образом, были возможны четыре употребления:

1) 'испытывать скуку' – *скучать чем*:

(1) *Война Ливонская кончилась: юношество, **скучая праздностию**, кипело любовью к ратной деятельности.* [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 12 (1824-1826)]

(2) *Хоть я не очень **скучаю теперешним моим положением**, а все-таки мне было веселее, когда я служил.* [М.Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году (1830)]

2) 'испытывать скуку' – *скучать (от чего)*:

(3) *Послы сидели одни, не могли заводить знакомств и **скучали**.* [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 7 (1813-1820)].

(4) *Юния Дмитриевна, за недостатком свежего случая доказывать свою дружбу, то есть встречать, провожать, посещать детей родных в учебных заведениях, больницах и тюрьмах, утешает всё еще тоскующую Юлию Петровну и **скучает от праздности**.* [И.А. Гончаров. Письма (1842-1859)].

3) 'испытывать досаду, тяготиться чем-л.' – *скучать чем*:

(5) *Я беспрестанно рыскал за ее сиятельством, **скучал приступами ее о сватовстве**, она **моим отлагательством**, и как у меня не осталось уже ни ленточки, то иногда доходило и до ссоры.* [В.Т. Нарезный. Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)].

(6) *Греки скучали в отдалении от домов своих и жаловались на худое содержание: Евгений также, не видя успеха, **скучал бесполезными издержками** и в конце зимы уговорил импе-*

ратора переехать во Флоренцию. [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 5 (1809-1820)].

4) 'испытывать досаду, тяготиться чем-л.' – *скучать (от чего)*: (7) Он колебался и **скучал**, но волей-неволей должен был покориться родительскому приказанию. [Е.Р. Дашкова. Записки (1805)].

(8) Обломов, разумеется, не мог осмыслить своей жизни и потому тяготился и **скучал от всего, что ему приходилось делать**. [Н.А. Добролюбов. Что такое обломовщина? (1859)].

В трех указанных выше словарях для каждого управления указывается лишь одно значение (т. е. из перечисленных выше четырех возможностей приводятся варианты 2 и 3), хотя иллюстративные примеры в этих же словарях, как я уже показала, не всегда соответствуют выделяемым значениям. Видимо, выделение в этих словарях отдельного значения для употребления *скучать чем* вызвано именно другим управлением (а не значением) и, пожалуй, еще и тем, что данное управление на момент создания этих словарей устарело. В СУ устаревший вариант *скучать чем* приводится не как отдельное значение, а как вариант управления для значения 'испытывать скуку', однако приводимый в словаре пример иллюстрирует скорее другое значение – 'испытывать чувство досады, недовольства, тяготиться чем-л.': *Монашеской неволею скучая... под клобуком свой замысел отважный обдумал я* [А. С. Пушкин].

Поскольку для двух обозначаемых глаголом состояний (скуки и досады) используются одни и те же средства выражения и подчас трудно провести границу между этими двумя значениями, мне кажется целесообразным объединять их в словаре, при этом всё же указывая обе возможности (состояние скуки и чувство досады). Кстати, в словаре САР, изданном в конце XVIII века, в качестве единственного значения указывается 'чувствовать, изъявлять скуку' и приводятся примеры с управлением творительным падежом: *скучать своим состоянием*. Данные этого словаря также, на мой взгляд, подтверждают нецелесообразность выделения другого значения для употребления *скучать чем*.

Две рассмотренные выше диатезы характерны для многих эмотивных глаголов и в современном языке, ср. *Подарок радует ребенка* – *Ребенок радуется подарку*, *Его поведение удивляет меня* – *Я удивляюсь его поведению*, *Красота Марши восхищает Петра* – *Петр восхищается красотой Марши*, *Темнота пугает девочку* – *девочка пугается темноты* и т. п.

Однако в современном языке вторая диатеза маркируется в глаголе постфиксом *-ся* (т. е. фактически представляет собой залог), а для глагола *скучать* в XVIII–XIX вв. эти две противоположные диатезы никак не маркируются. Видимо, формы глаголов с постфиксом *-ся* и без него в то время еще не так четко дифференцировались. Это подтверждается, с одной стороны, тем, что глаголы с *-ся* и без *-ся* часто употреблялись в одном и том же значении, например, *скучить* и *скучиться* в значении ‘почувствовать скуку’ (см. САР), *наскучить* и *наскучиться* в значении ‘вызвать скуку’ (см. С-XVIII), а с другой стороны, тем, что не только для *скучать*, но и для глагола *наскучить* были возможны те же две диатезы без какого-либо морфологического маркирования (см. С-XVIII, БАС, МАС).

Рассмотрим теперь историческое развитие каждого из приведенных выше значений.

**Значения ‘вызывать состояние скуки’;
‘вызывать чувство досады, недовольства’**

Этим значениям соответствует диатеза I (см. выше). Исходный способ выражения такой диатезы представлен, например, во фразе: *Мне скучает рассказывание англичанина о великих добродетелях своих соотечественников*. Однако употребления глагола с таким значением, встретившиеся в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), демонстрируют производную диатезу с расщеплением: субъект внутренней ситуации, являющейся стимулом, выступает в качестве подлежащего, а «остаток» (действие, состояние, свойство этого субъекта) выносятся в качестве отдельного дополнения, выражаемого творительным падежом¹:

(9) *Однако же я лучше бы согласился попасть в руки жестокому инквизитору, нежели англичанину, который непрестанно будет давать мне чувствовать, сколько он почитает себя во всем лучшим предо мною, и который, если удостоит меня своими разговорами, то не о другом чем будет со мною говорить, как бранить всех других народов и **скучать рассказыванием** о великих добродетелях своих соотечественников.* [И.А. Кривов Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)]

Замечу, что в доступных мне примерах рассматриваемой диатезы глагол чаще имеет значение ‘вызывать чувство досады, недовольства’, причем вынесенный в позицию подлежащего субъект внутренней ситуации играет активную роль:

(10) Бывший тогда лейб-гвардии Конного полка подполковник Ливен, который ко мне имел особливую благосклонность, увидя меня наедине и сожалея о моем приключении, советовал мне иметь терпение и чтоб я впредь до времени **никакими о себе просьбами не сучал**. [Шаховской Я.П. Воспоминания (1766-1777)]

(11) Хан не успевал спрашивать Аммалата про битвы и походы и устройство войск русских; ханша **сучала ему спросами** о платьях и обычаях женщин их. [А.А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)]

(12) **Я собой никому не сучаю, прошу и мне не сучать**. [С.Т. Аксаков. Детские годы Багрова-внука, служащие продолжением семейной хроники (1858)]

В том случае, если субъект является активным участником ситуации, можно считать, что происходит уже не просто изменение диатезы, но и определенный сдвиг в значении, что можно охарактеризовать как каузативную актантную деривацию²; о разных значениях (конверсивном и каузативном) некоторых эмотивных глаголов см., например, в работах Ю.Д. Апресяна³ и Е.В. Падучевой⁴.

Судя по доступным мне примерам, глагол *сучать* в конце XVIII – начале XIX вв. имел скорее каузативное (активное) употребление (как в современном языке исторически родственной ему глагол *докучать*), а чисто конверсивное употребление в современном языке закрепилось за глаголом *наскучить*, тогда как в XVIII в. оба глагола – *докучать* и *наскучить* – имели как каузативное, так и конверсивное употребление (см. С-XVIII).

В XIX вв. глагол *сучать* постепенно утрачивает такое употребление, последний пример из НКРЯ относится к 1858 г.

Значение ‘испытывать скуку; испытывать досаду, недовольство, тяготиться чем-л.’

В этом значении экспериенцер выражен подлежащим, а стимул может быть представлен в разных формах, выражающих причину. Данная диатеза сохраняется у глагола в течение двух веков, однако способы выражения второго участника ситуации изменились, что связано, прежде всего, с общими процессами в языке, а именно, с сокращением числа глаголов, допускающих инфинитивные дополнения, и с изменением способов выражения значения причины.

В конце XVIII – начале XIX в. (редко – позже) глагол *сучать* мог управлять инфинитивом:

(13) *Ежели бы в большом городе увидели они какую красавицу в скуке и задумчивости, то узнали бы тотчас, что она **скучает быть вместе с своим мужем** и что ей непременно нужно предписать частые прогулки.* [И.А. Крылов. Почта Духов, или Ученая, нравственная и критическая переписка арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами (1789)]

(14) *Духовные мои приятели заслуживали мое внимание и потому, что они **не скучали проводить время со мною**, когда я бывал или болен, или печален, а такой жертвы требовать и ожидать от возвышенных состоянием своим людей трудно.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822) / Часть 4 / 1799–1806]

(15) *Счастлива еще она была, что нрав ее и разум ставили выше всех семейных раздоров и что она **не скучала сидеть одна дома** с своей работой или книгами и выезжать не любила, впрочем же ни с кем не вела знакомства.* [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822) / Часть 4 / 1799–1806]

(16) Пример из БАС: *Они **не скучали ухаживать** за мною в эту долгую зиму.* [Н.Г. Чернышевский. История одной девушки]

(17) Пример из СУ: *Ты на спрос **отвечать не скучал**.* [Н.А. Некрасов]

В современном языке инфинитив с глаголом *скучать* уже не употребляется, что является отражением общей истории развития инфинитивного дополнения. Инфинитив по происхождению является формой отглагольного имени, поэтому функция дополнения – исконная функция инфинитива. Однако, как отмечает В.Л. Георгиева, «исторический период жизни русского языка показывает нам постепенную утрату различных структурных осколков именного происхождения инфинитива. Инфинитивное дополнение является обычным и употребительным во всех стилевых разновидностях нашего языка только при сравнительно небольшой группе глаголов»⁵.

Основное управление глагола *скучать* в XVIII и первой трети XIX в. – управление творительным падежом, см., например, (1), (2), (5), (6). Для выражения обстоятельственного причинного значения в XVIII веке также широко использовался творительный падеж; в дальнейшем творительный причины, как

пишет Л.А. Булаховский, «довольно долго держится в стихотворной речи XIX – приблизительно три первых десятилетия; до этого же времени в гораздо более редком употреблении – и в прозе»⁶.

По всей видимости, утрата глаголом *скучать* такого управления связана с тем, что вообще творительный причины выходит из употребления. Об этой связи, в частности, свидетельствует и тот факт, что Р. Мразек пример *скучать своим одиночеством* рассматривает в разделе «Творительный причины»⁷.

На смену управлению творительным падежом приходит управление группой **от + род.п.** Первые примеры с таким управлением из НКРЯ относятся к середине XIX в. – см. примеры (4), (8). Это управление указано практически во всех современных словарях и подтверждается примерами из НКРЯ:

(18) *Иван Петрович, обратив внимание, что Егор скучает **от бездействия**, принес ему пилоч и дощечек от сигарных ящиков с наклеенными узорами и научил его подставочки выпиливать.* [Н.С. Лесков. Белый орел (1880)]

(19) *Свора собак представляла достаточную защиту от хищных зверей, а вместе с тем доставляла достаточно забот – так что **скучать от безделья** не приходилось.* [В. Обручев. Земля Санникова (1924)]

(20) ... *коровы сейчас лежали у водопоев, быки храпели, и равнодушные пастухи варили себе что-нибудь на ночь, чтоб не **скучать от голода** во сне.* [Андрей Платонов. Ювенильное море (Море юности) (1934)]

(21) *Уля Акулова страшно **скучала от безделья**.* [Т. Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)]

Значительно реже используются другие формы с причинным значением. Так, в XIX в. значение причины могло передаваться формой **за + тв. п.**, чем и объясняется управление в следующем примере:

(22) *Однажды, во время пребывания двора в Гатчине, генерал-прокурор (Петр Хрисанфович Обольянинов), воротясь от императора с докладом, объявил Безаку, что государь **скучает, за невозможностью** маневрировать в дурную осеннюю погоду, и желал бы иметь какое-либо занятие по делам гражданским.* [Н.И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)]

Использование формы **из-за + род. п.**, а также придаточных причины с разными союзами также возможно, но встречается не так часто.

Помимо перечисленных стандартных способов выражения причинной валентности, глагол *скучать* допускает и другие формы для выражения этого значения, которые можно назвать косвенными способами. Это придаточные предложения с союзами *если* и *когда*, деепричастные обороты, предложно-падежные группы и наречия с пространственным значением (*в деревне, на новом месте, за прилавком*), предложно-падежные группы, имеющие значение 'во время какого-л. действия' (*за вышиванием, за уроками 'занимаясь уроками', над книгой 'во время чтения книги', на лекции*), группа с *кем* со значением совместности. Все эти косвенные способы заполнения валентности используются на протяжении всего рассматриваемого периода времени, т. е. с конца XVIII в. по настоящее время, однако в современном языке встречаются чаще.

Приведу примеры.

Скучать, если...:

(23) Дружинин был всегда ровен, никогда не горячился в разговоре, относился ко всему довольно индифферентно, **скучал, если** завязывался при нем продолжительный разговор о политике и об общественных вопросах. [А.Я. Панаева. Воспоминания (1889–1890)]

(24) Она **скачала, если** в общении с близкими звучала только правильная речь. [Э. Герштейн. Реплики Ахматовой (1990)]

Скучать, когда...:

(25) Все же чаще и сильнее **скачал он, когда** у него совершенно не было денег и когда он не мог поэтому выпить ни капли вина, к которому сделал привычку. [Ф. М. Достоевский. Неточка Незванова (1849)]

(26) Трудно не **скачать, когда** Иван и Сидор напевают нам о своих несчастиях: еще труднее не заснуть, перечитывая, как они иногда в трехстах трехстопных стихах друг другу рассказывают, что, славу богу, здоровы и страх как жалеют, что так давно не видались! [Ю.Н. Тынянов. Архаисты и Пушкин (1926)]

Скучать + деепричастный оборот:

(27) Я осталась тут с час еще после обеда и **не скачала, отвечая на расспросы дам**, иногда довольно замысловатые. [Н.А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения (1838)]

(28) Небось, смертельно **скачал, целый день крутя баранку**

на осточертевших московских улицах. [Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)]

Скучать где:

(29) *Вечером **скучал в гостиной.*** [Н.Д. Дурново. Дневник 1812 (1812)]

(30) *Я действительно мог ходить с мамой куда угодно, стоять в любой очереди, **скучать в парикмахерской и химчистке,** лишь бы быть рядом с ней.* [Б. Минаев. Детство Леры (2001)]

(31) *Женщина, **скучавшая за стойкой,** сразу обратила внимание на вошедшего.* [В. Войнович. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина (1969–1975)]

(32) *Вечером **скучал у того же Демидова.*** [Н.Д. Дурново. Дневник 1812 (1812)]

(33) *Двое часовых, навалившись на винтовки, **скучали у крыльца.*** [С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)]

(34) *Лена **среди стариков скучала.*** [В. Распутин. Нежданно-негаданно (1997)]

(35) *И вообще здесь я меньше **скучаю,** нежели скучал прежде, кочуя из города в город; здесь у меня положительные занятия.* [А.И. Герцен. Записки одного молодого человека (1840)]

(36) *Он не любил детский сад и жутко **скучал там.*** [В. Крапивин. Трое с площади Карронад (1979)]

Скучать (занимаясь каким-н. делом; во время какого-л. действия):

(37) *Наперекор панегирикам со стороны блюстителей вкуса русский читатель, особенно если он был молод и неопытен, приучался **скучать над старыми, образцовыми поэтами и прозаиками.*** [А.В. Дружинин. Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения (1856)]

(38) *Прокатят века, – школьники будут **скучать над историей наших потрясений.*** [В.В. Набоков. Письмо в Россию (1925)]

(39) *В эти же три часа они могли с успехом ловить настоящих вредителей, а не **скучать над подтекстами артиста,** читающего пушкинское...* [В. Смехов. Театр моей памяти (2001)]

(40) *Скоро надо ехать в Москву опять **скучать** всю зиму **за французскими уроками,** и мне так жалко покидать деревню.* [Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)]

(41) *За городом на учительских грядках **скучали за посадкой картофеля** молодые, здоровые и любящие друг друга муж и*

жена, видно, скука неизбежный ореол супружества. [М.М. Пришвин. Дневники (1920)]

(42) Огромное количество людей способно **скучать перед «Сикстинской» и за Бетховеном** и услаждаться дешевой олеографией и слащавым вальсом. [С.Н. Булгаков. Свет не вечерний (1916)]

(43) Он **скачал на ледяном представлении**, но добросовестно каждый раз хлопал, только несколько раз тихо сказал Наташе: «Зачем ты нас сюда притащила?» [Ф. Кнорре. Шорох сухих листьев (1967)]

Скучать с кем:

(44) Смею думать, что вы не **скучаете со мною** и что вы не считаете меня за дурачного человека. [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)]

(45) С такой женщиной можно прожить долгие годы, и уж **скучать с ней** не придется. [Д. Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996)]

Возможно и контекстное заполнение валентности стимула у глагола *скучать* (специальной формы для выражения валентности нет, однако ее легко восстановить по контексту):

(46) Послы сидели одни, не могли заводить знакомств и **скачали**. [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 7 (1813-1820)]

(47) У меня будет интересный собеседник, подумала я, и мне не придется **скучать**. [Владимир Высоцкий. Где Центр? (1975)]

(48) Переводить было пока нечего, и он **скачал**. [Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)]

Значение 'болезненно переживать отсутствие кого-чего-л.'

На основе значения 'испытывать тоску' в начале XIX в. у глагола *скучать* развивается значение 'болезненно переживать отсутствие кого-чего-л.' Это значение и в XIX в., и в настоящее время может передаваться предложно-падежной группой **без + род. п.:**

(49) Она **скачала без Дефоржа**, в его присутствии поминутно занималась им, обо всем хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)]

(50) Я многозначительно подчеркивал, что **скачаю без нее**, что ее письма для меня всегда удивительная радость. [Ю.В. Никулин. Семь долгих лет (1979)]

Этот весьма распространенный способ выражения валентности указывается во многих толковых словарях (БАС, МАС, БТС), а также в словарях управления⁸.

Приблизительно в 30-е годы XIX в. по аналогии с глаголами горестного состояния (*грустить*, *тосковать*) глагол *скучать* начинает использоваться с более идиоматичными способами выражения валентности отсутствующего лица или предмета, вызывающего томление: *о ком-чем, по ком-чем, по кому-чему*.

Каково же соотношение форм с предлогами *о* и *по*?

В древнерусском языке форма **о + предл. п.** со значением тематического объекта употреблялась с глаголами горестного чувства как основной вариант, предлог **по** при таких глаголах употреблялся только с предложным падежом, причем форма с предлогом *по* была «более употребительна при рассказе о смерти, разлуке, гибели»⁹. С этими данными вполне согласуется предположение В.В. Виноградова о происхождении этой конструкции: «По-видимому, в употреблении предлога *по* с предложным падежом после глаголов чувства нужно видеть причинное переосмысление временного значения (*тосковать по* “после”, “по причине”). Но так как в конструкциях типа: *тосковать по ком-нибудь – чем-нибудь* и т. п. временное значение *по* стерлось, то исчезает и внутреннее, логическое различие между предлогом *по* в этом употреблении и предлогом *о* в тех же сочетаниях вроде *тосковать о ком-нибудь – чем-нибудь*, *горевать о ком-нибудь – чем-нибудь*»¹⁰.

Как уже было сказано, с глаголом *скучать* оба предлога на равных правах начинают употребляться с 30-х гг. XIX в., но постепенно предлог *по* оттесняет предлог *о* на периферию и начинает занимать главенствующее положение. В 1947 г. В.В. Виноградов пишет, что «конструкции с предлогом *по* ощущаются как более разговорные, чем соответствующие конструкции с предлогом *о*»¹¹. Между тем уже в конце XIX в. предлог *по* с глаголом *скучать* употреблялся в 3 раза чаще, чем предлог *о*, в настоящее же время – в 25 раз чаще! Это дает основание Ю.Д. Апресяну и Эрне Палл расценивать употребление *скучать о ком-чем* как устаревшее¹². На мой взгляд, однако, дело обстоит не совсем так: употребление *скучать* с предлогом *о* гораздо более редкое, но пока не устаревшее. Причина, возможно, в том, что группа *о чем* имеет более общее значение тематического объекта, за группой же с предлогом *по* закрепляется узкое значение отсутствующего объекта, т. е. этот предлог более точно передает значение глагола. В НКРЯ примеров с предлогом *о* хотя и гораздо меньше, чем с *по*, но достаточно.

Опрос носителей языка также показывает, что употребление *скучать о ком-чем* воспринимается скорее не как устарелое, а как менее точное, чем *скучать по кому-чему*. Приведу примеры последних лет:

(51) *Да и возле быка Мигуэля, казалось теперь Данилову, он **скучал о Наташе***. [В. Орлов. Альтист Данилов (1980)]

(52) *Понимаете ли Вы, что я **скучаю о Вас...*** [В. Астафьев. Зрячий посох (1978-1982)]

(53) *Социализма не стало, а мы почему-то **скушаем о научных и добрых фильмах**, сделанных предыдущим поколением мастеров*. [Р. Нахапетов. Влюбленный (1998)]

Предлог *по*, как выше было отмечено, с глаголами горестного чувства в древнерусском языке управлял только предложным падежом. Предложный падеж постепенно вытесняется дательным. Временная последовательность замен такова: существительные во множественном числе – местоимение *они* – существительные в единственном числе – местоимения *он, кто* – местоимения *мы, вы*. Поскольку существительные в форме предложного падежа множественного числа после предлога *по* перестали употребляться еще до того, как глагол *скучать* стал управлять сочетаниями с предлогом *по*, то конструкция *скучать по + сущ.* в предл. мн. ни в какой момент времени не существовала, а все остальные возможности были представлены в языке и зафиксированы в текстах. Что касается местоимений *я, ты и она*, то омонимия форм дательного и предложного этих местоимений сделала переход более гладким и незаметным¹³.

Примеры с предложным падежом:

(54) *По ночам он спал теперь нехорошо, чутко, и ему слышно было, как Матвей тоже не спал и всё вздыхал, **скучая по своему изразцовом заводе***. [А.П. Чехов. Убийство (1895)]

(55) *Может быть, она все-таки сейчас **скушает по нем?*** [В.В. Набоков. Король, дама, валет (1927-1928)]

(56) *Этим я хочу сказать, что **скучаю по Вас***. [Б. Ефимов. Десять десятилетий (2000)]

(57) *И **ни по ком скучать не будете?*** [Л. Юзефович. Дом свиданий (2001)]

Примеры с дательным падежом:

(58) *При нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, **скучая по своему хозяйству**, все государя домой манил*. [Н.С. Лесков. Левша (1881)]

(59) – Ну, нам час добрый, а вам счастливо оставаться, **по нам не скучать**. [И. Шмелев. Богомолье (1930-1931)]

(60) **Я скучаю по Вам**, лаборатории и в особенности по моей научной работе. [П. Капица. 1998]

В современных словарях по-разному отражается соотношение вариантов *скучать по ком-чем* и *скучать по кому-чему*. В БАС, МАС и СУ оба варианта даются без дифференциации. В СШ вариант *скучать по ком-чем* получает помету устар. и прост. В словарях управления Д.Э. Розенталя¹⁴, Н.Н. Прокоповича и др.¹⁵, П.Н. Денисова и В.В. Морковкина¹⁶ указывается, что управление предложным падежом используется с личными местоимениями 1 и 2 лица. Л. Муцков и С. Влахов к этим местоимениям добавляют еще *кто, что*¹⁷. Ю.Д. Апресян и Э. Палл дают только современный вариант *скучать по кому-чему*¹⁸.

Кроме вариантов управления *о ком-чем, по ком-чем* и *по кому-чему*, в НКРЯ в этом же значении 8 раз встречается употребление *скучать за кем-чем*, например:

(61) По случайно наведенным справкам оказывается, что и она **скучает за мной**. [А.П. Чехов. Безотцовщина (1887)]

(62) – **Я скучаю за Настей**, – сказал Михаил Михайлович с какой-то нищенской интонацией. [Ю. Нагибин. Бунташный остров (1994)]

(63) Первые слова Василия Павловича звучали – в записи редактора – так: **«Я скучаю за Москвой, за друзьями»**. [А. Генис. Довлатов и окрестности (1998)]

Этот вариант управления из современных толковых словарей и словарей управления отмечен только в СУ с пометой обл. Разумеется, это ненормативное управление, оно характерно для южных диалектов, однако частота встречаемости в НКРЯ и в Интернете говорит о том, что с соответствующими пометами этот вариант стоит представлять в словарях.

Для выражения рассматриваемого значения, как и предыдущего, могут использоваться косвенные способы заполнения валентности: придаточные предложения с союзами *если, когда, пока*, деепричастные обороты.

Скучать, если...:

(64) Но всё же ребята любили Гулю и **скучали, если** она не приходила в детский сад. [Е. Ильина. Четвертая высота (1945)]

(65) Султан страшно **скучал, если** мне приходилось уезжать даже на сутки. [В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь (1998-2004)]

Скучать, когда...:

(66) *И никто не будет **скучать, когда** я уйду.* [В. Каверин. Два капитана (1938-1944)]

(67) *Но, насмехаясь над ним, он в то же время **скучал, когда** долго не видел его.* [В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)]

Скучать + деепричастный оборот:

(68) *Скучала, **подолгу его не видя.*** [И. Грекова. Перелом (1987)]

Выводы о причинах изменения управления

Итак, мы рассмотрели изменения в значении и сочетаемостных свойствах глагола *скучать*, произошедшие с конца XVIII в. по настоящее время. Причины этих изменений показательны, поскольку носят системный характер, т. е. связаны с языковыми изменениями более общего плана:

1. Утрата каузативных (конверсивных) значений 'вызывать скуку', 'вызывать досаду' с управлением *скучать кому (чем)* связана с **дифференциацией значений однокоренных глаголов** (в результате эти значения закрепляются за глаголами *наскучить* и *докучать* соответственно, а глагол *наскучить*, в свою очередь, теряет значение 'почувствовать скуку' – *я наскучил его безмолвием*).

2. Появление управления с предлогами *о* и *по* объясняется **синтаксической аналогией** (воздействием глаголов *тосковать, грустить*).

3. Утрата возможности употребления глагола с инфинитивом отражает общую историю развития инфинитивного дополнения, т. е. **сокращение инфинитивных дополнений в языке**.

4. Утрата управления творительным падежом связана с **утратой творительного причинного**.

5. Постепенная смена конструкции *скучать по ком-чему* на *скучать по кому-чему* отражает **изменение управления предлога по** (предл. → дат.) в разных значениях. Кроме того, замену предложного падежа на дательный после предлога *по* при глаголах горестного состояния можно объяснить **причинным переосмыслением временного значения**.

Словарная статья *скучать* для словаря изменения управления

Проведенный анализ глагола *скучать* может быть использован при составлении словарной статьи для словаря изменения управления и сочетаемости в русском языке конца XVIII – начала XXI в. Такого словаря пока нет, но необходимость его создания или, по крайней мере, его полезность не вызывает сомнений. В словаре предполагается 1) показать современное (актуальное) управление слова, что необходимо для его правильного употребления; 2) указать все возможные способы управления на протяжении двух веков, что не только познавательно (поскольку проясняет и появление современного способа управления), но и необходимо для правильного понимания классической литературы. Словарь может быть полезен и для целей автоматической обработки текстов, в частности машинного перевода: расширенное описание управления слов потенциально увеличивает полноту синтаксического анализатора, а указание хронологических границ каждого способа управления дает возможность выбрать из всех вариантов управления наиболее адекватный при синтезе текста.

Способы управления понимаются более широко, чем принято традиционно, т. е. управляемыми считаются не только косвенные падежи существительного, но и прямой (именительный) падеж, некоторые глагольные формы (инфинитив, деепричастие), придаточные предложения¹⁹.

Предлагаю предварительный вариант словарной статьи, который еще нуждается в дополнительных проверках и редактировании. Разумеется, каждое употребление должно быть проиллюстрировано литературными примерами, которые здесь опускаются, поскольку в достаточном количестве содержатся выше в тексте статьи.

СКУЧАТЬ (конец XVIII – начало XXI в.)

1. 'Кто-л. испытывает досаду, недовольство, тяготится чем-л.' (до начала XX в.);

'кто-л. испытывает скуку'

1) с инфинитивом (до начала XIX в., редко – позже): *она скучает сидеть дома*;

2) стандартные способы выражения причины –

кто скучает чем (до конца XIX в.): *он скучает праздностию, молчанием, однообразностью, поучениями кого-л.*;

кто скучает за чем (до конца XIX в., редко): *он скучает за невозможностью делать что-л.*;

кто скучает от чего (со 2-й половины XIX в.): *он скучает от безделья, от одиночества;*

кто скучает из-за чего (со 2-й половины XIX в., редко): *она скучала из-за плохой погоды;*

с придаточными причины (редко): *мальчик скучал, потому что не мог привыкнуть к новой школе;*

3) косвенные способы выражения причины –

кто скучает, когда...: *мальчик скучал, когда оставался один;*

кто скучает, если...: *она скучала, если нечего было читать;*

кто скучает + деепричастный оборот: *он скучал, отвечая на ее вопросы;*

кто скучает где: *она скучает в деревне, на новом месте, у бабушки, здесь;*

кто скучает за чем, над чем (занимаясь чем-л.), **на каком-л. мероприятии:** *он скучает за посадкой картофеля, над учебниками, на лекции;*

кто скучает с кем: *он не скучает с ней.*

2. 'Кто-л. болезненно переживает отсутствие кого-чего-л.' (с 30-х гг. XIX в.)

1) **кто скучает о ком-чем** (с конца 30-х гг. XIX в., в наст. время редко): *дети скучают о матери, об отце, она скучает о дочери, о сыне, о муже, он скучает о жене, о родных, о семье, о доме;*

2) **кто скучает по ком-чем**

(по ним – до середины XIX в., редко — позже);

(с сущ. в ед. ч. – до конца XIX в.): *она скучает по муже, по сыне, по доме;*

(по ком, по нем – до середины XX в., редко – до конца XX в.);

(по вас, по нас – по наст. время, в XXI в. редко).

3) **кто скучает по кому-чему** (по наст. время)

(с сущ. во мн. ч.): *он скучает по родным, по друзьям;*

(по ним – с 30-х гг. XIX в.);

(с сущ. в ед. ч. – с середины XIX в.): *она скучает по мужу, по сыну, по дому;*

(по кому, по нему – с середины XIX в.);

(по вам, по нам – с конца XX в.);

4) **кто скучает без кого-чего:** *я скучаю без тебя, без родных, без друзей, без телефона, без игрушек;*

5) **кто скучает за кем-чем** (обл. южн.): *я скучаю за тобой;*

6) косвенные способы выражения участника ситуации –

кто скучает, когда...: *мальчик скучал, когда уходили родители;*

кто скучает, если...: *она скучала, если его долго не было;*

кто скучает + деепричастный оборот: *он скучал, долго не видя ее.*

3. 'Что-л. (кто-л.) вызывает скуку; вызывает досаду, недовольство; надоедает' (до середины XIX в.)

- 1) **что скучает кому:** *ему скучает бездействие, им скучают лишние издержки, вопросы мальчика скучают отца;*
2) **кто (что) скучает кому чем:** *мальчик скучает отца вопро- сами.*

Сокращения

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17-и т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. В.И. Чернышева, С.П. Обнорского, В.В. Виноградова, Ф.П. Филина и др. М., 1948–1965.
БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.
МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981.
НКРЯ – Национальный корпус русского языка – www.ruscorpora.ru.
С-ХVIII – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–12. Л., Спб., 1984–2002. Изд. продолж.
САР – Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный. I–VI. СПб., 1789–1794; Изд. 2: т. 1. М., 2001.
СУ – Толковый словарь русского языка в 4 т. под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935–1940.
СШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007.
СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000.

Примечания

- ¹ О понятии расщепления см. в статьях: *Апресян Ю.Д.* Глагольное управление revisited // *Od fonemu do tekstu. Prace dedykowane Profesorowi Romanowi Laskowskiemu. Pod redakcją I. Bobrowskiego i K. Kowalik.* – Kraków: Wydawnictwo LEXIS, 2006. С. 56–58; *Апресян Ю.Д.* Типы соответствия семантических и синтаксических актантов // *Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А.А. Холодовича. Материалы.* – СПб.: Нестор – История, 2006. С. 17–18. А о диатезах с расщеплением, характерных для эмотивных глаголов, см. в книге *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 282–284.
- ² *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 210.
- ³ *Апресян Ю.Д.* Каузативы или конверсивы? // *Типология. Грамматика. Семантика: К 65-летию В.С. Храковского.* – СПб.: Наука, 1998. С. 274–275.
- ⁴ *Падучева Е.В.* Указ. соч. С. 285.

- 5 Георгиева В.Л. История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968. С. 72.
- 6 Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1954. С. 335.
- 7 Мразек Р. Синтаксис русского творительного (структурно-сравнительное исследование). Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964. С. 120.
- 8 Апресян Ю.Д., Палл Эрна. Русский глагол – венгерский глагол. Управление и сочетаемость. Будапешт, 1982, Т. 1–2. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1978. Прокопович Н.Н., Дерibas Л.А., Прокопович Е.Н. Именное и глагольное управление в современном русском языке. М., 1975.
- 9 Попова З.Д. Употребление падежей // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В. И. Бorkовского. М.: Наука, 1978. С. 353–354.
- 10 Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. – 3-е изд., испр. М.: Высш. Шк., 1986. (1-е изд. – 1947 г.) С. 572.
- 11 Там же.
- 12 Апресян Ю.Д., Палл Эрна. Указ. соч.
- 13 Об изменении управления предлога по см. подробно в статье Муравенко Е.В. О синтаксических архаизмах // Изменения в языке и коммуникации: XXI век. М.: Изд-во РГГУ, 2006 на с. 214–223.
- 14 Розенталь Д. Э. Управление в русском языке: Словарь-справочник. М., 1981.
- 15 Прокопович Н. Н., Дерibas Л.А., Прокопович Е.Н. Указ. соч.
- 16 Учебный словарь сочетаемости слов русского языка.
- 17 Муцков Л., Влахов С. Беспредложное и предложное управление глаголов в русском языке (словарь-справочник). София, 1966.
- 18 Апресян Ю.Д., Палл Эрна. Указ. соч.
- 19 Ср. с пониманием управления в работе: Апресян Ю.Д. О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола // Словарь. Грамматика. Текст: Сб. ст. / РАН. Отд. лит-ры и языка. Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова / Отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. – М.: Азбуковник, 1996. С. 22–23.

С.И. Переверзева

Признак «ориентация тела и его частей» (формальное определение и содержательные пояснения)

Работа выполнена в рамках проекта «Части тела в русском языке и русской культуре». В статье рассматриваются некоторые признаки, характеризующие тело человека и его части. Основное внимание уделяется признаку «ориентация». Приводится содержательное объяснение понятия «ориентация тела или его части» и его формальное определение. Вводится ряд других понятий, соотносимых с признаком ориентации. Намечается типология минимальных пар жестов с ориентацией.

Ключевые слова: вербальный код, невербальный код, часть тела, признак, ориентация, ориентир, жест, незнакомое движение

§1. Признаки тела и его частей

Настоящая работа представляет собой новый фрагмент проекта «Части тела в русском языке и русской культуре»¹, созданного и разрабатываемого на семинаре по невербальной семиотике в Институте лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) под руководством Г.Е. Крейдлина.

Проект предполагает решение следующих основных задач. Во-первых, описать то, как человеческое тело и отдельные его части представлены в русской культуре, прежде всего, русском языке и русских невербальных знаковых кодах, из которых рассматриваются только телесные коды. Во-вторых, выявить вербальные и невербальные знаки, которые связаны в русской культуре с разными частями человеческого тела, и описать механизмы взаимодействия таких знаков. В-третьих, построить содержательные классификации тех знаков, которые имеют отношение к человеческому телу².

Существуют два основных априорно возможных пути решения этих задач.

Первый – это традиционный лексикографический подход, правда, с определёнными модификациями, поскольку здесь

© Переверзева С.И., 2009

приходится иметь дело сразу с двумя семиотическими кодами. При лексикографическом подходе предполагается (а) построение словарной интерпретации единиц вербального и невербального телесных кодов по отдельности в рамках, соответственно, языкового и жестового словарей и (б) последующее сопоставление полученных описаний.

Второй путь является относительно новым. На нашем семинаре он получил название «признакового подхода». Остановлюсь на нём более подробно.

Выделяются и описываются два множества – множество признаков тела и его частей и множество значений этих признаков, и между этими множествами устанавливается соответствие. А именно, рассматриваются теоретически возможные соотношения между признаками и их значениями и описываются реализации таких соотношений в русском языке и русском языке тела. Выявление указанных множеств и определение соотношений между их элементами и составляют суть признакового подхода.

Объектом исследования в рамках признакового подхода являются телесные единицы (прежде всего, жесты в широком смысле слова³) и языковые единицы. Из языковых единиц особо выделю имена (номинации), обозначающие тело (*тело, фигура, корпус, торс, стан, туловище* и др.) и части тела (*рука, нога, живот, грудь, спина* и др.), свободные и устойчивые словосочетания с этими номинациями, отдельные фразы и тексты, описывающие телесное поведение человека, а также имена жестов и жестовых комплексов.

Материал для анализа, как ясно из сказанного выше, был двух типов.

Во-первых, это словесные произведения, а именно тексты русской художественной литературы разных жанров и стилей, фрагменты этих текстов, представленные, главным образом, в электронных корпусах (в частности, в Национальном корпусе русского языка⁴). Это также живая речь носителей языка и языковые словари (в основном, толковые и фразеологические). Наконец, это тексты научных и научно-популярных книг и статей по лингвистике и невербальной семиотике.

Во-вторых, это невербальный материал, то есть разнообразные знаки русского телесного кода, а иногда и незнакомые движения или положения тела. Этот материал был получен в результате наблюдений над реальным телесным поведением людей, прежде всего, коммуникативным поведением. Использовались фотографии и видеозаписи устных коммуни-

кативных актов, фрагменты фильмов. Невербальные данные извлекались также из языковых текстов, которые описывают интерактивное поведение людей в диалоге, и из различных жестовых словарей и описаний жестов. В частности, большая доля такой информации приходится на Словарь языка русских жестов⁵.

Прежде чем перейти к основному предмету статьи – признаку «ориентация» и значениям, которые этот признак принимает, – сделаю несколько вводных замечаний о признаках тела и частей тела.

Признаки и их значения можно упорядочить и расположить на некоторой шкале по степени изученности и частоте их упоминания в лингвистической и семиотической литературе. Одни признаки являются известными и широко обсуждаемыми, другим уделялось незаслуженно мало внимания, а третьи занимают промежуточное положение. Среди последней группы признаков выделяются две разновидности. Это (а) признаки, которые больше связаны с движениями и жестами, то есть с телесным поведением человека в диалоге (они более подробно изучались в невербальной семиотике, нежели в лингвистике), и (б) признаки, которые больше связаны с отражением телесности в естественном языке (они, разумеется, интересовали главным образом лингвистов).

К признакам, которые связаны по большей части с движениями и жестами, относятся, например, признаки «форма <тела и его частей>⁶» и «типовые положения <тела и его частей в некотором жесте или некоторой позе>».

Признак «форма» был подробно описан Аркадьевым, Крейдлиным и Летучим⁷. Значения этого признака разбиваются на два крупных класса, получивших название «геометрические формы» и «негеометрические формы».

Геометрические формы представлены, в частности, следующими сочетаниями: *круглая голова, овальное лицо, квадратные глаза*. Общим свойством геометрических форм является то, что толкования обозначающих их сочетаний содержат смысловой компонент 'тело или часть тела X имеет форму абстрактного геометрического тела/фигуры Y' (в приведённых примерах Y принимает значения 'шар', 'овал' и 'квадрат'). Негеометрические формы отображаются в сочетаниях *нос картошкой, яйцевидная голова, поросычьи глазки, лебединая шея, глаза как блюдца, грудь колесом*. Здесь часть тела имеет форму некоего эталонного объекта, в роли которого обычно выступают объекты определённых таксономических классов.

В русском языке это продукты питания (такие, как картофелина и яйцо), части тела животных (например, глаза поросёнка и шея лебедя) и некоторые артефакты (блюдец и колесо).

Теперь скажу несколько слов о признаке « типовые положения тела »⁸. Этот признак принимает стандартные значения ‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’. Их стандартность связана с тем, что обозначающие их глаголы характеризуют физиологически естественное положение тела в пространстве, а не только участие (положение) тела в том или ином жесте. Видовая спецификация этих значений создаёт основу для номинаций многих жестов и поз, ср. *стоять по стойке смирно*, *сидеть на корточках*, *лежать ногами кверху* (поза отдыха). Во многих языках некоторые из таких языковых спецификаций лексикализованы настолько, что представлены одним словом или одной лексемой, ср. английское *to squat* ‘сидеть на корточках’; хинди *palathi* ‘сидение со скрещенными ногами’, *padmasan* ‘поза лотоса’; русские *нагнуться*, *наклониться*⁹.

К типовым положениям тела относятся также знаковые положения. Это положения, принимаемые телом в жестах в широком смысле слова, в частности, в позах. Речь идёт о положениях тела при **поклонах**¹⁰ и **реверансах**, о положении тела в жестах приветствия и прощания, в семиотических актах мольбы или в позе просящего и многих других.

В кругу признаков, не привлекавших должного внимания лингвистов, но хорошо известных специалистам по невербальной семиотике, выделю признак «направление движения»¹¹. Как и признак « типовые положения », направление движения характеризует не столько тело или его части сами по себе, сколько то, как они участвуют в реализации жестов или незнаковых движений. Однако, в отличие признака « типовые положения », направление движения определено лишь для движений, но не для статичных положений тела.

Значения признака «направление движения» можно разбить на классы по разным основаниям, в частности, исходя из того, какова плоскость, в которой совершается движение. Так, в жесте **поманить пальцем** палец жестикулирующего человека¹² движется в сагиттальной плоскости (от адресата к жестикулирующему), в жесте **стучать пальцем по столу** – в вертикальной плоскости (вверх-вниз), а в жесте **грозить пальцем** – одновременно и в вертикальной, и в сагиттальной плоскостях. Движения в горизонтальной плоскости – это, в частности, движения глаз и головы человека, который собирается переходить дорогу (ср. слова матери, обращённые к ребёнку,

Когда будешь переходить дорогу, посмотри сначала налево, а потом направо). Кроме того, в горизонтальной плоскости совершается резкое движение руки в жесте **провести рукой по горлу** при произнесении слов *Мне за это голову снимут*.

Ещё одним основанием для классификации движений служит их кратность, то есть количество движений при исполнении жеста, ср. однократный взмах руки в жесте **отмахнуться** и многократные взмахи в жесте **замахать на кого-л. руками**. Вот ещё один пример различия движений по кратности: наклон корпуса в жесте **поклониться** является однократным движением, а в движении **раскланиваться направо и налево** – многократным.

В русском языке тела есть много случаев, когда разные варианты одного и того же жеста (или даже разные, но близкие по смыслу жесты) физически, то есть по способу реализации, отличаются друг от друга только кратностью движений активного органа, или органа, осуществляющего жест. В свою очередь, физическая многократность знакового движения соотносится с семантическим компонентом 'интенсивность'. Ср. жесты **стукнуть кулаком по столу** (однократное движение кулака сверху вниз) и **стучать кулаком по столу** (многократное движение кулака вверх-вниз), а также жест **поднять руку**, чтобы попросить слова (однократное движение руки вверх и немного вперёд), и его вариант **тянуть руку**. Тянут руку школьники на уроках, и выглядит это следующим образом: рука, полусогнутая в локте, вскидывается вверх и совершает мелкие многократные движения вперёд (с целью привлечь внимание учителя).

Примером признака, изучаемого в лингвистике, но почти не замеченного специалистами по невербальной семиотике, служит цвет. Цвет различных частей тела может быть разным: белым, чёрным, красным, синим, зелёным (ср. *белые плечи, чёрные ногти, красный нос, синие глаза, позеленеть*) и др., но удивительным образом цвет тела и его частей не бывает телесным. Однако не следует думать, что для невербальной семиотики цвет – признак совсем периферийный. Цвет тела сопряжён с эмоциями, которые часто отражаются на лице человека и некоторых других частях тела, ср. фразы *Она почернела от горя; Он покраснел от стыда*. А способы проявления эмоций и связанные с ними изменения в человеческом теле – излюбленный предмет невербальной семиотики, прежде всего кинесики.

Признак «цвет» тесно связан с признаком «культурная символизация <тела и его частей>». Части тела определённого цве-

та имеют в русской культуре особую значимость, прежде всего, связанную с внутренним состоянием человека, его эмоциями, физическим и психическим здоровьем. В силу этого часть тела конкретного цвета может получать и в языке и в жизни нетривиальную смысловую и коннотативную нагрузку. Например, покрасневшее лицо, как я говорила выше, ассоциируется, среди прочего, со стыдом, а белые руки – с неумением или нежеланием человека заниматься физическим трудом.

К числу признаков, выпавших из сферы внимания исследователей тела и телесности, относится также признак «типичные звуки <тела и его частей>». Зубы *стучат*, кости *трещат* и *скрипят*, в ушах <что-то> *звонит*, в голове <нечто> *гудит*, косточки пальцев *щёлкают*; человек *кряхтит*, *мычит*, *стонет*, *храпит*, *поёт*, *говорит* и т. д. Многие из перечисленных звуков тело и его части производят, только будучи в аномальном состоянии. Это позволяет использовать определённые звучания тела в качестве надёжных диагностических признаков такого состояния.

Иногда звуки издают не части тела, а какие-то находящиеся в них неопределённые сущности (*в висках <нечто, что-то> стучит*; *в ушах <нечто, что-то> звонит*), а иногда в роли источников звуков выступают сами части тела (*косточки хрустят*; *сердце стучит*). Возможен также случай, когда одна и та же часть тела может быть как источником звука, так и тем местом, где он производится. Я имею в виду примеры типа *живот урчит* / *в животе урчит*; *голова звонит* / *в голове <нечто, что-то> звонит*; *хрипы в лёгких* / *лёгкие хрипят*. Те части тела, которые бывают источниками звуков, бывают также и инструментами, при помощи которых звук извлекается. В текстах встречаются не только сочетания *стучать пятками* (ср. *И было странно и неприятно слушать, как где-то на чердаке топал, стучал пятками разговаривавший сам с собой Паиска-Гыга.* (Е. Носов)), но и *пятки стучат* (ср. *Ставни стукнули друг о друга, и сразу в соседней комнате кто-то заворочался, босые пятки застучали по деревянному полу.* (Т. Тронина)), не только *пальцы хрустят*, но и *пальцами хрустят* и т. п.

§2. Признак «ориентация»

Признак «ориентация <тела и его частей>» – это тот признак, который ни в лингвистике, ни в невербальной семиотике практически не был исследован, при том что он активно используется в русском языке тела и разнообразно представлен в русском языке¹³.

Для полного описания того, что представляет собой признак и его значение, необходимо решить ряд частных задач. Это (1) дать определение исследуемого признака; (2) выявить парадигматические и синтагматические связи данного признака с другими признаками системы, а также установить аналогичные связи языковых единиц, которые являются обозначениями этого и других признаков; (3) охарактеризовать функционирование рассматриваемого признака (в частности, зафиксировать те типовые коммуникативные ситуации, где данный признак является основным предметом обсуждения).¹⁴

Следует сказать несколько слов по поводу названия того признака, о котором здесь идет речь. Обычно названия признаков тела и его частей выбираются таким образом, чтобы любому неискущённому носителю русского языка было интуитивно понятно, о каком признаке идёт речь (а в тех случаях, когда названия признака ничего «простому» человеку не говорили, они специально пояснялись). Например, такие имена, как *цвет <тела и его частей>*, *звук, размер и форма*, по-видимому, не требуют никаких предварительных пояснений; они понятны сами по себе. Однако такие признаки, как *топография, метеорология, образное представление <тела и его частей>* или *ориентация <тела и его частей>*, несомненно, нуждаются в отдельном пояснении.

§3. Содержание терминов *ориентация тела* и *ориентация части тела*

Название *ориентация* для признака, о котором пойдёт речь ниже, выбрано не случайно. Действительно, русское слово *ориентация* и родственные ему слова *ориентир*, *ориентирование*, *сориентироваться* и под., хорошо известны и часто употребляются в повседневной речи. Люди *ориентируются при помощи компаса или по карте*, говорят об *ориентации на какой-либо местности*; они *ориентируются по звёздам*, занимаются *спортивным ориентированием*. *Ориентирами* для людей в населённых пунктах служат заметные места: памятники, монументы, площади, магазины, театры, правительственные и другие социально значимые здания.

Экскурс (об истории слова *ориентация*)

Слово *ориентация* и однокоренные с ним слова восходят к латинскому слову *oriēns*. Оно имеет два связанных друг с другом значения – ‘восходящее солнце’ и ‘восток’, то

есть 'место, где восходит солнце'.¹⁵ Основной смысл русского слова *ориентация* – 'определение местонахождения' – возник, по всей видимости, как результат диахронического семантического перехода. Это переход от смысла 'место, где находится восток', к смыслу 'определение того, где находятся основные стороны света'.

В пользу предположения о возможности такого семантического перехода говорят следующие факты. В древности, согласно словарю Брокгауза и Ефрона¹⁶, ориентирование было связано с такой деятельностью людей, как строительство зданий, в особенности храмов, церквей и других сооружений религиозного культа. Например, римляне, строя храмы, прежде всего отмечали две линии: восточно-западную, которая по-латыни называется *decimānus* 'десятичный', и северо-южную, которая называется *cardo* 'поворотная точка'. Известно, что сначала определяли место, где находится восток, а затем, отмечая восточно-западную линию, определяли место, где находится запад. Далее под углом девяносто градусов к восточно-западной линии проводили северо-южную линию, устанавливая таким способом места, где находятся север и юг.

Места, где находятся восток и запад, устанавливались эмпирически. Из применяемых римлянами способов ориентирования вдоль восточно-западной линии самым распространённым был следующий простой способ. С помощью особых землемерных инструментов определялась точка горизонта, в которой восходило солнце, то есть восток. После этого определялась так называемая линия визирования, и она считалась восточно-западной. По всей вероятности, именно этот способ измерения и послужил основанием для семантического перехода, о котором я говорила выше.

Выражения *ориентация тела* и *ориентация части тела* в бытовом, повседневном русском языке не употребляются, хотя семантически и синтаксически они построены абсолютно правильно. Фразы типа *Его глаза ориентированы на меня; Её корпус ориентирован в нашу сторону* встречаются в книгах и статьях психологов или антропологов, но их едва ли можно встретить в устных текстах бытовой коммуникации. Не следует, однако, думать, что неприменимость или, точнее, малая применимость в повседневном общении слова *ориентация* по отношению к телу и его частям мешает выразить на русском языке те идеи, которые заключены в этом слове. Если нам нуж-

но сказать что-то про ориентацию частей тела или тела в целом, мы можем использовать ряд других слов и выражений русского языка с тем же смыслом (часто в сочетании с какими-то другими словами). Это такие выражения, как *повернуть* и *быть повернутым*, *обращать* и *быть обращённым*, *направлять* и *быть направленным*, *смотреть* и т. п. Говорят *Поверните руки и покажите мне свои ладони; Все взгляды были прикованы к двери; Носки ног смотрят вперёд; Услышав эти слова, она обратила своё лицо ко мне* и т. д.

Работа по созданию метаязыка для описания семиотической концептуализации тела и его частей показала, что единицы *ориентация тела* и *ориентация части тела*, не нагруженные в русском языке избыточными, и потому мешающими, смысловыми ассоциациями, удобно использовать как единицы метаязыка, то есть языка научного описания некоторого объекта.

Приведу несколько примеров того, как используется признак ориентации тела и его частей и само слово *ориентация* в нашем метаязыке для описания формы, смысла и синтактики русских жестов.

(1) В кругу невербальных единиц самых разных культур есть класс жестов, смысл которых означает 'удовольствие, полученное человеком от некоторых действий других лиц'. Так, когда мы видим какое-то приятное зрелище, то часто выражаем удовольствие от этого зрелища аплодисментами. Аплодируя, человек располагает руки ладонями друг к другу. Описывая такое поведение на нашем метаязыке, мы говорим, что в жесте **аплодисменты** ладони жестикулирующего ориентированы друг на друга.

(2) Предположим, что мы столкнулись с человеком лицом к лицу в темноте. Нам страшно, и мы отшатываемся от него, делая один-два шага назад. При этом лицом и корпусом мы повернуты к этому человеку. Говоря другими словами, наши лицо и корпус ориентированы на адресата знакового жестового движения **отшатнуться**.

(3) **Склоняя голову в знак скорби**, исполнитель этого жеста, как правило, опускает также и глаза; глаза человека ориентированы вниз.

Ориентация, как мы видим из этих примеров, характеризует положение разных частей тела или самого тела (а) относительно некоторого другого объекта (пример (1)), (б) относительно адресата жеста (пример (2)) или (в) относительно части пространства (пример (3)).

Возникает вопрос: а что такое часть тела или тело? И какими бывают части тела? Разумеется, нас интересуют не биологические понятия, а их семиотические представления и языковые обозначения. Руки, ноги, голова, лицо, глаза, пальцы, подушечки пальцев, ногти, кулак или локоть – это всё части тела или нечто более сложное? Если не части тела, то как и по отношению к чему тогда установить значение признака «ориентация» в следующих жестах: **стукнуть кулаком по столу** (ведь мы говорим, что по столу стучит не рука, а кулак), **поднять глаза**, **положить ладонь на плечо**? В этих жестах прямо названы те «части», которые участвуют в ориентации. Но, ещё раз, что же такое кулак, глаза и ладонь? Можем ли мы считать их частями тела?

Исходя из сказанного, формальное определение и содержание признака ориентации, а также анализ отдельных языковых выражений, связанных с этим признаком, следует предварить обсуждением вопроса о том, что означает сочетание *часть тела*.

§4. О неоднозначности сочетания *часть тела*

На занятиях нашего семинара было выяснено, что сочетание *часть тела* имеет в русском языке по меньшей мере два разных понимания. С одной стороны, перед нами свободное сочетание слов *часть* и *тело*, смысл которого складывается из компонентов 'часть' и 'тело', подобно тому как складываются смыслы сочетаний *часть комнаты*, *сын отца*, *дом матери* и под. из смысловых компонентов составных частей. С другой стороны, сочетание *часть тела* может рассматриваться как несвободное, идиоматическое выражение, как фразеологизм.

При первом понимании денотатом выражения *часть тела* является всё то, из чего состоит человеческое тело. Это всевозможные части рук, ног, головы и туловища, части этих частей и части частей этих частей и т. д. Их мы стали обобщённо называть *соматические объекты*. К ним относятся также разнообразные покровы, кости, суставы, мышцы и жилы, жидкости, текущие в теле, наросты, возникающие на теле, выступы или углубления, такие как кадык и пупок, места типа солнечного сплетения и др. При втором понимании множество денотатов по сравнению с первым сужается. Так, большинство соглашались отнести к частям тела руки, ноги, голову и живот, но не готовы признать таковыми кожу, ногти, зрачки или мочки ушей (и те и другие являются, конечно, соматическими объектами).

В доказательство того, что сочетание *часть тела* имеет разные понимания, приведу несколько примеров. В предложении *Он покрыл краской достаточную часть тела* сочетание *часть тела* безусловно является свободным сочетанием. Об этом свидетельствует то, что слово *достаточно* семантически характеризует одно лишь слово *часть*, а не всё сочетание *часть тела*. Напротив, в выражении *части тела в русском языке* сочетание *часть тела* очевидно является идиоматичным, неразложимым.

Признак «ориентация», как я его понимаю, применяется к различным частям тела, но не только к ним; он применим к соматическим объектам. Однако поскольку термин *соматический объект* вряд ли можно считать общеизвестным или широко употребительным, уместно ввести «рабочее» представление о том, что такое *часть тела*, пренебрегая точностью. Прежде всего, я буду рассматривать все те части тела, которые отвечают идиоматическому сочетанию *части тела* (например, руки, ноги, голова, живот). Кроме того, *частями тела* я буду называть части частей тела, а также части этих частей и т. д. Например, кисть, ступня, лицо и пупок – это части руки, ноги, головы и живота. Мизинец, пятка и нос – это примеры, соответственно, частей кисти, ступни и лица.

Можно показать, что такое расширение представления о частях тела является полезным, так как оно позволяет упростить не только описание признака «ориентация» и его значений, но и формулировку правил выбора стереотипной ориентации той или иной части тела в разного рода коммуникативных ситуациях¹⁷.

В дальнейшем в список частей тела и их имён, которые я буду рассматривать, я включаю только прагматически освоенные единицы¹⁸, а именно те, которые либо имеют конвенциональные языковые номинации в бытовом русском языке, либо широко используются в русском языке тела. Анализ большого материала убедительно демонстрирует, что именно такие части тела регулярно и систематически отображаются в русской семиотической картине мира¹⁹.

Приведу теперь примеры прагматически освоенных частей тела. Указательный палец имеет по меньшей мере две номинации в русском языке (<указательный> палец; <указующий> перст) и активно используется во многих русских жестах (**показывать пальцем, грозить <пальцем>, крутить у виска, приложить палец к виску** и др.), поэтому указательный палец – это прагматически освоенная часть тела (ср. замечание

Г.Е. Крейдлина о том, что слово *указательный* при описании жестов с большой степенью регулярности опускается)²⁰.

Другую природу прагматической освоенности имеет боковая часть пальца, которая в русском языке не получила конвенционального названия, хотя условно её можно было бы назвать *ребро <пальца>*. Прагматическая освоенность этой части тела связана с её участием во многих жестах: именно положение «ребра» определяет форму и манеру исполнения таких общепотребительных жестовых движений, как **стучать пальцем по столу** («ребро пальца» расположено снизу) и **приложить палец к губам** (жестикулирующий прикладывает палец к губам именно «ребром»; при этом палец с губами образует крест²¹). Иначе обстоит дело с частью ногтя, называемой *лункой*: она прагматически освоена русским языком, но не русским языком тела, поскольку в реализации русских жестов не используется.

Прагматическая освоенность *гесп.* неосвоенность некоторой единицы (тела, части тела или их номинаций) является фактом данной культуры и её семиотических кодов. Поэтому бывает так, что одна и та же часть тела освоена в одной культуре и не освоена в другой²². Например, в русской культуре части пальцев, именуемые в научном языке *фалангами*, не называются так в бытовом повседневном языке – они вообще не имеют конвенционального, общепринятого названия. Практически не используются они и в русском языке жестов. Поэтому эти части пальцев не являются прагматически освоенными в русской культуре и её кодах. Между тем, в культуре Индии фаланги не только имеют стандартное название в бытовом языке (*por*), но и принимают активное участие в разного рода жестах и жестовых процессах. Так, если мы ведём счёт на пальцах, то жители Индии считают на фалангах. В языке хинди есть даже устойчивое выражение, обозначающее такой процесс счёта, – *por ginnā* («считать фаланги»).

§5. Формальное определение признака «ориентация тела или его части»

Пусть α – некоторый знак языка тела, то есть жест в широком смысле слова. В описание жеста α обязательно входит объект X – часть тела (или тело) жестикулирующего человека, которая в данном жесте является активным или пассивным органом²³.

Для определения понятия ориентации тела или его части необходимо произвести следующую операцию: вычленив из

физической реализации жеста²⁴ и, возможно, из его семантики или прагматики, будущий ориентир (все эти виды информации должны содержаться в жестовом словаре). Для этого из множества объектов, находящихся в личном пространстве человека, исполняющего жест α (или из множества частей этого пространства) выделяется некоторый объект Y . В роли Y могут выступать природные объекты, тело или части тела человека, некоторые артефакты, а также части пространства, связанные с жестикулирующим – юг, запад, слева от жестикулирующего, справа от жестикулирующего, сзади, спереди, сверху, снизу.

Таких объектов, вообще говоря, очень много. Однако не все они представлены в физической реализации или в семантике и прагматике жеста. На роль Y в определении ориентации в первую очередь претендуют следующие объекты. Перечислим их в порядке предпочтения.

Из разных претендентов на роль Y главным является один из референтов имён, которые входят в номинацию жеста α . Таким референтом могут быть объекты разного рода. Например, в жесте **стукнуть кулаком по столу** в качестве Y выбирается объект «стол», по которому бьёт жестикулирующий, в жесте **хлопнуть по колену** – часть ноги жестикулирующего «колени», в жесте **посмотреть налево и направо** роль Y выполняют соответствующие части пространства.

Более сложной является ситуация, когда элемента Y в номинации жеста α нет, но зато он есть в физическом описании жеста и из неё извлекается. Например, в жестах **склонить голову, показать большой палец, оглянуться** Y заполняют части личного пространства жестикулирующего «низ», «верх» и «позади». Все эти части входят в физическое описание перечисленных жестов.

Ещё более трудным случаем является выбор объекта на роль ориентира, когда этого объекта, строго говоря, нет ни в номинации, ни в физическом описании жеста. В этом случае ориентир может выбираться на основании семантики или прагматики данного жеста. Рассмотрим жест **аплодисменты**, исполняемый, например, в театре.

В номинации этого жеста нет кандидата на роль Y . Физическая реализация может быть описана примерно так: в жесте **аплодисменты** участвуют две руки, обе ориентированы ладонями друг на друга, ладони ритмично ударяются одна о другую. Такое описание физической реализации позволяет выбрать на роль Y часть тела «ладони». Этот выбор важен по

следующей причине: аплодисменты должны быть слышны, а слышимость звука при ударе ладоней друг о друга наиболее сильная. Ср. такие языковые сочетания, как *громкие аплодисменты*, *его оглушили аплодисменты*. Однако ладонь – не единственный кандидат на роль ориентира в этом жесте. Есть не менее, а может быть и более, важный объект-ориентир – актёры на сцене и их игра. Наличие сценической игры и актёров извлекается из смыслового описания жеста. Дело в том, что аплодисменты – это знак благодарности актёрам за хорошую игру, и в этом случае актёры и их игра являются ориентиром. Таким образом, в жесте аплодисменты имеются два ориентира: один – ладони – более поверхностный, другой – актёры и их игра – более глубинный.

Пусть X' – некоторая часть X -а, то есть часть тела жестикулирующего (в нашем понимании части тела – включающем в себя, помимо собственно частей тела, части частей тела и т. д.). В жесте **помахать <кому-л.> рукой в знак приветствия** в роли X' выступает часть кисти «ладонь», а в роли X – сама кисть. Действительно, физическая реализация жеста **помахать рукой в знак приветствия** предполагает участие кисти как активного органа, и именно её ориентация во многом определяет форму данного жеста. Ладонь здесь направлена на адресата, то есть, как я буду далее говорить, *кисть ориентирована ладонью на адресата*. В жесте **показать на что-л. пальцем** роль X выполняет палец руки (указательный, большой или мизинец), а роль X' – кончик пальца. Можно сказать, что *в этом жесте палец ориентирован своим кончиком на некоторый объект*. В позе **стоять <к кому-л.> спиной** аналогичную пару X – X' образуют, соответственно, корпус и спина жестикулирующего.

Теперь, после сделанных предварительных замечаний и пояснений, можно дать строгое, формальное определение понятия «**ориентация части тела X относительно некоторого объекта или части пространства Y , осуществляемая в жесте α X' -ом, который является частью X -а**». А именно, это признак части тела X , характеризующий положение её части X' -а относительно ориентира Y в жесте α . Под языковым обозначением ориентации понимается, естественно, языковое обозначение признака части тела X ²⁵.

Как и всякий признак, ориентация выражается в русском языке, причём разнообразными способами. Поэтому формально правильно говорить о **языковом обозначении ориентации**. И снова, в целях упрощения изложения, мы не будем пользоваться понятием **языковое обозначение ориентации**,

а использовать слова *ориентация* и *ориентир*, ведя речь и о русском языке тела, и о русском языке.

Несмотря на одинаковое обозначение, есть важное различие между ориентацией в языке тела и ориентацией в языке. Оно связано с природой жеста. Части тела, участвующие в данном жесте в функции активных или пассивных органов, ориентированы **всегда на некоторый объект** – человека, природный объект, артефакт или часть пространства, но ориентиром для частей тела **не может служить абстрактный процесс без участвующих в нём перечисленных объектов**. Можно аплодировать танцу, но руки в жесте **аплодисменты** направлены не на танец сам по себе, но также и на его исполнительей (ср. пример **театральных аплодисментов**, который я приводила выше, где глубинным ориентиром являются актёры и их игра, рассматриваемые как единое целое). Можно хлопнуть в ладоши при виде очень красивого водопада, но в этом случае в роли ориентира выступает не сама красота, а красиво падающая вода.

В естественном языке ориентирами, например *жизненными ориентирами*, могут быть (и чаще всего бывают) не конкретные люди, а действия и поступки сотен людей. Например, честность, благородство, изысканные манеры поведения и многое другое вполне могут стать такими ориентирами.

§6. Признак «ориентация тела или его части»
и некоторые соотносимые с ним понятия
(жест с ориентацией, движение с ориентацией, ориентир)

С логической точки зрения **ориентация в некотором жесте α** – это трёхместный предикат, первое место которого, X ('ориентация чего'), заполняется единицами со значением 'тело' или 'часть тела некоторого человека, исполняющего жест α ', второе место, X' ('ориентация чем'), заполняется элементом, обозначающим часть X -а, а третье место, Y ('ориентация относительно чего'), заполняется единицами со значением 'объект или часть пространства, по отношению к которым происходит процесс ориентации'.

В силу определения предиката ориентации, а именно, семантической природы его аргументов, у аргумента X' есть ещё одна логическая функция: он является аргументом предиката X .

Понятие ориентации для единиц языка тела определено таким образом, что каждая его единица является жестом с ориентацией, то есть в описании каждого жеста указывается ори-

ентация по крайней мере одной части тела или тела в целом. Однако если для одних жестов при описании их физической реализации и семантики ориентацию тела или участвующих в них частей можно не указывать – описание жеста будет полным без указания ориентации тела или этих частей, то для других жестов это не так. Для этой группы жестов ориентация тела или части тела играет существенную роль – без неё описание жеста будет неточным или неполным.

Поэтому я буду использовать термин *жест с ориентацией* только для жестов второй группы. Например, к жестам с ориентацией не относятся жесты **всплеснуть руками** или **надуть губы**, а также поза **сидеть на корточках** или семантически нагруженный взгляд **установиться в одну точку**. Все эти единицы полностью описываются без указания ориентации соответствующих частей тела.

Изучение «Словаря языка русских жестов» и специальных работ по описанию жестов других культур показывает, что большинство жестов, входящих в ядро соответствующего языка тела, являются жестами с ориентацией. Примерами русских жестов с ориентацией служат единицы **хлопнуть себя по лбу** и **смотреть из-под козырька**. В первом жесте кисть (X) жестикулирующего человека ориентирована ладонью (X') на его лоб (Y). Во втором роль X и роль Y выполняют, соответственно, кисть и лоб, а роль X' выполняет ребро ладони, или, так сказать, «козырёк» (ладонь, приставленная ко лбу ребром, здесь имитирует козырёк кепки).

Наряду с понятием *жест с ориентацией* можно ввести более общее понятие *движение с ориентацией*, под которое попадают не только знаковые, но и незнаковые движения, а также соответствующие им языковые обозначения.

Мы полагаем, что парные понятия *движение с ориентацией* и *языковое обозначение движения с ориентацией* очень удобны и для описания самих физических процессов, осуществляемых телом и с телом, и для анализа их языковых обозначений. Например, с их помощью нетрудно охарактеризовать по крайней мере одно смысловое различие между глаголами *идти* и *пятиться*. А именно, когда человек **идёт** обычным способом, его тело (X) ориентировано передней частью (X') по направлению движения (Y = 'вперёд'), а когда он **пятится**, оно (X) ориентировано по направлению движения (Y = 'вперёд') спиной (X'). Говоря менее формально и проще: в первом случае тело человека ориентировано по направлению движения, а во втором случае – против направления движения.

Если в жесте или движении с ориентацией участвуют несколько частей тела, то, вообще говоря, каждая из них может иметь свою ориентацию. И этот случай ещё более интересен для нас. Поэтому термины *жест с ориентацией* и *движение с ориентацией* (со словом *ориентация* в единственном числе) мы будем применять и к таким знаковым и незнаковым движениям, в которых присутствуют несколько ориентаций (а не только к тем, в которых представлена одна ориентация). Например, жестами с ориентацией являются жест **бить себя в грудь**, в котором ориентацию имеют и рука, и глаза жестикулирующего, и жест **показать размер**, в котором важна ориентация не одной, а обеих кистей рук, – оба имеют две ориентации. А такой жест, как **установиться на кого-то**, это жест с одной ориентацией.

* * *

Введение понятия *ориентация* позволяет более точно описать семиотическую концептуализацию тела и его частей, в частности, уточняет описание целого ряда жестов.

Начну с того, что во всех языках тела (а также жестовых языках глухонемых людей) имеется большой класс указательных, или дейктических, единиц, в которых ориентация части тела, используемой для указания (так называемой указующей части тела), является центральным элементом смысла и формы этих единиц. Более того основная номинация дейктических жестов обычно содержит название указующей части, ср. номинации *показывать пальцем* <на что-л. /кого-л.>, *указывать рукой* <в сторону чего-л. /кого-л.>, *кивать головой* <в сторону чего-л. /кого-л.> и др.²⁶

В разных языках есть близкие по форме и смыслу номинации жестов, в которых отсутствует название указующей части тела. При этом мы часто сталкиваемся с явлением смысловой неопределённости. Например, в русском лекторском жесте **показать на <классную> доску** указующей частью может быть рука, голова или указательный палец, и вне контекста у нас нет способа точно определить, чем именно выполняется указание (то есть какое значение принимает X). В других случаях, как, например, для китайского жеста **показать на себя**, указующая часть «восстанавливается» однозначно: есть единственная культурно закреплённая физическая реализация этого жеста, а именно, указывая на себя, китайцы традиционно используют палец как инструмент указания. Интересно, что в роли ориентира в китайском и русском жестах выступают разные телесные объекты: в китайском жесте – кончик носа, а в русском жесте – грудь жестикулирующего.

Ещё одно преимущество от использования признака ориентации при описании жеста состоит в том, что этот признак позволяет соотнести некоторые смысловые компоненты жеста с телесными компонентами.²⁷ Например, в жесте **показать большой палец («Во!»)** смысл 'хорошо' передаётся ориентацией большого пальца кончиком вверх. Такая ориентация обусловлена тем, что часть пространства, называемая «верх», стереотипно связана с местом, где находится Бог. В жесте **поманить пальцем** смысл 'иди сюда' связан с ориентацией указательного пальца на тело жестикулирующего и покачиванием пальца в направлении от адресата к жестикулирующему.

§ 6. К типологии минимальных пар жестов с ориентацией

Полное семантическое описание некоторого жеста с ориентацией предполагает эксплицитное указание того, что в этом описании есть X, что X' и что Y. Только при заданных значениях этих переменных можно указать значение признака «ориентация в некотором жесте α». А это означает, что мы можем ответить на вопрос, как в этом жесте ориентирована часть тела X своей частью X' относительно ориентира Y.

Отдельно остановимся на том, как заполняется валентность Y ('ориентира') в русском языке. Практика словарного описания жестов с ориентацией с очевидностью показывает, что в огромном большинстве случаев она заполняется конструкцией «предлог + существительное», причём обычно это предлог **к** или **от**, то есть X ориентирован X'-ом либо **к** Y-у либо **от** Y-а (впрочем, встречаются и другие предлоги, например, *на*, *относительно*, *в направлении*, *в направлении к* и т. д.). При заполнении всех валентностей предиката ориентации, то есть X, X', Y и α, мы получаем предложение вида *Часть тела A ориентирована своей частью B к C (или от C) в жесте d*. Такого рода предложения являются стилистически тяжёлыми, и в текстах мы, как правило, имеем дело с усечёнными, более «лёгкими», вариантами этого предложения. Например, во фразе *Ипполит Матвеевич издали прижал руки к груди и поклонился на целый аршин глубже, чем кланялся обычно* (И. Ильф и Е. Петров. Двенадцать стульев) в описании жеста **прижать руки (X) к груди (Y)** не заполнена валентность X' ('ладонь'), а в описании жеста **поклониться** значения переменных X, X' и Y не указаны вовсе.

Признак (предикат) ориентации является смысловозначительным в русском языке тела. Это означает, что существуют

пары жестов с ориентацией, которые различаются исключительно по тому, какими единицами заполняется та или иная валентность данного предиката. Классификация таких пар (их можно было бы назвать «минимальными парами жестов с ориентацией») представляет собой отдельную интересную задачу, решение которой помогло бы лучше понять, как связана ориентация тела и его частей в том или ином жесте со смысловыми компонентами в толковании жеста.

Здесь я не стану приводить эту классификацию; я ограничусь тем, что приведу примеры минимальных пар для каждого класса. Пример (1) содержит пару жестов, различающихся разным отношением между X' и Y, что в языке отражается в разном заполнении валентностей ориентира Y. В примере (2) приведена пара жестов, различающихся частью тела X. В примере (3) указывается пара жестов, различающихся частью тела X', то есть частью X-а. И, наконец, пример (4) иллюстрирует пару жестов, различающихся ориентиром Y.

(1) Рассмотрим два жеста: **повернуться <к кому-л.>** и **отвернуться <от кого-л.>**. Это жесты с ориентацией, причём при их исполнении корпус жестикулирующего ориентируется либо к адресату, либо от адресата. Очевидно, что эти жесты отличаются друг от друга только отношением между X' и Y. Можно заметить, что противоположные ориентации корпуса жестикулирующего напрямую связаны с семантическим различием данных жестов. **Повернуться <к кому-л.>** и **отвернуться <от кого-л.>** являются жеста-антонимами: первый жест содержит смысловой компонент 'установление контакта', а второй указывает на то, что жестикулирующий хочет прервать контакт с адресатом.

(2) А вот пара жестов, различающихся ориентируемой частью тела X, – **указать мизинцем** и **указать указательным пальцем**. Обычно **указание** совершается указательным пальцем; это происходит настолько часто, что, как я говорила выше, атрибут *указательный* в номинации этого жеста обычно опускается, и *указать пальцем* интерпретируется как *указать указательным пальцем*. Однако в тех случаях, когда ориентир – человек, на выбор указующей части тела накладываются ограничения социального плана: недаром детей учат, что показывать на кого-либо пальцем некрасиво. Указывать в таких ситуациях можно или головой, или, как это обычно делают дети, мизинцем. Жест **указание на человека мизинцем** и грубый жест **указание на человека указательным пальцем** различаются по форме только указующей частью тела (X).

Замечание

Строго говоря, из того, что жесты различаются ориентируемой частью тела (X), следует то, что они различаются также и X'-ом. В рассматриваемой паре жестов X' принимает соответственно значения 'кончик мизинца' и 'кончик указательного пальца'. Поэтому приведенный пример не является идеальным случаем различия жестов с ориентацией по одному параметру. Очевидно, однако, что различие по параметру X' здесь является вынужденным, поскольку для каждой ориентируемой части тела ориентацию задают свои части. Ниже я приведу примеры, где различие по параметру X' будет смысловозначительным.

(3) Рассмотрим следующую пару жестов с ориентацией: жест **постучать кулаком по столу**, в котором по столу стучат костяшками, и жест **застучать кулаком по столу**, в котором удар совершается нижней частью кулака (она находится там, где мизинец). Формально основное различие между этими жестами заключается в том, какая часть кулака обращена к столу. Эти части задают ориентацию кулака относительно стола в обоих жестах, то есть выступают в роли X'. Данные жесты имеют сходное толкование (и тот и другой жест обычно выражает требование замолчать), но они различаются степенью интенсивности и категоричности требования. Более категоричному требованию (почти приказу) соответствует ряд сильных ударов нижней части кулака о стол; более мягкое требование сопровождается постукиванием костяшек. В данном случае ориентация кулака (X) связана с выбором подходящей для удара части (X'), а этот выбор, в свою очередь, определяется выбором конкретного вида требования.

(4) Когда человеку рассказывают анекдот, который ему давно и хорошо известен, он может отреагировать следующей репликой: *Когда я был вот такой маленький, у этого анекдота была вот такая борода*. Эта реплика сопровождается двумя жестами, исполняемыми ладонью: **показывание роста** (*вот такой маленький*) и **показывание размера бороды** (*вот такая борода*). При исполнении этих жестов кисть (X) находится на одном и том же уровне (обычно около живота), а при переходе от одного жеста к другому меняется только её ориентация: ладонь (X') сначала обращена вниз (Y₁), затем она поворачивается вверх (Y₂). Таким образом, различие в указанной паре жестов сводится к различию ориентира Y, в роли которого попеременно выступают части пространства «верх» и «низ».

Хороший пример знаковых движений с ориентацией, различаемых только ориентиром, дают нам дейктические жесты. Здесь мы имеем дело уже не с отдельными парами жестов, а с целыми классами жестов. Ср. класс указательных жестов, исполняемых указательным пальцем (**показать на телефон, показать на строчку в книге**, лекторский жест **показать пальцем на доску** – для всех этих жестов одного класса разным оказывается именно объект указания, и он может быть практически любым) с классами указательных жестов руки, глаз, головы и других частей тела.

Заключение

В настоящей работе были кратко охарактеризованы некоторые основные признаки, используемые при построении семиотической концептуализации тела и его частей. Существенное внимание было уделено признаку «ориентация <тела и его частей>». Обсуждались языковые номинации этого признака и его формальное определение, были введены и уточнены некоторые важные понятия, связанные с ориентацией (ориентир, жест с ориентацией, движение с ориентацией и их языковые обозначения). Наконец, были предложены основания для классификации жестов с ориентацией. Построение полной типологии жестов с ориентацией, а также типологии самих ориентаций – это задачи ближайшего будущего.

Примечания

- ¹ Проект поддержан грантом РГНФ (№ 07-04-00203а).
- ² В дальнейшем предстоит решить ещё одну, более сложную, задачу, а именно, построить межкультурную типологию телесных знаков и их номинаций. Эта типология сопоставляла бы наивные представления о человеческом теле, имеющиеся у носителей разных культур и у разных народов.
- ³ Жесты в широком смысле слова представляют собой совокупность нескольких знаковых систем. Это собственно жесты (знаковые движения рук, ног, головы и плеч), мимика, или выражения лица, знаковые статические положения (позы) и знаковые телодвижения, взгляды и комплексные формы поведения – манеры (См. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 43).
- ⁴ См. Национальный корпус русского языка – Электрон. данные. – 2003–2008. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный. – Загл. с экрана. – Данные соответствуют 13.02.09.

- ⁵ См. Словарь языка русских жестов / Сост. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. М. – Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 2001.
- ⁶ В дальнейшем слова *тела и его частей* при указании признаков опускаются, если нет особой необходимости их указывать.
- ⁷ См. Аркадьев П.М., Крейдлин Г.Е., Летучий А.Б. Семиотическая концептуализация тела и его частей. II. Признак «Форма» // Вопросы языкознания. 2008. №6. С. 78–97.
- ⁸ Из лингвистических работ, посвящённых типовым положениям тела, назову работы: Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000; Храковский В.С. Два глагола – *наклониться* и *нагнуться* (к вопросу о соотношении глаголов, обозначающих стандартные и нестандартные положения тела человека) // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой. М., 2007. С. 314 – 326.
- ⁹ См. Храковский В.С. Указ. соч.
- ¹⁰ **Жирный шрифт** используется в статье для выделения лексических единиц языка жестов (вокабул и лексем). Если эти единицы не имеют стандартного, общепринятого естественно-языкового обозначения, они заключаются в кавычки. Кроме того, жирным шрифтом выделяются некоторые важные фрагменты текста.
- ¹¹ Из лингвистических работ, где так или иначе затрагивается этот признак, назову такие работы о глаголах движения, как Fillmore Ch. Lectures on Deixis. Stanford, 1975; Рахилина Е.В. Указ. соч. В этих работах, однако, направление движения не было объектом основного внимания.
- ¹² В дальнейшем вместо словосочетания *жестикულიрующий человекино*гда используется просто слово *жестикულიрующий*.
- ¹³ Сказанное не означает, что термины *ориентация тела* и *ориентация части тела* вообще никогда не использовались в научных работах по лингвистике и невербальной семиотике. Среди лингвистических работ назову хотя бы книгу Рахилина Е.В. Указ. соч., где вводится понятие «творительный падеж со значением ориентации» и приводятся примеры существительных в творительном падеже, которые обозначают части тела человека или животного в разных положениях. Среди работ по невербальной семиотике выделю работы А. Шефлена, который регулярно пользуется понятием *ориентация тела*, впрочем, не уточняя его, см. Schefflen A.E. Communication and regulation in psychotherapy // Psychiatry. 1963. Vol. 26. P. 126–136; Schefflen A.E. The significance of posture in communication systems // Psychiatry. 1964. Vol. 27. P. 316–331; Schefflen A.E. Body language and the social order. Englewood Cliffs, NJ, 1972. Понятие *ориентация частей тела* использовал также Г.Е. Крейдлин при описании русских дейктических жестов, см. Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II А. Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международн. конф. «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). М., 2007. С.300–327; Крейдлин Г.Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по мате-

- риалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.)). Вып. 7 (14). М., 2008. С. 248–253.
- ¹⁴ Изучение признака ориентации было начато в моей дипломной работе «Признак “ориентация” в системе частей тела и его языковое выражение» (защищена на кафедре русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) в 2007 году) и продолжено в ряде статей, написанных мною в соавторстве с Г.Е. Крейдлиным. В этих статьях раскрывается содержание признака ориентации и обсуждаются типовые коммуникативные ситуации, в которых признак ориентации является конституирующим. См. *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Части тела в русском языке и русской культуре: проект института лингвистики РГГУ [электрон. ресурс] // Сайт Института лингвистики РГГУ – Электрон. данные 2005–2008. Режим доступа: http://il.rsuh.ru/docslsh/Kreyd_Perev2007.pdf, свободный. Загл. с экрана. Данные соответствуют 13.02.09; *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Признак «ориентация части тела» в семиотической картине мира // Сборник научных работ в честь А.Б. Пеньковского (в печати); *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Ориентация тела и его частей: коммуникативные ситуации и стратегии поведения // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 589–602.
- ¹⁵ См. *Багриновский Г.Ю.* Краткий этимологический словарь-справочник (в печати).
- ¹⁶ См. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. М.: Терра, 1990. т. 43.
- ¹⁷ Предварительные формулировки некоторых из таких правил были даны в нашей статье *Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И.* Ориентация тела и его частей...
- ¹⁸ О понятии прагматической освоенности см. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика... С. 96–98.
- ¹⁹ О понятии семиотической картины мира как естественном расширении понятия естественно-языковой картины мира см. *Крейдлин Г.Е.* Лексикография жестов и их номинаций (словари и базы данных) // Материалы VII Международной школы-семинара «Современная лексикография: глобальные проблемы и национальные решения». Иваново, 2007. С. 17–19.
- ²⁰ См. *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты...
- ²¹ Поэтому в западноевропейской традиции этот жест называется **cross** 'крест'.
- ²² В этой связи было бы интересно составить списки прагматически освоенных частей тела хотя бы в одной культуре и прагматически освоенных частей тела во всех известных на сегодняшний день культурах. Аналогичные списки хотелось бы также иметь для прагматически неосвоенных частей тела. Эта задача, однако, должна решаться отдельно.
- ²³ Под активными и пассивными органами понимаются части тела, выполняющие в актуальной жестовой коммуникации следующие функции: активные органы задают способ реализации данного жеста, пассивные органы определяют место его реализации. Например, в же-

- сте **покрутить пальцем у виска** участвуют голова и кисть, при этом кисть – активный орган, а голова – пассивный. А в жесте **покачать головой** голова является активным органом, а пассивных органов в этом жесте нет. Другие примеры активных и пассивных органов см. в: Словарь языка русских жестов... С. 155–156.
- ²⁴ О понятии физической реализации жеста см. Словарь языка русских жестов... С. 23–24.
- ²⁵ В этом определении подразумевается, что в роли X может выступать не только часть тела, но и само тело.
- ²⁶ Об этом см. *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II А. Дейктические жесты и их типы...; *Крейдлин Г.Е.* Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге: II Б. Дейктические жесты и речевые акты...
- ²⁷ Об особенностях взаимодействия смысловых и формальных компонентов в структуре невербальных единиц см. *Переверзева С.И., Крейдлин Г.Е.* Телесность и некоторые особенности семиотического диалогического поведения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 4–8 июня 2008 г.)). М., 2008. Вып. 7 (14). С. 427–430.

Проблемы анализа и описания побудительных междометий

Побудительные междометия рассматриваются в статье как класс апеллятивных сигналов, значение которых невозможно вывести на основе ассоциативных связей с прочими единицами языковой системы. Выделяются три формальные группы единиц: вокальные жесты, заимствованная лексика, а также «осколки» и модификации побудительных конструкций. Выявляются семантические признаки, релевантные для употребления побудительных междометий в речи. Они даются в статье через противопоставления: окончание или остановка в деятельности VS изменение способа или направления деятельности; предостережение от непродуманных действий VS остановка совершающихся действий; остановка любого вида деятельности VS остановка только речевой деятельности; команда, приказ VS предостережение или успокаивание; стилистическая нейтральность VS стилистическая маркированность; обязательность VS факультативность жестово-мимического сопровождения. Выявленные признаки позволяют описать функционирование побудительных междометий в речи.

Ключевые слова: междометия, функции языка, вокальные жесты, побудительные конструкции, толкование междометий.

Из трех выделяемых К.Бюлером¹ функций языка – репрезентативной, апеллятивной и экспрессивной – двум последним в лингвистике не уделяется большого внимания. Апеллятивную функцию реализуют знаки-сигналы, а экспрессивную – симптоматические знаки. В отличие от симптоматических знаков, произвольных реакций на внешний стимул, апеллятивные знаки-сигналы используются целенаправленно и обращены к адресату².

В языке экспрессивную функцию выражают, среди прочих единиц, эмоциональные междометия, а апеллятивную функцию – побудительные междометия. Граница между этими двумя группами единиц в лингвистике жестко не проводится. Они включены в одну часть речи, поскольку и те и другие находятся на языковой периферии и общие свойства, контрастно выделяющие их на фоне прочих единиц языковой системы, оказываются ярче, чем их различия. Рассмотрим основные особенности междометий.

© Шаронов И.А., 2009

Все первичные междометия в их устных реализациях – это изолированные вокализации, или вокальные жесты, значение которых определяется скорее через их интонационные и фонационные характеристики, чем через их звуковой (фонемный) состав. Вторичные междометия, произошедшие из знаменательных и служебных слов, имеют тенденцию к сближению с вокальными жестами в результате потери характеристик стандартных языковых единиц. При переходе в класс междометий языковая единица начинает использоваться в тексте и речи синтаксически изолированно. При этом она теряет парадигму, лексическое значение, становится аморфной и подвергается опрощению.

Разумеется, процесс перехода единицы в класс междометий не может быть мгновенным. Существует «мутное облако» переходных случаев. Рассуждая о том, какие единицы входят в состав вторичных междометий, А.Вежицкая пишет: «Если можно показать, что семантическая формула для восклицания *Hell!* должна содержать существительное *hell* 'ад', то данное восклицание не относилось бы к категории междометий; но если его толкование не должно содержать существительного *hell* 'ад', то оно было бы отнесено к этой категории»³. Такой подход к междометиям можно назвать «узким», ему противостоит менее строгий «широкий» подход.

В грамматиках и в некоторых словарях список побудительных междометий расширяется некоторыми наречиями и императивами в их переносных употреблениях. Например, в Толковом словаре служебных частей речи⁴ к побудительным междометиям относятся такие единицы как: *довольно, достаточно, хватит, гляди, запомни, погоди, смирно* и др. То же можно сказать и о Словаре структурных слов русского языка под редакцией В.В.Морковкина⁵, где к побудительным междометиям относят императивы *не смей(те), послушай(те), рассказывай(те), слушай(те)*. Авторы словарей следуют здесь за Русской грамматикой⁶, в которой такие единицы включены в список к побудительным междометиям⁷.

«Широкий» подход при отнесении слова к классу междометий вызвал в свое время критику Д.Н. Шмелева, отстаивавшего сохранение границ между частями речи: «Если соотносимость той или иной формы слова с другими формами остается бесспорной, вряд ли целесообразно, оставаясь в рамках традиционных частей речи, неожиданно придавать решающее значение функционально-семантическим критериям»⁸.

Поддержав точку зрения Д.Н. Шмелева, мы можем более или менее четко сформулировать специфику вторичных междометий, отличие их от переходных употреблений. Ко вторичным междометиям следует относить а) единицы синтаксически автономные; б) потерявшие ассоциативные связи с лексическим значением слова-источника сигнала и в) аморфные и (факультативно) опростившиеся. Опора на эти признаки позволяет отграничить вторичные междометия от переходных случаев, сближающих их с вокальными жестами и позволяет непротиворечиво описывать весь класс междометий⁹.

Рассматривая побудительные междометия русского языка, мы остановимся на их месте в кругу прочих апеллятивных языковых средств, на их генезисе, особенностях употребления и проблемах лексикографического описания этих единиц.

Место побудительный междометий в ряду прочих апеллятивных средств языка

Побудительные междометия выполняют две близкие между собой апеллятивные функции. Они посылают адресату сигналы, побуждающие к действию и контактоустанавливающие сигналы.

Для осуществления этих функций в языке имеются кроме побудительных междометий и стандартные языковые средства. Побуждение к действию выражается императивом (*встаньте*); инфинитивом (*встать!*), временными формами 2 лица (*встаем, встали, встал*) и некоторыми другими языковыми единицами. Установление и поддержание контакта реализуется при помощи вокативных форм (призыв, обращения: *девушка!*; *народ!*; *дамы и господа!* и т.д.) и форм речевого этикета (приветствия и прощания: *здравствуйте, добрый день, до свидания, увидимся* и т.д.).

Побудительные междометия отличаются от перечисленных единиц, занимая в языковой системе особое место. Они обладают как формальным, так и содержательным своеобразием. Рассмотрим формальные, функциональные и семантические особенности побудительных междометий.

Формальный состав побудительных междометий

Побудительные междометия по своему составу неоднородны. Среди них встречаются вокальные жесты, заимствованная лексика, «осколки» побудительных конструкций, вокативы. Рассмотрим единицы каждого типа.

1. Вокальные жесты

Вокальные жесты – это нестандартные звуки или сочетания звуков, определяемые через их интонационный контур, долготу произнесения, тембровые характеристики. Звучание некоторых из таких выкриков имеет диффузный, нечленораздельный характер, передаваемый на письме звукоподражательно. Возьмем в качестве примера вокальный жест *тпру*. Л.В. Щерба писал: «*Тпру* <...> произносится не так, как соответствующее «слово». Начинается он с переднеязычного глухого затвора, одновременно с губным. Затворы эти необходимы, очевидно, для накопления воздуха (раскатистые звуки требуют много воздуха) и без взрыва разрешается губным звонким *г*. Все это, конечно, получает ту или другую тембровую окраску, которая, естественно, может иметь отдаленно губной характер. И этот действительно неразложимый «нечленораздельный», «диффузный» комплекс транспонируется в русское языковое *тпру*¹⁰. Данный сигнал используется, главным образом, для остановки, усмирения лошадей. Однако в неформальной коммуникации его используют также по отношению к человеку. Приведем примеры:

Пыль рассеивается - на лужайке шестерка прекрасных коней, в полной упряжке. Они очень веселы, бьют копытами, ржут. – «**Тпру!** – кричит фея. – Назад! Куда ты, демон! Балуй!». Лошади успокаиваются. (Е Шварц. Золушка).

Пепел (Василисе.) Ну? рада? (Трогает труп ногой.) Околел... старый пес! По-твоему вышло... А... не прихлопнуть ли и тебя? (Бросается на нее).

Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его <...>. Кривой Зоб. «**Тпруу!** Куда скачешь?» (М. Горький. На дне).

При озвучивании таких междометий в процессе чтения человек может, осознав стоящий за междометием вокальный жест, произнести его, но может и прочитать написанное по аналогии с другими словами в тексте. Так возникают «цитатные», членораздельные варианты вокальных жестов. Е.Протасова пишет: «При чтении книг взрослые не смеются по-настоящему в том месте, где в книге напечатано соответствующее междометие, а прочитывают его, в лучшем случае – пытаясь симитировать голосом настроение того, кто произносит междометие. Это употребление становится так называемым «цитатным»¹¹, которые сосуществуют в речи наравне с оригинальными, если они произносятся с той же интонацией.

Некоторые нечленораздельные сигналы вообще не имеют письменной формы передачи в русском языке и могут только быть описаны через глаголы и их дериваты. К таким сигналам относятся, например, *причмокивание* при понукании лошади, призывный или сигнальный свист и т.п. Ср.:

Повернулся к Арделио, махнул ему рукой: мол, все в порядке, можно ехать дальше. Арделио *причмокнул губами*, тронул поводья. Дитер посторонился, пропуская мимо себя караван. (Е. Хаецкая. Мракобес / Дорога).

Через час мы погрузили шмотки в длинную деревянную лодку, Виктор *свистнул* Музгара, который с радостью прыгнул на нос, мотор взревел, и мы мимо желтых берез и лиственниц, разрезая черную мегорскую воду, понеслись к далеким озерам (С. Куняев. Поэзия. Судьба. Россия).

Если появится милиция, *свистни...* (С. Довлатов. Чემодан).

Звучание других вокальных жестов имеет членораздельный характер, однако их звуковой состав все равно не очень важен, вторичен для осознания сигнала по сравнению с интонацией и другими фонетическими признаками. А.А. Потенция писал: «В слове членораздельность перевешивает тон; <...> совсем наоборот – в междометии: оно членораздельно, но это его свойство постоянно представляется нам чем-то второстепенным»¹². Кроме обязательного интонационного оформления вокального жеста, значимой может оказаться долгота гласного и его дву- многократная редупликация: *эй* → *э-э-й* → *еге-гей!* Л.Л. Федорова так описывает различие в этих междометиях: «Здесь первое – оклик, направленный к ближайшему, второе, скорее, к стоящему далеко, как попытка «дотянуться звуком», удлинив его».¹³ Ср.:

– «**Эй**, – крикнула я, высываясь наружу, – ты зачем там маячишь?». Но он не ответил, даже не повернулся, то ли не услышал моих слов, то ли не пожелал разговаривать (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

– Тьфу ты! – плюнул я и низким торфяным голосом пустил вдоль ручья: – **Э-э-э-э-эй!**.. (Ю. Коваль. Гроза над картофельным полем).

«**Эге-гей!**» – кричали жители Южной Америки жителям Африки или Австралии и дружно махали им руками: мол, как там у вас дела? – «**Эге-гей!**» – дружно махали в ответ африканцы или австралийцы: мол, спасибо, хорошо, а как у вас? (А. Усачев. Небесное зеркало // «Трамвай», № 11, 1991).

Звуковой состав вокального жеста часто оказывается не так важен, как интонация. Например, стандартная форма призыва *Еге-гей* легко заменяется на окказиональную форму *Ого-го*, если она «выпевается» с той же интонацией, что и *Еге-гей*. Ср.:

Нет здесь никого, нет! **Ау!** **Ого-го-го!** Никого! Кому быть-то? (А. Измайлов. Трюкач).

Тот же эффект обнаруживается и при замене ответного крика **Ау** на окказиональный *А-а*. Ср. два однотипных контекста, в которых формы передачи ответного отклика различаются, но это не вызывает смущения ни у участников коммуникативного взаимодействия, ни у читателя.

«Наташа?» – позвал Евгений Александрович, заходя в предбанник. – **Ау**, – немедленно откликнулся звонкий голос из отделенного панелью темного закутка. (В. Валеева. Скорая помощь).

– Э-э-э-э-эй!.. – **А-а-а?** — дружно отозвались Николай с приятелем. (Ю. Коваль. Гроза над картофельным полем).

К вокальным жестам примыкают звукоподражательные слова *ку-ку* и *тук-тук*, используемые в качестве сигналов контакта. Такие употребления встречаются в контекстах бытовых диалогов, имеющих полушутливый, игровой характер. Ср.:

[Дарья (*весело кричит*)] Мальчики-и-и-и! **Ку-ку! Тук-тук!** Это квартира Негодяевых? Мы правильно попали, нет? (Н. Коляда. Барак).

– **Тук-тук!** – *игриво прозвучало* у дверей, потом «тук-тук» костяшками пальцев о дерево. – Можно? (А. Измайлов. Трюкач).

Вокальные жесты и звукоподражательные слова не имеют ни внешне обнаруживаемых, ни этимологически выявляемых связей с другими единицами языковой системы¹⁴. Это «классические» междометия. Единицы других групп побудительных генетически восходят к стандартным словам и конструкциям, однако эта их «внутренняя форма» максимально стерта, не очевидна для носителей языка.

2. Заимствования

Побудительным междометием становятся иностранные слова, заимствованные в русский язык только как побудительные или контекстные сигналы. Значение таких сигналов невозможно понять из однокоренных слов ввиду их отсутствия

в лексиконе; чтобы ими пользоваться, их необходимо знать. Из английского языка в русский вошло *палундра!* (fall under), *ап!* (up), *алло* (hallo); из итальянского – *майна* (ammaina); *вира* (Vira) и т.д. Развернутые списки этих слов см. в работах А.И. Германовича и Е.В. Середы¹⁵. В языках-источниках эти слова и словосочетания не обязательно считаются междометиями. Дадим несколько иллюстративных примеров:

Все моряки твердо знают: **вира** – поднять, **майна** – спустить (А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля).

Подвинув еще две тумбы, я пригласил на них тигров. Таким образом, Цезарь оказался как бы внутри живого креста. **Ап!** – и все хищники через льва прыгнули навстречу друг другу (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь).

Значительная часть таких сигналов-команд не выходит за рамки профессионального жаргона дрессировщиков и охотников: *арьер*, *даун*, *иси* и т.д.

3. «Осколки» побудительных конструкций и модификации вокативов

Некоторые побудительные конструкции, вокативы и заимствования в результате стереотипного использования изменили в речи свой внешний (звуковой и графический) облик, что обусловило их переход в класс побудительных междометий.

Отдельно самостоятельную подгруппу таких междометий составляют формы призыва животных. Эти слова построены на потере окончания вокатива и редупликации основы. Например, *цып-цып* – опрощенное «цыпа, цыпленок»; *гули-гули* образовано от «голубя»; *кис-кис* – от ласкательного наименования кошки «киса» и т.д.

Другие единицы, чаще адресованные людям, построены на синтаксической компрессии побудительных конструкций с последующей фонетической редукцией. Это, например, такие междометия, как *вон!*; *арш!*; *пли!*; *тсс!*

Вон! – эллипсис высказывания *Иди отсюда вон!*;

Арш! – компрессия и фонетическая редукция команды *Шагом марш!*;

Пли! – опрощенное *Пали!*

Призыв *Говорите тише!* сжался до нечленораздельного резкого шиканья, «шипения» сквозь зубы, которое представлено на письме несколькими вариантами: *тсс*, *тиши*, *чи-ш-ш*, *иш*. Ср.:

Тсс! – вдруг сам себя прервал больной и поднял палец, – беспокойная сегодня лунная ночь». Он скрылся на балконе (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Тш! – зашипела барыня и, загородив костлявой рукой рот старика, вскочила и дверь квартиры заперла на ключ (Г. Данилевский. Воля).

Чш-ш-ш! – произнес Нунан шепотом. – Ради бога, не так громко. (А. и Б. Стругацкие, Пикник на обочине).

Шш! – зашикала она на вошедшего опять лакея. – Не принимать. (Л. Толстой. Анна Каренина).

Итак, независимо от своего генезиса единицы класса междометий – нестандартные по форме, не имеющие и лишённые ассоциативных связей единицы, выполняющие сигнальную апеллятивную функцию. Перейдем к рассмотрению функциональных особенностей побудительных междометий

Побудительные междометия (первичные и вторичные) – это самостоятельные высказывания¹⁶, лишённые морфологической структуры и синтагматических связей. Д. Вилкинз считает, что междометие – это знак, который носитель использует как высказывание.

Это утверждение касается подавляющей части списка единиц, однако встречаются некоторые исключения.

1) Функциональная близость с побудительными императивными формами глагола привела к появлению у нескольких побудительных междометий числовой парадигмы (*на – нате, ну – нуте-с*). Однако развития в литературном языке эта тенденция не получила¹⁷.

2) Некоторые побудительные междометия обладают синтаксической возможностью иметь при себе зависимые слова.

«Ату его, балда!» – и указывал на зайца (Г. Троепольский. Белый Бим черное ухо).

А ну-ка, котик, **брысь отсюда** (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

На первый взгляд, может показаться, что синтаксические возможности таких побудительных междометий аналогичны соответствующим им императивным формам глагола. Ср.:

Ату его – Хватай его!; брысь отсюда – уходи отсюда!

Однако это не так. Возможности междометий по сравнению с императивными формами несопоставимо уже. Ср.:

*Хватай его / зайца / птицу / вора VS ?Ату зайца / птицу / вора*¹⁸.

*Уходи отсюда / из дома / с работы VS Брысь под лавку, но ?Брысь из дома / с работы*¹⁹.

Можно, видимо, говорить об идиоматическом характере сочетаемости побудительных междометий. Кроме того, в общем списке таких единиц немного, их легче описывать как исключения из правила.

Семантическая классификация побудительных междометий

Известно, по меньшей мере, три классификационных описания побудительных междометий. Это классификация А.И.Германовича²⁰, классификация в Русской грамматике 1980²¹ и классификация А.Вежбицкой²². Наиболее логично побудительные междометия структурируются в классификации А.Вежбицкой, где единицы делятся сначала на две группы по типу адресата (человек VS животное), а затем для каждой группы выделяются более частные семантические признаки.

Для междометий, относящихся к животным, А. Вежбицкая выделяет ведущий компонент значения «Я хочу, чтобы ты пришел сюда». Различия внутри подгруппы проходят по типу адресата (собака, кошка, та или иная домашняя птица и т. д.). Кроме того, автор отмечает междометие отгона (*sio / a sio*) и целый набор сигналов к лошади:

wio 'Я хочу, чтобы ты (лошадь) шла вперед';
prg 'Я хочу, чтобы ты (лошадь) остановилась';
hejta 'Я хочу, чтобы ты (лошадь) повернула направо';
wišta 'Я хочу, чтобы ты (лошадь) повернула налево'.

Отметим, что деление единиц по типу адресата оказывается важным и со стилистической точки зрения, поскольку некоторые сигналы, направленные на животных, могут в речевом взаимодействии переноситься на человека. Приведем примеры:

Эй, как тебя там, **кис-кис**, поди сюда, дурочка. Ее в милицию отвезти надо, погибнет на улице, или изнасилничает кто. (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).

При входе Бизюкиной в гостиную Термосёсов приветливо улыбнулся ей и проговорил: – «Ну что?» – «Ничего», – отвечала слегка сконфуженная Данка. – «Ну, **цъп-цъп** сюда!» – поманил ее, протягивая встречу ей свои руки, Термосёсов. (Н. Лесков. Божедомы).

– Ну-ка, молодые люди, дайте круг. **Брысь!** (В. Шукшин. Калина красная).

Склепова так устала, что даже не стала язвить, а только буркнула: «Все **кьши!** Если кто меня спросит: я умерла!» – и, не раздеваясь, бросилась на кровать (Д. Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона).

Для междометий, относящихся к людям, А. Вежбицкая выделяет общий компонент значения: ‘Я хочу (не хочу), чтобы ты делал что-то сейчас’ и ряд дополнительных, позволяющих делить междометия на подгруппы и отдельные единицы:

- 1) междометия, выражающие значение «Я хочу тишины» (*ci, sza, pst*);
- 2) междометия, выражающие значение «Я не хочу, чтобы ты был здесь (в этом месте)» (*won, precz, sio, waga*);
- 3) побуждающие к действиям, «подстрекающие» междометия (*niże, hej, hejże*);
- 4) междометия, выражающие значение общения на расстоянии (*hop hop, hallo, ahoj*);
- 5) междометия, выражающие значение «Я даю это тебе» (*na*).

Кроме того, А. Вежбицкая обращает внимание на наличие в семантике многих побудительных междометий неявных признаков, релевантных для их употребления. Данные признаки известны носителям языка на интуитивном уровне. По мнению исследователя, такие признаки должны быть эксплицированы в толкованиях, чтобы представители других языковых культур могли использовать междометия, не делая коммуникативных ошибок.

Сопоставляя польское *hop hop*, австралийско-английское *sooe* и русское *ау*; А. Вежбицкая демонстрирует значимые различия в их употреблении. По утверждению автора, если для польского *hop hop* важным фактором является расстояние – коммуниканты могут видеть друг друга (ср. *эй, эге-гей*), то для русского *ау* более важными условиями являются отсутствие видимости при возможности звукового контакта. *Sooe* близок *ау* тем, что его также не могут произносить люди, которые видят друг друга, но, в отличие от *ау*, этот сигнал не принято использовать в доме.

Сопоставительные исследования требуют особой тщательности и осторожности при работе с чужим языковым материалом. Для употребления русского *ау* можно предложить некоторое уточнение. Междометия *ау*, как и *аллю* (установлении

контакта по телефону) могут в неформальной ситуации замечать эй. Ср.:

Но он не ответил, даже не повернулся, то ли не услышал моих слов, то ли не пожелал разговаривать. – **Ау!** – завопила я. – Дегтярев!!! Очнись! (Д. Донцова. Доллары царя Гороха).

Я совершенно не могу понять, что с тобой происходит, такое ощущение, что твое тело здесь, а ты уже там, **ау**, Насть, ну очнись. (А. Гостева. «Travel Агнец»).

Сверху со скалы свесился Саша Цыплаков. – **Алло!** – закричал он. – Чего встали? (Ю. Визбор. Альтернатива вершины Ключ).

[Майор Кузьмин]. Не похоже / что вы ими (*руками*) в земле ковырялись. [Алик]. **Алло**, при чем тут рука, а? Я тебя помощь пришел просить. А ты что? [Гений, к/ф (1991)]

Выявление имплицитных признаков побудительных междометий возможно также в границах одного языка при сопоставительном анализе междометий одной подгруппы. Но прежде чем делить единицы на группы и подгруппы, необходимо составить полноценный список единиц.

Максимально широкий список побудительных междометий собран нами из материалов словарей и лингвистических работ²³

Группа включает более 70 единиц. Это:

агу (агунюшки, агушеньки), айда, алло, алле, амба, анкор, ату, аппорт, арьер, ау, баю-бай (баюшки-баю, баиньки), баста, брысь, бис, брось, будет, валяй, взяли, вира, вон, гей, гляди, гули-гули, даун, довольно, достаточно, долой, запомни, иси, караул, кис-кис, куш, кш (кыш), майна, марш, на, не смей(те), но (н-но-о), ну, ну же (да ну же), пиль, пли, послушай(те), погоди, полундра, рассказывай(те), слушай(те), смирно, смотри, стоп, тега-тега, тсс (тш, чш, ш-ш), тпрру (трр), товсь, тсс (тш, цс, ш-ш), тубо, тю-тю, фас, фу, хватит, цыц, цып-цып, чур-чура, ура, усь, цыц, ути-ути, чу, чур (чур-чура), ша, шабаш, шерш, эй.

Данный список, с одной стороны, страдает избыточностью, а с другой стороны, он неполон. Из списка имеет смысл исключить три группы единиц.

1) Предикативные наречия и императивные формы глагола: *взяли, хватит, гляди, не смей* и т.п. Эти единицы не являются сигналами, поскольку в контекстах побуждения они не

утратили лексическое значение и их деривационные связи с другими словами очевидны.

2) Слова, не вышедшие из границ профессиональных жаргонов: *апорт, арьер, даун, , иси, куш, пиль, шерш* и т.д. Их используют лишь относительно небольшие социальные группы (охотники, спортсмены и цирковые артисты).

3) Единицы, включаемые в побудительные междометия по традиции: *айда, чур (чур-чур)*. Эти слова «детского диалекта» не обладают признаками междометий. Они являются строевыми компонентами побудительных конструкций, аналогами частиц *давай* и *пусть*.

При этом список необходимо дополнить несколькими побудительными междометиями: **Ау**(*аиньки, аюшки*) как ответная реакция на обращение. Приведем пример:

[Поклонник]. Нюр. [Аня]. **Ау**. [Поклонник]. У нас тут билеты распространяли на мотогонщиков... (Дамы приглашают кавалеров, к/ф); – Тетка Анисья... – **Аиньки**, Паша. – Выйдем с тобой на пару слов... (В. Шукшин. Живет такой парень).

Ну, ну как просьба успокоиться. Такой сигнал не следует смешивать с сигналом «подталкивания» человека к началу или продолжению речи, действия (*ну; ну же*). Он имеет обязательную редупликацию и специфическую падающую интонацию. Описание данного и следующего междометий будет дано ниже.

Но-но(-но) как предостережение. В лексикографии есть традиция считать все редулицированные многокомпонентные междометия вариантами однокомпонентных. В Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой описание *но-но* находится в словарной статье *НО*² в качестве второго значения (первое значение – понукание лошадей). Введение во второе значение дополнительной информации: *обычно с повторением* не спасает положение дел. Редупликация – обязательная характеристика единицы, а интонация принципиально отлична от «понукающей». С нашей точки зрения, единица должна иметь отдельную словарную статью.

Кроме того, в список следует ввести также два звукоподражательных слова: *ку-ку* и *тук-тук*, а также два жаргонных приветствия: *чао (чао-какао)* и *хай*²⁴. В результате список побудительных междометий составил 41 единицу (не считая вариантов).

агу (агунюшки, агушеньки); алло; ау(аиньки, аюшки); ау; баю-бай (баюшки-баю, баиньки); баста; брысь; бис; вира;

вон; гули-гули; караул; кис-кис; киш (кыш); ку-ку; майна; на; но (н-но-о); но-но (но-но-но); ну; ну, ну; пли; полундра; стоп; тсс (тш, чш, ш-ш); тега-тега; тпrrу (тpp); товсь; тсс (тш, цс, ш-ш); тук-тук; фас; фу; хай; чао; цыц; цып-цып; цыц; ути-ути; ша; шабаш; эй (эге-гей).

Деление на семантические подгруппы русских побудительных междометий в целом близко классификации, предложенной А. Вежбицкой, хотя некоторые отклонения от нее, безусловно, есть. Мы остановимся на рассмотрении нескольких междометий подгруппы «побуждение к остановке или к изменению деятельности». К этой подгруппе относятся: тсс (тш, чш, ш-ш), цыц, ша, но-но (но-но-но), ну, ну, стоп, баста, шабаш.

Многие из этих междометий описаны в толковых словарях и в словарях служебных слов. Приведем несколько словарных статей из Толкового словаря С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой:

ТСС! межд. Призыв к тишине, к молчанию.

ЦЫЦ межд. (прост.). Окрик, выражающий запрет, приказание прекратить что-н. или замолчать.

ША межд. (прост.). Возглас в знач. пора кончать, хватит.

БАСТА. Возглас в знач. довольно, достаточно; кончено.

ШАБАШ (прост.). То же, что баста!

СТОП Призыв остановиться.

Как можно заметить, толкования носят самый общий характер и в ряде случаев дополняются синонимами – наречиями и глаголами, выполняющими в диалоге те же функции.

Такого рода толкования предназначены для носителей языка, поскольку не содержат имплицитных характеристик, определяющих или ограничивающих употребление данных единиц. Данные признаки можно выявить при сопоставлении единиц внутри подгруппы. Перечислим признаки, по которым можно противопоставлять единицы подгруппы.

1. Окончание или остановка в деятельности (шабаш, баста, стоп, ша и отчасти тсс) VS изменение способа или направления деятельности (цыц, но-но, ну, ну и отчасти тсс).

2. Предостережение от непродуманных действий (тсс, цыц, но-но) VS остановка совершающихся действий (шабаш, баста, стоп, ша, ну, ну).

3. Остановка любого вида деятельности (шабаш, баста, стоп, но-но, тсс, ну, ну) VS остановка только речевой деятельности (ша, цыц).

4. Команда, приказ (шабаш, баста, стоп, ша, цыц и но-но) VS предостережение или успокаивание (тсс и ну, ну).

5. Стилистическая нейтральность (*тсс, но-но, ну, ну, стоп*) VS стилистическая маркированность (*цыц* (детск. или груб-разг.); *шабаш* (прост.), *ша* (диалектн. и арг.), *баста* (экспрес.)).

6. Обязательность VS факультативность жестово-мимического сопровождения (*тсс, цыц, ша, баста, ну, ну, стоп* VS *шабаш, но-но*).

Тсс – указательный палец подымается и прикладывается вертикально к сомкнутым губам).

Цыц!; *ша!*; *баста!* – голова одновременно резко выдвигается вперед.

Ну, ну чаще всего сопровождается успокаивающим или останавливающим касанием;

Стоп – указательный палец поднимается до уровня лица (при неожиданной мысли в процессе размышления), либо поднимаются раскрытые к адресату ладони (при остановке действий других лиц).

Выявленные признаки должны находить отражение в толкованиях междометий, рассчитанных не только на носителей языка, а на более широкую аудиторию пользователей. Ниже предлагаем несколько толкований.

ТСС (тс-с, тс, тшш, чш-ш, шш). *Говорящий прикладывает палец вертикально к сомкнутым губам. 1.* Сигнал призыва к тишине, прекращению разговоров или снижению громкости. **Тс-с!** – сказал Ленечка, покосившись на лежавшую к стенке Наталью, и приложил палец к губам с видом плута (А. Битов. Лес); – Ей бы не с ружьем ложиться... – **Тс-с-с...** – оборвала его мама, но Лида, в общем-то, поняла, о чем говорил отец (Г. Щербакова, Ах, Маня...). **2.** Сигнал предостережения, конспиративный призыв к осторожности, бдительности. Мнимый сержант Колесников прислонил палец к губам и сказал: – **Тс-с-с!** Не показывайте виду, что вы меня узнали (Говорит и показывает Москва // Столица, 1997).

ЦЫЦ. Неодобр. *Голова угрожающе выдвигается вперед.* Сигнал для немедленного прекращения дерзкой или неосторожной речи, неопозволительного шума, требование сменить неподобающий тон при разговоре о ком- или о чем-либо. «Знаем», – сказал толстый парень. – «**Цыц!**» – прикрикнула женщина в комбинезоне (И. Грекова. Летом в городе); Станислав Игоревич, – умоляюще воскликнул его секретарь, – уже поздно, нам пора домой! – **Цыц!** Уволю... (Г. Тронина. Русалка для интимных встреч); Тебя хрен разберешь, батя! <...> То – воровские

законы, а то – сам готов по магазинам шляться... – **Цыц!** Не тебе меня судить! (В. Громов. Компромат для олигарха).

НО-НО(-НО) (Но, но). Неодобр. Предостерегающий сигнал, требование остановить развитие мысли, продолжение действия. **Но-но!** – *прикрикнула* она, когда там возникло легкое (и явно случайное) болевое прикосновение. Отчего сам же мужчина забеспокоился еще виноватее: – Извини (В. Маканин. Удавшийся рассказ о любви); Бендер – осел! Ей-Богу, жалкая, ничтожная личность. – **Но, но!** – *предостерегающе* сказал Балаганов (И. Ильф и Е. Петров. Золотой теленок); Давайте хоть на пяти, на шести даже сойдемся. Жить-то я на что-то должен! – **Но-но-но!** Только без плача Ярославны на Путивле (С. Данилюк. Бизнес-класс).

НУ, НУ. Мягкий призыв успокоиться, просьба прийти в себя. Потом стал целовать глаза и опять губы. <...> – **Ну, ну,** – сказала она. – Не торопитесь! Сядьте, поговорим (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей); – Я не дождусь. Я умру. – **Ну, ну,** – сказала она, убирая его руку. – Потерпи, не умирай... (Е. Белкина. От любви до ненависти); Буддо взглянул на него и сразу посерьезнел. Подошел, наклонился и поднес кружку с водой. – **Ну, ну,** – сказал он успокаивающе и слегка похлопал его по плечу. – Не надо так! Не надо! (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Заключение

Итак, в статье на материале побудительных междометий предлагаются эксплицитные формальные и семантические признаки класса междометий, отграничивающие этот класс от единиц промежуточного уровня. Данный подход позволяет рассматривать побудительные междометия как класс апеллятивных сигналов, значение которых невозможно вывести на основе ассоциативных связей с прочими единицами языковой системы. Толкование побудительных междометий в словаре, рассчитанном не только на носителей языка, должно быть более содержательным, включать прагматические компоненты, помогающие корректно использовать междометия в речи. Для описания целого ряда побудительных междометий важным фактором является информация о тоне их произнесения. В электронных версиях словарей эта проблема озвучивания междометий может быть решена включением в словарную статью опции для звукового представления междометия.

- ¹ Бюлер К. Теория языка. М., 1993.
- ² Жинкин Н.И. Язык. Речь. Творчество. Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. М., 1998; Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. с. 108.
- ³ Вежицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611-647.
- ⁴ Ефремова Е.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
- ⁵ Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997.
- ⁶ Русская грамматика / АН СССР; Ин-т русского языка М.: Наука, 1980: в 2 т. М., 1980.
- ⁷ В список побудительных междометий предлагается также включить ритуальное *горько* на свадебной церемонии (см. дипломную работу А.Д. Подзоровой «Русские побудительные междометия в их сопоставлении с побудительными междометиями английского языка». РГГУ, Москва 2006 г).
- ⁸ Шмелев Д.Н. К вопросу о «производных» служебных частях речи и междометиях // Избранные труды по русскому языку. М., 2002. С. 336–349.
- ⁹ Необходимость опрошения, разрыва связей с источником отличает вторичные междометия от вторичных служебных слов. Например, в союзах *благодаря (чему), навстречу (чему)* и т.п. семантическая связь со словами-источниками сохраняется. Эта связь предопределяет, в частности, ограничения на употребление данных союзов.
- ¹⁰ Щерба Л.В. О «диффузных» звуках // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 147-149.
- ¹¹ Протасова Е.Ю. Эмоциональная регуляция в общении взрослого и ребенка (на примере усвоения междометий и частиц) // Эмоции в языке и речи. М., 2005. С. 161–177.
- ¹² Потебня А.А. Мысль и язык. 1999.
- ¹³ Федорова Л.Л. Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М. 2005. С. 178-200.
- ¹⁴ Если не считать образуемых от побудительных междометий слов типа *аукаться, куковать* и т.п.
- ¹⁵ Германович А.И. Междометия русского языка. Пособие для учителя. Киев. 1966; Серeda Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М., 2005.
- ¹⁶ Wilkins D.P. Interjections as deictics // Journal of Pragmatics North-Holland. 1992. № 18. P. 119–158.
- ¹⁷ См. редкие примеры диалектных форм типа *айдате, брысьте, цыцте* в книге А.И. Германович Указ. соч.,, которые можно рассматривать как отход от нормы.
- ¹⁸ В Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) на запрос АТУ обнаружено 77 употреблений. Из них подавляющее число составляют сочетания *ату его*, несколько примеров сочетаний *ату ее, ату их, ату меня* лишь одно нестандартное употребление: *Ату белых!* (А.И. Деникин. Очерки русской смуты).
- ¹⁹ На запрос БРЫСЬ в Национальном корпусе русского языка обнаруже-

но 101 употребление, также с единственным исключением: *И брысь с меня.* (А. Троицкий. Удар из прошлого).

²⁰ Германович А.И. Указ. соч.

²¹ Русская грамматика... Т. 1.

²² Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. 2003. P. 292–337.

²³ Толковый словарь русского языка / Сост. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 2-е изд. М., 1995; Ефремова Е.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001; Словарь структурных слов русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. М., 1997; Германович А.И. Указ. соч.; Середа Е.В. Указ. соч.

²⁴ Хай – относительно новое заимствованное из английского приветствие, распространенное в молодежной среде. Приведем примеры, собранные в гуссогра: **Хай!** Привёт! Как дела? Ты завтра на курсы поедешь? [Смс-сообщения старших школьников (2004)]; **Хай.** Оса! Своих не узнаешь? Машу, машу тебе – все по барабану! Деловая стала, да? (В. Громов. Компромат для олигарха).

Прикладные исследования

Е.В. Бречалова

Об одном подходе к семантико-синтаксическому анализу корейского предложения

В настоящей статье описывается процедура построения вспомогательной синтаксической разметки современного корейского предложения. Разметка содержит две компоненты. Первая компонента показывает членение текста на именные и предикативные фрагменты, осуществляемое на основании морфологических показателей, присутствующих в тексте. Вторая компонента отражает предполагаемую актантно-предикатную структуру данного предложения, причем правила ее построения разыскивают предикативы и их актанты внутри фрагментов. Такая разметка представляет собой первый шаг на пути полного семантико-синтаксического анализа корейского предложения. Построение предлагаемой разметки полностью формализовано и реализовано в виде компьютерной программы на языке Python.

Ключевые слова: корейский язык, автоматический синтаксический анализ текста, синтаксическая разметка, сегментация текста, формальный анализ текста.

А. Первичная синтаксическая разметка корейского предложения: знакомство

§1. Формальные составляющие первичной разметки.

Синтаксическая разметка содержит две компоненты: первая показывает членение обрабатываемого предложения на линейные составляющие; вторая – гипотетическую актантно-предикатную структуру этого предложения. Первая компонента – это безостаточная разрезка предложения на следующие друг за другом отрезки, называемые в настоящей работе фрагментами, в которой каждый фрагмент снабжен одной из меток N или P. Вторая – это совокупность не связанных между собою деревьев, в вершинных узлах которых размещаются предикатные слова, а подчиненные узлы могут быть заполненными –

в этом случае там размещаются актанты соответствующего предикатива, – а могут оставаться и незаполненными. Вторая компонента называется в работе бедным предикативным скелетом соответствующего предложения.

Заметим, что задача разрезания предложения на ранговые единицы старше, чем слово, но младше, чем предложение – классическая синтаксическая задача, и существуют ее решения, например, для современного русского языка¹ и для древне-русского языка². Специальных работ, посвященных проблеме разрезки корейского предложения, мы не нашли; хотя, разумеется, в неявном виде эта задача разбирается хотя бы и не полно в любом грамматическом описании корейского языка³.

Приведем пример корейского предложения и его первичной синтаксической разметки⁴. Первая компонента разметки представлена во второй строке Табл. 1, а вторая – на Рис. 1 ниже.

Табл. 1. Пример первой компоненты синтаксической разметки

(1) 도깨비가	대문	앞에	들어서면서	코를	쿵쿵댔어요.
tokkaupi-ka ^N	taymwun	aph.-ey ^N	tul.ese-myen-se ^P	kho-lul ^N	khungkhungtay -ess-e-yo ^P
черт	главные ворота	перед	встать	нос	принюхиваться

‘Черт встал перед главными воротами и долго принюхивался’.

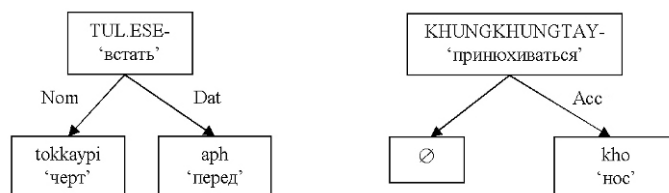

Рис. 1. Пример второй компоненты синтаксической разметки

§2. Содержательная характеристика первичной разметки. Первоначальная цель семантико-синтаксического анализа предложения — вскрыть предикативные связки (предикативное слово и его актанты) текста, то есть понять «кто, с кем, что». Разумеется, достаточно полное синтаксическое представление эксплицирует все актантно-предикатные связки соответствующего предложения, таковы, например, глубинно-синтаксические представления в модели «Смысл↔Текст»⁵. В первичной разметке выявлены все предикатные слова, которые могли бы оказаться вершинами отдельной предикативной связки.

Как известно, слуги предикативных слов могут в определенных случаях располагаться не только в непосредственном соседстве к своим хозяевам, но располагаться дистантно, так что между хозяином и его слугой могут располагаться или другие предикативные связки целиком, или отдельные члены таких связок. В корейском языке для целей сборки предикативных связок удобно располагать единицей большей длины, чем словоформа (отрезок, отделяемый в корейском тексте пробелами). В первичной разметке проставлены границы между фрагментами, причем каждый фрагмент имеет метку N — кандидат в актанты, P — кандидат в вершину предикативной связки. Заметим, что подобные единицы, так называемые *бунэцу*, рассматривались и в традиционной грамматике японского языка⁶.

Разумеется, не все P-фрагменты оказываются в конечном счете хозяевами, и не все N-фрагменты — актантами. Синтаксическая организация корейского текста в большинстве случаев сложнее. Однако первичная синтаксическая разметка определяется как бы с двух сторон: с одной стороны, эта разметка должна работать на указанные цели; с другой стороны, она должна получаться по ограниченному корпусу поверхностно наблюдаемых данных.

Необходимо подчеркнуть, что главная цель построения первичной разметки — найти такое компромиссное представление текста, которое может быть получено максимально скупыми средствами, одновременно доставляя данные, достаточно ценные для последующих этапов разбора текста.

§3. Замечание о грамматических классах. Правила разметки фрагментов (P-фрагменты или N-фрагменты), а также обнаружения границ между фрагментами используют в качестве исходных сведений сведения о принадлежности некоторых лексем к одному из двух грамматических классов: N или P. Используемое в работе начальное представление предложения построено так, что имя лексемы совпадает с основой словоформы, а основа соответствует последовательности символов до первого дефиса (см. ниже §4). Мы стремимся найти в первую очередь те формальные, не зависящие от семантики, характеристики слова, которые обеспечивают нам понимание того, к какому грамматическому классу принадлежит лексема наблюдаемой словоформы. Соответственно, мы хотим использовать минимум элементов, необходимых для опознавания грамматического класса слова и связанных с ним возможностей синтаксического поведения.

Грамматические классы лексем N и P, разумеется, скоррелированы определенным образом с классическими частеречными характеристиками: если грамматический класс лексемы характеризует только ее морфологические свойства, то часть речи лексемы – это характеристика по целому ряду признаков, включая семантические. Однако для наших целей достаточно эксплицировать противопоставление «глаголов» (P) и «субstantивов» (N). Также и С. Мартин делит все слова корейского языка на имена и глаголы⁷. При этом по С. Мартину «быть глаголом» значит, прежде всего, не входить в текст без некоторых служебных элементов, так называемых «глагольных окончаний». Легко видеть, что перечисляемые нами ниже предикативные ключи являются некоторыми из этих окончаний или составными частями окончаний. Имена по Мартину могут не сопровождаться в тексте никакими частицами, однако, анализируя синтаксическую дистрибуцию имен, он отмечает, в качестве типового контекста имени, употребление их перед некоторыми специфическими частицами⁸. В нашей работе мы в первую очередь интересуемся теми контекстами, в которых имя предшествует частице, показывающей синтаксическую роль данного имени по отношению к управляющему им слову.

Б. Первичная синтаксическая разметка
корейского предложения: правила построения

§4. Исходный вид обрабатываемого предложения.

Каждое анализируемое предложение проходит первичную обработку: от стандартной орфографической записи к начальному представлению. Во-первых, предложение переводится из стандартной орфографической записи в так называемую Йельскую транслитерацию, правила которой сформулированы в грамматике С.Мартина⁹. Заметим, что пробелы между словами расставлены по правилам стандартной корейской орфографии, а не по правилам, указанным в цитируемой грамматике С. Мартин. Во-вторых, произведены следующие морфологические преобразования этой записи: (1) в каждой словоформе основа отделена от аффиксов, (2) аффиксы отделены друг от друга. На этом же предварительном этапе связка отделяется пробелом от своего комплемента, в отличие от стандартного орфографического правила. Для наглядности в иллюстрациях начальное представление предложения может сопровождаться интерпретацией грамматических показателей, которая по существу следует общепринятым в корееведении грамматическим описаниям¹⁰.

§5. Порядок действий и исходная информация. Работа правил построения первичной синтаксической разметки представима в виде последовательных этапов. На первом этапе некоторые словоформы предложения помечаются метками грамматического класса N, P или X (метка неизвестна), для чего сперва в словоформах выделяются так называемые ключи (см. ниже §6). На втором этапе расставляются границы фрагментов, а сами фрагменты помечаются как P-фрагменты или N-фрагменты. Тут заканчивается построение первой компоненты синтаксической разметки. Необходимо отметить одну особенность правил построения первой компоненты разметки: они работают практически без обращения к словарю лексем.

Далее, все P-фрагменты обрабатываются правилами построения частичных деревьев (правилами, разыскивающими актанты). Эти правила, в свою очередь, опять делятся на два этапа: на первом этапе строится предварительная версия (эскиз) бедного предикативного скелета, который может быть получен без обращения к дополнительной информации; а именно, (1) информации о грамматической интерпретации показателей и (2) информации о моделях управления. На втором этапе, который запускается только в том случае, если построенный на предыдущем этапе эскиз оказывается неудовлетворительным, эскиз предикативного скелета усовершенствуется. Усовершенствования вносятся по мере того, как к исходным минимальным данным добавляется дополнительная информация. Последняя извлекается по запросам из (1) словаря грамматических показателей, (2) словаря моделей управления, (3) словаря лексем, содержащего их частеречные пометы. Используемая в нашей процедуре стратегия «пропускания неопределенных» элементов искомой синтаксической разметки может рассматриваться как формальное отражение феномена временно неоднозначных предложений, введенного в научный обиход Т. Бевером¹¹.

Разбору случаев, в которых для построения синтаксической разметки не удается обойтись минимальными исходными данными, посвящены специальные параграфы (§11-15).

Необходимо подчеркнуть, что построение первичной синтаксической разметки в целом, также как и построение бедных предикативных скелетов — не есть самоцель. Разумеется, для любых разумных целей необходимо из текста извлечь значительно более богатые данные. Однако цель — провести демаркационные линии, отмечающие, какие эшелоны данных используются для построения каких синтаксических записей,

представляется целесообразной; по крайней мере как цель вспомогательная. В самом деле, разработчик алгоритмов семантико-синтаксического анализа должен отдавать себе отчет в том, какие операции какой исходной информацией пользуются¹².

Б. 1. Механизм фрагментации – общие правила

§6. Синтаксические ключи. Механизм фрагментации, как уже указывалось, делит текст на фрагменты и размечает их метками Р или N. Граница между фрагментами устанавливается при помощи 44 аффиксов, называемых далее синтаксическими ключами или просто ключами. Их список приводится ниже. Механизм фрагментации не использует информацию о семантике синтаксических ключей. Известно, что в корейском языке наборы предикативных и именных аффиксов практически не совпадают. Благодаря этому обстоятельству и синтаксические ключи могут быть разделены на три группы.

Табл. 2. Синтаксические ключи

Р-ключи						N-ключи		X-маркеры
<i>a</i>	<i>ko</i>	<i>le</i>	<i>ni</i>	<i>taka</i>	<i>um</i>	<i>ey</i>	<i>lo</i>	<i>nun</i>
<i>ca</i>	<i>kwun</i>	<i>lye</i>	<i>o</i>	<i>tolok</i>	<i>umye</i>	<i>i</i>	<i>lul</i>	<i>ul</i>
<i>ci</i>	<i>l</i>	<i>m</i>	<i>sey</i>	<i>ula</i>	<i>umyen</i>	<i>ka</i>	<i>ulo</i>	<i>un</i>
<i>e</i>	<i>la</i>	<i>mye</i>	<i>so</i>	<i>ule</i>	<i>una</i>	<i>kwa</i>	<i>wa</i>	
<i>key</i>	<i>n</i>	<i>myen</i>	<i>ta</i>	<i>ulye</i>	<i>uni</i>			
<i>ki</i>	<i>na</i>	<i>ney</i>						

(1) Предикативные ключи (Р-ключи). Присоединяются только к предикативам, то есть к прилагательным и глаголам. Так, например: *sal-ko iss-ess-e-yo* 'жил да был' (продолж. вид, прош. вр.), *manh-ass-ci* 'конечно же, было много' (прош. вр.), *kel. enaka-lye-myen* 'если собираешься идти пешком' (*lye* – деепр. намерения, *myen* – деепр. условия), *kel-e-ya ha-ass-ta* 'должен был идти пешком' (долженств., прош. вр.), *pulu-ca* 'когда запел' (деепр. мгновенности), *malha-myen-se* 'говоря' (деепр. одновременности), *ollao-ass-na* 'поднялся ли?' (вопрос. прош. вр.), *huyimiha-n* 'неясный' (определит. форма прилаг.), *mwusep-so* 'страшный' (финит. вежл. форма). Заметим, что предикативные синтаксические ключи обладают общим свойством: в любой цепочке аффиксов, сопровождающих предикативный корень, должен быть хотя бы один из них. Каждый предикативный ключ способен быть единственным аффиксом при предикативном корне; некоторые из перечисленных аффиксов способны образовывать цепочки.

(2) Именные ключи (N-ключи). Присоединяются к именам и к именным формам предикативов (инфинитивам). Так, например: *kwi-lul* 'ухо' (Acc), *sankol-ey* 'в горной долине' (Dat), *kulimca-ka* 'тень' (Nom), *talpich sai-lo* 'в лунном свете' (Instr), *mal-lo-man* 'только на словах' (Instr), *tokkaypi-wa* 'с чертом' (Com), *chinkwu-hanth-ey-se* 'от друга' (Dat).

(3) Амбивалентные маркеры (X-маркеры). Возможны и при именах, и при предикативах, и поэтому не дают точной информации о грамматическом классе лексемы. Следующая таблица отражает интерпретацию амбивалентных маркеров при лексемах разных грамматических классов в том случае, если амбивалентный маркер – единственный аффикс словоформы:

Табл. 3. Интерпретация X-маркеров

X-маркер	с именами	с предикативами
(V) <i>nin</i>	Топ	Part Praes
(C) <i>nin</i>	– (невозможно)	Part Praes
(C) <i>ul</i>	Асс	Part Fut
(C) <i>un</i>	Топ	Part Past (<i>Verb</i>) /Part (<i>Adj</i>)

Здесь символ (V) обозначает, что основа, к которой присоединяется X-маркер, оканчивается на гласную фонему; соответственно, символ (C) обозначает, что основа оканчивается на согласную.

Можно видеть, что маркер *nin* имеет две интерпретации после основ, заканчивающихся на гласную. После основ на согласную он однозначно интерпретируется как показатель причастия настоящего времени. Также маркер *ul* интерпретируется как показатель аккузатива после имен, оканчивающихся на согласную, но как показатель причастия будущего времени после предикативных основ, оканчивающихся на согласную. В свою очередь показатель *un*, присоединяющийся только к основам на согласную, интерпретируется как топик при именах и как причастная форма при предикативах.

Приведем примеры фраз, содержащих словоформы с амбивалентными ключами:

(2) *salam-tul-un* (X) *ton-ul* (X) *coh.aha-n-ta-te-n-tey* 'а я слышал, что люди любят деньги, правда ведь?' Здесь X-ключи *un* и *ul* входят в именные словоформы *salam-tul-un* 'люди' и *ton-ul* 'деньги' соответственно.

(3) *mwusun soli-ka tul-li-e o-nun* (X) *kes i-e-yo* '(до него) донесся какой-то звук'. Здесь X-ключ входит в состав предикативной словоформы *o-nun* 'приходящий'.

(4) *hal.apeci-nun* (X) *nemwu mwusep-e-se* 'дедушка очень испугал-

ся, и поэтому...’ Здесь X-ключ входит в состав именной словоформы *hal.apeci-nun* ‘дедушка’.

(5) *kipwun nappu-n elkwul-ul (X) ha-ko-nun (P)* ‘скорчив гримасу’. Здесь X-ключ *ul* входит в состав именной словоформы *elkwul-ul* ‘лицо’, а X-ключ *nun* – в состав предикативной *ha-ko-nun* ‘сделав’.

Приведем некоторые примеры, показывающие типовое распределение ключей в корейском тексте (показатели-ключи выделены жирным шрифтом):

(6) *1908 nyen kyeng kwahaksa-tul.-un wuli unha-ka wucwu cenche-y-lul kwusengha-n-ta-ko sayngkak.ha-ess-ta.* ‘Примерно в 1908 году ученые думали, что наша галактика образует весь космос’.

(7) *icey wuli-nun wuli unha-ka kwanchuk kamungha-n wucwu-ey pheci-e-iss-nun 4 chen.ek kay isang-uy unha-tul cwung hana-i-la-nun kes.-ul al-n-ta.* ‘Сейчас мы знаем, что наша галактика – одна из более 400 миллиардов галактик, распростертых в доступной наблюдению части Вселенной’.

(8) *cina-n seyki tongan wucwulon-pota te manh.i pyenhwaha-n cicek tham-kwu pwun.ya-lul sayngkak.ha-ki-nun elyep-ul kes.-i-ta.* ‘Наверное, трудно представить себе область научных исследований, изменившуюся за последнее столетие больше, чем космология.’

(9) *ecey-kkaci-to ce-wa na-nun iyaki-to cal an ha-ko selo manna-a-to poncheymancheyha-ko ileh-key cemcanh-key cinay-te-n the-i-lye-n-man onul-lo kapcaksuley taykyenha-e- ci-ess-um.-un wen il-i-n-ka?* ‘До вчерашнего дня я с ней даже и не разговаривал как следует, даже встречаясь, мы делали вид, будто не замечаем друг друга, и вот так мы должны были бы с достоинством вести себя, как вдруг сегодня я ей стал нужен, – к чему бы это?’

§7. Расстановка границ фрагментов. Механизм фрагментации анализирует цепочку аффиксов в составе каждой словоформы и ищет вхождения синтаксических ключей. Граница Р-фрагмента проставляется после словоформы, среди аффиксов которой был обнаружен предикативный ключ (в примерах обозначена как ||^P); а после словоформы, содержащей именную ключ, проставляется граница N-фрагмента (в примерах обозначена как |^N). Даже если словоформа содержит более одного ключа, после нее проводится только одна граница. Из этого следует, что количество фрагментов в некотором тексте меньше или равно количеству встретившихся в нем ключей. Амбивалентные маркеры часто сочетаются с именными и предикативными. Если анализируется цепочка с подобным сочетанием, граница проставляется в зависимости от не амбивалентного ключа. Например, после словоформы *ha-ko-nun* (см. пример (5) выше), которая содержит предикативный ключ *ko* и амбива-

лентный ключ *nun*, проставляется граница Р-фрагмента.

Если амбивалентный ключ встретился как единственный ключ словоформы, то при первом проходе граница после него не проставляется вовсе. Для того чтобы проставить границу фрагмента после такой словоформы, требуется знать грамматический класс соответствующей ей лексемы. Если окажется, что лексема относится к классу предикативов, то проставляется граница Р-фрагмента. Если окажется, что лексема относится к классу имен, то проставляется граница N-фрагмента. Поскольку амбивалентный ключ не позволяет установить грамматический класс лексемы наверняка, требуется привлечение дополнительной информации. Такой дополнительной информацией служат: (1) информация, доставляемая показателями данной словоформы, отличными от ключей; (2) информация о расположении словоформы с амбивалентным ключом по отношению к другим словам фразы; (3) словарная информация о грамматическом классе лексемы данной словоформы. При втором проходе предложения механизм фрагментации обрабатывает Х-словоформы и с помощью этой информации доставляет границы фрагментов. Приведем некоторые иллюстрации.

(а) В примере 2 (см. выше) Х-словоформа *salam-tul-un* интерпретируется как N-фрагмент благодаря показателю множественного числа *tul*.

(b) Во фразе *pam-cwung-ey o-l salam-i eps-nun-tey* 'нет никого, кто мог прийти бы ночью' после словоформы *eps-nun-tey* механизм фрагментации проставит границу Р-фрагмента благодаря предикативному аффиксу *tey*, расположенному после Х-маркера *nun*.

(с) В примере 2 Х-словоформа *ton-ul* – именная, и это определяется по позиции Х-словоформы во фразе: причастие не может непосредственно предшествовать не-причастной глагольной форме, какой является *coh.aha-n-ta-te-n-tey*; значит, Х-словоформа – это имя с показателем аккузатива. То же самое правило применяется и к Х-словоформе *elkwul-ul* примера (5).

(d) В примере 3 Х-словоформа *o-nun* содержит Х-ключ *nun*. Эта Х-словоформа расположена непосредственно перед служебным именем *kes* 'факт', которое управляет причастными формами предикативов в составе аналитической конструкции *P-Part kes i-* 'факт такой, что Р', и поэтому механизм фрагментации определит ее грамматический класс как Р и поставит после нее границу Р-фрагмента.

(е) Основа Х-словоформы *hal.apeci-nun* из примера 4 относится к классу имен, что в данной фразе может быть определено только по словарю основ.

Заметим, что в случае с амбивалентными ключами приоритет отдается использованию сведений о других показателях словоформы и ее синтаксическом контексте. И только в последнюю очередь, если грамматический класс лексемы X-словоформы все же не удалось определить, правила фрагментации обращаются к словарю. Такой подход связан с тем, что в корейском языке большое число лексем (более 20%) имеет омонимы по грамматическому классу, и в такой ситуации использование словаря в качестве первого средства устранения неоднозначности часто не приводит к желаемому результату.

§8. Предикативные фрагменты. Предикативный фрагмент – это отрезок текста, заключенный между двумя предикативными границами. Предикативные фрагменты могут быть как однословными, так и многословными. Приведем некоторые примеры: [sayngkak.ha-ess-ta] (см. выше пример 6), [cina-n] (см. выше пример 8), [selo ip-man chyeta-po-ko] (см. ниже (пример 13), [onul-lo kapcaksuley taykyenha-e] (см. выше пример 9), [icey wuli-nun wuli unha-ka kwanchuk kamungha-n] (см. выше пример 7).

§9. Именные фрагменты. Именной фрагмент соответствует ровно одной словоформе – той, в которую входит именной ключ. Оказывается, что чаще всего именные фрагменты являются актантами какого-либо правее расположенного предиката. Разумеется, некоторые N-фрагменты не являются в предложении актантами каких-то предикатных слов, они могут соответствовать различным обстоятельствам (места, времени, цели)¹³. Приведем некоторые примеры: unha-ka ‘галактика’ (Nom), pwun.ya-lul ‘сферу’ (Acc), ce-wa ‘со мной’ (Com), elkwul-kwa ‘(похоже) на лицо’ (Com), onul-lo ‘сегодняшним днем’ (Instr), hal.apesi-eyk-ey ‘деду’ (Dat).

§10. Простейшие примеры. Ниже приводятся три предложения с выделенными ключами и размеченными фрагментами:

(10) 대뜸 지게 막대기를 메고 달려들어 점순네
 tayttum cikey maktayki-lul^N mey-ko^{||P} talli-e-^{||P} tul.-e-^{||P} cemswun-ney
 сразу же носилки палка нести бежать входит Чомсун
 Я сразу же взвалил носилки на плечи и побежал во двор (соседки Чомсун),

닭을 후려칠까 하다가 생각을 고쳐먹고
 talk-ul hwuli-e-^{||P} chi-l-kka^{||P} ha-taka^{||P} sayngkak.-ul kochi-e-^{||P} mek-ko^{||P}
 курица избивать делать мысль исправлять съедать
 собираясь избить ее петуха, но переменял намерение и

헛 매질로 떼어만 놓았다.
 hes maucil-**lo** |^N ttey-**e-man** ||^P noh.-ass-**ta**. ||^P
 напрасный битье отдирать класть
 только замахнулся.

(11) 이번에도 짐승이가 싸움을 붙여 냐을 것이다.
 i pen.-**ey-to** |^N cemswun.i-**ka** |^N ssawum.-**ul** pwuth.-i-**e** ||^P noh.-ass.-**ul** kes.-i-**ta** ||^P
 этот раз Чомсун драку подстраивать класть вещь-Сор
 Наверное, и в этот раз Чомсун подстроила драку.

(12) 나무를 한 짐 잔뜩 지고 산을 내려오려니까
 namwu-**lul** |^N ha-**n** ||^P cim canttuk ci-**ko** ||^P san.-**ul** nayli-**e**-||^P o-**lye-ni-kka** ||^P
 дерево делать груз доверху взвалить гора спускаться приходиться
 Доверху нагружив заплечные носилки дровами, я уже собрался спускаться, как вдруг слышу:

어디서 닭이 죽는 소리를 친다.
 eti-se talk.-**i** |^N cwuk-**nun** soli-**lul** |^N chi-**n-ta**. ||^P
 где-то курица умирать звук кричать
 где-то курица кричит при смерти.

Б.2. Механизм фрагментации — особые случаи

§11. Объединение двух фрагментов. Два следующих друг за другом предикативных фрагмента объединяются в один, если во второй из них входит всего одна словоформа, а именно служебный предикатив, образующий аналитическую конструкцию с предикативом первого фрагмента. Содержательно это объясняется тем, что большинство служебных предикативов не влияют на число и порядок валентностей смысловых предикативов, а на последующем уровне построения деревьев необходимо в первую очередь отразить именно смысловые предикативы и их актантаы.

Приведем пример¹⁴:

(13) 영감과 할머니는 떡을 앞에 두고
 N Com X Top X Acc N Dat P Ger
 yengkam-**kwa** |^N halmeni-**nun** ttek.-**ul** aph.-**ey** |^N twu-**ko** ||^P
 старик старуха ток перед оставлять
 Старик и старуха положили ток¹⁵ перед (собой)

서로 입만 쳐다보고 있었다.
 N N Pcl P Ger P Past Decl
 selo ip-man chyetao-**ko** iss.-ess-**ta** ||^P
 друг другу рот-только глядеть находится
 и только в рот друг другу глядели’.

В этом предложении не проводится внутренняя граница между словоформами *chyetao-ko* (P) и *iss.-ess-ta* (Раух), хотя при первой из них присутствует предикативный ключ *ko*. Таким

образом, вместо двух фрагментов, [selo ip-man chyetao-ko] и [iss-ess-ta] получаем один.

Однако не всегда легко отличить вспомогательное употребление некоторого предикатива от его же самостоятельного, ср. *chac.-a* || *w-a-se* || 'пришел навестить' (самостоятельное употребление глагола *o-* 'приходить') и *sal.-a o-n-ta* || 'жить (так-то до настоящего момента)' (употребление того же глагола в составе аналитической конструкции). Механизм не может различить этих двух случаев с формальной стороны, поэтому граница проводится всегда просто по ключам.

§12. Предикативный фрагмент содержит предикатив, зависящий от служебного слова. В тех случаях, когда сказуемое придаточного предложения представляет собой причастную форму или инфинитив, употребленную перед служебным именем (таким как *cwung* 'в течение', *ci* 'с тех пор как', *ttay* 'время', *hwu* 'после', *cen* 'до', *nameci* 'в результате', *palam* 'причина' и т.д.), механизм ставит границу после глагольной формы. Мы не относим служебное слово к придаточному предложению. Информация о подобных служебных словах, в частности о том, какой формой предикатива управляет данное слово, помещается в словарь. На следующем этапе анализа механизм построения деревьев обнаруживает союзное слово в начале некоторого фрагмента и анализирует конец предыдущего фрагмента в поисках той глагольной формы, которая предположительно зависит от служебного слова. Само служебное слово можно считать обстоятельством при последующей предикации.

Приведем пример:

(14)	이	사람,	아까	올	때도	머리가	없었나?
	N	N	N	P PartFut	N Pcl	N Nom	P Past PartPast Quest
	i	salam	akka	o-I ^P	ttay-to	meli-ka ^N	eps.-ess-na ^P
		этот человек	недавно	приходить	время	голова	не-иметься

А у этого человека, когда [мы] пришли сюда, головы уже не было?

§13. Имя, составляющее именной фрагмент, не является актантом того предикатива, во фрагменте которого оно расположено. Всякий именной фрагмент вложен в предикативный. Имя, составляющее именной фрагмент, обычно является актантом предикатива того фрагмента, в который оно входит. Однако некоторые именные фрагменты оказываются не связанными синтаксическими отношениями с предикативом своего фрагмента, поскольку фрагментация текста производится формально, без учета семантики. Так, по правилам фрагментации граница предикативных фрагментов проходит между определительной формой прилагательного и его единственным актантом, расположенным правее. Если при этом левее прилагательного находится другое имя, то оно фор-

мально может оказаться во фрагменте прилагательного, даже если оно не связано с ним синтаксически.

Приведем примеры:

- (15) 토끼가 위급한 처지를 모면하고자 거짓말을 한다.
 N Nom P Part N Acc P Ger Sugg X Acc P Praes Decl
 thokki-ka |^N wikup.ha-n ||^P checi-lul |^N momyenha-ko-ca ||^P kecismal.-ul ha-n-ta ||^P
 кролик опасный ситуация избежать ложь говорить
 Кролик, чтобы избежать опасной ситуации, говорит ложь.

В этом предложении в предикативном фрагменте [*thokki-ka wikup.ha-n*] имя *thokki-ka* не связано синтаксически с *wikup.ha-n*, а является первым актантом глагола *momyenha-* 'избегать'.

- (16) 범이 이렇게 생각하였다.
 N Nom P Advr P Past Decl
 pem.-i |^N ileh-key ||^P sayngkak.ha.-yess-ta ||^P
 тигр такой думать

Тигр подумал так.

Именной подфрагмент *pem.-i* 'тигр' с ключом *i* (Nom) оказывается во фрагменте адвербиальной формы прилагательного *ileh-* 'такой', хотя на самом деле он является актантом глагола *sayngkak.ha-* 'думать'.

§14. Вложение фрагмента в другой фрагмент. Один фрагмент вкладывается в другой в тех случаях, когда при одной и той же основе встретились одновременно два ключа, один предикативный, а другой именной. Эту ситуацию иллюстрирует следующее предложение:

- (17) 제가 탄 것은 범이었으므로 급히 뛰어내렸다.
 N Nom P PartPast X Top N Cop Past Nmz Instr N P Past Decl
 ceu-ka |^N tha-n ||^P kes.-un pem.-i-ess.-um-ulo ||^P |^N kup.hi ttwienayly-ess-ta ||^P
 сам ехать вещь тигр – быть поспешно спрыгивать
 верхом

(Вор) поспешно спрыгнул, потому что то, на чем он ехал, оказалось тигром.

В данном предложении словоформа *i-ess.-um-ulo* содержит два ключа, предикативный *um* и именной *ulo*. Соответственно, ставятся две границы фрагментов. Если за «главную» границу принимать Р-границу, то получаем следующую последовательность двух Р-фрагментов: [*kes.-un pem.-i-ess.-um-ulo*] и [*kup.hi ttwienayly-ess-ta*]. Если же рассматривать словоформу *i-ess.-um-ulo* как N-фрагмент, то вместо двух Р-фрагментов получаем один более длинный Р-фрагмент [*kes.-un pem.-i-ess.-um-ulo kup.hi ttwienayly-ess-ta*] такой, что Р-фрагмент [*kes.-un pem.-i-ess.-um-ulo*] вложен в него. Это явление характерно также для сочетаний ключей *ki-ey*, *ki-lo*, *ki-lul*.

§15. Предикативные фрагменты, состоящие из имени и предикативной связки. В нижеследующих примерах по син-

таксическим ключам выделяются такие фрагменты, которые традиционно не считаются предикациями. В этих случаях предикативный синтаксический ключ используется при связке *i*- 'быть', например:

(18) 누구든지	먼저	말을	하는	이는	이	떡을
N Cop Retr PartPast Mod	N	X Acc	X PartPraes	X Top	N	X Acc
nwukwu-i-tu-n-ci ^P	mence	mal.-ul	ha-nun	i-nun	i	ttek.-ul
кто угодно, любой	сперва	слово	делать	человек	этот	тток

Давай так уговоримся: кто первым скажет слово, тот не будет есть этот тток.

먹지	못하기로	하자.
P Inf	Not P Nmz Instr	P Sugg
mek-ci ^P	mos-ha-ki-lo ^P ^N	ha-ca ^P
есть	не-делать	делать

По сформулированным правилам граница фрагмента проходит после *nwukwu-i-tu-n-ci* 'кто угодно'. В этом случае удобно рассматривать *nwukwu-i-tu-n-ci* как отдельную предикацию, которую можно перевести как 'кто бы это ни был'. При таком решении исчезает конкуренция двух слов *nwukwutunci* 'кто угодно' и *i* 'человек' на заполнение первой валентности глагола *ha*- 'делать', что важно для механизма построения деревьев.

§16. Итоги работы механизма фрагментации. Анализируемый текст разделен на предикативные фрагменты без остатка. Именные подфрагменты вложены в предикативные. Последним в традиционной терминологии чаще всего, хотя и не всегда, как мы видели, соответствуют связки вида «предикатив со своими актантами». Однако именные фрагменты необязательно связаны актантами связями с предикативом своего фрагмента. В результате применения механизма фрагментации к контрольному материалу оказалось, что синтаксические ключи в большинстве случаев позволяют определить традиционные границы предикаций. Нетривиальные случаи деления были обсуждены выше.

Б.3. Бедный предикативный скелет

§17. Общая характеристика. На втором этапе строятся нелинейные представления текста в виде частичных деревьев семантико-синтаксических связей, то есть бедные предикативные скелеты. Эти представления называются частичными потому, что в общем случае они не составляют одну область связности. В них отражены прежде всего те связи, которые маркированы формальными средствами, а именно синтаксическими ключами и порядком слов. Например, благодаря

порядку слов определяется, что имя, непосредственно следующее за причастием, является его актантом; благодаря порядку слов определяется, что инфинитив, предшествующий глаголу, является его дополнением. При построении деревьев синтаксических зависимостей используется уже готовый фрагментированный текст.

§18. Внешний вид бедного предикативного скелета.

Рассматриваемое представление выглядит следующим образом. Предикативы образуют вершинные узлы дерева, из узлов выходят стрелки валентных зависимостей. Количество стрелок равно количеству валентностей предикатива. Под стрелками подписаны те актанты, которые заполняют валентности предикатива в предложении. Сплошными линиями изображены те валентные связи предикативов, которые формально маркированы в предложении, то есть отвечают некоторым (необязательно всем из найденных) именованным фрагментам. Пунктиром отмечены те валентные связи, которые не маркированы в тексте: либо при слове-актанте нет падежных аффиксов, либо актант вообще не выражен. В случае незаполненных связей (то есть не найденных актантов) под стрелкой указано «∅». В бедных предикативных скелетах возможны отдельные узлы, которые не соединяются ни одной стрелкой ни с каким другим словом, например, остаются без связей некоторые имена, функционирующие как обстоятельства или определения. Особо отметим, что смысловые и синтаксические связи между предикативами в этих представлениях не даны, кроме тех случаев, когда предикатив с актантами заполняет валентность последующего глагола.

§19. Построение частичных деревьев. Процедура построения частичных деревьев состоит из четырех шагов, из которых первые три осуществляют внутрифрагментный поиск, а последний – межфрагментный. Укажем условные названия этих шагов: шаг 1 – «поиск вершинных предикатов», шаг 2 – «поиск актантов», шаг 3 – «просмотр оставшихся именованных фрагментов», шаг 4 – «поиск актантов за границами фрагмента».

§20. Шаг 1 – поиск вершинных предикатов. На первом шаге механизм рисует узлы дерева. Каждый смысловой предикатив отражается в дереве как узел. По определению предикативных фрагментов предикативы находятся в конце каждого фрагмента. Если граница была перенесена, то можно воспользоваться информацией о том сочетании, после которого про-

изошел перенос границы, и найти смысловой предикатив по его грамматической форме (она зависит от вспомогательного предикатива). Перечисленные выше вспомогательные предикативы не влияют на число и характер актантных связей смыслового, поэтому их можно опустить. Для найденных предикативов механизм запоминает их грамматическую форму. Особенно важно учитывать, оформлен ли предикатив каким-либо из аффиксов причастий, потому что у причастия актанты могут быть расположены справа от него. После этого механизм обращается к словарю моделей управления¹⁶ и для каждого предикатива определяет: (1) число его валентностей, (2) допустимые грамматические формы актантов, (3) его переводные эквиваленты. Механизм рисует пунктирные стрелки по числу валентностей и подписывает под ними допустимые грамматические формы актантов.

§ 21. Шаг 2 – поиск актантов. На втором шаге механизм начинает просматривать фрагменты для того, чтобы найти актанты предикативов. Некоторые из них обнаружатся среди именных фрагментов, поскольку именные фрагменты представляют собой имена с показателями Nom, Acc, Dat, Instr, Com. Как уже было показано, именные подфрагменты обязательно являются актантами предикатива своего фрагмента, и поэтому построенные частичные деревья должны рассматриваться как предварительные. Для каждого предикатива его актанты ищутся следующим образом. Внутри его предикативного фрагмента механизм перебирает все именные фрагменты и сравнивает их ключи с теми показателями, которыми могут быть маркированы актанты данного предикатива согласно его модели управления. Если именной ключ некоторого имени совпадает с возможным маркером актанта, то это имя считается кандидатом в актанты. После этого производится словарная проверка, чтобы отсеять возможные наречия. Если данное имя не помечено в словаре как наречие, оно подписывается под стрелкой соответствующей валентности. Пунктирная стрелка заменяется на сплошную. Если не было найдено ни одного совпадения для данного показателя (обнаруженного при помощи модели управления), то валентность считается незаполненной, и под ее стрелкой подписывается «ноль» (∅). Нули отражают актанты, не выраженные потому, что они кореферентны полной именной группе, встретившейся в тексте ранее.

На этом же этапе механизм построения деревьев использует информацию о грамматической форме предикатива. Если предикатив – адвербиальная форма на *-key* прилагательного,

то он по определению не имеет зависимых. Тогда, если в этом фрагменте содержится один или несколько подфрагментов, механизм запоминает, что они относятся к предикативу из какого-то последующего фрагмента. Механизм действует точно также и в том случае, если грамматическая характеристика одновалентного прилагательного – это причастие и в его фрагменте встретились именные подфрагменты. Актант с частицей *топика* будет отнесен к ближайшему предикативу как заполняющий его первую валентность и отмечен как требующий семантической проверки (может, он претендует на заполнение второй валентности, если она до сих пор пуста, или вообще относится к другому фрагменту). Если предикатив представлен причастием двухвалентного глагола или прилагательного (ср. *kath-* ‘похожий’), то механизм пытается заполнить одну (или обе) валентности теми подфрагментами, которые встретились внутри рассматриваемого фрагмента, и подписывает «ноль» (∅) под временно незаполненными стрелками. После этого необходимо производить семантическую корректировку, поскольку найденный подфрагмент может оказаться актантом предикатива из фрагмента, расположенного правее.

§22. Шаг 3 – просмотр оставшихся имен внутри фрагмента. На третьем шаге механизм перебирает оставшиеся словоформы внутри каждого фрагмента и проверяет по словарю, может ли словоформа такой части речи замещать какую-нибудь из оставшихся валентностей предикатива из этого фрагмента. Наш контрольный материал показывает, что если словоформа является немаркированным актантом, то она находится внутри того же фрагмента, что и управляющий ею предикатив, и, в отличие от маркированных N-ключами актантов не может пересекать левую границу своего фрагмента. При этом ограничения на грамматическую форму предикатива отсутствуют. Это обстоятельство позволяет перебирать гораздо меньше словоформ – претендентов на незаполненные валентности, так как рассматриваются словоформы только данного фрагмента. На этом же шаге будет найден комплемент приименной связки, потому что в словаре прописано, что он находится непосредственно слева от нее. Оставшиеся после этой операции словоформы записываются как отдельные элементы представления.

§23. Шаг 4 – поиск актантов за границами P-фрагмента. На 4 шаге механизм ищет те актанты, которые заведомо должны располагаться не в том фрагменте, где находится синтаксически связанный с ними предикатив. Такая ситуация имеет

место в двух случаях. Во-первых, если предикатив представляет собой причастие, то есть имеет ключи *ni*, *in*, *n*, *ul*, *l*, то один из его актантав (или его единственный актантав) может быть первым словом в непосредственно следующем справа фрагменте. Во-вторых, если предикатив способен управлять номинализованной формой глагола, то такой актантав будет расположен в непосредственно предшествующем фрагменте¹⁷.

§ 24. Иллюстрация. Разберем пошагово работу данного механизма на примере следующего предложения:

(19) 그	때	마침	밤중이라	도둑놈이	들어
N	N	N	N Cop Ger	N Nom	P E/A
ku	ttay	machim	ram-cwung i-la ^P	totwuknom.i ^N	tul.-e ^P
тот	время	как раз	ночь-среди быть	вор	входить
Как раз в то время была ночь, и вор зашел и начал обшаривать дом.					
와서	집안을	뒤지기	시작하였다.		
P E/A Pcl	N Acc	P Nmnz	P Past Decl		
w-a-se ^P	cip.an.-ul ¹⁸ ^N	twici-ki ^P	sicak.ha-yess-ta. ^P		
приходить	дом-в	обшаривать	начинать		

На 1 шаге (см. Рис. 2) рисуются узлы, проводятся пунктирные стрелки по числу валентностей, определяется предположительная грамматическая характеристика актантав, представлены метки при причастиях. Левая стрелка заполняется первым актантавом, правая – вторым или третьим актантавом.

На 2 шаге (см. Рис. 3) механизм ищет актантавы внутри каждого фрагмента и привязывает их к узлам, меняя стрелки на сплошные. Подписывает нули под незаполненными стрелками:

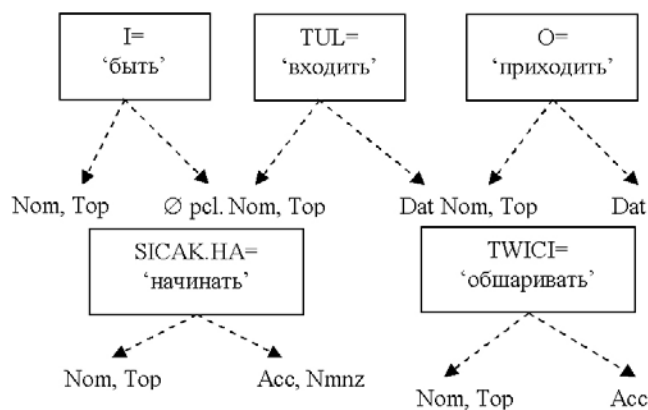

Рис. 2. Шаг 1 – поиск вершинных предикативов

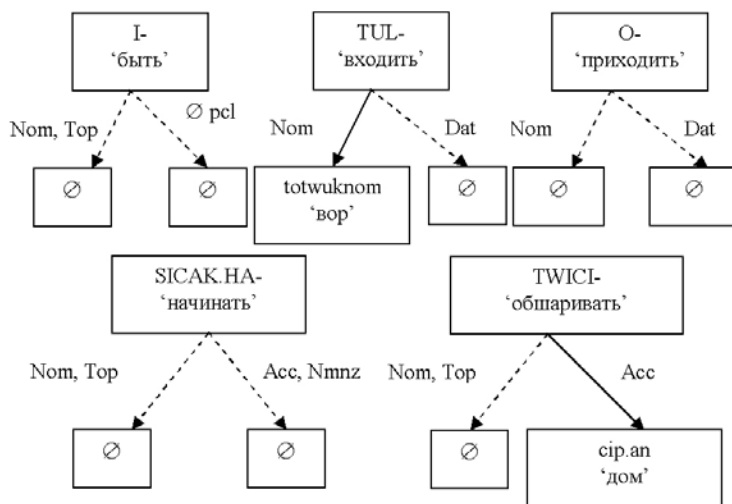

Рис. 3. Шаг 2 – поиск актантов внутри R-фрагмента

На 3 шаге (см. Рис. 4) механизм перебирает оставшиеся внутри каждого фрагмента словоформы и пытается привязать их к узлам. Так, в первом фрагменте этого предложения будут найдены имена *ram-cwung* – по правилу о комплементе связки – и *ttay* – просто потому, что это имя, а имя может заполнять первую валентность связки. Словоформа *machim* 'как раз' будет отвергнута как кандидат на заполнение валентности связки, так как это наречие. После этого вычерчиваемое представление имеет такой вид:

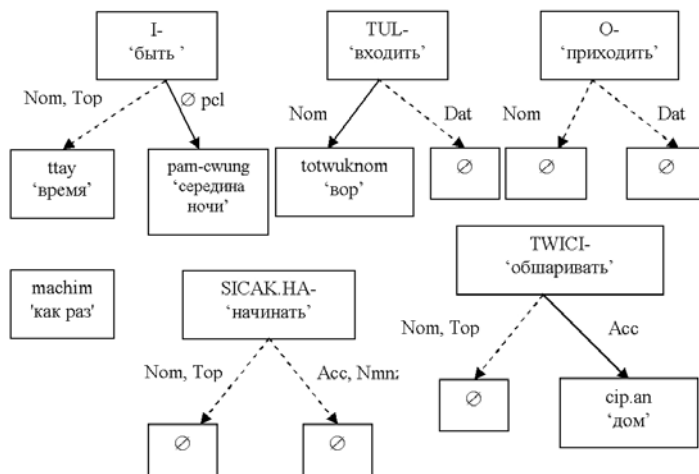

Рис. 4. Шаг 3 – просмотр оставшихся имен внутри R-фрагментов

На шаге 4 (см. Рис. 5) механизм обнаружит метку *Inf* на второй стрелке глагола *sicak.ha-* 'начинать' и найдет инфинитив глагола *twici-* 'обшаривать' в соседнем фрагменте. Инфинитив вместе со всеми своими зависимыми связывается как объект с глаголом *sicak.ha-* 'начинать'.

Теперь следует сделать два важных замечания. Во-первых, наши формальные средства оказываются ограниченными и не позволяют построить более связанное дерево. Во-вторых, на материале корейского языка вновь подтвердилось уже известное по работам Г.С. Цейтина¹⁹ положение о том, что невозможно полностью отделить синтаксический анализ от семантического, поскольку они дополняют и корректируют друг друга. Так, в рассмотренном выше примере мы пользовались семантической информацией, например для того, чтобы наречие *machim* 'как раз' не было понято как актант. Имеет место и противоположная ситуация, когда синтаксическая информация позволяет разрешить семантическую неоднозначность.

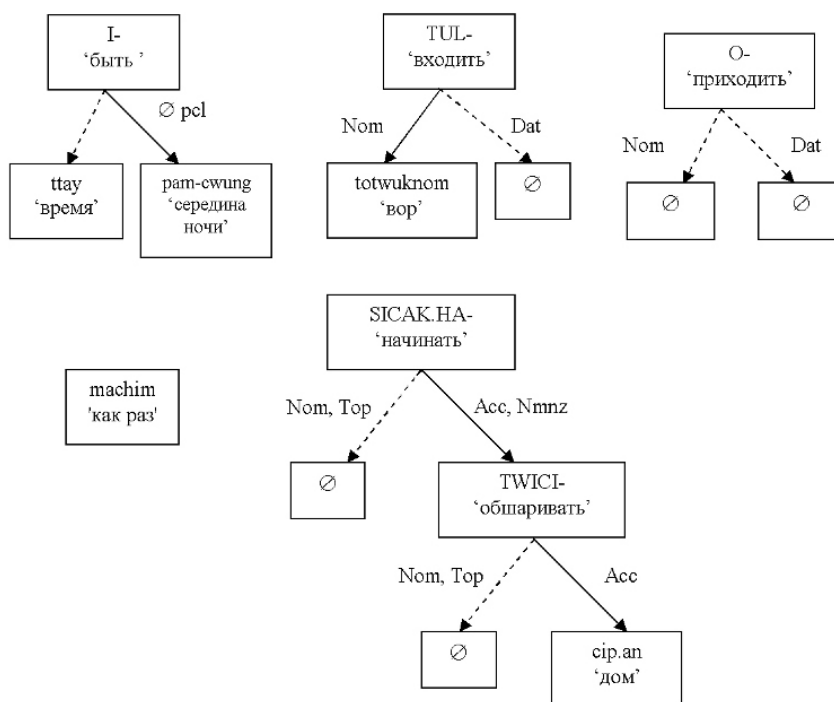

Рис. 5. Шаг 4 – поиск актантов за границами R-фрагмента

§25. В статье дано краткое неформальное описание некоторого алгоритма синтаксического анализа корейского предложения. Этот алгоритм был реализован в виде компьютерной программы на языке Python и опробован на небольшом корпусе корейских текстов (84 предложения из разных жанров, в том числе – научной прозы²⁰). Этот первичный эксперимент, с одной стороны, показывает принципиальную формальную эффективность разработанной техники синтаксического анализа; с другой стороны – обнаруживает некоторые нетривиальные черты организации корейского текста, ускользающие от внимания исследователя, занимающегося анализом корейского текста «в ручную», то есть анализом, опирающимся на недостаточно формализованные правила.

Как известно, корейский язык относится к числу языков алтайской семьи, синтаксис которых в традиционных описаниях характеризуется следующими чертами: отсутствие механизма обязательных грамматических категорий; отсутствие сочинительно-подчинительного механизма связи между частями так называемого сложного предложения; значительным числом аналитических конструкций. Выделение этих черт покоится на имплицитном сравнении алтайских языков с языками флективно-парадигматического строя (каковы, в частности, древние индоевропейские языки и некоторые из современных индоевропейских, в том числе и русский). Предложенная процедура синтаксического анализа специфична в первую очередь для языков с синтаксическими чертами, названными выше как характерные для алтайских языков.

Табл. 4. Сокращения, использованные в глоссах

Acc	винительный падеж	N	имя
Adv	наречие	Nmz	показатель именной формы глагола
Advr	показатель наречной формы глагола	Nom	именительный падеж
Com	совместный падеж	Not	отрицание
Conp	предикативная связка	Part	причастие
Dat	дательный падеж	Past	прошедшее время
Decl	утвердительная форма	Paux	служебный предикатив
Det	указательное местоимение	Pcl	частица
End	частица вежливости <i>yo</i>	Praes	настоящее время
E/A	вторая основа предикатива	Quest	вопросительная форма
Fut	будущее время	Retr	ретроспективность
Ger	соединительное деепричастие <i>-ko</i>	Subst	субстантив
Imper	повелительная форма	Sugg	пригласительная форма
Inf	инфинитив	Top	показатель топика
Instr	творительный падеж	V	глагол
Mod	модальная частица		

- ¹ См. Кулагина О.С. Синтаксический анализ на основе предпочтений // Festschrift für V.Yu.Rozencveig. Wiener Slavistischer Almanach, 1992. Sbd.33. P.43-61; Кобзарева Т.Ю. Принципы сегментационного анализа русского предложения // Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2004. Том 8. №1. С.31-80.
- ² См. Зализняк А. А. Древнерусские энклитики. М.: Языки славянских культур, 2008. §0.3, §0.5, §0.6.
- ³ См. Martin S.E. A Reference Grammar of Korean // A Complete Guide to the Grammar and History of the Korean Language, 1-a ed. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1992. §10.1, 10.2, 10.4.
- ⁴ Нумерация примеров сквозная.
- ⁵ См. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл↔Текст». М.: Наука, 1974.
- ⁶ Алпатов В. М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М., 1979. С.31.
- ⁷ Martin S.E. Op.cit. P.86-88.
- ⁸ Ibid. P.130.
- ⁹ Ibid. P.8.
- ¹⁰ См., в частности: Martin S.E. Op.cit. P. 415-954; Холодович А.А. Очерк грамматики корейского языка. М.: 1954; Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование): Теоретический курс / Ю.Н. Мазур; Изд. подгот. Л.Р. Концевичем при участии Мун Хесук. – 2-е изд., испр. М.: Муравей: Вост. лит., 2004. С.86, 97, 108-112.
- ¹¹ Bever T.G. The cognitive basis for linguistic structures // Cognition and the Development of Language / Hayes, J. R. (ed.). Wiley, N.Y. 1970, P.279-352.
- ¹² Ср. в этой связи: Костыркин А.В. Исследования синтаксической неоднозначности в письменном японском языке // Московский лингвистический журнал. М.: РГГУ, 2004. Том 8. №1. С.81-144.
- ¹³ Именные корейские словоформы, функционирующие в предложении как определения, не содержат именных ключей и поэтому не выделяются при фрагментации предложения как N-фрагменты. Определения, выраженные предикативными словоформами, содержат хотя бы один из предикативных ключей, поэтому они завершают P-фрагменты.
- ¹⁴ Список сокращений, используемых в глоссах, приведен в конце статьи.
- ¹⁵ Ток – маленький сладкий рисовый пирожок, любимое лакомство корейцев.
- ¹⁶ При составлении словарика моделей управлений для предикативных слов рассмотренного корпуса мы особенно много обращались к работе Hyuntau hankwuk.e tongsa kwumun sacen (Словарь моделей управления предикативов современного корейского языка) / Ed. Hong Cayseng. Sewul, 1997.
- ¹⁷ Поскольку показатель номинализированной формы – это предикативный ключ *ki*, механизм сегментации проведет после него границу фрагмента.
- ¹⁸ При первом проходе алгоритм пометит словоформу *cip.an-ul* меткой «X», поскольку она содержит амбивалентный маркер *ul*. Заменить эту метку на N удастся при обращении к синтаксическому контексту: номинализированной форме *twici-ki* не может предшествовать причастие, зна-

чит, *cip.ap.-ul* – это именная словоформа с показателем аккузатива.

¹⁹ Железняков М.И., Невлева Т.Н., Новицкая И.М., Смирнова Л.Н., Цейтин Г.С. Опыт построения модели типа «Текст → действительность» с использованием ассоциативных сетей // Машинный фонд русского языка: предпроектные исследования. М.: ИРЯАН СССР, 1988. С. 140-167.

²⁰ Источниками корейских текстов послужили следующие книги и интернет-публикации: (1) *Seng Kiyel*. Hankwuk mintam.uy seykyeyu (Мир корейских народных рассказов). Сеул: Изд. ун-та Инха, 1982; (2) *Cang Kiswuk*. Khwulkhwul.iwa ppwungppangi. (серия «101 сказка, которые рассказывает нам папа»). Сеул: Изд. Хёнминсисытхем, 2001; (3) *Saiensu Olsey*: Scientific American Hankwukphan (Журнал «Scientific American» – корейская редакция), текст журнала доступен по интернет-адресу <http://www.scienceollze.com>.

М.В. Ермаков

К выявлению лексического ядра лингвистической ситуации (на материале текстов криминальных сводок)

Статья посвящена одной из проблем семантического анализа текста – выявлению описываемых этим текстом ситуаций. Смысл ситуации не всегда выражается синтаксически главным словом (например, глаголом). Проводится исследование с целью выявить лексическое ядро ситуации – слово или группу слов, наиболее точно отражающих её смысл. В качестве кандидатов рассматриваются вершины предложений (на материале текстов криминальных сводок). Дается статистика. Для разных типов вершин предложений предлагаются некоторые принципы выделения лексического ядра ситуации.

Ключевые слова: семантический анализ, информационно-лингвистическая модель, вершина предикативного сегмента, лексическое ядро ситуации, семантическое отношение, лексическая функция, информационный вес.

1. Постановка задачи

Автоматическое понимание текста, несмотря на долгие годы лингвистической работы, пока что остается недостижимой целью. Вероятно, существуют перспективные подходы к решению этой проблемы, призванные и объединить предыдущие опыты, и несколько отклониться от устоявшейся парадигмы. В качестве одного из таких нестандартных подходов я рассматриваю информационно-лингвистическую модель (ИЛМ)¹. Эта модель неоднократно описана в работах Н.Н. Леонтьевой, отдельные её этапы были частично реализованы в системах ФРАП², Диалинг, aot.ru³, но она ждет своего развития. Одно из утверждений ИЛМ состоит в том, что можно ослабить требования к результатам синтаксического анализа (не обязательно доводить синтаксический анализ до построения идеального во всех деталях синтаксического представления): многие проблемы можно передать семантическому уровню анализа. В рамках понятий данной модели, в границах её лингвистической части, находится и эта работа.

© Ермаков М.В., 2009

В настоящее время появилась многообещающая разработка в области синтаксического анализа, которая позволяет нам проводить на ее базе семантические исследования. Я имею в виду сегментационный анализ русских предложений Т.Ю. Кобзаревой⁴. Этот анализ достаточно надежен и удобен, его легче реализовать на практике, чем признанные подробные синтаксические анализаторы систем машинного перевода. Уже на этапе сегментации (предсинтаксического анализа) вводятся простые семантические дескрипторы. Это обстоятельство делает возможным использовать его результаты как старт для интеграции анализа в более сложные информационные процессы, описанные в ИЛМ.

Результатом синтаксической сегментации Т.Ю. Кобзаревой, по сути дела, является разбиение текста на простые предложения русского языка, что позволяет повернуть последующий анализ в сторону получения информации о целом тексте. На следующем этапе обработки уже становится возможной стадия семантического анализа сегментов – простых предложений (далее в работе они будут называться предикативными сегментами).

Автора данной работы интересует в первую очередь выделение не синтаксически, а семантически главных единиц в этих сегментах, таких единиц, которые в рамках ИЛМ получают статус Ситуации. На более поздних этапах анализа из них будут построены единицы типа Факт как готовые блоки для базы знаний прикладной системы⁵.

Построение лингвистических единиц типа «Ситуация» начинается с выявления её семантического центра, то есть семантически главного слова в составе каждого отдельного сегмента. Это так называемое лексическое ядро (ЛЯ), оно в метаязыке ИЛМ и представляет Ситуацию. Нахождение ЛЯ – нетривиальная задача, потому что ЛЯ как семантическая единица не обязательно совпадает с синтаксически главным членом предикации. Коротко об этом сказано в книге Н.Н. Леонтьевой⁶.

В качестве материала исследования лексических ядер ситуаций в предикативных сегментах было рассмотрено около 180 текстов криминальных сводок. Более конкретно, цель работы можно сформулировать так: исследовать возможный состав лексических ядер ситуаций, описываемых в узкой предметной области (ПО) «Криминал», или «Преступления». Автор имеет опыт работы с текстами данной ПО⁷, а также опыт составления словарных статей слов (заполнение их семантических полей), поэтому его интересует еще граница между линг-

вистическими и собственно предметными источниками знаний. Однако повторю, что данная работа не выходит за рамки лингвистического анализа.

2. Теоретические основы работы

Информационный язык-посредник

В работе будет использоваться достаточно устоявшийся семантический аппарат модели ИЛМ. Он включает в себя информационный язык-посредник (ИЯП) и другие средства описания, применяемые в семантическом словаре «Руслан»⁸. Замечу, что в числе средств описания используются и лексические функции (ЛФ)⁹. Минимальная единица информации в ИЛМ может быть выражена формулой $P(A, B)$. Формулы такого вида выражают простейшее бинарное семантическое отношение (P) между элементами A и B . Например, формула «Инструмент (пистолет, выстрел)» соответствует высказыванию «выстрел из пистолета». В формуле $P(A, B)$ член A является семантически зависимым, а B – семантически главным (читается: « A находится в отношении P к B », или « A есть P для B »), что легко изобразить графически с помощью стрелок, как в синтаксическом дереве зависимостей:

Таким способом можно представить любое семантическое отношение (СемО) между двумя участниками (членами отношения P), а также целый семантический граф, состоящий из таких отношений, для любого отрезка текста, чем мы будем пользоваться в данной работе¹⁰.

Кроме семантических отношений, мы также будем опираться на понятие семантических характеристик – смысловых элементов, или примитивов, входящих в описание значений многих лексем. Список устоявшихся семантических отношений и семантических характеристик модели ИЛМ приведен в описании семантического словаря¹¹.

Важнейшей задачей ИЛМ является выделение и обработка узлов типа «Ситуация» (СИТ), которые, получив оценку как полнозначные единицы («события» и «текстовые факты»), могут войти в базу знаний системы.

Лексическое ядро

Как у синтаксического, так и у семантического представления предикативного сегмента есть главный член. В синтаксическом представлении это главное слово синтаксической предикативной группы, оно и будет считаться первым «кандидатом в лексическое ядро» соответствующей семантической группы. Однако кандидат должен пройти проверку на «полноценность»: ЛЯ семантической группы должно соответствовать требованиям, предъявляемым к устойчивым семантическим узлам. Одним из свидетельств устойчивости единицы ЛЯ является достаточный информационный вес¹².

Информационный вес лексемы задается лингвистом в семантическом словаре¹³: различаются однозначные лексемы и лексемы с более общим и размытым значением, имеющие валентность на уточнение своего содержания. Таковы слова **мероприятие**, **факт**, **вносить** (изменение), **совершать** (преступление) и так далее. Часть таких полупустых лексем оказывается лексическими функциями, в основном это синтаксические лексические функции: Oper, Real, Func, Labor и др.

Часть выбранных на первом этапе анализа кандидатов в ЛЯ – это слова-отношения, вернее, полуотношения, например, *находиться*, *принадлежать*, *значить*, *являться*. В конечном счете большая часть их перейдет в соответствующие семантические отношения, в данном случае в СемО Локализация (.), Принадлежность (.), Содержание (.), Равно (.).

Как говорилось выше, первыми кандидатами в семантические ЛЯ (СИТ) являются синтаксические вершины предикативных сегментов, ниже будет подробнее рассмотрен их состав в текстах криминальных сводок.

3. Вершины предикативных сегментов

При рассмотрении текстов предметной области «Преступления» были получены следующие виды кандидатов в ЛЯ, выступающих в качестве синтаксической вершины предикативного сегмента:

1. Полнозначный предикат, выраженный одной лексемой:
Например, **ограблен** *офис коммерческой фирмы*, **известные избили** *потерпевшего* и **похитили** *верхнюю одежду*, **задержаны** *нарушители таджикско-афганской границы*, **убит** *сторож предприятия*. Это наиболее распространенный и простой случай.

2. Полуустойчивое словосочетание, обладающее фразеологическими свойствами:

Например, **выходить на след** преступника, **задержать с поличным**, **поставить похищение людей на поток**, **покончить жизнь самоубийством**; синтаксической вершиной здесь является слово со сравнительно небольшим информационным весом.

3. Предикат, не выраженный лексически – «нулевой» предикат:

Например: *Это [0] показатель увеличения эффективности работы правоохранительных органов; В столице действуют мощные сатанинские организации, а по стране их [0] свыше ста.*

4. Слово, являющееся лексической функцией:

Например, **выпускать** контрафактную продукцию, **подвергаться** экспертизе, **проводить** операцию по задержанию преступника. При задержании преступник **оказал** яростное сопротивление.

5. Слово, выражающее семантическое отношение:

Например, *ущерб составил 4 млн. долларов – Значение (4 млн. дол, ущерб), заказчиком преступления был муж убитой – Равно (муж, заказчик).*

Всего в рассмотренных текстах криминальных сводок насчитывалось более 2,5 тысяч вершин предикативных сегментов – кандидатов в ЛЯ Ситуации. Типы этих вершин приведены в следующих таблицах:

Табл. 1. Внешнее выражение вершины предикативного сегмента:

№	Выражение вершины предикативного сегмента	Кол-во примеров в корпусе
1.	«Нулевой» предикат	26
2.	Полуустойчивое словосочетание	28

Табл. 2. Лексические функции в качестве вершин предикативных сегментов

№	Тип вершины предикативного сегмента	Кол-во примеров в корпусе	№	Тип вершины предикативного сегмента	Кол-во примеров в корпусе
1.	«Полнозначный» предикат	1817	10.	Func ₀	10
2.	Real ₁	101	11.	Real ₂	5
3.	Caus (и Prepar)	90	12.	Fin (Стадия: окончание)	4
4.	Oper ₁	67	13.	Fact ₂	2
5.	Fact ₀	50	14.	Func ₂	2
6.	Oper ₂	34	15.	Labor ₁₂ (и Labreal ₁₂)	2
7.	Liqu	26	16.	Fact ₁	1
8.	Inscr (Стадия: начало)	17	17.	Oper ₃	1
9.	Cont (Стадия: продолжение)	13			

Табл. 3. Семантические отношения в качестве вершин предикативных сегментов

№	Тип вершины предикативного сегмента	Кол-во примеров в корпусе	№	Тип вершины предикативного сегмента	Кол-во примеров в корпусе
1.	«Полнозначный» предикат	1817	21.	Субъект (,)	4
2.	Локализация (,)	47	22.	Актант (,)	4
3.	Пациент (,)	37	23.	Агент (,)	3
4.	Признак (,)	33	24.	Часть (,)	3
5.	Значение (,)	29	25.	Больше (,)	3
6.	В-составе (,)	29	26.	Источник (,)	2
7.	Модальность (,)	22	27.	Масштаб (,)	2
8.	В-соответствии (,)	17	28.	Материал (,)	2
9.	Принадлежность (,)	17	29.	Идентификатор (,)	2
10.	Равно (,)	17	30.	Одновременно (,)	2
11.	Референт (,)	13	31.	По-сравнению (,)	2
12.	Функция (,)	12	32.	Причина (,)	2
13.	Время (,)	9	33.	В-качестве (,)	1
14.	Цель (,)	8	34.	Вместо (,)	1
15.	Результат (,)	8	35.	Имя (,)	1
16.	Адресат (,)	8	36.	Количество (,)	1
17.	Разновидность (,)	6	37.	Специализация (,)	1
18.	Связан (,)	6	38.	Уточнение (,)	1
19.	Оценка (,)	6	39.	Тема (,)	1
20.	Назначение (,)	4	Всего предикативных сегментов:		Более 2500

Наиболее интересными и разнообразными оказались «неполнозначные ЛЯ», в которые вошли ЛФ и слова-отношения. Объединяет эти лексемы то, что они обладают сравнительно небольшим информационным весом и требуют уточнения своего содержания через свои зависимые лексемы.

Среди самых частых оказываются ЛФ $Real_1$ и $Oper_1$, что соответствует официальному стилю криминальных сводок. Большая доля этих синтаксических ЛФ описывает действия «проведения расследований», «принятия мер по борьбе с чем-либо» и другие акты правоохранительных органов. $Real_1$ и $Fact_0$ встречаются чаще, чем $Oper_1$ и $Func_0$, потому что в исследуемых текстах чаще говорится о законченных, свершившихся событиях.

Стиль криминальных сводок повлиял и на частоту ЛФ $Saus$, около половины примеров на которую – клише *возбуждено уголовное дело*. В первые 15 строк самых частых случаев входит и $Liqu$ – это в основном слова, обозначающие действия сил правопорядка по прекращению преступных ситуаций.

$Fact_0$ встречается часто, потому что в сводках говорится о разных уже случившихся происшествиях.

Наличие ЛФ $Орег_2$ и СемО Пациент (.) говорит о наличии глаголов, показывающих ситуацию со стороны её пассивного участника (в том числе жертв преступлений).

Локализация (.) встречается довольно часто, потому что постоянно необходимо указывать местонахождение разных улик для следствия и т.д. Признак (.) часто встречается потому, что в текстах много словосочетаний вида «глагол *быть* + прилагательное». Значение (.) показывает определенное состояние параметра. Это СемО встречается, например, в предложениях: *Стоимость драгоценных камней **составляет** 23 тыс. долларов, Общий вес изъятого наркотика **составляет** 21,3 кг., Стоимость только одного килограмма героина на черном рынке – [0] 50 тысяч долларов.*

ЛФ часто сочетаются с классом лексем вида *мероприятие* (сюда входят разные канцеляризмы, в корпусе было 14 примеров канцеляризм в качестве дополнений к вершинам предикативных сегментов). Примеры: *принять **меры** к розыску злоумышленников, **меры** по установлению личности погибшего, проводятся розыскные (оперативно-следственные, профилактические) **мероприятия**, проходят **мероприятия**, направленные на поддержку боевиков, хулиганские **действия**, **факты** грабежей.* Интересно, что лексические функции могут надстраиваться над канцеляризмами и наоборот, например: *хулиганские **действия** – канцеляризм, **пресечение** хулиганских действий – добавляется лексическая функция Liq, **мероприятия** по пресечению хулиганских действий – снова добавляется канцеляризм, **проводить** мероприятия по пресечению хулиганских действий – добавляется ЛФ $Орег_1$ (пример вымышленный).*

4. О выборе лексического ядра ситуации

Как уже говорилось выше, ЛЯ ситуации должно отвечать требованиям, предъявляемым к семантическим узлам. Рассмотрим, подходят ли кандидаты, приведенные в таблицах 1 – 3, на роль ЛЯ. Для этого вспомним, что мы рассматриваем вершины предикативных сегментов. Возможны следующие случаи:

1. Если у вершины сегмента нет зависимых предикативных лексем, то эту вершину приходится выбрать лексическим ядром ситуации как единственный вариант.

2. Пусть у вершины сегмента есть зависимые предикативные лексем. Тогда:

2.1. Если вершина сегмента – предикат с достаточным (большим, чем определенная норма) информационным весом, заданным в словаре (к этому случаю относится фразеологическое словосочетание), в качестве ЛЯ выбирается эта самая вершина.

2.2. Если вершина предикативного сегмента – лексическая функция, то в общем случае лексическим ядром ситуации следует считать ЛФ плюс её аргумент (если аргумент подходит на роль ЛЯ, для чего проверку надо проводить еще раз – рекурсивно). Из рассмотренных в данной работе ЛФ, на взгляд автора, только *Saus* и *Liqu* обладают нужным информационным весом, чтобы стать ЛЯ ситуации: *Saus* (P) создает нечто, выраженное своим аргументом P, то есть является отдельной ситуацией. Если P – ситуация, то *Saus* является отдельной ситуацией по сравнению с P. Аналогично *Liqu* (P) уничтожает P и является новой ситуацией по сравнению с P. В группу *Saus* и *Liqu* можно отнести также *Prepar* по схожим аргументам (подготовка ситуации P не есть та же ситуация, что и P).

Другие рассмотренные ЛФ (*Oper_i*, *Func_i*, *Labor_{ij}*, *Real_i*, *Fact_i*, *Labreal_{ij}*, *Inser*, *Cont*, *Fin*) передают некоторые модальности и признаки ситуации или её актантов. Так, *Oper_i*, *Func_i* и *Labor_{ij}* осуществляют коммуникативное выделение i-ого (и j-ого) актанта ситуации. *Real_i*, *Fact_i* и *Labreal_{ij}*, кроме этого, еще указывают на законченность, реализацию ситуации. *Inser*, *Cont* и *Fin* показывают стадию ситуации. Итак, ЛФ, перечисленные в этом абзаце, могут быть лексическим ядром ситуации только в сочетании со своими аргументами.

2.3. Если вершиной предикативного сегмента является слово-полуотношение, соответствующее некоторому СемО, необходима проверка, может ли это СемО считаться ЛЯ ситуации: достаточен ли его информационный вес, нет ли более весомой ситуации среди членов СемО, и др. Эта проверка требует анализа контекста, поэтому здесь будут приведены только некоторые наблюдения. Большинство СемО из таблицы 3 могут рассматриваться как ЛЯ ситуации. Однако есть СемО, которые выделяют некоторые актанты Ситуации или её модальности, или идентификаторы. Эти СемО не следует считать ЛЯ Ситуации. Среди них такие СемО, как:

а). СемО, выражающие параметры ситуации:

- Модальность (.) – например, Модальность (возможно, утверждать) в предложении **Можно утверждать, что банда причастна к преступлению**;

- Время (,) – например, Время (будущее, решать) в предложении **Этот вопрос *будет* решать следствие** или **Время_до (-**

подготовка, проведение операции) в предложении *Проведению операции предшествовала долгая подготовка*;

- Стадия (.) – например, в предложении *Следствие по делу продолжается* – Стадия (продолжение, следствие);

- и другие СемО

б). СемО, выделяющие актанты ситуации, например:

- Адресат (.). Например, Адресат (предприниматель, взрывное устройство) в предложении *В Краснодарском крае предприниматель получил в посылке взрывное устройство*;

- Субъект (.). – в примере *Водитель был в изрядном подпитии* можно выделить Субъект (водитель, пьянство);

- Пациент (.). Например, Пациент (бизнесмен, взрыв) в предложении *Бизнесмен пострадал при взрыве*;

в). СемО с явно недостаточным информационным весом, например, СемО *Связан* (.). Ср. *Связан*(убийство, деятельность) в предложении *Убийство связано с деятельностью предпринимателя*. Однако при отсутствии других кандидатов любое СемО может стать лексическим ядром (см. пункт 1 в этом разделе), что и должно произойти в данном примере.

Проверка, описываемая в этом разделе, должна проводиться для всех зависимых членов предикатов – кандидатов в ЛЯ. Если какой-то зависимый член В является более вероятным кандидатом в ЛЯ, чем его синтаксический хозяин А, процедура повторяется рекурсивно уже для зависимых членов В, пока не найдется наиболее подходящий кандидат в ЛЯ. Эта процедура также позволяет обрабатывать канцеляризмы.

Хочет отметить, что все пункты этого раздела следует рассматривать в качестве наблюдений, а не в качестве чётко сформулированных правил.

5. Выводы о семантике ситуации

Итак, довольно частым является случай, когда нужно выделить ЛЯ ситуации среди нескольких кандидатов, – нужно найти семантически главный член, обладающий наибольшим информационным весом, который и должен стать ЛЯ. Остальные члены на материале исследуемых текстов – это ЛФ, слова-полотношения и обозначения действий и событий без уточнения их содержания (*факт, действие, мера, мероприятие*). ЛФ и слова-отношения, несмотря на небольшой информационный вес, имеют свое значение, которое должно учитываться для правильного понимания Ситуации в целом, а не просто ее лексического ядра.

Правильное понимание Ситуации – это правильные семантические выводы из Ситуации. Такие выводы можно делать только тогда, когда полностью известен её состав (в том числе актанты, модальности) и контекст. Однако некоторые выводы об оценке, модальности ситуации можно делать уже на уровне определения ЛЯ Ситуации и «надстроек» над ЛЯ, упомянутых в предыдущем пункте. Постараюсь показать это с помощью оценки ситуации как положительной (+) или отрицательной (-). Например, в системах извлечения частной информации (Information Extraction¹⁴) разделяются действия преступников и действия правоохранительных органов, которые противостоят друг другу, что позволяет считать действия первых по умолчанию отрицательными, а действия вторых – положительными. Также разделяются лица (на преступников, потерпевших и правоохранителей), выделяются объекты, несущие вред или, наоборот, пользу, материальную выгоду и так далее. Приведу пример такого разделения на материале глаголов из исследуемых текстов:

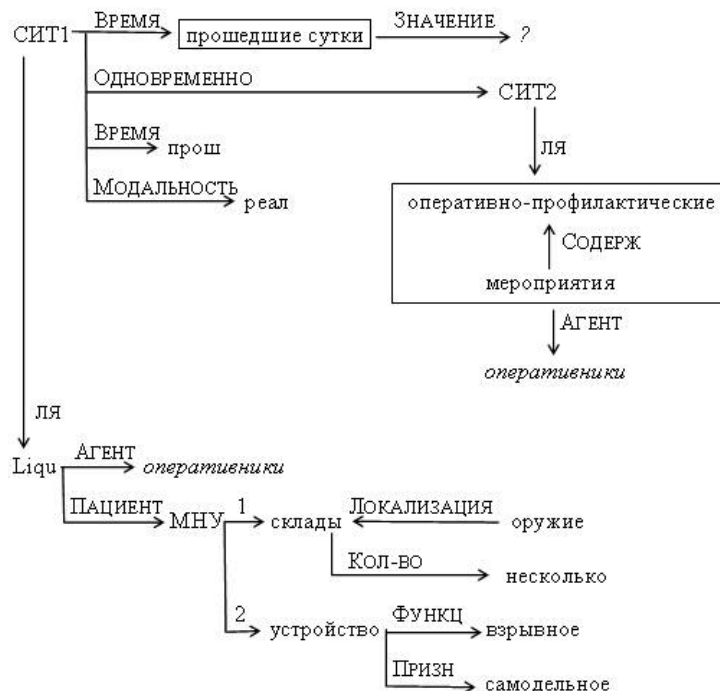
На данном материале часты такие глаголы, обозначающие противодействия правоохранительных органов преступникам: *задержать, арестовать, изъять*; выяснения информации или обнаружения улик: *обнаружить, найти, установить, выявить, раскрыть, разыскать*; сообщения новой информации: *сообщить, отметить*. Такие частые примеры из текстов, как **принимать** (меры), **вести** (расследование), **пресекать** (деятельность преступной группы), относятся к лексическим функциям.

Для стороны преступников наиболее часты глаголы, обозначающие действия *избить, напасть, ограбить*; иногда встречаются глаголы планирования преступлений: *планировать (завербовать в секту), решить (угнать самолет)*. Здесь также возможны ЛФ – **нанести** (ранение), **подвергнуть** (физическим истязаниям) и т.д.

В отличие от работ модели Information Extraction в ИЛМ положительная или отрицательная оценка значения лексемы задается в семантическом словаре. Однако она является оценкой по умолчанию и дается без учета контекста, а в общем случае оценка Ситуации должна вычисляться с учетом смысла всех входящих в неё ЛФ, СемО, а также её участников. Например, рассмотрим следующие фразы:

1. *За прошедшие сутки в ходе оперативно-профилактических мероприятий **уничтожено** несколько складов оружия и самодельное взрывное устройство.*

Схема 1. СемП примера (1).

Комментарий к схеме: Аббревиатура МНУ обозначает множественный узел, образованный сочинением однородных членов. Рамкой отмечены именные группы, объединенные в отдельный семантический узел.

Лексическим ядром здесь является ЛФ Liqu. «Ликвидация» имеет по умолчанию отрицательную оценку в семантическом словаре. Однако если ликвидируемый объект – предмет, каузирующий вред, его уничтожение может быть оправдано, т.е. для конструкции *Liqu+{«плохой» объект}* вычислится положительное значение. Оружие и взрывное устройство как раз относятся к таким объектам. Кроме того, положительную оценку всей ситуации придает то, что деятелем являются правоохранители.

Формально такой вывод не всегда верен, но является нормой оценки. Можно с определенной вероятностью утверждать, что уничтожение складов является одной из ситуаций в составе оперативно-профилактических мероприятий, а оперативно-профилактические мероприятия – это действия оператив-

ников (милиционеров). Чтобы сделать такой вывод, нужно принять следующие допущения:

1) предложная группа «*в ходе*» указывает на одновременность, однородность двух ситуаций;

2) если неизвестен деятель некоторого действия А, и есть однородное или одновременное действие В, при отсутствии явно выраженных противоречий можно считать, что в обеих ситуациях один и тот же деятель;

3) валентность «Содержание» лексемы «*мероприятие*» может реализовываться через прилагательное;

4) деятели лексемы «мероприятие» и его содержания совпадают;

5) «*оперативно-профилактический*» означает некоторые действия оперативников.

Теперь на основании (в), (г) и (д) можно с некоторой уверенностью утверждать, что оперативно-профилактические мероприятия – это действия оперативников. На основании (а) и (б) можно считать, что оперативники также осуществляли уничтожение складов оружия и т.д. Таким образом, мы можем построить семантическое представление фразы (см. Схему 1).

2. *Сотрудниками милиции пресечена незаконная деятельность 54-летнего директора филиала государственного унитарного предприятия.*

Здесь правильно оценить ситуацию позволяет прилагательное «незаконная», которое придает отрицательную оценку деятельности неназванного директора (при этом частично отвечая на вопрос о содержании деятельности, частично заполняя эту валентность). Таким образом, уничтожение этой плохой ситуации положительными лицами – это явно положительное действие.

3. **Уничтожено 14 мини-заводов по переработке нефти.**

Лица, как обычно, имеет отрицательную оценку, которая временно остается у всей ситуации, так как заводы по переработке нефти не являются «вредными» объектами, а деятель неизвестен. Однако для более точной оценки необходимо выяснить деятеля (агента) ситуации и принадлежность и назначение заводов. Это требует проверки дополнительных связей ситуации, контекста. Приведу контекст этого предложения:

4. *Сотрудники милиции провели 20 оперативно-розыскных мероприятий. Проверено более 15 тыс. человек, досмотрено более 7 тыс. автомобилей. Изъяты гранатомет, ав-*

томат, 2 охотничьих ружья, 31 выстрел к гранатометам, 27 мин, 10 гранат, несколько тысяч патронов, 400 г взрывчатки. Уничтожено 14 мини-заводов по переработке нефти.

На основании синтаксического параллелизма предложений можно сделать вывод об их объединении в общую группу ситуаций, которая раскрывает содержание «оперативно-розыскных мероприятий». При некоторых допущениях, подобных приведенным в комментариях к примеру (1), можно говорить, что агент – правоохранительные органы. Если агентом ликвидации являются правоохранительные органы, возникает противоречие: положительный герой не должен совершать отрицательных действий. Этот конфликт может быть разрешен на основании пресуппозиции о законности действий правоохранителей, данных о принадлежности заводов «плохим персонажам», или по аналогии с другими текстами, где встречается *уничтожено 11 мини-заводов по незаконной переработке нефти.*

Итак, Liq_i (P1) может менять положительный смысл P1 на отрицательный (или отрицательный смысл на положительный), если этому не противоречат признаки и модальности ситуации (то есть нет отрицания, действие полноценное, реальное, а не возможное или желательное), если это согласовывается с другими ситуациями, а окончательная оценка вписывается в сценарий поведения лиц и развития событий криминальных сводок.

Не только Liq_i, но и многие другие варианты ЛФ могут влиять на оценку ситуации в том или ином аспекте. Например, Saus говорит о создании новых объектов или ситуаций, которые могут присутствовать дальше в тексте. Сама исходная семантика ЛФ Real₁, Fact₀, Fin позволяет говорить о законченности и совершенности действия – то есть это действие с определенной проверкой можно записать в базу знаний как реальный факт.

Очень важны с этой точки зрения СемО, описывающие параметры Ситуации – Модальность (.), Время (.), которые часто указывают на то, что действие не является реальным, а лишь желательным, возможным или просто должно произойти в будущем. Такое действие не может быть внесено в базу знаний как факт.

Многие из этих наблюдений могут быть сформулированы в виде правил естественного логического вывода¹⁵. В данной статье я ограничиваюсь формулировкой наблюдений.

6. Выводы и заключение

По обработанному материалу можно сделать следующие выводы:

1. ЛФ, СемО и канцеляризмы могут сочетаться друг с другом, относясь к одной и той же ситуации. Это напоминает синтаксическое вложение сегментов, исследованное в работе Т.Ю. Кобзаревой¹⁶, но уже на семантическом уровне. Вместе они образуют ЛЯ одной ситуации.

2. В таких случаях при выделении имени предполагаемой ситуации анализ должен идти от синтаксически главного глагола к зависимым, причём, если информационный вес главного глагола слишком мал и меньше зависимых, он может являться семантически зависимым от своего синтаксического актанта, перейти в ЛФ или СемО.

3. Использование одновременно аппарата ЛФ и семантических отношений приводит к тому, что иногда одно и то же явление можно формально описать разными способами (например, **заниматься** *сбытом оружия* – Орег₁ или Функция (,)). Я считаю, что тут нет большого противоречия, так как связь ЛФ и её аргумента можно выразить с помощью смыслового отношения. То есть и ЛФ, и СемО сходны в том, что могут выражать предикативными сегментами и связывать ситуацию и её актанта. Однако данная мысль нуждается в более подробной проверке.

4. Знания о структуре Ситуации, составе её ЛЯ и вложенных ситуаций позволяют делать семантические выводы о данной Ситуации, в частности, давать ей оценку как «положительное» или «отрицательное» событие.

Все сказанное выше позволяет нам считать необходимым дальнейшее исследование вложений предикаций в простых предложениях. Уточнение алгоритмов поиска ЛЯ Ситуации и проверка работы этих алгоритмов в реально действующей системе, например, построенной на базе анализа предикативных сегментов, поможет дополнительной апробации метаязыка и правил семантического вывода.

Примечания

¹ См.: Леонтьева Н.Н. Автоматическое понимание текстов: системы, модели, ресурсы. М.: Академия, 2006.

² См.: Машинный перевод и прикладная лингвистика. Проблемы соз-

- дания системы автоматического перевода. Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. Вып. 271. М., 1987.
- ³ См.: *Сокирко А.В.* Семантические словари в автоматической обработке текста (по материалам системы ДИАЛИНГ). М., 2001. // Сайт рабочей группы Aot.ru. – Электрон. Данные. – 2003–2008. – Режим доступа: <http://www.aot.ru/docs/sokirko/sokirko-candid-1.html>. – Загл. С экрана. – Данные соответствуют 22.02.09.
- ⁴ См.: *Кобзарева Т.Ю.* Принципы сегментационного анализа русского предложения // Московский лингвистический журнал / Гл. ред. Гиндин С.И. М.: Изд-во РГГУ, 2004. Том 8. №1. С. 31–80.
- ⁵ *Леонтьева Н.Н.* Указ. соч. С. 133
- ⁶ См.: *Леонтьева Н.Н.* Указ. соч.
- ⁷ См.: *Ермаков М.В.* Коррекция смысловых отношений как этап семантического анализа (на материале криминальных сводок) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 178–182.
- ⁸ См.: *Леонтьева Н.Н.* К теории автоматического понимания естественных текстов. Часть 2. Семантические словари: состав, структура, методика создания – М.: Изд-во МГУ, 2001.
- ⁹ См.: *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О возможном методе и инструментах семантического анализа. // НТИ, №6. 1965. С. 23–28
- ¹⁰ *Леонтьева Н.Н.* Автоматическое понимание текстов. С. 111
- ¹¹ *Леонтьева Н.Н.* К теории автоматического понимания естественных текстов. С. 37–39
- ¹² *Леонтьева Н.Н.* Автоматическое понимание текстов. С. 141
- ¹³ См.: *Леонтьева Н.Н.* К теории автоматического понимания естественных текстов.
- ¹⁴ См.: *Grishman R.* Information Extraction // The oxford handbook of computational linguistics / Ed. by Ruslan Mitkov. Oxford etc: Oxford university press, 2003, P. 545–559.
- ¹⁵ См.: *Ермаков М.В.* Указ. соч.
- ¹⁶ См.: *Кобзарева Т.Ю.* Указ. соч.

Обзоры. Рецензии. Аннотации

А.Г. Козинцев

Компьютерные программы-шутники и теория юмора¹

Статья посвящена компьютерным программам-шутникам и их значению для теории юмора. Все они основаны либо на случайных инверсиях любого уровня, либо на игре слов. Появляющийся при этом смысл выглядит искусственной добавкой к столь же искусственно порождаемой игре звуков, фраз и ситуаций. Неисчерпаемая генеративность языка реализуется в юморе в полной мере, но не затем, чтобы расширить границы допустимого, как в поэтической речи, а затем, чтобы выйти за эти границы и превратить языковую игру в средство подрыва референции. Принцип действия программ-шутников, таким образом, полностью соответствует базовым принципам юмора.

Ключевые слова: юмор, компьютерный юмор, теория юмора, языковые игры, искусственный интеллект, виртуальные агенты, анти-референтивная функция языка.

Введение

На рубеже XX и XXI вв. специалисты по искусственному интеллекту (далее – ИИ) О. Сток и А. Нейхольт заговорили о создании компьютерных виртуальных агентов, способных не только серьезно общаться с пользователем, но также шутить и понимать шутки². «Юмор, – пишут итальянские специалисты в области ИИ, – одна из наиболее совершенных форм человеческого интеллекта. Он обладает свойством ИИ-полноты: проблема его моделирования относится к числу наиболее сложных проблем ИИ»³. Напомню, что свойство ИИ-полноты, или ИИ-сложности, задачи (термин предложила Ф. Монтальво по аналогии с NP-полнотой в теории алгоритмов) означает, что решение данной частной задачи равносильно решению проблемы ИИ в целом. Помимо порождения и понимания юмора, к числу ИИ-полных задач обычно относят понимание машиной естественного языка, компьютерное зрение и способность программы проходить тест Тьюринга, то есть успешно выдавать себя за человека при виртуальном общении. Последнее оказалось проще, чем можно было предположить. В частности,

© Козинцев А.Г., 2009

одного из ведущих американских специалистов по ИИ Роберта Эпстайна, председателя жюри конкурса на соискание премии им. Лебнера за создание лучшей программы «чаттербот», имитирующей собеседника, почти четыре месяца успешно дурачила некая – скорее всего, российская – программа, выдававшая себя за русскую девушку⁴.

В связи с этим возникает вопрос: где граница возможного и невозможного в решении проблем ИИ и, в частности, в создании агентов-шутников? Ясно, например, что научить машину порождать то, что может показаться человеку смешным, и научить ее понимать и оценивать юмор – задачи не просто разные, но и несопоставимые по сложности. Первая задача оказалась совсем не трудной и была решена еще в начале 1990-х гг. Вторая задача значительно сложнее. Удалось научить машину с большой долей вероятности отличать юмористические тексты от серьезных на основании ряда формальных лингвистических критериев⁵. Решение такой задачи было, конечно, большим достижением специалистов в области ИИ, однако моделируемая при этом деятельность человека едва ли отражает его способность понимать (и уж тем более оценивать) юмор.

Очевидно, далее, что научить виртуального шутника оценивать уместность шутки и, соответственно, распознавать эмоциональное состояние собеседника⁶, что фактически равносильно наделению его чувством такта (которое и у людей-то сплошь и рядом отсутствует!) – весьма сложно. То же самое относится к требованию учитывать уровень «изысканности» анекдота⁷. Однако если отвлечься от этих чисто прагматических и с трудом формализуемых, а главное, внешних по отношению к собственно юмору факторов, то задача опять-таки сильно упрощается, о чем свидетельствуют лучшие из существующих генераторов юмора.

Программы-шутники

Я начну не с известных и широко разрекламированных западных программ, а с отечественной программы, которая, будучи одной из самых первых и самых удачных, поделила судьбу бесчисленных русских изобретений и не получила ни малейшего отклика в печати, причем, что совсем уж странно, даже у нас. Это «Генератор поговорок», созданный В.Е. Балагуровым в Петербурге в 1994 г. и давно уже доступный всем пользователям Интернета⁸. «Генератор» основан на принципе контаминации – на ломке инвариантной структуры пословицы, когда

в рамках одного предложения сращиваются части двух пословиц⁹.

Многие из «химер», создаваемых «Генератором» представляют собой бессмыслицу, но некоторые довольно забавны. Вот несколько крупиц народной мудрости, созданных с помощью случайных перестановок частей 164 пословиц на разные случаи жизни. «Как веревочка не вейся – сам в нее попадешь»; «У семи нянек – по-волчьи выть»; «У семи нянек – полюбишь и козла»; «Не подмажешь – не отмоешь добела»; «На Бога надейся – а свинья найдется»; «Бог не выдаст – а свинья найдется»; «Закон что дышло – а свинья найдется» (большинство читателей, полагаю, согласится с тем, что все это довольно точно). Еще примеры: «Была бы грязь – сам в нее попадешь»; «Кто пьян и умен – тому глаз вон»; «Незванный гость – тому глаз вон»; «Новая метла – хуже татарина». Вот несколько полезных советов о том, как вести себя, чтобы свинья не съела: «С волками жить – свинья не съест»; «Кто пьян и умен – свинья не съест»; «Тише едешь – свинья не съест». Вот несколько правил поведения для человека, оставшегося без головы: «Снявши голову – гуляй смело»; «Снявши голову – не вынешь и рыбку из пруда»; «Снявши голову – в петлю не суйся». В заключение четыре мудрых совета о пользе осмотрительности: «Все будешь знать – рот не разевай»; «В тихом омуте – рот не разевай»; «Поспешись – полюбишь и козла»; «У кого что болит – от того и наберешься».

Идея Балагурова была использована (без ссылки на него – возможно, она носилась в воздухе) программистами российской фирмы «Samoral», создавшими в 2002 г. программу «Wise Word» – «Генератор новых пословиц, поговорок и просто умных мыслей»¹⁰. Здесь исходным материалом служат не только пословицы, но и иные языковые выражения и отдельные слова из прецедентных текстов. Примеры: «Сколько волка ни корми, он ум, честь и совесть нашей эпохи»; «Партия – дело рук самих утопающих», «Ленин от яблони недалеко падает», «Иван Грозный хуже татарина» и т.д.¹¹.

Примерно одновременно с «Генератором поговорок» была создана первая западная программа-шутник – генератор каламбуров типа «Tom Swifty»¹². Это разновидность веллеризма, где слова автора, вводящие высказывание Тома Свифта – химеричного персонажа вроде нашего Штирлица, – содержат наречие, которое кажется обстоятельством образа действия, однако таковым не является, поскольку относится не к форме высказывания, а к его содержанию: «Turn up the heat», – said Tom coldly¹³.

Вслед за этим К. Бинстед совместно с Г. Ритчи создала более известную западную программу-шутника JAPE – Joke Analysis and Production Engine¹⁴. Программа генерирует загадки-каламбуры, реализуя принцип сближения по случайному созвучию в трех разновидностях: 1) псевдоредупликация – смежность омофонов («What do you call a weird market? – A bizarre bazaar»); 2) разрушение морфемы с помощью другой, созвучной (Анна А. Зализняк назвала это «паразитическим переразложением»)¹⁵: «What kind of pupil has sweat? – A stew-dent»; 3) ложный параллелизм на основе спунеризма – перестановки начальных фонетических элементов двух или нескольких слов («What's the difference between money and a bottom? – One you spare and bank, the other you bare and spank»). Как показал опрос детей 8-11 лет, некоторые из этих каламбуров кажутся детям не менее смешными, чем те, что были созданы людьми¹⁶.

Вторая разновидность каламбура используется в «Генераторе плохих шуток» – «Bad Joke Generator» К. Дэвиса¹⁷. Герои программы – ниндзя, Санта, пират, зомби, эмо, президент Буш и др. Программа задает про них вопросы и тут же выдает довольно стандартные каламбурные ответы, иногда вполне бездумные («Where does Santa go on holiday? – Claustria or Claustralia»), иногда с претензией на смысл и даже сатиричность («Where does President Bush go on holiday? – San Warino or Waroe Islands»).

Каламбуры третьего типа – спунеризмы (не особенно, впрочем, удачные) – генерирует программа «Fabelbish». Она создана человеком, носящим никнейм «Тим» (судя по аватару и адресу, это англичанка), и составляет часть сетевой пародийной энциклопедии под названием «Frikipedia»¹⁸. Оба названия основаны на фонетической инверсии: «Фрикипедия» пародирует «Википедию» (полное ее название представляет собой спунеризм: «Frikipedia: The Wee Encyclopedia»), а имя «Fabelbish» построено с помощью метатезы названия программы-переводчика «Babelfish».

При участии уже упомянутой К. Бинстед были созданы генераторы японских каламбуров¹⁹. Й. Шёберг обнаружил, что некоторые из таких шуток кажутся японцам смешнее, если звучат вульгарно. Например, исходное словосочетание «isogaba maware» (~«поспешишь – людей насмешишь») заменяется на созвучное «kusobaba maware» («отвернись, старая ведьма»)²⁰. Японцы в этом смысле – не исключение, о чем свидетельствует созданный А. Комаровым «Генератор матов»²¹. Порождаемые этой программой бесконечно разнообразные многоэтажные

ругательства также основаны на комбинаторном принципе (в данном случае – на перетасовке морфем). Эффект усиливается благодаря веллеризму с явно неверной пресуппозицией: «<...!>, – сказал поручик Ржевский и грязно выругался».

Недавно на основе JAPE была написана обучающая программа STANDUP – System to Augment Non-speakers Dialogue Using Puns. Она предназначена для развития языковых навыков у детей с церебральным параличом и иными столь же серьезными нарушениями²².

Еще одна программа-шутник называется WISCRAIC, что, как и в случае с названием «JAPE», является одновременно и английским словом (в данном случае искаженным) со значением «шутка, шутить», и акронимом – Witty Idiomatic Sentence Creation Revealing Ambiguity in Context²³. Программа предназначена для того, чтобы люди, изучающие английский в качестве второго языка, легче усваивали идиомы, а заодно различали омофоны по их написанию и значению. С этой целью идиоматическое выражение разрушается в два этапа: сначала один из членов идиомы заменяется омофоном, а затем в результирующее выражение вводится субъект, семантически соответствующий новому предикату. Например, в идиоме «take a bow» слово «bow» заменяется омофоном «bough», после чего вводится подходящий субъект: «The lumberjack took a bough» (фраза безупречна и грамматически, и семантически). Иногда же вместе с идиомой идут ко дну и грамматика, и семантика, за счет чего возникает комический эффект (не очень, правда, сильный). Так, если в словосочетании «half way» слово «way» заменить омофоном «whey», то на этой основе можно построить лишь аграмматичный нонсенс с псевдосемантической мотивировкой: «The obliging dairy farmer met the woman half whey».

Обыгрывание акронимов не только используется в названиях программ-шутников, но и иногда является принципом их действия. Так, программа «NANAcronym» создает непритязательные шуточные расшифровки аббревиатур²⁴. Излюбленная ее мишень – названия известных научных учреждений: «MIT» расшифровывается как «Mythical Institute of Theology», «ACM» (Association for Computing Machinery) – как «Association for Confusing Machinery» и т.д.

В заключение обзора отмечу написанную Л. Шёбергом программу «The Random Bar Joke Generator», генерирующую мета-анекдоты – те, которые пародируют другие анекдоты или, если угодно, сами себя²⁵. Действие неизменно происходит в баре, посетители – те же, что фигурируют в бесчисленных и на-

бивших оскомину прецедентных текстах – ирландец, калифорниец, раввин, адвокат, блондинка, монахиня, собака, свинья, утка и др. Сюжетные клише тоже заимствованы из прецедентных анекдотов: «Заходит Хв бар. Бармен ему говорит: «Нечасто к нам заходят.. (утки, раввины, кенгуру и т.д.)»; А тот (та) ему в ответ: «Неудивительно, при таких-то ценах!»; «Дай 20 долларов, выполню любое твое желание». «Вот, держи. И покрась мой дом»».

Генератор перетасовывает персонажей, ситуации и реплики в случайном порядке. Одним щелчком мыши создается абсурдистский текст такого примерно содержания: «Заходит раввин в бар. Бармен ему говорит: «Мы раввинов не обслуживаем!» А тот ему: «Я не раввин, а кенгуру». Бармен говорит: «Нечасто к нам кенгуру заходят». А тот: «Покрась мой дом!»».

Компьютерные шутки, комбинаторика, язык и юмор

Как мы убедились, все без исключения программы-шутники основаны либо на случайных инверсиях любого уровня (от внутриморфемных метатез до перестановок целых фраз и даже сюжетных блоков), либо на игре слов. Появляющийся при этом смысл, независимо от того, создается он случайно или преднамеренно, всякий раз выглядит искусственной добавкой к столь же искусственно порождаемой игре звуков, фраз и ситуаций. В этом состоит отличие антиреферентивной функции языка, лежащей в основе юмора²⁶, от поэтической функции, где тот же принцип «от выражения – к содержанию», являясь незаконным в обычной речи, получает оправдание с точки зрения высшей цели – порождения качественно нового звуко-смыслового единства²⁷. Иными словами, поэтическая речь превращает незаконное в законное, искусственное – в естественное. Между тем, в шутке такого превращения не происходит. Никакого единства тут не возникает – незаконное законным не становится, а искусственное не приобретает ни малейшей естественности. Более того: чем искусственнее – тем лучше. Таким образом, принцип работы программ-шутников не только не нарушает базовых принципов юмора, но, напротив, идеально им соответствует.

Возможен ли юмор, основанный на чистой игре звуков, без всякой семантической добавки? Специалисты по теории каламбура отвечают на этот вопрос по-разному. Так, К. Хемпельманн – приверженец семантической теории словесного

юмора В. Раскина и С. Аттардо – уверен, что, хотя языковое созвучие в чистом виде может доставлять нам удовольствие, смешным оно кажется только тогда, когда фонетическое сближение сопровождается смысловым контрастом²⁸. Между тем, В.З. Санников справедливо считает, что шутить можно не только над людьми и жизненными ситуациями, но и над языком. В частности, над его «слабостью», выражающейся в том, что сходство звучания не предполагает сходства значения²⁹. Разве не странно (и не смешно), например, что выражения «добраться до братца»³⁰ или выданное машиной «bizarre bazaar» (см. выше) кажутся редупликациями, не будучи в действительности таковыми?

Но можно пойти и дальше. Уже давно отмечалось, что значительный пласт комических текстов, не обязательно каламбурных, основан на провале языковой коммуникации³¹. Вероятно, сегодня можно высказать и более сильное утверждение: даже когда тема «поражения» языка, его уязвимости не поднимается юмористами сознательно, и им (как и нам) кажется, что объектами высмеивания служат люди и ситуации, то все равно на глубинном, бессознательном уровне главные мишени юмора – язык, и все то, что говорящий субъект пытается выразить с его помощью.

Действительно, если подходить к юмористическому тексту не с его собственного уровня, а «со стороны», с метауровня, выясняется, что юмор основан на чистой рефлексии, причем эта рефлексия антагонистична серьезному отношению. Сколь бы парадоксально это ни звучало, юмор не имеет никаких объектов во внешнем мире (реальном или воображаемом). В этом отношении он близок к пародии, вернее, автопародии. Подлинными объектами юмора – мысли, чувства и слова самого субъекта, а механизм юмора заключается в уничтожении их содержательной связи с реальностью (объективной или воображаемой) и в игре с «представлениями рассудка, посредством которых ничего не мыслится»³². Эволюционному, психологическому и философскому доказательству этого посвящена недавняя книга³³.

Поскольку юмор представляет собой тотальное игровое самоотрицание субъекта, всякая заключенная в нем семантика оказывается ложной, паразитической и непродуктивной. В сущности, это псевдосемантика, пародия на семантику. Все попытки изучать «семантику» юмористических текстов так, как если бы это были серьезные тексты, окончились, на мой взгляд, неудачей. Показательны в этом смысле два итоговых выпуска журнала «Humor»: фестшрифт, или скорее анти-фестшрифт,

В. Раскина³⁴ и выпуск, посвященный когнитивно-лингвистическим подходам к юмору³⁵.

Вопреки мнению многих лингвистов, что юмор всегда референтивен и работает на уровне означаемого, а не означающего³⁶, главная функция юмора состоит в уничтожении референции и вытеснении означаемого означающим. В сущности, юмор играет с псевдоозначающими, освобожденными от бремени смысла. Его глубинная цель – привлечь внимание к конвенциональности языковых знаков, лишить их плана содержания и играть с планом выражения³⁷. Если в поэтической речи такая игра лишь обогащает референцию³⁸, то смысл шутильной речи состоит в подрыве референции.

Представляется, что компьютерные программы-шутники, особенно лучшие из них, довольно хорошо справляются с этой задачей. Примером может служить уже упоминавшийся «Генератор поговорок» Балагурова. В его основе – тот же комбинаторный принцип. Можно ли таким способом создавать серьезные тексты? В допостмодернистскую эпоху ответ был бы однозначно отрицательным, но в наше время некоторые поэты (например, Г. Сапгир) создавали «почти серьезные» тексты по сходному принципу³⁹. Литературный текст, получаемый путем всевозможных перестановок одних и тех же слов, М. Эпштейн обозначил термином «полифраз»⁴⁰. Хармсовского «Ивана Топорышкина» – возможно, первый образец полифразы (вряд ли серьезного!) в русской литературе – Эпштейн называет «абсурдистской игрой с простейшими элементами заторможенного сюжета, которые переворачиваются, как детские кубики». Это в полной мере относимо к некоторым компьютерным опытам, особенно к «Генератору анекдотов из бара».

Тем не менее, если стоять на более традиционной позиции и иметь в виду более серьезные тексты, то следует, видимо, говорить не о равноценности комбинаторных возможностей, а о единичности цели. Этот принцип лежит в основе серьезной речи, как обыденной, так и поэтической: из большого числа вариантов, предоставляемых языком (который построен на том же самом комбинаторном принципе), всякий раз выбирается один – тот, который кажется говорящему оптимальным⁴¹. Например, цель паремии состоит в том, чтобы наиболее удачно, емко и образно выразить некую мысль. Если так, то все случайно образованные псевдопаремии, даже если они и заключают в себе неожиданный смысл, будут «неуместными», потому что «уместные» суждения уже исчерпаны многовековой народной традицией.

Между тем, в основе юмора лежит то, что Г.К. Честертон назвал «уместной неуместностью». По этому принципу естественным образом создавались народные комические псевдопоговорки типа «Было бы ненастье, да дождь помешал»⁴². Примеры искусственно созданных (машиной) «уместно-неуместных» псевдопоговорок были приведены выше. Сколько же сгенерированных по случайному принципу псевдопаремий будет просто неуместными, а сколько – «уместно-неуместными»?

Пусть совокупность «нормальных» паремий представляет собой совокупность «уместных» (серьезных) суждений о мире, причем число таких суждений равно n . Тогда число «неуместных» суждений, образованных случайными перестановками половинок фраз, равно $n(n-1)$. При большом n это число будет близко к n^2 .

Допустим далее, что 99 % неуместных суждений, созданных путем случайных перестановок, будут бессмысленными, то-есть не будут удовлетворять ни критерию серьезности, ни критерию комичности, и лишь 1 % окажется смешным («уместно неуместным»), то-есть будет заключать в себе какой-то интересный и неожиданный смысл. Это очень жесткое условие – на самом деле таких высказываний больше. Однако и при данном условии оказывается, что на сто серьезных высказываний придется почти столько же (99) смешных; на тысячу серьезных – 9990 смешных, или в почти в 10 раз больше; а на 10 тысяч серьезных – 999900 смешных, то-есть в 100 раз больше! А ведь контаминация – это только один из весьма многочисленных способов превращать уместные высказывания в неуместные, то-есть потенциально смешные.

К какому выводу это нас приводит? Не вступая в спор с теми, кто считает юмор «одной из наиболее совершенных форм человеческого интеллекта» (см. выше), и наслаждаясь языковыми играми, мы должны, однако, признать, что в основе своей это все-таки довольно примитивное явление, построенное исключительно на игровом нарушении усвоенной субъектом нормы. Примитивность, бесструктурность, хаотичность создает невероятно богатый выбор возможностей и бесконечное многообразие. Именно в юморе комбинаторный принцип языка, его неисчерпаемая генеративность, реализуются в полной мере – но не затем, чтобы расширить границы допустимого (как в поэтической речи), а затем, чтобы выйти за эти границы и превратить языковую игру в средство подрыва референции.

Как считал В.Б. Шкловский («Сентиментальное путешествие»), изобразить мир смешным проще всего; это легчайший

способ преодолеть трудность изображения вещей. В самом деле, поскольку идеал у каждого серьезного автора в каждый данный момент всего один (его автор и пытается реализовать), а отступать от идеала можно бесчисленным числом способов, создатель комических текстов не стоит перед необходимостью постоянно двигаться к какой-то цели. У юмориста (в отличие от ирониста или сатирика) нет сколько-нибудь устойчивой позиции, его взгляд постоянно смещается. Юмористическая рефлексия весьма неразборчива в средствах и готова использовать любой повод для разрушения серьезности. Этим и вызвана внутренняя противоречивость смехового мира, невозможность описать его в серьезных терминах. Этим вызвано и мнение о том, что юмора как единого целого не существует.

«Юмор, – написал в начале XX в. французский филолог Л. Казамиан, – ускользает от науки, потому что его характерные и постоянные элементы немногочисленны и, как правило, негативны, тогда как его изменчивые элементы неисчислимы»⁴³. Да, но нельзя упускать из вида и того, что значение смеха как метакоммуникативного знака всегда остается одним и тем же: «это не всерьез»⁴⁴. А отсюда следует, что и юмор тоже остается самим собою, несмотря на всю изменчивость своих внешних проявлений.

Компьютер неспособен (пока) отличить удачные остроты и анекдоты от неудачных. Но он уже сейчас способен создать гигантский и бесконечно многообразный словесный «антимир». Человеку же остается работать по рецепту Родена – отсекал ненужное. По отношению к серьезному искусству этот рецепт выглядит шуткой, но когда дело касается шуток, его вполне можно принять всерьез.

Примечания

- ¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 05-01-01141а). Приношу сердечную благодарность Г.Е. Крейдлину за ценные замечания.
- ² Stock O. Password 'Swordfish': Verbal humor in the interface // *Humor*. 2003. Vol. 16. № 3. P. 281–295; Nijholt A. Embodied agents: A new impetus to humor research // *The April Fool's Day Workshop on Computational Humour*, April 2002. *Proceedings of the Twente Workshop on Language Technology, TWLT 20*. Trento, 2002. P. 101–111.
- ³ Stock O., Strapparava C. HAHAcronym: Humorous agents for humorous acronyms // *Humor*. 2003. Vol. 16. № 3. P. 298.
- ⁴ Epstein R. From Russia, with love: How I got fooled (and somewhat humiliated).

- ed) by a computer // *Scientific American Mind*. 2007. October – November. P. 16–17.
- ⁵ *Mihalcea R., Strapparava C.* Learning to laugh (automatically): Computational models for humor recognition // *Computational Intelligence*. 2006. Vol. 22, № 2. P. 126–142.
- ⁶ *Будянская Е.М., Котов А.А.* Моделирование острот и последующих шагов диалога для анимирования виртуальных агентов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды Международной конференции «Диалог-2007»*. М., 2007. С. 102–108.
- ⁷ *Raskin V., Trizezenberg K.E.* Levels of sophistication of humor intelligent agents // *Proceedings of the Humor Interface Workshop at CHI-2003: Computer Humor Interface Conference*. Fort Lauderdale, FL, April 6, 2003. Einschede, 2003. P. 1–8.
- ⁸ Режим доступа: <http://www.balagurov.com/misc/proverbs>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09. Невостребованность «Генератора поговорок» отметил в письме ко мне сам В.Е. Балагуров, которому я признателен за информацию, а также за саму программу, которую я уже давно использую в своем университетском курсе по теории юмора.
- ⁹ *Вельмезова Е.В.* Новые русские «пословицы-анекдоты»: Структурные типы и проблемы классификации // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма*. М., 2007. С. 499–508; *Жигарина Е.Е.* Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. Комический потенциал контаминации оценили Чехов (в «Чайке» Шамраев говорит Дорну: «De gustibus aut bene, aut nihil») и Маяковский, сказавший «Не плюй в колодец – вылетит, не поймашь» (см.: *Гинзбург Л.Я.* Записные книжки. Новое собрание. М., 1999. С. 17).
- ¹⁰ Режим доступа: <http://www.samopal.com/news/75.html>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ¹¹ За последние годы мода на контаминацию распространилась очень широко, в чем можно убедиться, введя в браузер наугад любую из подобных фраз, например «баба с возу – и волки сыты». Создаются ли такие высказывания людьми или компьютерными программами, мне неизвестно.
- ¹² *Lessard G., Levison M.* Computational modeling of linguistic humor: Tom Swifities // *Association for Literary and Linguistic Computing (ALLC) and Association for Computers and the Humanities (ACH) Joint Annual Conference*. Oxford, 1992. P. 175–178.
- ¹³ На сходном нарушении языковой нормы построены некоторые шутки о Штирлице («Пуля попала Штирлицу в голову. “Разрывная”, – раскинул мозгами Штирлиц»).
- ¹⁴ *Binsted K., Ritchie G.* Computational rules for generating punning riddles // *Humor*. 1997. Vol. 10. № 1. P. 25–76; *Binsted K., Pain H., Ritchie G.* Children’s evaluation of computer-generated punning riddles // *Pragmatics and Cognition*. 1997. Vol. 5. № 2. P. 309–358; *Бинстед К., Ричи Г.* Автоматическое порождение каламбурных загадок // *Московский лингвистический журнал*. 2004. Т. 8. № 1. С. 145–210.
- ¹⁵ *Зализняк Анна А.* Неоднозначность, каламбур и некаламбурное совмещение значений: к проблеме представления многозначности // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды*

- Международной конференции «Диалог-2003». М., 2003. С. 732–738.
- ¹⁶ *Binsted K., Pain H., Ritchie G.* Op. cit.
- ¹⁷ Режим доступа: <http://thesurrealist.co.uk> свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ¹⁸ Режим доступа: <http://www.frikipedia.co.uk>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ¹⁹ *Binsted K., Takizawa O.* BOKE: A Japanese punning riddle generator // Journal of the Japanese Society for Artificial Intelligence. 1998. Vol. 13. № 6. P. 920–927; *Yokogawa T.* Generation of Japanese puns based on similarity of articulation // International Fuzzy Systems Association (IFSA) World Congress and 20th North American Fuzzy Information Processing Society (NAFIPS) International Conference, 2001. Vancouver, 2001. Vol. 4. P. 2259–2264.
- ²⁰ *Sjöbergh J.* Vulgarities are fucking funny, or at least make things a little bit funnier // School of Computer Science and Communication, the Royal Institute of Technology, Stockholm. Technical Report, 2006.
- ²¹ Режим доступа: <http://genmat.narod.ru> свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ²² *Ritchie G., Manurung R., Pain H., Waller A., O'Mara D.* The STANDUP interactive riddle-builder // Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE) Intelligent Systems. 2006. March – April. P. 67–69.
- ²³ *McKay J.* Generation of Idiom-Based Witticisms to Aid Second Language Learning // MSc in Artificial Intelligence. Division of Informatics, University of Edinburgh. Edinburgh, 2000.
- ²⁴ *Stock O., Strapparava C.* HANAcronym: Humorous agents for humorous acronyms // Humor. 2003. Vol. 16. № 3. P. 297–314; *Stock O., Strapparava C.* The act of creating humorous acronyms // Applied Artificial Intelligence. 2005. Vol. 19. № 2. P. 137–151.
- ²⁵ Режим доступа: <http://64.147.165.83/barjoke.html>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ²⁶ *Козинцев А.Г.* Человек и смех. СПб, 2007. С. 158–170; он же. Об антиреферентивной функции языка // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. М., 2008. С. 55–66.
- ²⁷ *Якобсон Р.О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: за и против. М., 1975. С. 193–230.
- ²⁸ *Hempelmann C.F.* Script opposition and logical mechanism in punning // Humor. 2004. Vol. 17, № 4. P. 381–392.
- ²⁹ *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; он же. Об истории и современном состоянии русской языковой игры // Вопросы языкознания. 2005. № 4. С. 3–20.
- ³⁰ *Русские каламбуры / Сост., авт. предисл. и примеч. А.Н. Зеленов.* М., 1988. С. 89.
- ³¹ *Падучева Е.В.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. 1982. Вып. 18. С. 76–119.
- ³² *Кант И.* Критика способности суждения. М., 1994. С. 205–208.
- ³³ *Козинцев А.Г.* Человек и смех.
- ³⁴ Festschrift for Victor Raskin // Humor. 2004. Vol. 17. № 4.
- ³⁵ Humor Research and Cognitive Linguistics: Common Ground and New Perspectives // Humor. 2006. Vol. 19 № 3.

- ³⁶ *Hempelmann C.F.* Op. cit.
- ³⁷ *Козинцев А.Г.* Человек и смех. С. 158–170; он же. Об антиреферентивной функции языка.
- ³⁸ *Якобсон Р.О.* Указ. соч.
- ³⁹ Кстати, и спунеризм не всегда бывает чистой насмешкой над языком. Вот, например, что виделось Олегу Григорьеву, когда он глядел на улицу сквозь бугристое стекло: «Вместо человеческих фигур, которые строят дом, фигуреческие челогуры, которые доят стром. Вместо рабочих в комбине зонах, идущих домой, какие-то Рамбинзоны в заботине, грядущие за мной». Взгляд автора направлен на внешний мир, и то, что он там видит, не слишком его (и нас) радует. Но когда спунеризм служит юмору, объектами насмешки оказываются не какие-либо элементы внешнего мира, а язык и наша собственная серьезность. Например, Маршак, описывая, как Рассеянный с улицы Бассейной обращается к «вагоноуважаемому глубокоуважаемому», едва ли ставил перед собой цель осудить автора данного высказывания. Будь это так, причина нашей радости была бы непонятна.
- ⁴⁰ *Эпштейн М.Н.* Анафраза: языковой феномен и литературный прием // Вопросы литературы. 2006. № 5 [Электрон. данные]. – Сайт «Русский журнал». – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/voplit/2006/5/ep14.html>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09.
- ⁴¹ Вряд ли в наше время нужно напоминать об активной роли реципиента. Его настроенность на серьезный или юмористический лад может не соответствовать авторской установке. Соответственно, нарушение принципа «от содержания к выражению» может быть ошибочно воспринято адресатом как законное, хотя автор создавал текст типа «в огороде бузина», либо как незаконное, хотя создавался текст типа «ой, цветет калина». Когда же роль автора играет компьютер, результат может целиком определяться нашей установкой. Так, фирма «Smaller Animals Software» предлагает в качестве скринсейвера английские хайку, генерируемые методом случайных перестановок стандартных строк при постоянстве слоговой структуры (Режим доступа: <http://www.smalleranimals.com/zips/haikuss.zip>, свободный. Данные соответствуют 10.02.09). Оценить степень серьезности стихов типа «november shivers / punished for forgotten crimes / the gravy jellied» – дело пользователя. Разумеется, это относится лишь к «атомарным» минижанрам вроде хайку. Для крупных и слитных художественных форм комбинаторика губительна – тут можно рассчитывать лишь на комический эффект. Так, отечественные спамеры, стремясь сбить с толку фильтры, иногда добавляют к рекламе перетасованные в случайном порядке строки из «Евгения Онегина».
- ⁴² *Левин Ю.И.* Логико-семиотический эксперимент в фольклоре // Семиотика и информатика. 1981. Вып. 16. С. 145–162.
- ⁴³ *Cazamian L.F.* Pourquoi nous ne pouvons définir l'humour // Revue germanique. 1906. Т. 2. Р. 601–634.
- ⁴⁴ Обоснование см.: *Козинцев А.Г.* Человек и смех. С. 109–132.

Московские лингвисты

Вослед 70-летию Альфреда Наумовича Журинского (1938–1991)

А.И. Коваль

Альфред Наумович Журинский – ученый и человек

В статье содержатся воспоминания автора о коллеге и друге А.Н. Жури-
ринском. Особое внимание уделяется его личностным характери-
стам и научным интересам.

Ключевые слова: лингвистика, ОТиПЛ/ОСиПЛ, Олимпиада по
лингвистике/языковедению и математике, лингвистические задачи,
африканистика, фольклор, загадки.

Поколение, которому принадлежал Альфред Наумович Журинский, переживает сейчас полосу 70-летних юбилеев. Семьдесят лет было бы и ему, если бы неумолимая болезнь с трагической внезапностью не прервала его жизнь в пору зрелой молодости. Дата вызывает вновь обратиться к воспоминаниям и отдать дань памяти этому талантливейшему ученому, человеку редкостных нравственных и умственных качеств. Немногие из сверстников обращались к нему как к «Альфреду», его ученики (которых было немало) – как к «Альфреду Наумовичу», но для большинства людей, знавших, ценивших и любивших его, он, ушедший молодым, так и остался «Аликом».

© Коваль А.И., 2009

В юности, покончив с порою поисков своего места и своего дела, Альфред получил (1961-1966) полное профессиональное образование на ОТиПЛе/ОСиПЛе – Отделении Теоретической/Структурной и Прикладной Лингвистики филологического факультета МГУ. Это было совсем недавно открывшееся новаторское отделение, где обучали точным методам описания языка и математике и где преобладал дух самоотверженного служения науке. И уже в студенческие годы Альфред заметно выделился своими незаурядными способностями и избирательностью своих интересов. Об этом вспоминают его соученики и учителя, среди них – ныне семидесятилетний глава Отделения ТиПЛ, а тогда – преподаватель латинского языка. Он и Алик по годам были сверстниками, но попали в ситуацию «по разные стороны кафедры», и тот, кто тогда оказался на кафедре, с юношеским максимализмом решился реформировать методы преподавания латыни, уплотнив до предела курс обучения языку.

Из воспоминаний А.Е. Кибрика:

« <...> На ОСИПЛе, как и на всем филфаке, на 1-м курсе изучался латинский язык. Я хорошо был знаком с этим предметом и тем, как он преподается на филфаке. Темпы преподавания были скорее гимназические, чем вузовские, и у меня чесалась рука попробовать себя в роли реформатора. Классическая кафедра не возражала, чтобы я вел на ОСИПЛе латинский язык, и тогдашний декан, видимо, заботясь исключительно о благе моей кафедры, наложил на мое заявление резолюцию: «разрешить с отработкой часов по графику».

Я решительно взялся за дело, поставив цель к концу 1-го семестра полностью освоить грамматику, а во 2-м – читать оригинальные тексты. Всю морфологию я переписал в духе структурного морфологического анализа, разработал собственные самодостаточные парадигмы, легкие для запоминания и пользования. Я распечатывал их на пишущей машинке, на папиросной бумаге, по 12-13 экземпляров в одной закладке.

Студенты достаточно успешно справлялись с заданным темпом, и все было бы хорошо, если бы один студент полностью не игнорировал латинский язык и меня вместе с ним. Это был неизвестный мне Алик Журинский. Я со своей стороны гордо не принимал никаких административных мер. А время шло, и наступил момент истины – зачет. Все его получили без особых затруднений, а Алик Журинский так и не появился. Как я был на него зол и ругал про себя: что он себе думает и как теперь ему догнать группу?

В конце сессии Алик, наконец, объявился и просил проэкзаменовать его в самом начале весеннего семестра. Я его предупредил, что никаких поблажек ему не будет, он должен знать все, что знают его сокурсники. Просчитывая наперед ситуацию, я понимал, что сдать зачет Алик не сможет. Потом пересдачу должна проводить комиссия, и когда мои бывшие учителя увидят, что я творил с латинским языком и как это я требую от студента знать то, что на филфаке спрашивают лишь в конце курса весной на экзамене, меня скорее всего не поймут.

Однако Алик полностью меня посрамил. Всю грамматику он знал так, как будто не пропустил ни одного занятия и выполнил все домашние задания. И когда зачет был уже закончен, он достал пару од Горация и попросил объяснить ему некоторые трудные для него места.

Потом я как-то его спросил, почему же он не ходил на занятия. Потому что он решил, что латинский язык ему не нужен и он напрасно введен в программу ОСИПЛа. Но когда по безвыходности он начал готовиться к зачету, он очень увлекся, все мои handout'ы ему помогли, и остановиться он уже не мог и решил проверить, может ли он читать авторов в оригинале.

Во 2-м семестре у нас было чтение классических учебных текстов – речи Цицерона против Катилины, записок о галльской войне Цезаря, а также интригующей воображение “Ars amandi” [Искусство любви] Овидия (печатных материалов по этому произведению не было, и я так же распечатывал на папирусной бумаге диссидента Овидия). Кроме того, каждый студент получал задание по домашнему чтению. В этом семестре Алик был уже на голову выше всего курса, на занятиях его приходилось только придерживать, иначе остальные студенты не могли бы продемонстрировать свои достижения в переводе и анализе. Более того, уже не я Алика, а Алик меня экзаменовал по латинскому языку, по своей инициативе отбирая авторов и тексты, которых я в глаза не видывал.

Во всей этой латинской истории Алика ярко прослеживается его характер и установки. Он полностью погружался в дело, которое ему любо, делая во много крат больше, чем требуется, и упорно сопротивлялся всему, что подавляет его волю. Если же он попадал в безвыходную, навязанную ему ситуацию, как это случилось с латинским языком, он придавал ей форму шанса судьбы проверить себя и самостоятельно найти свой собственный путь. Думаю, что Алик быстро понял, что насилье латинским языком не есть покушение на его натуру, и для него познать этот язык было им переосмыслено как его личное желание».

И впоследствии, годы спустя замечательная память Алика хранила в неприкосновенности его обширные познания в латыни – чем, впрочем, случалось пользоваться коллегам, когда возникала сиюминутная нужда в уточнении тех самых латинских парадигм.

Широкую и заслуженную славу А.Н. Журинскому принесла та ключевая роль, которую он сыграл в учреждении и развитии олимпиадного движения. Другой основоположник преемственных олимпиад по языковедению и математике, преподаватель математики Владимир Андреевич Успенский оценил их начало как «знаменательное событие», прямым инициатором которого был студент А.Н. Журинский. В своих воспоминаниях¹ В.А. Успенский рассказывает о тех драматических перипетиях, которые сопровождали устройство первой олимпиады.

Из воспоминаний профессора В.А. Успенского:

«< ... > Дело было так.

Осенью 1963 г. Журинский – тогда третьекурсник, несмотря на свои почти 25 лет – подошел ко мне в коридоре филологического факультета Московского университета и сказал, что хорошо бы провести лингвистическую олимпиаду для школьников. И протянул мне листок с примерным набором возможных задач. Журинский искал у меня не только одобрения его идеи: ему казалось само собой разумеющимся, что если идея мне понравится, то я и возьмусь за ее осуществление.

Замысел показался мне интересным. <...> Мне отчетливо захотелось, чтобы предложенная Журинским олимпиада произошла и притом произошла в надлежащих формах. Гарантировать же соблюдение надлежащих форм возможно было, как мне казалось, единственным способом: взять управление этими формами на себя.

Тогда я носился с утопической идеей о единстве языкознания и математики, и потому решил, что среди задач должны быть и математические (но не на вычисление, разумеется, а на сообразительность). Выкристаллизовалось и название Олимпиады: **Олимпиада по языковедению и математике**. < ... >

Но прежде всего надо было продумать последовательность организационных шагов и не ошибиться в выборе самого первого шага. Было ясно, что ничего не получится, если не иметь благословения факультетских властей. Поэтому первым делом я отправился в кабинет декана филологического факультета. Деканом был тогда доцент Алексей Георгиевич Соколов. Целью визита было получить поддержку идеи Олимпиады с его сто-

роны. Надо сказать, что такая поддержка была сразу же получена. Без каких-либо колебаний А.Г.Соколов изъявил полное одобрение на проведение Олимпиады ближайшей весной, и я получил от него поручение представить ему мои предложения о составе Оргкомитета под моим председательством. < ... >

Я явился к Соколову <...> и принес ему список членов оргкомитета. И вот тут возникло препятствие, для меня совершенно неожиданное.

Само собою разумеется, в предполагаемый состав Оргкомитета мною был включен Журинский. Оказалось, что именно эта кандидатура вызывает решительное возражение начальства. И Соколов объяснил мне, в чем дело. Он сообщил, что Журинский совершил поступок, не только делающий невозможным его пребывание в таком органе, каковым является Оргкомитет Олимпиады, но даже с трудом совместимый со званием советского студента: кандидат в члены Коммунистической партии Журинский отказался стать членом партии.

< ... > Случай был, конечно, совершенно немыслимый, не вписывающийся ни в какие нормы. А если назвать вещи своими именами, то поступок Журинского был почти героическим. И последствия его могли оказаться куда более тяжелыми, чем невключение в Оргкомитет Олимпиады.

Я попытался объяснить Соколову роль Журинского как инициатора Олимпиады. Но все напрасно. Антипартийное поведение Журинского перевешивало всё.

Я не мог заставить Соколова включить Журинского в Оргкомитет. Но мог отказаться проводить Олимпиаду без Журинского. Что я и сделал. Думаю, что Соколов не ожидал такого поворота событий. Но отступить он не стал. И намечавшаяся на весну 1964 г. Олимпиада не состоялась.

К некоторому моему удивлению оказалось, что идея Олимпиады не была забыта Соколовым. Через год уже он сам обратился ко мне со словами, что, де, надо бы провести Олимпиаду. < ... >

И снова я включил Журинского в список членов Оргкомитета. На этот раз Соколов не выдвинул никаких возражений, и Олимпиада состоялась».

Основатели самой первой олимпиады отважились обозначить ее как «Первую Традиционную»; история показала оправданность риска – ныне идет подготовка уже к Сороковой Традиционной, и энтузиазм ее участников, можно надеяться, не ослабевает.

Общеизвестна деятельность Алика как автора многих и многих задач для всех Олимпиад вплоть до XXII-й, которая была уже посвящена его памяти. Подавляющая часть авторских задач ныне имеется в опубликованном виде; сопровождаемые аналитико-теоретическими комментариями автора, они составляют особый жанр *самодостаточной лингвистической задачи*. Как отмечал главный историограф нашей науки Владимир Михайлович Алпатов, теоретической и практической разработкой этого нового для всей мировой науки жанра мы обязаны в первую очередь А.Н. Журинскому и «*именно ему принадлежит честь превращения самодостаточной задачи в особый жанр лингвистического исследования*». В среде молодых энтузиастов Олимпиады, где всегда был велик авторитет Алика, его почтили по-своему – ему был присвоен титул *Главного Задачника*.

Востребованность идеи Олимпиады сегодня очевидна, о чем говорят переиздания сборников задач, их переводы на другие языки. ОСиПловская олимпиадная традиция подхвачена и в других местах, и в других странах, в частности, в Болгарии (с 1984 года), в США (с 1998 года в университете штата Орегон). В 2007 году возник очередной потомок лингвистической олимпиады – NAMCLO, США и Канада (ср. на сайте <http://namclo.linguistlist.org> : «*The North American Computational Linguistics Olympiad (NAMCLO) is the direct descendent of the Olympiad in Linguistics and Mathematics founded in 1965 in Moscow*»); в 2009 году в этой олимпиаде приняло участие более 1000 человек; по тем же задачам в 2009 году пройдут олимпиады в Австралии и Ирландии.

Всегда участвуя в подготовке очередной олимпиады, Альфред был бессменным членом Задачной Комиссии, отбирившей и совершенствовавшей лингвистические задачи. Невозможно забыть те жаркие обсуждения, которые велись на заседаниях Комиссии и которые через стену доносились до нас, сотрудников сектора африканских языков в Институте языкознания – сектора, который был постоянным «местом службы» А.Н. Журинского до его последних дней.

Свои африканские штудии Алик начал с языка эве, избрав объектом непосредственного изучения лексическую «периферию» – идеофоны, или так называемые звукоизобразительные слова. В подготовленных на этой базе статьях и докладах он излагает свой подход и принципы описания идеофонической лексики, теоретически связывая звукоизобразительность с аспектами семиотики и психолингвистики. Первоначально планировал

шееся как диссертационное, это исследование так и не было доведено до завершающей фазы защиты. Это объясняется, скорее всего, нелюбовью Алика к официальным акциям, от которых он обычно старался уклониться. Интересы же к теме звуко-символизма он и потом не терял, и в своих разговорах с коллегами даже прочил грядущий бум проблемам фоносемантики. И если он и ошибся в своем пророчестве, то, возможно, лишь потому, что опережал время.

Мы были свидетелями тому, в сколь короткий срок он достиг уровня полноценного африканиста – детально осваивал этнолингвистическую географию Африки, вникал в особенности языковых ситуаций в полиэтничных странах, работал с материалами различных языков. Поглощая грамматики и словари, он отличался цепкой хваткой интуитивного типолога и одновременно – наблюдательностью искушенного дескриптивиста. Знакомству с языками Африки благоприятствовало и то обстоятельство, что в тот период наш сектор был наводнен африканцами – аспирантами, стажерами, студентами, всегда готовыми проконсультировать и обсуждать их родные языки.

Надолго задерживаться на какой-то одной проблеме или на каком-то одном языке, становясь «узким специалистом», – это было не в манере Алика, но все же более специальный интерес связывал его с языками банту, и еще более специально – с бантускими именными классификативными системами, отличающимися, как известно, сложностью и номенклатурной, и структурной, и функциональной. Его знакомство с данными многих языков банту было отнюдь не поверхностным, но основательным и глубинным, что всегда отмечали наши бантуисты. Весьма существенный вклад в африканистику – и в бантуистику, в частности – внесли работы Журина, посвященные адаптации субстантивных заимствований, их «имплантации» в фонетико-грамматическую систему принимающего языка. Его работы в основном непосредственно затрагивают факты бантуских языков Восточной и Южной Африки (ганда, рунди, кикуйю, шона, зулу и др.), но итоговое их значение шире, оно распространяется и на область эволюционной типологии языков, особенно в связи с общими проблемами становления и развития именных классификативных систем. Принципиально важен надежно аргументированный вывод о том, что освоение языком большого числа заимствований способно нарушить как соотношение именных классов по их продуктивности, так и те фонетические и семантические принципы, которые исторически лежали в основе распределения существительных по классам.

Вовлекая в орбиту своих активных знаний все новые и новые языки, Альфред, разумеется, не упускал из виду и цели их «озадачивания» – этим рабочим термином обозначалось сочинение задачи на материале определенного языка. Так, в его книге «Слово, буква, число» (1993) из сотни рассмотренных задач два десятка базируются на данных африканских языков – не только таких известных, как суахили или лингала, но и языков малоописанных, таких как гусии или курия.

Казалось, ему вообще неведом страх перед новым языком. Свидетельством тому служит следующий яркий эпизод из прошлого. Как-то в наш африканский сектор обратился за помощью малийский филолог, который затеял перевод большого эпического текста «Буакарджан» с языка бамана на русский. Такая задача была ему одному не под силу – ведь для адекватной передачи текста, а тем более текста традиционного, исполненного профессионалом-гриотом, требуется по меньшей мере полноценное владение языком перевода. Дело серьезно застопорилось, поскольку на тот момент в наших рядах не было специалиста, знавшего бамана или хотя бы родственный ему язык. Спас положение Алик, который без каких-либо заметных колебаний взял на себя эту, отнюдь не шуточную работу. И потом в течение недель и месяцев мы наблюдали многочасовые бдения «переводчиков», корпевших вдвоем над текстом эпоса «Буакарджан». Приобретенные в этой работе с носителем языка знания Алик впоследствии использовал для составления задач и в собственных исследованиях.

В секторе африканских языков Алик был окружен всеобщей любовью. Рискнем предположить, что и ему самому неплохо жилось и хорошо работалось в бесконфликтной, дружеской обстановке нашего сектора. Заслуживает быть упомянутым, что руководитель сектора Наталия Вениаминовна Охотина, высоко ценившая Алика, относилась к нему с особой заботой и тактом. Оберегая его от возможных административных посягательств на «свободу творчества», Наталия Вениаминовна поддерживала его идеи и проекты, включая и те, которые прямого отношения к африканистике не имели. Её слова: «Алик может заниматься тем, чем он хочет».

Бросающаяся в глаза примета совокупных работ А.Н. Журина – широкий и удивительно разнообразный диапазон тем, которыми он занимался. Возможно, ключом к этому разнообразию может послужить непритязательная формула: его как ученого в равной мере интересовали и устройство языков, и самая Жизнь Языка (язык в человеческой среде, язык в этно-

культурных соприкосновениях, язык в художественном тексте, в фольклоре, в авторской поэзии ...). Когда он работал над социолингвистической проблематикой, его волновали судьбы африканских языков – больших и малых, младописьменных и бесписьменных – в условиях нашего века. Это объективировалось в таких темах, как распределение функций языков по разным сферам и темам общения, место и роль автохтонных языков в системе образования или в средствах массовой информации, вопросы упорядочения норм устной и письменной форм языка, функциональное соотношение языков межэтнических, в том числе европейских, и языков «внутриэтнических», критерии социально-психологической оценки языка и др.

Обратившись к проблеме лингвокультурного контакта, в основном афро-европейского, А.Н. Журинский разработал четко структурированную картину массивированного воздействия англицизмов на автохтонные языки бывших британских колоний, не оставляя при этом без внимания и внутри-ареальные языковые контакты (в частности, влияние суахили на соседствующие языки).

Весьма и весьма важное место в его исследовательских интересах принадлежит фольклору. Его вклад в эту сферу филологии столь значителен, что можно с полным основанием считать Журинского фольклористом, причем и фольклористом-теоретиком, и практиком-собирателем. Как собиратель фольклора, особенно «малых форм», он широко привлекал африканские устные традиции, но ими не ограничивался. Изданный автором труд «Семантическая структура загадки» (1989), имеющий значение и для теоретико-типологического изучения жанра, и для общих проблем семиотики текста, был основан на материале загадок почти ста народов мира. Именно область семантики фольклорных текстов была в фокусе его исканий в конце жизни. Помнится, им овладела, уже незадолго перед последней болезнью, идея о семантической структуре эпизодов с «метаморфозой» – превращениями в сказках; он многократно говорил об этом, просил помогать ему в сборе сказок с превращениями, и стремился, со свойственной ему настойчивой энергией, разбудить в коллегах встречный интерес к теме...

Увы, в намного большей степени остались нереализованными возможности А.Н. Журинского как исследователя лингвопоэтики. О том, насколько был высок его потенциал в этой области, свидетельствует замечательная статья 1972 года, посвященная циклу «Трилистники» Иннокентия Анненского. Здесь выделены слова-концепты, характеризующие поэтиче-

ское пространство «Трилистников»; использованные поэтом лексические смыслы с их коннотациями выстроены в шкалу авторских отношений к изображаемому, и далее эта шкала, при более изоциренном анализе текстов, подвергается новым уточнениям. Статья написана в очень компактной, почти конспективной манере: сам исследователь отмечает, что его наблюдения излагаются «в сжатом виде». И когда перечитываешь эту статью, не отпускает ощущение, что здесь достаточно мыслей на капитальнейшее исследование. Опубликована статья в скромном аспирантском сборнике (бумага которого сильно пожелтела к теперешнему времени), однако она все же не осталась незамеченной – в частности, она введена в библиографию к статье о И.Ф. Анненском в энциклопедическом словаре «Русские писатели»².

К стихосложению Алик всегда относился с напряженным вниманием. Он был настоящим знатоком поэзии, хотя сам едва ли согласился бы признать себя таковым. У его ближайших коллег сохраняется полусерьезное, но яркое воспоминание о том, как его эрудиция подвергалась испытанию. Наталия Вениаминовна имела обыкновение экзаменовывать окружающих на предмет их осведомленности в поэзии: процитировав по случаю пару стихотворных строк, она предлагала всем незамедлительно огласить атрибуцию автора. Если случалась заминка (а на экзаменах заминки не редкость), чаще других спасал положение Алик. Потом мы высказывали ему свое восхищение и благодарность за выручку, а он – скромнейший из скромных – неизменно отвечал, улыбаясь: «Ох, я так боялся не попасть!»

Альфред был едва ли не полностью свободен и от меркантильной, и от карьерной озабоченности. Увлекаемый все новыми исследовательскими идеями, он отодвигал на задний план тему о защите диссертации – при том, что среди его разработок имелось немало «диссертабельных». Вспоминается, при каких обстоятельствах произошел перелом в этом вопросе. В один из дней весны 1976 года его, как он выразился, «застигла врасплох» состоявшаяся защита близкой коллеги – кажется, предпоследней из засидевшихся в некандидатах. Наступивший момент послезащитных поздравлений Альфред отметил заявлением, что теперь, стало быть, наступил его черед защищаться: «*Не быть же мне белой вороной*», – в такие слова он облёк сложившуюся безвыходность ситуации. Защищенная им диссертация была высококачественной – как всё, что он делал: озаглавленная «Взаимодействие европейских и местных языков в Африке

(функциональный и внутрискруктурный аспект)», диссертация сущностно объединяла и социолингвистические исследования автора, и его разыскания в сфере конкретно-языковых процессов, сопровождающих языковой контакт.

Защита была уступкой «требованиям общества», хотя вообще Алик был не охотник до уступок. Но и роль ниспровергателя претила его гуманному складу. Так, требовавший от собственных работ строгой аргументированности, Алик был терпим к инакодуманию в науке. Он умел ценить и точно выделять работы, созвучные его взглядам, но не проявлял агрессии и при критическом отношении. «Каждый автор несет собственную ответственность за то, что он пишет» – такую позицию он не раз подчеркивал. Толерантность к людям своей гильдии – в этом один из его заветов, не забытых нами.

Те, кто много лет работал и жил с ним бок о бок, не могли не ощутить с особой остротой, что по его уходе возникла «брешь у нас в цепочке». Друзья и собратья по науке почтили его память коллективной книгой «ЗНАК. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике»³. Сборник был собран и подготовлен усердием его жены и соратника Елены Владимировны Муравенко при поддержке соредкторов В.И. Беликова и Н.В. Перцова и издан с помощью А.Н. Латышевой. В мемориальной книге нашли отголосок многие из тех тем, которые входили в круг исследовательских интересов Альфреда Наумовича – именные классификации (в языках африканских и не только), заимствования и их адаптация, изобразительная лексика, вопросы лингвопоэтики, эпическое сказительство и ещё многое другое. В книге «ЗНАК» также приведен наиболее полный список трудов А.Н. Журина (включая и упоминаемые в этих заметках).

А.Н. Журицкий принадлежал тому типу ученых, которые сделали (а тем более – которые знают!) гораздо больше того, что они публикуют. Но в годы, когда его уже не стало, труды, написанные им, продолжали выходить благодаря усилиям друзей и сотоварищей по науке. Рукопись книги «Слово, буква, число» (1993) была подготовлена к печати В.А. Плунгяном, Е.В. Муравенко и М.А. Даниэлем. Позже увидело свет самое полное собрание лингвистических задач А.Н. Журина (свыше двухсот, с решениями и комментариями) (*Журицкий А.Н. Лингвистика в задачах / Составитель Е.В. Муравенко. М.: Индик, 1995*).

Его наследие все еще продолжает пополняться. Особое место занимает недавно изданная фундаментальная антология загадок (*Журицкий А.Н. Загадки народов Востока*).

Систематизированное собрание/ Составитель А.В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007). Сбору и анализу загадок были отданы последние годы Альфреда, взявшего на себя и продолжившего труд, начатый Г.Л. Пермяковым. Как пишет С.Ю. Неклюдов во ввводной статье к изданной книге, судьба сборника особенно заботила Григория Львовича в связи с тем, что в этот проект был вложен «труд, затраченный многими людьми» – переводчиками фольклорных текстов. Ближайшее окружение Альфреда помнит его глубокую увлеченность этой работой и тот пыл, с которым он стремился привлечь к общему делу коллег-востоковедов. К началу девяностых работа над книгой вступала в завершающую фазу, но была оборвана девяносто первым. Публикация «Загадок народов Востока» представляет собой памятник творческой деятельности А.Н. Журинского. Жаль только, что в изданной книге отсутствуют упоминания имен многих лиц, которые по настоянию Альфреда специально для этой антологии переводили загадки, – изъян, не совместимый с личностью такого автора, каким был А.Н. Журинский (ср., в частности, сделанную им сноску на пятой странице книги «Семантическая структура загадки» (1989)).

Отнюдь не приходится возражать тем, кто считает, что наука составляла главный смысл жизни Алика. Однако это не был сухой кабинетный анахорет, напротив, это был человек хоть и не шумный, но очень активный и «реактивный», остролов и выдумщик, изобретательный во всем – даже в рукомеле, которому он нет-нет, да и предавался, неизменно являя талант и тонкий вкус. Вспоминается время, когда он увлекся фотографированием лесных трав, цветов и листьев; после проявления в темноте и печати снимков получались такие изысканные и необычные композиции ... Как многим, вероятно, известно, он собственноручно вырезал (путем многих проб!) печать с изображением листа Мёбиуса, по односторонней поверхности которого движутся литеры; эта печать, венчавшая премиальные и похвальные листы, и поныне осталась знаком-символом Олимпиады ... Когда мы как-то устроили в Институте выставку детского художественного творчества, к вернисажу Альфред принес сшитую им книжечку с разноцветными страницами, и на обложке он начертал своим пластично организованным (и таким запоминающимся!) почерком: *Книжка отзывов* – с уменьшительным суффиксом, раз речь шла о детях!..

Тема детей, возможно, должна бы составить отдельную страницу в его биографии: в общении с детьми проявлялся еще один особенный талант Альфреда, может быть – еще одно

его призвание. Познакомившись и сблизившись с ребенком, он умел, как редко кто, вовлечь того в забаву и игру (чаще – из разряда «развивающих умственных игр»); возникала такая внутренняя связь, которая могла длиться не один год. О том заразительном импульсе творческой энергии, которая от него исходила, сегодня вспоминают многие молодые (и уже взрослые) люди из нашего окружения. Иногда говорят об «игре ума» Алика; еще уместнее здесь найденное С.И. Гиндиным емкое и пронизательное определение Алика как *Объединителя поколений* (см. статью этого автора в мемориальной книге «ЗНАК»).

Воспроизводимый здесь рисованный портрет Алика выполнен художницей Ниной Кибрик, которая тоже считает Алика своим «другом детства».

Феномен Алика ... Задача объяснить его, найдя нужные слова, – из числа трудно решаемых.

Самым лучшим завершением этих заметок в память Альфреда Наумовича Журинского послужит текст посвящения, которое Нина Давидовна Арутюнова предпослала своей статье «Загадки судьбы» (в книге «ЗНАК») – посвящения, облеченного в поэтически отточенную форму, одновременно и лапидарную, и прочувствованную:

«... У Алика был точный и артистичный ум, замечательная память, играющее воображение. Он блистательно развил искусство лингвистических задач и загадок. Тот, кто задает задачу, заведомо знает ответ. Загадки судьбы не имеют ответа. Остается не разгадан и сам человек – носитель судьбы. В Алике жила яркая индивидуальность. Ее присутствие ощущалось сквозь благородную сдержанность поведения. Он вел себя всегда естественно – «по природе», а не «по договору». Он чуждался чужого. Не шел с ним на контакты и компромиссы. Его нельзя себе представить в официальных контекстах. Лицо его не было обращено к лицу государства. Он занимался тем, что его вдохновляло. Он общался с теми, кто был ему близок. Он любил стихи и музыку за их тайну. Он изучал языки таинственной Африки, в которой ему не случилось побывать. Он ушел из жизни молодым – неожиданно и необъяснимо, оставив книги, задачи и загадки, среди них – загадку своей судьбы».

Март 2009 г.

Примечания

- ¹ Успенский В.А. Труды по нематематике. Т. 2-й. М.: ОГИ, 2002. С. 887 и далее.
- ² Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. Гл. ред. П.А. Николаев. Т. 1: А–Г. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 88.
- ³ Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина / Отв. ред. В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, Н.В. Перцов. М.: Русский учебный центр, 1994. 300 с. (С. 298-300 – библиография трудов А.Н. Журина).

Е.В. Муравенко

Задачи А.Н. Журина

Статья посвящена памяти талантливого лингвиста Альфреда Наумовича Журина, в ней рассматривается его роль в становлении жанра самостоятельной лингвистической задачи и в развитии олимпиадного лингвистического движения.

Ключевые слова: А.Н. Журиновский, Традиционная лингвистическая олимпиада, самостоятельная лингвистическая задача, принцип проблемного обучения.

Я училась в последнем классе и подумывала, не стоит ли мне поступить на Отделение структурной и прикладной лингвистики. Я толком еще не понимала, что такое лингвистика, просто меня устраивал нестандартный набор вступительных экзаменов, среди которых устный русский язык и математика – мои любимые предметы. Зная о моих еще не вполне сформировавшихся планах, мои родители нашли в журнале «Наука и жизнь» статью об Олимпиаде по языковедению и математике с примерами олимпиадных задач. Я начала решать их, увлеклась, с тех пор помню полушуточную задачу:

Ниже зашифрована фраза на русском языке:

Шыр-пир ю пяпюжгы зэлэмъгый гёсрыг,

Фёд гяг, фёд гяг, зэлэмъгый гёсрыг.

Расшифруйте эту фразу.

Фразу я быстро расшифровала, и, помню, мы с братом весело распевали эти строчки о сереньком козлике в зашифрованном виде. Остальные задачи, более серьезные, мне тоже крайне понравились. Все задачи, которые были тогда напечатаны в «Науке и жизни», принадлежали Альфреду Наумовичу Журинову. Таким было мое первое знакомство с его задачами. Оно в конечном итоге определило мою судьбу: я отправилась на Олимпиаду, получила неизъяснимое интеллектуальное

© Муравенко Е.В., 2009

наслаждение от решения задач, а на следующий год поступила на Отделение структурной и прикладной лингвистики МГУ.

С автором этих задач я познакомилась много позже, через несколько лет после окончания МГУ. На одной из олимпиад мне довелось проверять задачу А.Н. Журина, так и состоялось наше знакомство. И теперь я благодарна судьбе за то, что встретила этого одаренного, необычного, тонко организованного человека и мне посчастливилось провести вместе с ним несколько лет.

Но постараюсь отвлечься от нахлынувших личных воспоминаний и изложить всё по порядку.

Проблематика, связанная с лингвистическими задачами, занимала, пожалуй, главное место в творческой биографии Альфреда Наумовича Журина начиная с его студенческих лет и до последних месяцев жизни.

Прежде всего, я имею в виду самодостаточные лингвистические задачи. Что это такое? В термине *самодостаточная задача* определенную смысловую нагрузку несут оба составляющих его слова. Это задача, потому что, в отличие от разного рода упражнений и заданий, ее нужно решать, т. е. ответ не лежит на поверхности, а достигается в результате определенных логических операций, при этом решающий может (с известной степенью строгости) доказать правильность ответа. Самодостаточность задачи проявляется в том, что весь материал, необходимый для ее решения, содержится в условии и от решающего не требуется специальных знаний и подготовки. Самодостаточная лингвистическая задача воплощает, таким образом, принцип проблемного обучения, моделируя в упрощенных условиях многие элементы творческой деятельности лингвиста.

Оригинальный жанр самодостаточной лингвистической задачи начал складываться в 50-е годы прошлого века и впервые был представлен задачкой Г. Глисона в 1955 году¹; большую роль в создании жанра сыграл выдающийся лингвист, ныне академик РАН А.А. Зализняк, опубликовавший серию задач в 1963 году², а впоследствии предложивший немало замечательных задач для Традиционной лингвистической олимпиады. Но именно А.Н. Журиному принадлежит заслуга разработки теории этого жанра и его бурного развития в нашей стране.

В 1965 году по инициативе А. Н. Журина, студента отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ, силами этого отделения была проведена первая лингвистическая олимпиада – тогда она называлась «Традиционная олимпиа-

да по языковедению и математике» (компонент «традиционная» появился в названии с первой олимпиады, поскольку ее организаторы не сомневались в том, что она станет таковой). А.Н. Журиным были составлены практически все задачи первой Олимпиады, а также набор задач, опубликованных на афишах, которые развешивались по Москве и рассылались по школам перед Олимпиадой. Такие вводные в курс дела задачи были необходимы, ведь Олимпиада проводилась впервые и с подобными задачами дети еще никогда не сталкивались. (О первой Традиционной олимпиаде и роли в ней А.Н. Журина подробно вспоминает профессор МГУ В.А. Успенский, председатель той Олимпиады³.)

Журиным придумал и эмблему Олимпиады в виде ленты Мёбиуса с русскими и латинскими буквами вдоль нее и номером Олимпиады посередине. Он сам вырезал печать с этой эмблемой, приобрел штемпельную подушку с краской и ставил печать каждый год на все грамоты и подарочные афиши. Эта эмблема используется и сейчас: она фигурирует на обложках сборников задач, дипломах, грамотах, афишах, в виде значков ее выдают всем членам оргкомитета. Сейчас, правда, эмблему изображают с помощью компьютера и уже нет нужды ставить печать со штемпельной краской. Старая печать теперь хранится у меня как реликвия.

Начиная с первой, А.Н. Журиным участвовал в подготовке задач для всех Олимпиад, включая XXII, которая проводилась совместно МГУ и РГГУ в 1992 году уже после его неожиданной смерти и была посвящена его памяти.

Если конкретной целью других авторов обычно было составление такой задачи, которая могла бы быть принята на очередную Олимпиаду, то для Альфреда Наумовича это было не главным. Поэтому и в 1982–87 гг., когда в проведении олимпиад наступил вынужденный перерыв и работа задачей комиссии прекратилась, он все равно продолжал сочинять задачи. Помимо задач для Олимпиады, А.Н. Журиным сочинял и другие задачи, которые по разным причинам не могли быть использованы на Олимпиаде, но сами по себе весьма интересны: это более простые задачи для школьников средних классов – «задачата», и шуточные задачи, и целые серии задач, требующие соблюдения определенной последовательности в их решении, и задачи на «школьные» языки, которые ставили бы в неравные условия школьников на Олимпиаде.

К таким «другим» задачам относятся и менее строгие, но увлекательные задачи для участников летних олимпиад по

лингвистике. В 1989 г. под Переславлем-Залесским проводились одна за другой две летние школы для школьников и студентов. В обе школы в качестве заведующего лингвистическим направлением был приглашен Александр Николаевич Барулин, а он, в свою очередь, пригласил нас с Альфредом Наумовичем провести олимпиаду. Вот мы и ездили на гастроли с олимпиадами то на одну сторону Плещеева озера, то на другую (школы проводились в разных местах). Для каждой школы А.Н. Журинский подготовил свой комплект задач (ведь в составе участников школ были пересечения), причем были различные наборы задач для школьников, для студентов-лингвистов, а также для студентов и преподавателей – нелингвистов. И все три группы решателей с энтузиазмом пытались одолеть предназначенные для них наборы задач. Олимпиада получила номер XIX-s (19 с половиной), потому что проводилась между XIX и XX московскими Олимпиадами. На следующее лето Журинский провел олимпиаду XX-s в интернациональном лагере-школе по математической и компьютерной лингвистике в Болгарии, для этой олимпиады он тоже сочинил несколько новых задач. Вообще он любил не только сочинять задачи, но и разбирать их со школьниками. В 1988–1991 гг. мы вели с ним поочередно лингвистический кружок для школьников в Историко-архивном институте при кафедре русского языка (это то, из чего вырос впоследствии Институт лингвистики РГГУ). Регулярно, каждую неделю. Я-то работала на этой кафедре, а он это делал исключительно из энтузиазма и любви к детям, задачам и лингвистике.

Задачное творчество пронизывало всю жизнь этого увлеченного и талантливого человека. Он обладал удивительной способностью представить в виде самостоятельной задачи практически любое лингвистическое явление. И не только сам это делал блестяще, но и других всячески к этому побуждал. Две мои задачи возникли просто в результате разговора с ним: я без всякой задней мысли рассказывала ему об интересующем меня лингвистическом явлении, а он тут же предлагал мне из этих рассказов делать задачу, да еще и подсказывал, как именно.

Разработка жанра самостоятельной лингвистической задачи всегда сопровождала другие научные занятия А.Н. Журина. Так, большое место в его публикациях занимают вопросы африканистики (ряд статей и разделов в коллективных монографиях, а также кандидатская диссертация). Эта тематика широко представлена и в его задачном творчестве: ему

принадлежит не один десяток задач на материале африканских языков, а в книге «Классы слов в языках Африки» целый раздел, посвященный адаптации европейских заимствований в африканских языках, написан в виде задач и их решений⁴. Многие годы А.Н. Журинский занимался проблемами семантики фольклорных текстов. И это тоже отразилось в его задачах: более двух десятков задач построены на материале загадок, пословиц, поговорок, крылатых выражений, сказок, анекдотов. Выпустив книгу о семантической структуре загадки⁵, Альфред Наумович составил задачи на подробно описанные в ней формулы, которые отражают особенности смыслового перехода от разгадки к вопросительной части загадки. Его увлечение поэзией и занятия поэтикой также нашли отражение в ряде задач. А.Н. Журинский был очень эрудированным и разносторонним человеком – составленные им задачи затрагивают практически все языковые уровни и охватывают материал около 50 языков, немало задач и на способы обозначения чисел в разных языках, а также логических и математических. Нельзя не отметить, что и присущее этому человеку тонкое чувство юмора также отразилось в некоторых задачах, а кроме того, он сочинил около десятка шуточных задач для школьников и несколько задач специально для членов задачной комиссии – в них обыгрываются отдельные эпизоды ее истории.

Сочиняя задачи, А.Н. Журинский занимался описанием и разработкой жанра, определяя его особенности, добавляя новые, нестандартные типы. Один из предложенных им на заре становления жанра типов – билингва с перепутанными соответствиями (в условии предлагается несколько языковых единиц на неизвестном языке и их переводы на русский язык в перепутанном порядке, требуется восстановить правильные соответствия) – в среде лингвистов-задачетворцев до сих пор называется «кибузи» по названию первой задачи А.Н. Журинского этого типа (задача была сочинена для II олимпиады 1966 г., в ней использовались слова языка суахили, среди которых одним из ключевых было слово *kibuzi* 'козочка'). Разработке жанра посвящены две статьи⁶, а в 1991 г. была подготовлена и сдана в издательство книга⁷, которая «представляет собой научное исследование, посвященное лингвистическому и педагогическому содержанию, заключенному в задачах разных типов. Автор рассматривает классификацию лингвистических задач, способы их решения, их роль как в процессе обучения, так и с точки зрения моделирования деятельности языковеда»⁸. Книга увидела свет в 1993 году. Как написал о ней В.М. Алпатов, это

«первая не только в отечественной, но и в мировой науке книга, посвященная анализу этого интересного жанра»⁹.

Задачи А.Н. Журина собраны в сборнике¹⁰, изданном уже после его смерти, в большом количестве они присутствуют в других сборниках олимпиадных задач¹¹. Том энциклопедии для детей издательства «Аванта+»¹² богато проиллюстрирован лингвистическими задачами, среди которых значительное место занимают задачи А.Н. Журина.

Вклад, внесенный А.Н. Журиным в развитие жанра лингвистической самостоятельной задачи и олимпиадного движения, невозможно переоценить. Сочиненные им задачи сейчас с удовольствием используют школьные учителя и преподаватели вузов в самых разных лингвистических курсах, а также в олимпиадах и конкурсах местного масштаба. Жанр продолжает развиваться, появляются новые задачи и разрабатываются их новые типы¹³. Олимпиадное дело, затеянное когда-то А.Н. Журиным, процветает: в нынешнем, 2009-м, году будет проводиться уже XL традиционная лингвистическая олимпиада. Лингвистические олимпиады проникли в другие страны, и в этом году состоится 7-я Международная лингвистическая олимпиада.

Отрадно сознавать, что начатое дело не предано забвению, что талантливая молодежь с энтузиазмом продолжает его, занимаясь и сочинением задач, и проведением олимпиад. А в памяти друзей и близких людей всегда будет жить светлый образ Алика (именно так его все и звали), этого благородного, скромного, никогда не стремившегося выделиться человека, который, тем не менее, оставил такой яркий след.

Примечания

- ¹ Gleason H.A. Workbook in descriptive linguistics. N. Y., 1955.
- ² Зализняк А.А. Лингвистические задачи // Исследования по структурной типологии. М.: изд-во АН СССР, 1963. С. 137–159. Переиздано в: Задачи лингвистических олимпиад: 1965–1975. / Ред.-сост. Беликов В.И., Муравенко Е.В., Алексеев М.Е. М.: МЦНМО, 2006. С. 516–545.
- ³ Успенский В.А. Языковедение, математика и Первая традиционная олимпиада (1965 г.). Добавление от октября 2001 г. Еще о Первой Олимпиаде // В.А. Успенский. Труды по Нематематике. М.: ОГИ, 2002. С. 887–907. Переиздано в: Задачи лингвистических олимпиад: 1965–1975. С. 546–567.
- ⁴ Журинский А.Н. Морфология языков банту в лингвистических задачах // Аксенова И.С., Ветошкина Т.Л., Журинский А.Н. Классы слов в языках Африки. М.: Наука, 1984. С. 99–130.

- ⁵ Жури́нский А.Н. Семантическая структура загадки: Немегафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989.
- ⁶ Жури́нский А.Н. Лингвистические задачи как форма проблемного обучения // Лингвистические основы преподавания языка. М.: Наука, 1983. С. 146–156. Жури́нский А.Н. О самодостаточных лингвистических задачах // Лингвистические и методические проблемы преподавания русского языка как неродного. М.: АН СССР, Каф. иностр. языков, Ин-т языкознания, 1989. С. 65–76.
- ⁷ Жури́нский А.Н. Слово, буква, число: Обсуждение самодостаточных лингвистических задач с разбором ста образцов жанра. М.: Наука, 1993.
- ⁸ Алпа́тов В.М. Слово об авторе // Жури́нский А. Н. Слово, буква, число. С. 8.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Жури́нский А.Н. Лингвистика в задачах: Условия, решения, комментарии / Сост. Е. В. Муравенко. М.: Индрик, 1995.
- ¹¹ 200 задач по языковедению и математике. М.: изд-во МГУ, 1972. Лингвистические задачи. Пособие для учащихся ст. классов. Авторы-составители В.М. Алпа́тов, А.Д. Вентцель, Б.Ю. Городецкий, А.Н. Жури́нский, А.А. Зализняк, А.Е. Кибрик, А.К. Поливанова. М.: Просвещение, 1983. Алексеев М.Е., Беликов В.И., Евграфова С.М., Жури́нский А.Н., Муравенко Е.В. Задачи по лингвистике. Ч. 1. М., 1991. Задачи лингвистических олимпиад: 1965–1975. / Ред.-сост. Беликов В.И., Муравенко Е.В., Алексеев М.Е. М., 2006.
- ¹² Энциклопедия для детей. Том 10. Языкознание. Русский язык. М.: Аванта+, 1998.
- ¹³ Тестелец Я.Г. Лингвистические задачи и “Презумпция незлобности автора” // Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Жури́нского. М.: Русский учебный центр МС, 1994.

А.В. Козьмин, С.Ю. Неклюдов

«Загадки» А.Н. Журина

В статье прослежен путь А.Н. Журина как исследователя жанра загадки. Подробно охарактеризовано посмертно изданная книга «Загадки народов Востока».

Ключевые слова: А.Н. Журиновский, семантика загадки, загадка и смежные жанры

Путь Альфреда Наумовича Журина к исследованию загадки был непрямым и по внешним обстоятельствам несколько случайным. Еще со студенческих лет он интересовался проблемами метафоры – в языке и в русской поэзии, о метафоре в поэтической речи был один из первых его докладов (на студенческой конференции в Тарту 1965 г.). Кроме того, он был основателем, идеологом, теоретиком и основным автором олимпиад по языкознанию среди школьников, значение которых – и научное, и дидактическое – чрезвычайно велико. Возможно, именно многолетние занятия лингвистическими задачами и побудили Альфреда Наумовича взяться за составление антологии загадок. Вопрос не только в функционально-семантической близости жанров «загадки» и «загадки», которая сразу могла обусловить оценку им новой темы как «своей», но и в том, что в данном материале он почувствовал наличие еще неиспользованных возможностей для составления задач.

Сама идея составления этой антологии принадлежала замечательному отечественному фольклористу Г.Л. Пермякову, основателю структурной паремиологии, теоретические положения которой ныне широко известны¹. Его главное открытие заключалось в том, что огромное многообразие пословиц народов мира он свел к относительно небольшому числу семантических инвариантов. Например, пословицы «Где барана нет, и коза сойдет за барана» (азербайджанская) и «Там, где нет

птиц, и летучая мышь – птица» (японская) имеют один и тот же инвариант: «Если нет какой-либо вещи, ее заменит (т.е. вместо нее сгодится) другая, даже не обладающая всеми свойствами первой». Благодаря использованию таких инвариантов можно систематизировать пословицы разных народов и культур.

Григорий Львович был смертельно болен и знал это. Многое из того, что он предполагал сделать, оставалось не реализованным². Среди материалов, к которым он уже не предполагал возвращаться, находилась небольшая папка, названная «Загадки народов Востока». Предстояло найти исследователя, имевшего соответствующую квалификацию и склонного – по биографическим обстоятельствам или по психологическому складу – заняться этим новым делом. Таким человеком оказался А.Н. Журинский.

К структурно-семиотическому анализу загадки (и вообще иносказательной речи) Альфред Наумович пришел, имея за плечами совсем иной исследовательский опыт, чем Г.Л. Пермяков. Уже в силу этого он не мог просто следовать тем рекомендациям, которые были даны Григорием Львовичем, который надеялся систематизировать загадки таким же образом, как ему удалось систематизировать пословицы, впрочем, на этом особенно не настаивая, поскольку проект находился лишь в стадии замысла, а вся работа по его осуществлению еще только планировалась. Кроме того, чем больше материала собирал А.Н. Журинский (а им было собрано огромное количество текстов), тем яснее становилось, что классификационная система Г.Л. Пермякова здесь «не работает». Жанр загадки обнаруживал свою кардинальную иноприродность по отношению к пословице, принципы его структурной организации – по сравнению с формально близкими паремиями – оказывались существенно другими. Исследованию этой специфики А.Н. Журинский посвятил несколько весьма оригинальных работ – статьи и книгу³.

Выявить аналогичные инварианты для загадок не удалось, хотя это не означает, что каждая загадка неповторима. В своей книге «Семантическая структура загадки» А.Н. Журинский показал, что для «зашифровывания» загаданной вещи применяются относительно небольшое число приемов. Например, неотъемлемая часть объекта может описываться как отдельная вещь, что и делает описание «загадочным»: «В хлеву сафьяновые сапожки висят. – Коровье вымя» (якут.⁴). Однако эти приемы могут использоваться совместно (в якутской загадке, например, происходит не только «отделение» вымени – неотъемлемая часть описывается как нечто отдельное – сапожки, но и

вместо слова «корова» фигурирует «хлев»). Вероятно, отсутствие инвариантов, аналогичных инвариантам пословиц, связано с различной направленностью жанров загадки и пословицы.

Пословица, как правило, используется с целью убеждения собеседника и отсылает к некоторой общей истине или моральной норме, она ориентирована на социальные отношения. Загадки же ориентированы на мир вещей. Вещей гораздо больше, чем социально значимых истин, и каждую вещь можно увидеть с разных сторон, поэтому каждый сборник загадок – своего рода энциклопедия материальной культуры народа. Типов загадок очень много именно из-за подобного разнообразия вещей. Поэтому и Альфред Наумович классифицирует загадки не так, как первоначально предполагал Г.Л. Пермяков.

Альфред Наумович никогда не торопился, а кроме того был совершенно неспособен заниматься чем-либо, кроме тех предметов, которые его в данный момент увлекали. Охладевая к теме, он оставлял ее на неопределенное время – пока интерес не вернется. Этим объясняется и судьба книги «Загадок народов Востока». За десять лет занятий на месте одной тоненькой папки появилось не менее двух десятков папок толстых (сейчас они занимают целую полку книжного шкафа). Исследователь то надолго откладывал работу, то вновь возвращался к ней. Книга была почти закончена (об этом свидетельствуют большие фрагменты рукописи, уже размеченные для сдачи в издательство, а также продуманная структура книги), однако так и не был подготовлен ее окончательный вариант. Внезапно обнаружилась и стала стремительно развиваться страшная болезнь. Через несколько месяцев А.Н. Журина не стало. Работа, состав и композиция которой несколько отличаются от тех, что зафиксированы в последнем из обнаруженных авторских вариантов оглавления, была завершена и опубликована лишь недавно⁵.

Эта не просто сборник загадок народов мира. Это исследование, посвященное феномену «иносказательной речи» в фольклоре, текстам, которые обладают несколькими смыслами. Вообще, «иносказательные тексты» (паремиологические формы, загадки, притчи и др.) занимают в культурной традиции весьма значительное место. Хотя в силу специфической природы данного материала – прежде всего, установки на семантическую двуплановость – его семиотический анализ является не только чрезвычайно уместным, но и наиболее продуктивным, исследования такого рода до настоящего времени практически не производились. В значительной мере это относится и к такому фольклорному жанру, как загадка, пожалуй, наибо-

лее полно репрезентирующему форму иносказательной речи в устной традиции. Монографические исследования загадок вообще весьма редки, а данной проблематике посвящено лишь несколько работ, опубликованных на русском языке⁶. Наконец, совершенно незатронутым остается компаративный аспект анализа; даже существующие сборники текстов, как правило, посвящены только какой-либо одной традиции.

Книга уникальна как по охвату материала (фольклорные традиции народов, живущих в Азии, Африке, Океании), так и по глубине его проработки; фактически впервые дано общее рассмотрение текстов, по своей жанровой принадлежности смежных с загадкой. Исследуемые тексты введены в этнографический контекст. Семиотическое описание загадок и смежных жанров производится с использованием оригинального инструментария формального анализа. Так, в частности, обнаруживается, что для «зашифровывания» загаданной вещи применяется сравнительно небольшое число приемов (например, неотъемлемая часть объекта описывается как отдельная вещь, что и делает описание «загадочным»), однако эти приемы могут использоваться и совместно, а отсутствие инвариантов, аналогичных инвариантам пословиц, связано с различной направленностью жанров загадки и пословицы.

В окончательном варианте книга состоит из двух частей. Первая часть – аналитическая, она посвящена в основном не загадкам в узком смысле, а смежным жанрам. В первой главе исследуются задачи, дилеммы и рассказы о спорах и тяжбах. Задачи, в свою очередь, делятся на арифметические и логические. В арифметических задачах требуется найти число: «Парню 20 лет, а его другу 50. Когда друг будет вдвое старше?» (вис.). Логические задачи сложным образом описывают некоторую ситуацию, а отгадывающий должен описать ту же самую ситуацию проще или объяснить ее причины. Например: «Кем тебе приходится жена свекра жены твоего брата?» (вис.). Другой, довольно длинный пример: царь решил облететь на самолете свою страну, но отказался от этой идеи, когда сторож поведал ему о вещем сне. Слушающий должен ответить на вопрос: «Почему царь выгнал сторожа?» (армян.). Дилеммы – это разновидность задач, в которых предлагаются варианты ответа и которые при этом часто не имеют однозначного решения. Вопрос, после изложения всех обстоятельств, может формулироваться так: «Один мужчина говорит: “Это моя жена!” – “Нет, врешь, это моя жена!” – говорит другой. Чья же она жена в самом деле? Решай сам!» (афган.). Заметим, что ответ и в случае

задач и в случае дилемм должен найти либо слушатель, либо персонажи повествования.

Рассказы о спорах и тяжбах – это развернутое повествование как о самом вопросе, требующем разрешения, так и об аргументах, которые выдвигаются в пользу того или другого решения. Таким образом, подобные рассказы находятся как бы на более высоком уровне, нежели простое изложение вопроса и ответа – в них также оценивается сам ответ: «Но многие были недовольны судом Маниломби. Дело не в том, где случайно родился ребенок, говорили они; главное, кто его родил. Приговор Маниломби показался людям сомнительным» (лома).

Первые два раздела второй главы посвящены «вопросам о самом-самом» и вопросам о числах. «Вопросы о самом-самом» строятся не на простой смекалке, а на знании некоторых глубоких представлений, свойственных культуре. Например, самым сладким в абхазской и даргинской сказках оказывается сон, а в кхмерской – льстивые речи. Раздел «Вопросы о числах 1, 2, ..., 10» содержит тексты, которые указывают на связь между такими абстрактными объектами как числа и некоторыми важными для культуры предметами: «Отгадай первое! – Можно ли забыть то, что видел однажды? Отгадай второе! – Можно ли выронить то, что держишь обеими руками?» (монг.), «Великан: “Ну, один, один?” Батрак: “Если брать одного человека, то подобного мне нет”. Великан: “Два, два?” Батрак: “Нет ничего такого, чего я не видел бы своими двумя глазами”» (осет.).

Третья глава описывает отношения внутри фонда загадок. В первых двух разделах приводятся загадки с похожими вопросительными частями, но с разными ответами. Раздел «Минимальные пары» включает загадки, которые отличаются только одним семантическим элементом в вопросительной части, так что получают разные ответы: «На всем теле только одно ухо. – Иголка» (кор.), «На всем теле только один глаз. – Соевый боб» (кор.). В разделе «Загадки, объединенные общим признаком» загадки систематизированы в соответствии с некоторыми повторяющимися признаками загаданного объекта, как он описывается в вопросительной части. Например, признаком «не может наестся» объединены такие загадки как «Сколько ни ест, не наедается. – Земля» (перс.); огонь (орок.); трубка для курения (негид.), «Что ненасытно? – Дверь» (коряк.), «У меня есть вол, ест – не наестся. – Печь» (гагауз.), «Чей желудок подобен бездонной бочке? – Муллы» (табас.) и многие другие.

Приложение к первой части включает материалы, относящиеся к иносказательной речи в широком смысле. Это

тексты и отрывки, которые описывают использование такой речи, реакцию на нее персонажей повествования, успех или неудачу ее применения. Дополнительный или непрямой смысл может быть вложен персонажем сознательно или случайно, слушатель может заметить его или не заметить и т.д. Приведем один пример: «К одному из отшельников ночью пробрался вор. Не найдя у него ничего ценного, вор спросил: “Где же все твое имущество?” Отшельник ответил: “Я все припрятал в верхнем доме”. Он говорил о небе» (сир. аф.). Здесь слушающий – вор, не понимает непрямого смысла слов отшельника.

Вторая часть более традиционна, хотя и уникальна по охвату материала – это просто собрание загадок неевропейских народов. Загадки извлечены из множества источников и переведены с множества языков. Неясные места и незнакомые читателю реалии объяснены в комментариях.

В целом это «Систематизированное собрание» позволяет увидеть огромное многообразие культур и фольклорных традиций и в то же время единство человеческого мышления – загадки народов, живущих на разных континентах, иногда похожи как две капли воды.

Примечания

- ¹ О ней можно прочесть в работе: *Пермяков Г.Л.* Пословицы и поговорки народов Востока. 3-е изд. М.: Лабиринт, 2001, а также в «итоговой» книге, задуманной еще самим автором, но составленной лишь после его кончины по сохранившимся наброскам плана: *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- ² См. раздел «Материалы из архива автора», включающий наброски и заметки, которые дают некоторое понятие о неосуществленных планах ученого: *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии, с. 203-221.
- ³ *Журицкий А.Н.* Свертывание и развертывание ситуации в синтезе загадки // Вопросы кибернетики. Вып. 159. Семиотические исследования. М., 1989, с. 90-108; *Журицкий А.Н.* Подмена как элемент сюжета (вопросы классификации) // Жанры словесного текста: Анекдот/ Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1989, с. 87-94; *Журицкий А.Н.* Подмена в основе загадки и поступка // Малые формы фольклора: Сборник статей памяти Г.Л. Пермякова. М.: Восточная литература, 1995; *Журицкий А.Н.* Семантическая структура загадки. М.: Наука, 1989.
- ⁴ Далее использованы следующие сокращения: армян. – армянская, афган. – афганская, вис. – висяя, гагауз. – гагаузская, кор. – корейская, коряк. – корякская, монг. – монгольская, негид. – негидальская, орок. – орокская, осет. – осетинская, перс. – персидская, сир. аф. – сирийская [Абуль Фарадж], табас. – табасаранская, якут. – якутская

- ⁵ Жури́нский А.Н. Загадки народов Востока. Систематизированное собрание / Сост. А.В. Козьмин. М.: ОГИ, 2007.
- ⁶ Литература вопроса, в сущности, исчерпывается немногочисленными наименованиями. Это статьи Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4. М., 1974; Он же. Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978), Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. О ведийской загадке типа *brahmodya* // Паремнологические исследования / Сост. и ред. Г.Л. Пермякова. М.: Наука, ГРВЛ, 1984), небольшая книга А.Н. Жури́нского (Семантическая структура загадки, 1989), коллективный труд в двух частях: Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 1 / Отв. ред. Т.М. Николаева М.: Индрик, 1994; Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2 / Отв. ред. Т.М. Николаева М.: Индрик, 1999.

От редакции:

Фотографии А.Н. Жури́нского, открывающие все три материала нашей мемориальной подборки, предоставлены Т.Ю. Кобзаревой, которой редакция выражает искреннюю благодарность.

Т.Б. Агранат

Водские тексты с поморфемной нотацией¹

В статью вошли 5 текстов на кракольском говоре водского языка, записанные автором в поле. Тексты представлены в фонетической транскрипции, снабжены русским переводом, а также - в фонематической транскрипции с поморфемной нотацией. Водский – миноритарный язык уральской семьи, прибалтийско-финской группы, носители которого, не более 20 человек старшего поколения проживают в двух деревнях на западе Ленинградской области.

Ключевые слова: полевые записи, фонетическая транскрипция, фонематическая транскрипция, глоссирование.

Водский язык относится к прибалтийско-финской группе финно-угорской семьи. В настоящее время водский является самым малочисленным из уральских языков и вторым по малочисленности языком после керекского на территории РФ. Его помнят (в разной степени) не более двух десятков человек, родившихся до Второй мировой войны, проживающие в двух деревнях: Лужицы² и Краколье, у впадения Луги в Финский залив. Говоры этих деревень очень близки, но имеют некоторые фонетические и морфологические различия; оба они относятся к западному диалекту. В древности территория, населенная водью, была гораздо больше, она была ограничена рекой Нарвой на западе, Невой на востоке, Финским заливом на севере и верхним течением рек Луга и Плюсна на юге. В прошлом различались диалекты: кривинский, вымерший в XIX в., см.³, восточный, вымерший в середине XX в., куровицкий, очень сильно ижоризированный и почти вымерший, и западный. Впервые диалектное членение водского языка было предложено Л.Кеттуненом⁴, и традиционно все последующие исследователи придерживались данной классификации, основанной исключительно на исторической фонетике. (О других критериях диалектного членения водского языка см.⁵). По Л.Кеттунену, большинство водских говоров относится к западному диалекту. Комплексные грамматические описания делались только на материале говоров этого диалекта. С точки зрения описанности, больше всего «повезло» котельскому говору, так как на его базе в середине XIX в. А.Алквистом была составлена грамма-

© Агранат Т.Б., 2009

тика и записаны тексты⁶. Затем, в середине XX в. П.Аристэ свое грамматическое описание основывает также на котельском говоре, к тому времени уже практически вымершем, рассматривая параллельно формы и других говоров⁷.

Водский язык никогда не имел письменности и использовался как язык бытового общения, однако в последние годы он утрачивает и эту функцию, так как почти уже не осталось семей, в которых проживает более одного носителя водского языка.

Первые записи относятся к концу XVII в. В XIX в. тексты на водском языке записали Э.Леннрот (они вошли в Калевалу), А.Алквист⁸, О.А.Ф. Мустонен⁹. В XX в. образцы речи с эстонскими переводами публиковали П.Арист¹⁰ и Э.Адлер (тексты на восточном диалекте)¹¹; с переводом на немецкий язык – Ю.Мягистэ¹²; с русскими переводами тексты на водском языке публиковались лишь однажды¹³.

В настоящую подборку вошли тексты, записанные в поле автором от носителей кракольского говора¹⁴. Используется формат, разработанный в рамках проекта LangueDOC группой А.Е. Кибрика (см. <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/>). В данном формате опубликованы тексты на песочко-лужицком говоре¹⁵.

Поскольку «оригинальная графика» отсутствует, водский текст представлен, во-первых, в фонетической транскрипции, затем дается его пофразовый перевод на русский язык и, наконец, в фонематической транскрипции с поморфемной нотацией (гlossированием). Сопоставление фонетической и фонематической транскрипции дает представление о фонетических процессах, происшедших в языке. Что касается фонематической транскрипции, такое представление, с одной стороны, в достаточной степени условно, а с другой, – вызывает определенные трудности. Дело в том, что в сохранившихся говорах очень сильна редукция в безударных слогах. Ударение всегда падает на первый слог, и только в первом слоге гласные фонемы всегда находятся в сильной позиции. В заударных слогах фонемы *a, o, e, ä, ö, õ* могут реализовываться аллофоном [ə], в конце слова они чаще всего редуцируются до *ø*; долгие фонемы в ауслaute могут выступать как краткие аллофоны. За основу при фонематической транскрипции берется намеренно четкое произнесение слова, которое при беглой речи практически никогда не встречается.

Некоторые частотные слова, оканчивающиеся на *-i* в номинативе могут выступать с отпадением гласного, но поскольку *i* в других случаях не редуцируется, принимается решение о том, чтобы считать их вариантами с разным фонемным составом и указывать тот, который был произнесен рассказчиком в

каждом конкретном случае: *suuri~suur* 'большой'; *peen~peeni* 'маленький'.

Звонкие согласные на конце слова оглушаются, но, в отличие от русского языка, в водском языке имеет место сандхи, т.е. в сильной позиции они находятся, если следующее слово начинается на гласную или на звонкую согласную (глухие никогда не озвончаются); слабая позиция – перед словом, начинающемся на глухую, и перед паузой, как в конце, так и в середине предложения.

Для транскрипции в основном используются знаки IPA, за небольшим исключением: гласный среднего ряда среднего подъема передается знаком *õ*, который используется в эстонской орфографии для передачи гласного того же качества; для твердого латерального используется кириллическая *л* (для палатального – *л*, ср. минимальную пару *pallo* 'ком' – *pallo* 'много').

Долгие гласные обозначаются двумя буквами для удобства при членении на морфемы и глоссировании: падежным показателем в некоторых случаях бывает удлинение гласного основы: *õüllä-ä* деревня-ILL. С теоретической точки зрения, здесь имеют место не сегментные морфемы, а операции, но в данном представлении текста одерживает верх критерий наглядности.

Водский язык – агглютинативный, однако существует большое количество двухосновных имен и глаголов (т.е. имеющих одну основу с гласным ауслаутом, а другую – с согласным ауслаутом), а также морфонологические качественные и количественные чередования ступеней, более сложные, чем в других прибалтийско-финских языках. Иногда единственным грамматическим показателем является тип основы, иногда – качественное или количественное чередование согласных основы. В таких случаях в строке глоссирования используется знак точки для разделения элементов плана содержания, не разделенных на сегменты в плане выражения: *sõta* война / *sõa* война.GEN – количественное чередование; *aika* время / *aiga* время.GEN – качественное чередование (номинатив для экономии места в таких случаях не маркируется). К сожалению, никакие специальные пометы для различения типов основ и морфонологических чередований не используются – они сделали бы запись очень громоздкой, добавлять морфонологическую транскрипцию также не представляется возможным, так как ее пришлось бы давать для большинства словоформ. Использование же морфонологической, а не фонологической транскрипции в некоторых случаях сделало бы представление текста менее наглядным. Кроме того, переместился бы акцент с описания синхронного

состояния языка на раскрытие исторических процессов, а подобная цель не ставилась.

При разделении на морфемы мы следуем здесь традиции синхронного описания прибалтийско-финских языков, в рамках которой аффиксы (в известном смысле) стандартны, а основа подвергается разного рода (см. выше) изменениям¹⁶, например: *lehmä* корова / *lehme-d* корова-NOM.PL. Таким образом, по традиции, принимается, что номинатив показателя не имеет, и тогда номинатив имен с чередованием, в которых основа номинатива оканчивается на *-i*, а косвенная основа – на *õ* или *e* (сингармонические варианты), глоссируется также, как в именах без чередования, ср.: *talvi* зима-NOM / *talvõ-a* зима-PART, *tormi* шторм-NOM / *tormi-a* шторм-PART. К сожалению, при таком представлении можно узнать, происходит ли чередование в слове, только если в данном тексте оно встречается в разных словоформах (и только в таком случае можно определить, одна или две основы у слова, ср. двухосновное имя с чередованием: *meri* море-NOM / *mere-e*¹⁷ море-GEN / *mer-tä* море-PART).

Глагол долженствования, имеющий полную парадигму, в строке глоссирования для краткости дается в форме 'должен' с соответствующими показателями.

Исконная форма ЗРЛ почти полностью вытеснилась имперсоналом за некоторым исключением¹⁸. В данную выборку из сохраняющих старую форму попадает, главным образом, отрицательный глагол и один раз встречается полнозначный глагол: *kazvo-vad* расти-PRS.ЗРЛ. В представленных здесь текстах встречаются такие формы (в прошлом обладающие только семантикой имперсонала) как в имперсональном значении, так и в значении ЗРЛ. Глоссировались они одинаково, так как отдавалось предпочтение не синтаксическим, а морфологическим соображениям. Дело в том, что, хотя в презенсе исторически засвидетельствованный памятниками имперсональный показатель в современном языке утратился, в претерите он сохраняется, и сохраняется также ранговая структура словоформы, где маркер претерита стоит правее маркера имперсонала, показатель же ЗРЛ, наоборот, следует за показателем претерита. При морфологической прозрачности словоформы не хотелось бы объединять два показателя в один кумулятивный ЗРЛ и прошедшего времени.

AD в строке глоссирования обозначает адессив/аллатив. В более ранних синхронных срезах показатели этих падежей различались конечным гласным, который в данном говоре отпал; в настоящий момент маркеры этих падежей совпали и выступают в двух позиционно обусловленных алломорфах:

твердая латеральная гемината -лл – в словах с гласными непреднего ряда, палатальная гемината – -ll в словах с гласными переднего ряда.

Причастия глоссируются таким образом: активные (по умолчанию) –PTCP, пассивные – PTCP.PASS, но само по себе такое разделение причастий во многом условно. Традиционные грамматики прибалтийско-финских языков описывают формы на *-nu(d)/-nü(d)* как активные причастия, на *-tu/-tü (-tu/-ttü)* – как пассивные. В целом, их дистрибуция такова, что первые можно было бы считать активными, а вторые – пассивными. Однако этому препятствуют два обстоятельства: во-первых, сосуществование этих форм в одной парадигме – отрицания¹⁹ в имперфекте индикатива. Очевидно, появление в активной парадигме в 3 л. мн. ч. пассивного причастия соотносится с вытеснением исконной формы 3 л. мн. ч. формой имперсонала (см. выше). И во-вторых – причастия на *-tu/-tü (-tu/-ttü)* образуются абсолютно от всех глаголов, независимо от переходности: *tu-tu* (*tuulla* ‘приходить’), *hääli-ttü* (*hääliää* ‘бродить’), *joos-tu* (*jossa* ‘бежать’), такие формы от непереходных глаголов используются только при отрицании в имперфекте (по крайней мере в современном языке).

Практически все водские топонимы имеют русские эквиваленты, причем часто не являющиеся калькой (ср. водск. *Jõgõperä* букв. ‘за рекой’ = русск. *Краколье*). В водской речи всегда употребляются водские названия, в русской речи носителей водского языка – всегда русские названия, они и даются здесь в переводе и в строке глоссирования, за исключением того случая, когда информантка как раз поясняет различие в топонимах Avikko – Кейкино (текст 2).

Условные обозначения

ABL аблатив; AD адессив/аллатив; GEN генитив; EL элатив; ESS эссив; FOC фокус; ILL иллатив; IMP императив; IN инессив; INF INSTK инструктив; INT вопросительность; IPS имперсонал; NEG отрицательный глагол; NMLZ отглагольное имя; NOM номинатив; PART партитив; PASS пассив; PL множественное число; PRS настоящее-будущее время; PST PTCP причастие; SG единственное число; TRNSL транслатив.

Примечания:

¹ Работа поддержана Программой фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации»

- ² Деревня Пески в 1970 г. административно слилась с Лужицами, физически еще раньше эти деревни превратились в один населенный пункт с единым песочко-лужицким говором.
- ³ Видеман Ф. И. О происхождении и языке вымерших ныне кривин. СПб, 1872.
- ⁴ Kettunen L. *Vatjan kielen äännehistoria*. Helsinki, 1930/1915.
- ⁵ Агранат Т.Б. Западный диалект водского языка. М.-Гронинген, 2007. Она же. Малые языки Российской Федерации: водский // Вопросы языкознания. 2008. № 2. С. 65-72.
- ⁶ Ahlquist A. *Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning*, Helsingfors, 1856.
- ⁷ Ariste P. *Vadja keele grammatika*. Tartu, 1948. *Ibid.* A grammar of the Votic language. (Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Vol. 68.) Bloomington-The Hague, 1968.
- ⁸ Ahlquist, op. cit.
- ⁹ Mustonen, O. A. F. *Muistoonpanoja Vatjan kielestä // Virittäjä*, 1883.
- ¹⁰ Ariste P. *Vadja muinasjutte...*; *Ibid.* *Vadja pajatusi*. Tallinn, 1982; *Ibid.* *Vadja rahvalaulud ja nende keel*, Tallinn, 1986 и др.
- ¹¹ Adler E. *Vadjalajste endisajast*. Tallinn 1968.
- ¹² Mägiste J. *Woten Erzählen*, Helsinki, 1959.
- ¹³ Ленсу Я.Я. Материалы по говорам воды // Западно – финский сборник, Л. 1930.
- ¹⁴ Неоценимую помощь при расшифровке и переводе текстов оказала Татьяна Федоровна Прокопенко, носительница песочного-лужицкого говора (1935-2006).
- ¹⁵ Агранат Т. Б. Водский язык // Малые языки и традиции: существование на грани. Вып. 2. 2008. С. 90-129.
- ¹⁶ В принятой модели синхронного описания некоторых других уральских языков, например, венгерского, допускается большая вариативность аффиксов при стандартности (опять же в известном смысле) основы, при том что исторические процессы в этих языках происходили в основном сходные.
- ¹⁷ У генитива на синхронном уровне показатель отсутствует, глоссирование удлинения гласного основы как показателя генитива – принятая условность, исторически гласный удлинился в закрытом слоге перед ныне отпавшем показателем генитива *-n.
- ¹⁸ См. об этом у: Агранат Т.Б. Живые процессы в вымирающем языке // Третья зимняя типологическая школа. М., 2002. С. 95-96.
- ¹⁹ При отрицании по лицам изменяется отрицательный глагол, а смысловой глагол представлен специальными неспрягаемыми формами, в которых маркируется время и наклонение.

Текст 1. Медведь

Текст записан летом 1995 года в дер. Краколье, рассказчик - Цикало Елена Ивановна, родилась в дер. Краколье в 1926 г., во время войны выезжала в Финляндию, после войны жила в Ярославской обл., затем вернулась в родную деревню. Муж не был носителем водского языка, с ним и с детьми говорила по-русски, но с сестрами и братом, которые проживали в той же деревне, до самой кончины (в 2001 г.) говорила по-водски.

(1) miä niku tahon jutõлл / mitä miä mälehtin / ku miлл karu tuli võõгõzi // (2) ühel ohtogo isun лавва takkan / oottәlin tüttöä tüüss // (3) tüttö miлл čäүр tüüs / no kuza telefonad õлла kõik // (4) i oottән / oottән / eb õлә / eb õлә // (5) аваазин аккунa авә / kacon / mikälä niku тооб roo takant / neelle жалга ka тоор // (6) no / duman / migä tämä neelle жалга ka тоор // (7) čäässij ka nejer тулõма // (8) kacon / tuli joo minu аккунa lossi sihe karu // (9) karu tuli ihan kaivon lossi // (10) miä saon / no / tere // (11) migä siлл on tarvis // (12) miä saon / miä vet tože õn ühsinnä // (13) a siä mee sinne / a seel on тооž naizikko ilm mees eläp // (14) karu seisi / seisi kahәлл лаарәлл / i lähsi sinne роолл menemä // (15) meni sinn niku sai minnua толкуa minus / kõik arvu sai kõig //

(1) Я хочу рассказать, что я помню, как ко мне медведь пришел в гости. (2) Однажды вечером сижу за столом, ждала дочь с работы. (3) Дочь моя ходит на работу, ну, где телефоны есть. (4) И жду, жду, нету, нету. (5) Открыла окно, смотрю: что-то такое идет за тростником, на четырех ногах идет. (6) Но, думаю, что на четырех ногах идет. (7) Руками будет идти. (8) Смотрю: уже пришел к моему окну сюда медведь. (9) Медведь пришел прямо к колодцу. (10) Я говорю: «Ну, здравствуй! (11) Что тебе надо?». (12) Я говорю: «Я тоже одна. (13) А ты иди вон туда, там тоже женщина без мужа живет». (14) Медведь стоял, стоял на двух лапах и отправился в ту сторону. (15) Пошел туда, как будто понял меня, все от меня пошел.

Текст 1. Медведь

1.	miä	niku	taho-n	jutðлл-a	mitä	miä	
	я	как бы	хотеть-PRS.1SG	рассказать-INF	что-PART	я	
	mäleht-i-n	ku	mi-лл	karu	tul-i-ø	võðrõzi	
	помнить-PST-1SG	как	я-AD	медведь	приходить-PST-3SG	в.гости	
2.	ühe-l	ohtogo	isu-n	lavva	takkan		
	один-AD	вечер	сидеть-PRS.1SG	стол.GEN	за		
	oottõl-i-n	tüttõ-ä	tüü-ssä	3.	tüttõ	mi-лл	čäü-b
	ждать-PST-1SG	дочь-PART	работа-EL		дочь	я-AD	ходить-PRS.3SG
	tüü-z	no	kuza	telefona-d	õлла	kõig	4. i
	работа-IN	ну	где	телефон-NOM.PL	быть.PRS.IPS	все	и
	oottõ-n	oottõ-n	e-b	õл-лу	e-b		
	ждать-PRS.1SG	ждать-PRS.1SG	NEG-PRS.3SG	быть-PTCP	NEG-PRS.3SG		
	õл-лу	5.	ava-zi-n	akkuna-a	avõð	kaco-n	
	быть-PTCP		открывать-PST-1SG	окно-GEN	открытый	смотреть-PRS.1SG	
	mikä=le	niku	too-b	roo	takand	neellä	jalga-a
	что-то	как.бы	идти-PRS.3SG	тростник.GEN	за	четыре	нога-GEN
	ka	too-b	6.	no	duma-n	migä	tämä
	с	идти-PRS.3SG		ну	думать-PRS.1SG	что	он
	jalga-a	ka	too-b	7.	čäsi-j-õ	ka	nõjzõ-b
	нога-GEN	с	идти-PRS.3SG		рука-PL-GEN	с	стать-PRS.3SG
	tulõ-ma	8.	kaco-n	tul-i-ø	joo	minu	
	приходить-NMLZ.ILL		смотреть-PRS.1SG	приходить-PST-3SG	уже	я.GEN	
	akkuna-a	lossi	sihe	karu	9.	karu	tul-i-ø
	окно-GEN	к	сюда	медведь		медведь	приходить-PST-3SG
	kaivo-o	lossi	10.	miä	sao-n	no	tere
	колодец-GEN	к		я	сказать-PRS.1SG	ну	здравствуй
	11.	migä	si-лл	on	tarvis	12.	miä
		что	ты-AD	быть. PRS.3SG	надо		я
	vet	tože	õ-n	ühsinnä	13.	a	siä
	ведь	тоже	быть-PRS.1SG	в.одиночестве		а	ты
	sinne	a	seel	on	tož	naizikko	ilma
	туда	а	там	быть. PRS.3SG	тоже	женщина	без
	elä-b	14.	karu	seis-i-ø	seis-i-ø	kahõ-лл	
	жить-PRS.3SG		медведь	стоять PST-3SG	стоять-PST-3SG	два-AD	
	лаарõ-лл	i	lähs-i-ø	sinne	роолõ-лл	mene-mä	
	лапа-AD	и	отправляться PST-3SG	туда	сторона-AD	идти-NMLZ.ILL	
	15.	men-i-ø	sinne	niku	sa-i-ø	minnua	толку-a
		идти-PST-3SG	туда	как.будто	получить PST-3SG	я.PART	толк-PART
	minu-ssa	kõig	arvo-o	sa-i-ø	kõig		
	я-EL	все	ум-GEN	получать PST-3SG	все		

(16) nu / midä vel // (17) a perrä se karu tappatti vällä // (18) se karu öli peenenⁱ // (19) tätä nee matrosit / kummat laivas seell tehti tüt / kuss le tätä saati mecäss / i pikrais kazvətətti // (20) i kuniis öli peni / hüü tätä peetti seell laivəs // (21) a siz joo neisi tämä / kui jutелла niku / neisi inimisije takka joonittəma // (22) a tuli stancase / sell stancəss ku pojezd tuli / siis väči čäüti kacomas / niku cirk öli / vot // (23) nii i petteriss čäütti tuliti väči / kōik тулли kacoma / krounštətiss čäüti kacomas tätä / niku cirk öli // (24) tämä leži / tältä čüzütti / karулт / nast'a / juttə / kui humalkaz makkap // (25) a tämä siiz näütəb // (26) paab sene лаара õma pää нала / i makkap // (27) a humalikaj ep suvanu // (28) humalikat ku тулли лоossi mättis' / лаара ka antama päätä müütä neile // (29) a siz neisi inimisijə takka joonittəma //

(16) Ну что еще? (17) А после этого медведя убили. (18) Этот медведь был маленький. (19) Его эти матросы, которые на корабле там работали, откуда его нашли из леса и маленького выращивали. (20) И пока был маленький, они его держали там на корабле. (21) А потом уже он стал, как говорят, за людьми бегать. (22) А пришел на станцию, как поезд придет, тогда народ собирался смотреть, как цирк был, вот. (23) Так из Питера приезжал, приезжал народ, все приходили смотреть, из Кронштадта приезжали смотреть, как цирк был. (24) Он лежал, у него спрашивали: «Настя, скажи, как пьяный спит». (25) А он тогда показывает. (26) Положит лапу себе под голову и спит. (27) А пьяных не любил. (28) Пьяные как приходили смотреть, так старался дать лапой по голове им. (29) А потом стал за людьми бегать.

ⁱ Такая форма появилась под влиянием финского языка, по-водски должно быть *reen*.

16. nu midä veel	17. a perrä se karu
ну что.PART еще	а после этот медведь.GEN
tappõ-tt-i vällä	18. se karu õl-i-ø peenen
убивать-IPS-PST прочь	этот медведь быть PST-3SG маленький
19. tätä matrosi-d kumma-d nee laiva-z seel	
он.PART матрос- NOM.PL который- NOM.PL тот. PL корабль-IN там	
teh-t-i tüü-tä tätä kussa=le saa-t-i mecä-ssä	
делать-IPS-PST работа-PART он.PART откуда-то получать-IPS-PST лес-EL	
i pikrais kazvatõ-tt-i	20. i kuniz õl-i-ø
и маленький.GEN растить-IPS-PST	и когда быть-PST-3SG
peeni hüü tätä pee-tt-i seel laiva-z	
маленький они он. PART держать-IPS-PST там корабль-IN	
21. a siiz joo nõis-i-ø tämä kui jutõ-лла	
а тогда уже стать PST-3SG он как говорить-PRS.IPS	
niku nõis-i-ø inimis-ij-õ takka joonitta-ma	22. a
как.бы стать-PST-3SG человек-PL-GEN за бегать-NMLZ.ILL	а
siiz tul-i-ø stancaa-se ku pojezda tul-i-ø	
тогда приходить-PST-3SG станция-ILL как поезд приходить PST-3SG	
seel stanca-z väči čäü-t-i kacco-ma-z čäü-t-i	
там станция-IN народ ходить-IPS-PST смотреть-NMLZ-IN ходить-IPS-PST	
tul-t-i väči kõig niku cirk õl-i-ø vot	
приходить-IPS-PST народ все как цирк быть-PST-3SG вот	
tul-t-i tätä kacco-ma krounštati-ssa	
приходить-IPS-PST он. PART смотреть-NMLZ.ILL Кронштадт-EL	
čäü-t-i kaco-ma-z niku cirk õl-i-ø	
ходить-IPS-PST смотреть- NMLZ.IN как цирк быть-PST-3SG	
24. tämä lež-i-ø tä-ltä čüzü-tt-i karu-lta	
он лежать PST-3SG он-ABL спрашивать- IPS-PST медведь-ABL	
nast'a juttõ kui humalikaz makka-b	25. a
Настя сказать.IMP.2SG как пьяный спать-PRS.3SG	а
tämä siiz näütä-b	26. paa-b sene лаара-а
он тогда показывать-PRS.3SG	класть-PRS.3SG этот.GEN лапа-GEN
õma pää nala i makka-b	27. a humalika-j-õ
свой голова.GEN под и спать-PRS.3SG	а пьяный-PL-PART
e-b suva-nnu	28. humalika-d ku tul-t-i
NEG-PRS.3SG любить-PTCP	пьяный-NOM.PL как приходить-IPS-PST
лоossi mätti-ssä anta-ma pää-tä	
к протискиваться-PRS.IPS давать-NMLZ.ILL голова-PART	
müütä ne-i-l	29. a siiz nõis-i-ø inimis-ij-õ
по тот-PL-AD	а тогда стать-PST-3SG человек-PL-GEN

(30) i nee kõns лавкасс тулла kõik õsõta / mitä seell õsõta / kacota seell karu takkan toop // (31) a jooss ennä eb või / tämä heittü kõvassi // (32) siiz mitä kõik seell õli sumkas tämä ain karull viskasko // (33) kana munij õli kahsi d'es'atka / kana munij visko seell karull / peečenit õllti / leip / mitä seell / kõik /kõik karull visko // (34) kunis karu süüp / seell aika taaz joohzep // (35) üvä aika joohzep // (36) joohzep / joohzep / a karu taas oon siinn samaas // (37) karu veel čirep joohzep // (38) a vot siz / a peräs siz joo neisi tämä čäümä / sai kõik mesi pacat // (39) mesi paccaj müüt õli tämä / jo rajoll õli / i siz õli meil kassin jögõperäll / õli škoulu i paraika seell õli / seell tož õllti mesi pacat // (40) mee tõmpõs' vällä i лаара ka seell i kõik rikkone // (41) a sis perrä tätä ammutti pois //

(30) И они когда из магазина идут, там все купят, что там купят, смотрят, там сзади медведь идет. (31) А бежать больше не может, он испугался сильно. (32) Тогда все, что там было, в сумке, он тогда все медведю бросал. (33) Яйца были, два десятка, яйца пусть кидает этому медведю, печенья были, хлеб, что там, все, все медведю бросал. (34) Пока медведь ест, он тем временем опять бежит. (35) Хорошее время бежит. (36) Бежит, бежит, а медведь опять здесь. (37) Медведь еще быстрее бежит. (38) А вот тогда, а после уже стал ходить, достал все улья // (39) По ульям был он, уже в Межниках был и потом был здесь у нас в Краколье, была школа, в школе и сейчас тоже были улья. (40) Мед вытащил и лапой там и все сломал. (41) А потом его застрелили.

takka	joonitta-ma	30.	i	nee	kõns	lavka-ssa
за	бегать-NMLZ.ILL		и	тот.PL	когда	магазин-EL
tulla	kõig	õsõ-ta	mitä	seel	õsõ-ta	
приходить-PRS.IPS	все	покупать-PRS.IPS	что.PART	там	купить-PRS.IPS	
kaco-ta	seel	karu	takkan	too-b	31.	a
смотреть-PRS.IPS	там	медведь	сзади	идти-PRS.3SG		а
joos-sa	ennä	e-b	või	tämä	heittü	kõvassi
бежать-INF	вперед	NEG-3SG	мочь	он	бояться.PST.3SG	очень
32.	siiz	mitä	kõig	seel	õl-i-ø	sumka-z
	тогда	что.PART	все	там	быть-PST-3SG	сумка-IN
ain	karu-лл	viskas=ko	33.	kana	muni-j-õ	
только	медведь-AD	бросать=IMP.3SG		курица.GEN	яйцо-PL-PART	
õl-i-ø	kahsi	десятка	kana	muni-j-õ	visko	
быть-PST-3SG	два		курица.GEN	яйцо-PL-PART	бросать.PST.3SG	
seel	karu-лл	peçeni-d	õлл-t-i	leipä	mitä	seel
там	медведь-AD	печенье-NOM.PL	быть-IPS-PST	хлеб	что.PART	там
kõig	kõig	karu-лл	visko	34.	kunis	karu
все	все	медведь-AD	бросать.PST.3SG		пока	медведь
süü-b	see-l	aika	joohze-b	taaz	35.	üvä
есть-PRS.3SG	этот-AD	время	бежать-PRS.3SG	снова		хороший
aika	joohze-b	36.	joohze-b	joohze-b	a	karu
время	бежать-PRS.3SG		бежать-PRS.3SG	бежать-PRS.3SG	а	медведь
taaz	on	siin	sama-z	37.	karu	veel
снова	быть.PRS.3SG	здесь	такой-IN		медведь	еще
joohze-b	38.	a	vot	siiz	a	peräs
бежать-PRS.3SG		а	вот	тогда	а	потом
nõis-i-ø	tämä	čäü-mä	sa-i-ø	kõig	mesi	
стать PST-3SG	он	ходить-NMLZ.ILL	получать-PST-3SG	все	мед	
paca-d	39.	mesi	paca-j-õ	müütä	õli-ø	tämä
улей- NOM.PL		мед	улей-PL-PART	по	быть-PST-3SG	он
rajo-лл	õli-ø	i	siiz	õl-i-ø	mei-l	kassin
Межники-AD	быть PST-3SG	и	тогда	быть-PST-3SG	мы-AD	здесь
jõgõperä-ll	õl-i-ø	škoulu	i	paraika	seel	õl-i-ø
Краколье-AD	быть-PST-3SG	школа	и	сейчас	здесь	быть-PST-3SG
seel	tož	õлл-t-i	mesi	paca-d	40.	mee
здесь	тоже	быть-IPS-PST	мед	улей- NOM.PL		мед.GEN
tõmpõs-'-ø	vällä	i	лаара-a	ka	seel	i
вытаскивать-PST-3SG	прочь	и	лапа-GEN	с	там	и
rikkone	41.	a	siiz	perrä	tätä	ammu-tt-i
ломать.PST.3SG		а	тогда	после	он.PART	стрелять-IPS-PST
						poiz
						прочь

(42) kõvassi õli joo pelletti väči häülüä čüllää müüt // (43) nu / taita kõik / лорпу //

(42) Очень уже боялся народ ходить по деревне. (43) Ну, наверно, все, конец.

Текст 2. Президент ижорскойⁱⁱ нации

Текст записан летом 1995 г. в дер. Краколье, рассказчик - Цикало Елена Ивановна.

(1) no / veel mitä miä teil juttæn // (2) juttæn sitä / što ku miä veel õlin pikrain / veel škoullus čäin / no nellenæs klassæs čäin / i мiлл on seuko / poik лаһс / tätä f'ed'assi kuccutti //(3) i vot müü ühes klassæs čäimm // ühte voottä õmm / tož čäin tämä ka / nu vot / müü laulimm üvässi // (4) i siiz meil õli se / nu / лаулу урокк õli // meit panti лаулума //(5) müü kahә čezze nõizimm eestä parra лоossi / kahә čezze seizemma / nõizemma лаулама //(6) müü ku nõizemm niku čerikos sell krõlsat лаулата // (7) voot / koko класс tokup parra pääl / nagrëta // (8) f'ed'a see suutup / ep taho nõiss лаулума // (9) miä taas čüzüz / f'ed'a davaj nõmm лауләма // (10) f'ed'a / značit / taas algæmm / müü memm niku kahs äänt / taaz niku se čeriko лаулу // (11) nee lahzet taas kõvassi tokuta nagrëta // (12) siis laulimm sitä лаулуа / siiz venäjä лаулуа panti лауләма //

(1) Ну еще что я вам расскажу (2) Расскажу то, что, когда я еще была маленькая, еще в школу ходила, в четвертый класс ходила, и у меня был двоюродный брат, его звали Федя. (3) И вот мы в один класс ходили, одногодки, я тоже ходила с ним, ну вот, мы пели хорошо. (4) И тогда у нас был урок пения, нас заставляли петь. (5) Мы вдвоем встали сначала перед партой, вдвоем встали, стали петь. (6) Мы как стали как в церкви на крыльце поют. (7) Вот, весь класс падает на парты, смеются. (8) Федя этот сердится, не хочет начинать петь. (9) Я опять прошу: «Федя, давай будем петь!» (10) Федя, значит... опять начинаем, мы идем как два голоса, опять как эта церковная песня. (11) Те дети опять очень падают, смеются. (12) Тогда пели эту песню, тогда русскую песню заставили петь.

ⁱⁱ Водь по-русски иногда называет себя ижорой, по-водски самоназвание *vad'd'alaised* сохраняется, подробно см. Агранат Т.Б. Западный диалект водского языка, М-Гронинген, 2007. С. 7.

42. kōvassi ðl-i-ø joo pelle-tt-i väči häülü-ä
очень быть- PST-3SG уже бояться- IPS-PST народ гулять-INF

čüllä-ä müütä 43. nu taita kōig лорпу
деревня-PART по ну наверно все конец

Текст 2. Президент ижорской нации

1. no veel mitä miä te-i-l jutta-n 2. jutta-n
ну еще что.PART я вы-PL-AD сказать-PRS.1SG сказать-PRS.1SG

sitä što ku miä veel ðl-i-n pikkarain veel škoulu-z
этот.PART что как я еще быть- PST-1SG маленький еще школа-INF

čä-i-n no nellänä-z klaassa-z čä-i-n i mi-ll
ходить- PST-1SG ну четвертый-INF класс-INF ходить- PST-1SG и я-AD

on seuko poika lahs tä-tä f'ed'a-ssi kuccu-tt-i
быть-PRS.3SG двоюродный мальчик ребенок он-PART Федя-TRNSL звать-IPS-PST

3. i vot müü ühe-z klaassa-z čä-i-mmä üh-tä voo-tta
и вот мы один-INF класс-INF ходить- PST-1PL один-PART год-PART

ð-mma tož čä-i-n tämä ka nu vot müü laul-i-mma
быть-PRS.1PL тоже ходить- PST-1SG он.GEN с ну вот мы петь- PST-1PL

üvässi 4. i siiz me-i-l ðl-i-ø se nu лаулу-u urokk
хорошо и тогда мы-PL-AD быть- PST-3SG этот ну песня-GEN урок

ðl-i-ø me-i-tä pan-t-i лауло-ма 5. müü
быть- PST-3SG мы-PL-PART ставить-IPS-3SG петь-NMLZ.ILL мы

kahõ=čezze nõiz-i-mma eestä parra лоossi kahõ=čezze
вдвоем статья- PST-1PL сначала парта.GEN около вдвоем

seize-mma nõizð-mma лауло-ма 6. müü ku nõiz-i-mma niku
стоять-PRS.1PL статья-PRS.1PL петь-NMLZ.ILL мы как статья- PST-1PL как

čeriko-z sell krõlsa-d лауло-та 7. vot koko klaassa
церковь-INF там крыльцо-PL петь-PRS.IPS вот весь класс

toku-b parra pääl nagra-ta 8. f'ed'a se
падать-PRS.3SG парта.GEN на смеяться-PRS.IPS Федя тот

suutu-b e-b taho nõi-ssa лауло-ма 9. miä taaz
сердиться-PRS.3SG NEG-3SG хотеть статья-INF петь-NMLZ.ILL я опять

čüzü-n f'ed'a давай nõ-mma лауло-ма 10. f'ed'a
просить-PRS.1SG Федя статья-PRS.1SG петь-NMLZ.ILL Федя

значит тааз алгð-mma müü me-mmä niku kahs ään-tä
опять начинать-PRS.1SG мы идти-PRS.1SG как два голос- PART

taaz niku se čeriko-o лаулу 11. nee lahžð-d тааз
опять как этот церковь-GEN песня этот.PL ребенок-NOM.PL опять

kōvassi toku-ta nagra-ta 12. siiz laul-i-mma sitä
очень падать-PRS.IPS смеяться-PRS.IPS тогда петь- PST-1PL тот.PART

лаулу-а siiz venäj-ä лаулу-а pan-t-i лаула-ма
песня-PART тогда русский-PART песня-PART класть-IPS-PST петь-NMLZ.ILL

Т.Б.Агранат

(13) a venäjä лаули он «Ой вы кони, вы кони стальные...» // (14) kahə čezze sitä лаулуа мүу üvässi лаулимм / sitä i tämä көvassi suvas / sell ðli niku революционная песня, лаулутус // (15) siis лэрəтimm мүу klassa лоррүсс / sõta tuli // (16) saksəlaizet тulti меил // (17) мүу majəs net лэрəтimm škouли a augusti куул joo тulti saksəlaizet //(18) nu vot / a peräs siiz меил nelle čümmət көлмənəлл voovəлл piti kazitt vällä / мүу ðlimm soomas //(19) tože čäin көđig nee лагерит / ðlimm клоогас / viiroz ðlimm // (20) siiz ðlimm hankoz ðlimm / a siiz ðlimm joo soomas ihan sooməтаал //(21) piti voosi aika / a sell siiz тulti takas // (22) kotto evät tootu / va tooti / kui se juttəлла / kui tämä тоор / губерния область // (23) sell мүу тааз voosi ðlimm //(24) мiлл ðli rodnoi велло veel ðli / tämä ðli sõaz i siiz tämä sai täätää što мүу ðmm елос koko perä //(25) i tämä siz tuli moskovassa i значит sai täätää kuza мүу ðmm

(13) А русская песня - «Ой вы кони, вы кони стальные...» (14) Вдвоем эту песню мы хорошо пели, эту и он очень любил, это была как бы революционная песня (15) Тогда закончили мы класс, война пришла. (16) Немцы пришли к нам. (17) Мы в мае вот закончили школу, а в августе месяце уже пришли немцы. (18) Ну вот, а потом тогда нам в 43-ем году надо было отсюда прочь, мы были в Финляндии. (19) Я тоже была... все эти лагеря... мы были в Клооге, в Эстонии были. (20) Потом были в Ханко, а потом были уже в Финляндии, в самой Финляндии. (21) Надо было год (там быть), а потом вернулись обратно. (22) Домой не попали, только попали, как это сказать, губерния область. (23) Там мы опять год были. (24) У меня был родной брат еще, он был на войне, и тогда он узнал, что мы живы, вся семья. (25) И тогда он приехал из Москвы и, значит, узнал, где мы есть.

13. a venäi лаулу on ой вы кони, вы кони стальные
 а русский песня быть.PRS.3SG
14. kahõ=čezze sitä лаулу-a müü üvässi laul-i-mma
 вдвоем тот.PART песня-PART мы хорошо петь-PST-1PL
 sitä i tämä kõvassi suvas sell õl-i-ø niku
 тот.PART и он очень любить.PST.3SG там быть-PST-3SG как
 революционная песня лаулутуз 15. siiz lõpõd-i-mma müü kuus
 пение тогда кончать-PST-1PL мы шесть
 klaassa лоппу-ssa sõta tul-i-ø 16. saksalaizõ-d
 класс.PART кончатся-PRS.IPS война приходить-PST-3SG немец-NOM.PL
 tul-t-i me-i-l 17. müü maja-z näd lõpõd-i-mma škoulu
 приходить-IPS-PST мы-PL-AD мы май-IN вот кончать-PST-1PL школа.GEN
 a augusti kuu-л joo tul-t-i saksalaizõ-d 18. nu vot a
 а август месяц-AD уже приходить-IPS-PST немец-NOM.PL ну вот а
 peräz siiz me-i-l nellä čümme-ttä kõlmõnõ-лл voovõ-лл
 потом тогда мы-PL-AD четыре десять-PART третий-AD год-AD
 pi-tt-i kazitta vällä müü õl-i-mma sooma-z 19. tože
 держать-IPS-PST отсюда прочь мы быть-PST-1PL Финляндия-IN тоже
 čä-i-mmä kõig nee lageri-d õl-i-mma klooga-z viiro-z
 ходить-PST-1PL все тот.PL лагерь-NOM.PL быть-PST-1PL Клоога-IN Эстония-IN
 õl-i-mma 20. siiz õl-i-mma hanko-z õl-i-mma a siiz
 быть-PST-1PL тогда быть-PST-1PL Ханко-IN быть-PST-1PL а тогда
 õl-i-mma joo sooma-z ihan sooma maa-л
 быть-PST-1PL уже Финляндия-IN совсем Финляндия.GEN земля-AD
 21. pi-tt-i voosi aika-a a sell siiz tul-t-i
 держать-IPS-PST год время-PART а там тогда приходить-IPS-PST
 takaz 22. kotto-o e-väd too-tu va too-t-i kui
 назад дом-ILL NEG-3PL попадать-PTCP.PASS только попадать-IPS-PST как
 se juttõ-лла niku jaroslavskoi kui tämä too-b губерния
 этот сказать-INF как ярославский как он идти-PRS.3SG
 область 23. sell müü taas voosi õl-i-mma 24. mi-лл õl-i-ø
 там мы опять год быть-PST-1PL я-AD быть-PST-3SG
 rodnoi велло veel õl-i-ø tämä õl-i-ø sõa-z i siiz
 родной брат еще быть-PST-3SG он быть-PST-3SG война-IN и тогда
 tämä sa-i-ø tää-tä što müü õ-mma eloz koko pere
 он получать-PST-3SG знать-INF что мы быть-PRS.1PL живой весь семья
 25. i tämä siiz tul-i-ø moskova-ssa i значит
 и он тогда приходить-PST-3SG Москва-EL и

Т.Б.Агранат

//(26) kacco neit paperij müüt i tuli meil iaroslavsku gubernise //(27) tuli meit võtõma vällä //(28) tõi mejet kottosə takas kõik koko perä //(29) pere to meil õli maam да таат да nelle sõzart meit õli/ да kõlmət веллоа //(30) kaks веллоа müü õlimm soomas / a kõlməis sõas õli //(31) siiz meitə taas nelle kuuta petti / meit taas vällä aetti //(32) taaz meitə evät čirjutəttu sihe // (33) taas saatətti meitə kui niku kui se jutəllə niku неблагонадежно / kui jutəлла // (34) nu saatətti vällä taas missi müü õlimm saksəlaisij палл / i što müü õmm niku fašistət taita // (35) siis taas велло sai tätä što müü õmm / meitə aetti vällä kazittə //(36) велло siiz taas meni moskovase i siiz taas tõi paperit siz meiet taas tõi seltə //(37) a müü õlimm čülä Кейкино / sell čüläs aavikko / meje visi on aavikko //(38) aavikoss taas tõi kottosə meitə //(39) i siiz meitə kauga конечно piivətti / kui sell ain jutəlti неправильно не прописывали

(26) Посмотрел те бумаги и приехал к нам в Ярославскую губернию. (27) Приехал нас забрать. (28) Привез нас домой назад всех, всю семью. (29) Семья-то у нас была: мама, да папа, да четверо сестер нас было, да три брата. (30) Два брата были в Финляндии, а третий на войне был. (31) Потом нас опять четыре месяца держали, нас обратно прочь прогнали. (32) Опять нас не прописывали здесь. (33) Опять отправили нас как, как это сказать, как неблагонадежных, как сказать. (34) Ну, отправили прочь опять, потому что мы были под немцами и что мы как фашисты, наверно. (35) Тогда опять брат узнал, что мы... нас выгнали прочь отсюда. (36) Брат тогда опять поехал в Москву и тогда опять привез бумаги, тогда нас опять привез сюда. (37) А мы были в деревне Кейкино, здесь, в деревне Авикко, по-нашему Авикко. (38) Из Кейкино опять привез нас домой. (39) И тогда нас долго, конечно, держали, как там все говорили, неправильно, не прописывали.

sa-i-ø	tää-tä	kuza	müü	õ-mma	26.	kacco
получать-PST-3SG	знать-INF	где	мы	быть-PRS.1PL		смотреть-PST-3SG
ne-i-tä	paperi-j-õ	müüt	i	tul-i-ø		me-i-l
тот-PL-PART	бумага-PL-PART	по	и	приходить-PST-3SG		мы-PL-AD
iaoslavsku	guberni-se	27.	tul-i-ø			me-i-tä
Ярославский	губерния-ILL		приходить-PST-3SG			мы-PL-PART
võdõ-ma	vällä	28.	tõ-i-ø			me-i-tä kotto-se
брат-NMLZ.ILL	прочь		приводить-PST-3SG			мы-PL-PART дом-ILL
takaz	kõig	koko	pere-e	29.	pere	mo me-i-l õl-i-ø
назад	все	весь	семья.GEN		семья	мы-PL-AD быть-PST-3SG
maama	da taata	da nellä	sõzar-ta		me-i-tä	õl-i-ø da
мама	папа	четыре	сестра-PART		мы-PL-PART	быть-PST-3SG
kõlmõd	велло-a	30.	kahs	велло-a	müü	õl-i-mma sooma-z
три	брат-PART		два	брат-PART	мы	быть-PST-1PL Финляндия-IN
a kõlmõiz	sõa-z	õl-i-ø	31.	siiz	me-i-tä	taaz nellä
а третий	война-IN	быть-PST-3SG		тогда	мы-PL-PART	опять четыре
kuu-ta	pe-tt-i		me-i-tä	taaz	vällä	ae-tt-i 32. taaz
месяц-PART	держать-IPS-PST		мы-PL-PART	опять	прочь	гнать-IPS-PST опять
me-i-tä	e-väd	čirjuta-ttu	sihe	33.	taaz	saatõ-tt-i
мы-PL-PART	NEG-3PL	писать-PTCP.PASS	сюда		опять	получать-IPS-PST
me-i-tä	kui niku	kui se	jutõ-лла	niku	<i>неблагонадежно</i> kui	
мы-PL-PART	как как.бы	как	этот	сказать-INF	как.бы	как
jutõ-лла	34.	nu saatõ-tt-i	vällä	taaz	missi	müü õl-i-mma
сказать-INF		ну	получать-IPS-PST	прочь	опять	потому.что мы быть-PST-1PL
saksalais-i-jõ	налл	i što	müü	õ-mma	niku	fašista-d taita
немцы-PL-GEN	под	и что	мы	быть-PRS.1PL	как	фашисты-NOM.PL наверно
35.	siiz	taaz	велло	sa-i-ø	tää-tä	što müü õ-mma
	тогда	опять	брат	получать-PST-3SG	знать-INF	что мы быть-PRS.1PL
me-i-tä	ae-tt-i		vällä	kazitta	36.	велло siiz taaz men-i-ø
мы-PL-PART	гнать-IPS-PST		прочь	отсюда		брат тогда опять идти-PST-3SG
moskova-se	i siiz	taaz	tõ-i-ø		paperi-d	siiz
Москва-ILL	и	тогда	опять	приносить-PST-3SG	бумаги-NOM.PL	тогда
me-i-tä	taaz	tõ-i-ø		seltä	37.	a müü õl-i-mma
мы-PL-PART	опять	приносить-PST-3SG		сюда		а мы быть-PST-1PL
čülä	<i>Кейкино</i>	sell	čülä-z	aavikko	me-j-e	viisi
деревня		там	деревня-IN	Аавикко	мы-PL-GEN	образ
on	aavikko	38.	aavikko-ssa	taaz	tõ-i-ø	kottoo-se
быть.PRS.3SG	Аавикко		Аавикко-EL	опять	приносить-PST-3SG	дом-ILL
me-i-tä	39.	i siiz	me-i-tä	kauga	<i>конечно</i>	piivõ-tt-i kui
мы-PL-PART		и	тогда	мы-PL-PART	долго	мучить-IPS-PST как

Т.Б.Агранат

//(40) i siiz perä viimitə tämä sai paperit čattəsə / siiz meit čirjutetti kottose //(41) no siin joo kōik perä sōa ело конечно ōli niku rankə //(42) teimm kōiki / voot i se velllo / seuko minu / se velllo tämä ōli mokomain nalja kōvassi laski i kōvassi suuvas kampania //(43) viina joo nōisi juuma / joo pallo tällä voosij ōli / kahčümme kōlmet taita ōli i siiz tämä ühs kōrta ōli / mitä tämä sell teči / tätä panti türmäse issuma //(44) i türmäš tämä issu / kahsi voott ku isub / voosi on koton / taaz on türmäšə päznü // (45) mitä le taaz teb / türmäšə päzeb i koko tämä ело meni türmäš // (46) seice teišümet voott issu türmäš // (47) a vot siiz ku türmäšə тооб kottose ku kasin tämä entes niku tämä ōli se kui se jutəлла (48) // miä / juttəli / miä õn президент ижорской нации //(49) nu / voot / i siiz lauli venäi лаули / lauli venäi лаулуа tämä / lauli mokomais ku isup / siiz juttəp / скатерть белая залита вином / все ижоры спят непробудным сном / лишь один не спит / пьет он волжское за здоровычко за ижорское //

(40) И тогда, потом, впоследствии он получил бумаги на руки, тогда нас прописали домой. (41) Но здесь после войны жизнь была, конечно, тяжелая. (42) Работали все, вот и этот брат, двоюродный брат мой, этот брат, он был такой, шутил очень и очень любил компанию. (43) Водку уже стал пить, уже много ему лет было, 23, наверно, и тогда один раз, что он там сделал, его посадили в тюрьму. (44) И в тюрьме он сидел, два года посидит, год дома, опять в тюрьму попал. (45) Что-нибудь опять сделает, в тюрьму попадает, и вся его жизнь прошла в тюрьме. (46) 17 лет сидел в тюрьме. (47) А вот тогда как из тюрьмы придет домой, как здесь он себя как бы он был, как это сказать (48) Я, говорит, я президент ижорской нации. (49) Ну вот, и тогда спел русскую песню, русскую песню пел он, как сидит, тогда говорит: «скатерть белая залита вином, все ижоры спят непробудным сном, лишь один не спит, пьет он волжское за здоровычко за ижорское».

sell ain jutõл-t-i *неправильно не прописывали*
там только сказать-IPS-PST

40. i siiz perä viimitee tämä sa-i-ø paperi-d
и тогда потом впоследствии он получить-PST-3SG бумага-NOM.PL

čättä-se siiz me-i-tä čirjutõ-tt-i kottoo-se 41. no siin joo kõig
рука-ILL тогда мы-PL-PART писать-IPS-PST дом-ILL ну там уже все

perä sõa eלו *конечно* õl-i-ø niku ranka 42. te-imm-ä
после война.GEN жизнь быть-PST-3SG как.бы тяжелый делать-PST-1PL

kõiki vot i se vellо seuko minu se vellо
все вот и этот брат двоюродный.брат я.GEN этот брат

tämä õl-i-ø mokomain nalja-a kõvassi lask-i-ø i
он быть-PST-3SG такой шутка-PART очень отпускать-PST-3SG и

kõvassi suuvas kampania-a 43. viina-a joo nõis-i-ø
очень любить-PST.3SG компания-PART водка-PART уже стать-PST-3SG

juu-ma joo pallo tä-ll voosi-j-õ õl-i-ø kahs čümme-ttä
пить-NMLZ уже много он-AD год-PL-PART быть-PST-3SG два десять-PART

kõlmõd taita õl-i-ø i siiz tämä ühs kõrta õl-i-ø
три наверно быть-PST-3SG и тогда он один раз быть-PST-3SG

mitä tämä sell teč-i-ø tä-tä pan-t-i türmä-se
что.PART он там делать-PST-3SG он-PART класть-IPS-PST тюрьма-ILL

issu-ma 44. i türmä-z tämä issu kahsi voot-ta
сидеть-NMLZ.ILL и тюрьма-IN он сидеть.PST.3SG два год-PART

ku isu-b voosi on koto-n taaz on
как сидеть-PRS.3SG год быть. PRS.3SG дом-ESS опять быть.PRS.3SG

türmä-se päz-nü 45. mitä=le taaz te-b türmä-se
тюрьма-ILL попадать-PTCP что-нибудь опять делать-PRS.3SG тюрьма-ILL

päze-b i koko tämä eלו men-i-ø türmä-z 46. seice
попадать-PRS.3SG и весь он.GEN жизнь идти-PRS.3SG тюрьма-IN семь

čümme-ttä voot-ta issu türmä-z 47. a vot siiz ku
десять-PART год-PART сидеть.PST.3SG тюрьма-IN а вот тогда как

türmä-ssä too-b kotto-se ku kassiin tämä entese niku
тюрьма-EL приходить-PRS.3SG дом-ILL как здесь он сам.PART как.бы

tämä õl-i-ø se kui se jutõл-ла 48. miä juttõl-i-ø
он быть-PST-3SG этот как этот сказать-INF я сказать-PRS.3SG

miä õ-n *президент ижорской нации* 49. nu vot i
я быть-PRS.1SG ну вот и

siiz laul-i-ø venäi лаулу laul-i-ø venäi лаулу-a tämä
тогда петь-PRS.3SG русский песня.GEN петь-PRS.3SG русский песня-PART он

laul-i-ø mokomaizõ ku isu-b siiz juttõ-b
петь-PRS.3SG такой.GEN как сидеть-PRS.3SG тогда сказать-PRS.3SG

Т.Б.Агранат

(50) õmall viisi miä en tää kui sitä juttəllə / a venäjässi ain sitä lauli
//(51) a va sitä entizee ain piti što кул ka kuniz tüü elätä teil on õma
prezidenti // (52) tüü / õma prezidenti / siiz müü sitä prezidenta
nagrimmə / taas ku тulla // (53) a nüt tämä joo kooli // (54) a nüt meje
nõmat rajatəta / тulla neet minnua čüsümä meje čeltə / siis taas va
jutəлла / siä nüt leet fed'a sihall
// (55) siä nõizet nüt fed'd'a paikəлл leet i prezidenti ижорской нации /
vot kui // (56) taita kõik joo / tappar vähäizi //

(50) По-нашему я не знаю, как это сказать, а все по-русски пел. (51)
А только эта старинная, все надо, чтобы... слушайте, пока вы живы,
у вас есть свой президент. (52) Вы... свой президент... тогда мы над
этим президентом смеялись, опять когда приходили. (53) А теперь
он уже умер. (54) А теперь все наши говорят, приходят эти ко мне
спрашивать о нашем языке, тогда опять все говорят, ты теперь
будешь вместо Феде. (55) Ты будешь теперь на Федином месте и
будешь президент ижорской нации, вот как. (56) Наверно, все уже,
хватит немного.

Текст 3. Прозвища

Текст записан летом 1995 г. в дер. Краколье, рассказчик - Цикало
Елена Ивановна.

(1) se Зинаида Яковлевна täll on niku entizet / õлла toož ned / õлла
ne prozviš'š'əd jeka peres // (2) vot / a täll annətti / heil on / heje peres
täll taatəлл õli pää niku panki // (3) no siiz i seltä tuli či panki pää / a
missi panki pää jaako zina // (4) vot meil toožə on mokomə (5) mill on
niku se / meit kuccuta päkälä van'a tütöt //

(1) Эта Зинаида Яковлевна, у нее есть, как бы раньше были эти
прозвища тоже были в каждой семье. (2) Вот, а ей дали, у них есть, в
их семье, у ее отца была голова как ведро. (3) Ну, тогда оттуда и
пошло «ведровая голова», почему и ведроголового Якова Зина. (4)
Вот у нас тоже есть такое. (5) У нас есть как бы это, нас называют
медвежьей лапы Вани дочери.

скатерть белая залита вином все ижоры спят непробудным сном лишь

один не спит пьет он волжское за здоровычко за ижорское

50. õma-лл viisi miä e-n tää kui sitä juttõл-ла
 собственный-AD способ я NEG-1SG знать как этот.PART сказать-INF
 a venäissi ain sitä laul-i-ø 51. a va sitä
 а по-русски все этот.PART петь-PRS.3SG а только этот.PART
 entiizee ain pit-i-ø što kul=ka kuniz tüü elä-tä
 старинный.GEN все должен-PST-3SG что слушать.IMP=2PL пока вы жить-PRS.2PL
 te-i-l on õma prezidenti 52. tüü õma
 вы-PL-AD быть.PRS.3SG собственный президент вы собственный
 prezidenti siiz müü sitä prezident-a nagr-i-mma taaz ku
 президент тогда мы этот.PART президент-PART смеяться-PST-1PL опять как
 tul-ла 53. a nüt tämä joo kool-i-ø 54. a nüt
 приходит-PRS.IPS а сейчас он уже умирать-PST-3SG а сейчас
 me-j-e nõma-d pajatõ-ta tul-ла ne-d minnuu
 мы-PL-GEN свой-PL говорить-PRS.IPS приходит-PRS.IPS тот-PL я.PART
 çüsü-mä me-j-e çel-tä siiz taaz va jutõл-ла
 спрашивать-NMLZ.ILL мы-PL-GEN язык-PART так опять только сказать-PRS.IPS
 siä nüt lee-d fed'a sihalл 55. siä nõizõ-d
 ты сейчас быть.FUT-2SG Федя.GEN вместо ты стать-PRS.2SG
 nüt fed'a paika-лл lee-d i prezidenti ижорской нации
 сейчас Федя.GEN место-AD быть.FUT-2SG и преидент
 vot kui 56. taita kõig joo tappa-b vähäizi
 вот как наверно всеё уже хватать-PRS.3SG немного

Текст 3. Прозвища

1. se Зинаида Яковлевна tä-лл on niku entize-d
 этот он-AD быть.PRS.3SG как.бы старинный-NOM.PL
 õл-ла toož ne-d õл-ла ne prozviš's'a-d
 быть-PRS.IPS тоже тот-NOM.PL быть-PRS.IPS тот.NOM.PL прозвище-NOM.PL
 jeka pere-z 2. vot a tä-лл annõ-tt-i he-i-l on
 каждый семья-IN вот а он-AD давать-IPS-PST они-PL-AD быть.PRS.3SG
 he-i-e pere-z tä-лл taata-лл õl-i-ø pää niku panki
 они-PL-AD семья-IN он-AD отец-AD быть-PST-3SG голова как ведро
 3. no siiz i see-ltä tul-i-ø=çi pangi pää a
 ну тогда и этот-ABL идти-PST-3SG=FOC ведро.GEN голова а
 missi pangi pää jaako-o zina 4. vot me-i-l toož
 почему ведро.GEN голова Яков- GEN Зина вот мы-PL-AD тоже
 on mokoma 5. mi-лл on niku see me-i-tä
 быть.PRS.3SG такой я-AD быть.PRS.3SG как.бы этот мы-PL-PART

(6) a missi päkälä / se on karu kápäl лаара niku тоор // (7) vot a van'a što se isä meil õli van'a / se on van'a // (8) i vot meil õli taata taat / niku дедушка / taata taat / äjä / meje viisi тооб äjä // (9) tämä õli meccäze / i karu ka tappäli // i vot seltä siiz / što tämä võtti / täll õli mikä le paksu sõpa / što karu tält tõmpäs' sene / nu õmij čünsij ka sene sõva kõik revitti iha / vot seltä vot annõtti meil prozviš's'ə karu kápäl // (10) no tämä karu ka tappäli i kápäl õli sell karулл / i seltä i meil on karu kápäl // (11) se narrita meitə karu kápäl // (12) de meil on kui mõnnõлл on // (13) ned / raja seuko мiлл on / heil on

toože õma se / kui nüt jutəлла / dudi buh // (14) missii on dudi buh / što heje taatə / ku õli huməлəс / ku tahto sõna jutəлл / tämä eb sai jutəлл / du du du eb sanu jutəлл / siis nõisti вот и прозвали dudi buh что он долго вот это все никак //

(6) А почему медвежья лапа, это лапа медведя как бы идет. (7) Вот, а Ваня – это отец наш был Ваня. (8) И вот у нас был отец отца, дедушка, дед. (9) Он был в лесу, и с медведем подрался, и вот оттого что он взял, у него была какая-то толстая одежда, медведь с него стянул ее, ну, своими когтями эту одежду всю, порвал рукав, вот из-за этого дали нам прозвище медвежья лапа. (10) Ну, он с медведем подрался, лапа была у этого медведя, и поэтому у нас медвежья лапа. (12) Да, у нас у многих есть. (13) Эти, Рая, двоюродная сестра у меня есть, у них тоже свое есть это, как теперь сказать, дуди бух. (14) Почему дуди бух, потому что их отец, когда был пьяный, когда хотел слово сказать, он не может сказать, не мог сказать, ду-ду-ду, не мог сказать, тогда стали, вот и прозвали дуди бух, что он долго вот это все никак.

kuccu-ta päkälä van'a tütö-d 6. a missi päkälä
 звать-PRS.IPS медвежья.лапа Ваня дочь-NOM.PL а почему медвежья.лапа
 see on karu kápäl лаапа niku too-b 7. vot a
 этот быть.PRS.3SG медведь.GEN лапа лапа как.бы идти-PRS.3SG вот а
 van'a što see isä me-i-l ðl-i-ø van'a see on
 Ваня потому.что этот отец мы-PL-AD быть-PST-3SG Ваня этот быть.PRS.3SG
 van'a 8. i vot me-i-l ðl-i-ø taata-a taata niku дедушка
 Ваня и вот мы-PL-AD быть-PST-3SG отец-GEN отец как.бы
 taata-a taata äjä me-j-e viisi too-b äjä
 отец-GEN отец дед мы-PL-GEN способ идти-PRS.3SG дед
 9. tämä ðl-i-ø meccä-z i karu ka tappal-i-ø
 он быть-PST-3SG лес-IN и медведь.GEN с драться-PST-3SG
 i vot see-ltä siiz što tämä vötti-ø tä-ll ðl-i-ø
 и вот этот-ABL тогда потому.что он брат-PL-3SG он-AD быть-PST-3SG
 mikä=le paksu sōpa što karu tä-ltä tömpōs-'-ø sene
 какой=то толстый одежда что медведь он-ABL тянуть-PST-3SG этот.GEN
 nu ðmi-j-ð čūnsi-j-e ka sene sōva kōig revitt-i-ø
 ну свой-PL-GEN коготь-PL-GEN с этот.GEN одежда.GEN все рвать-PST-3SG
 iha vot see-ltä vot annō-tt-i me-i-l prozviš's'e karu
 рукав.GEN вот этот-ABL вот дать-IPS-PST мы-PL-AD прозвище медведь.GEN
 kápäl 10. no tämä karu ka tappal-i-ø i kápäl
 лапа ну он медведь.GEN с драться-PST-3SG и лапа
 ðl-i-ø se-ll karu-ll i see-ltä i me-i-l on
 быть-PST-3SG этот-AD медведь-AD и этот-ABL и мы-PL-AD быть.PRS.3SG
 karu kápäl 11. see narri-ta me-i-tä karu
 медведь.GEN лапа этот дразнить-PRS.IPS мы-PL-PART медведь.GEN
 kápäl 12. da me-i-l on kui mōnnō-ll on
 лапа да мы-PL-AD быть.PRS.3SG как многий-AD быть.PRS.3SG
 13. ne-d raja seuko mīll on he-i-l
 этот-NOM.PL Рая двоюродная.сестра я-AD быть.PRS.3SG они-PL-AD
 on toož ðma see kui nūt jutðл-ла dudi buh
 быть.PRS.3SG тоже свой этот как сейчас сказать-INF
 14. missi on dudi buh što he-j-e taata ku
 почему быть.PRS.3SG потому.что они-PL-GEN отец как
 ðl-i-ø humalas ku tahto-ø sōna-a jutðл-ла tämä
 быть-PST-3SG пьяный как хотеть PST-3SG слово-GEN сказать-INF он
 e-b sa i jutðл-ла du du du e-b sa-nu jutðл-ла
 NEG-3SG получать и сказать-INF NEG-3SG получать-PTCP сказать-INF
 siiz nōi-st-i vot u prozvali dudi buh что он долго вот это все
 тогда статья-IPS-PST

(15) a siiz veel ned on garabuli // (16) se on võtõttu on mokom roho kazvəb / kazvəb jōgō partall / kuza on net se // (17) meil paraiko ned on se jōki vet // venne ka menimm / рлотілл lukuzimm / a nüt kōik samməl kazvəb / puut kazvəvət kōik / kazvəttu se koko se // (18) i sene partall kazvi se mokomat garabuli / miss le kuccutti // (19) mokom juuri tāll on paksu / paksu / a izze on kōrka // (20) siiz suurad ne mokomad ðlla / što müü teimm neiss pillij kurasə ka / i siz teimm aukoj i siiz neizimm pillitimm neje ka // a juuriss teimm mokomaizet teimm bočkat / релазimm lahsin / igruškoj vet eb ðllu kōikkлаajss // (21) eb ðllu vet rahaa ðsōta meil igruškoj / müü vet kōik teimm to neiss juuriss mitānibut' to rohoo juuris kōik lahzimm / то лантuss kōik лajsij tar'елкоj teimm / kōik lahsiјə реелud ðlti // (22) a vot ne garabulit to heil saati / što ðika sinne garabuli kōhta koto ðli heil pantu //

(15) А потом еще эти есть, дягиль. (16) Это взято, есть такая трава растет, растет на берегу реки, где есть эти, это. (17) У нас теперь эта река ведь, на лодке ходили, на плотах катались, а теперь все мох растет, деревья растут, выращено все это. (18) И на берегу рос этот, такие, дягиль почему-то называли. (19) Такой корень у него толстый толстый, а сам высокий. (20) Они были такие большие, что мы делали из них дудочки ножом и делали дырочки и играли на них, а из корней делали такие бочки, играли детьми, игрушек ведь не было всяких. (21) Не было денег купить нам игрушки, мы ведь все делали то из тех корней что-нибудь, то из корней травы всякое, то из брюквы всякие тарелки, все детские игрушки были. (22) А вот те дягили за то они получили, прямо туда, на место дягиля их дом был поставлен.

никак 15. a siiz veel ne-d on garabuli 16. see
 а тогда еще тот-NOM.PL быть.PRS.3SG дягиль этот
 on vōtō-ttu on mokoma roho kazvo-b
 быть.PRS.3SG брать-PTCP.PASS быть.PRS.3SG такой трава расти-PRS.3SG
 kazvo-b jōgō parta-лл kuza on ne-d see
 расти-PRS.3SG река.GEN берег-AD где быть.PRS.3SG тот-NOM.PL этот
 17. me-i-l paraiko ne-d on see jōki vet
 мы-PL-AD теперь тот-NOM.PL быть.PRS.3SG этот река ведь
 vene-e ka men-i-mmä рлот-и-лл lukuz-i-mmä a nūt kōig
 лодка-GEN с идти-PST-1PL плот-PL-AD кататься-PST-1PL а сейчас все
 sammал kazvo-b puu-d kazvo-vad kōig kazvo-ttu
 мох расти-PRS.3SG дерево-NOM.PL расти-PRS.3PL все расти-PTCP.PASS
 see koko see 18. i sene parta-лл kazv-i-ø see
 этот весь этот и этот.GEN берег-AD расти-PST-3SG этот
 mokoma-d garabuli miss=le kuccu-tt-i 19. mokoma juuri
 такой-NOM.PL дягиль почему=то звать-IPS-PST такой корень
 tā-ll on paksu paksu a izze on kōrka
 он-AD быть.PRS.3SG толстый толстый а сам быть.PRS.3SG высокий
 20. siiz suura-d ne mokoma-d õл-ла što müü
 тогда большой-NOM.PL тот-NOM.PL такой-NOM.PL быть-PRS.IPS что мы
 te-i-mmä ne-i-ssä pilli-j-e kurasō-ō ka i siiz
 делать-PST-1PL тот-PL-EL дудочка-PL-PART нож-GEN с и тогда
 te-i-mmä auko-j-ō i siiz neiz-i-mmä pillit-i-mmä ne-j-e
 делать-PST-1PL дырка-PL-PART и тогда стать-PST-1PL играть-PST-1PL тот-PL-GEN
 ka a juur-i-ssa te-i-mmä mokomaize-d te-i-mmä bočka-d
 с а корень-PL-EL делать-PST-1PL такой-NOM.PL делать-PST-1PL бочка-NOM.PL
 релаз-и-мма lahsi-n igruško-j-ō vet e-b õл-лу
 играть-PST-1PL ребенок-ESS игрушка-PL-PART ведь NEG-3SG быть-PTCP
 kōikõллаajs-sa 21. e-b õл-лу vet raha-a õsō-ta
 всякий-PART NEG-3SG быть-PTCP ведь деньги-PART покупать-INF
 me-i-l igruško-j-ō müü vet kōig te-i-mmä mo ne-i-ssä
 мы-PL-AD игрушка-PL-PART мы ведь все делать-PST-1PL тот-PL-EL
 juur-i-ssa mitä=nibut' mo roho-o juur-i-ssa kōikõллаajs-sa
 корень-PL-EL что.PART=нибудь трава-GEN корень-PL-EL всякий-PART
 mo ланту-сса kōikõлаjси-j-ō tar'елко-j-ō te-i-mmä kōig
 брюква-EL всякий-PL-PART тарелка-PL-PART делать-PST-1PL все
 lahsi-j-ō релу-d õл-t-i 22. a vot ne
 ребенок-PL-GEN игра-NOM.PL быть-IPS-PST а вот тот-NOM.PL
 garabuli-d mo he-i-l saa-t-i što õika sinne
 дягиль-NOM.PL они-PL-AD получать-IPS-PST что прямо туда

Т.Б.Агранат

(23) i miss' heitə nōisti kuccuma garabuli / garabuli miša / garabuli lida / garabuli žen'a / kōik hüü õlti garabulit // (24) vot kui pallo čülāz on kōikiлл õmad ne nimet / kōikiлл on annəttu / čell ennā en mälehte / pallo nimij õli / en mälehte // (25) mīлл joo voosij on kuusčümmeet ühese / это что pää enne ep tää tüütä kōvassi / veel lāsizin kōvassi / no tüü net meitə kōvassi pivattə / et saa tolkuu što mīлл on rank / nii pallo meilt čüzütt ain / meil piäb vähäize a tüü pallo / mõntə tuunnia isutt i čüzüttä meitə // (26) vot sai tolkuu nüt vai et ? // (27) vot čirjuta kōik / vot лорпу on //

(23) И почему их и стали называть дягиль: дягиль Миша, дягиль Лида, дягиль Женя, все они были дягиль. (24) Вот как много в деревне у всех есть свои имена, всем даны, кому – больше не помню, много имен есть, не помню. (25) Мне уже 69 лет, это что голова больше не работает очень, еще болела очень, но вы нас очень мучаете, не понимаете, что мне тяжело, так много у нас все спрашиваете, нам надо мало, а вы много, несколько часов сидите и спрашиваете нас. (26) Вот, поняла теперь или нет? (27) Вот пишете, все кончилось.

Текст 4. Змея

Текст записан зимой 2003 г. в дер. Краколье. Рассказчик - Нина Александровна Ленивенко, родилась в дер. Краколье в 1935 г. Во время войны выезжала в Финляндию, затем – в Ярославскую обл. Муж не был носителем водского языка, с ним и с дочерью говорит по-русски. С сестрой разговаривает по-водски и по-русски.

(1) veel kōns enn sõta / miä ku õlin peeni / meit võtõtti kaaz einə kuivəttəma // (2) i čäimm müü halikkase // (3) no i minnua saatətti tooma vette bitoni ka // (4) miä võtin sene bitoni čättese i menin tooma vette //

(1) Еще до войны, когда я была маленькая, нас брали с собой сено сушить. (2) И ходили мы в Халики. (3) Ну, и меня отправили с бидоном принести воды. (4) Я взяла этот бидон в руку и пошла принести воды.

garabuli kōhta-a koto õl-i-ø he-i-l pan-tu
 дягиль.GEN место-ILL дом быть-PST-3SG они-PL-AD ставить-PTCP.PASS

23. i missi he-i-tä nõi-st-i kuccu-ma garabuli
 и почему они-PL-PART стать-IPS-PST звать-NMLZ.ILL дягиль

garabuli miša garabuli lida garabuli žen'a kōig hūü õl-t-i
 дягиль Миша дягиль Лида дягиль Женя все они быть-IPS-PST

garabuli-d 24. vot kui pallo čülä-z on kōiki-лл
 дягиль-PL вот как много деревня-IN бытьPRS.3SG все-AD

õma-d ne nime-d kōiki-лл on annõ-ttu
 свой-NOM.PL тот.NOM.PL имя-NOM.PL все-AD бытьPRS.3SG дать-PTCP.PASS

če-ll ennä e-n mälehte pallo nimi-j-e õl-i-ø e-n
 кто-AD больше NEG-1SG помнить много имя-PL-PART быть-PST-3SG NEG-1SG

mälehte 25. mi-лл joo voosi-j-õ on kuus čümme-ttä
 помнить я-AD уже год-PL-PART бытьPRS.3SG шесть десять-PART

ühese это что pää enne e-b tee tüü-tä kōvassi
 девять голова давно NEG-3SG делать работа-PART очень

veel läsi-zi-n kōvassi no tüü ne-d me-i-tä kōvassi
 еще болеть-PST-1SG очень но вы тот-NOM.PL мы-PL-PART очень

piivat-ta e-ttä saa tolku-a što mi-лл on
 мучить-PRS.2PL NEG-2PL получать толк-PART что я-AD бытьPRS.3SG

rank nii pallo me-i-ltä čüzü-ttä ain me-i-l
 тяжело так много мы-PL-ABL спрашивать-PRS.2PL все мы-PL-AD

piä-b vähäize a tüü pallo mõnta tuunni-j-a isu-tta
 должен-PRS.3SG мало а вы много несколько час-PL-PART сидеть-PRS.2PL

i čüzü-ttä me-i-tä 26. vot sa-i-d tolku-a
 и спрашивать-PRS.2PL мы-PL-PART вот получать-PSR-2SG толк-PART

nüt vai e-d 27. vot čirju-ta kōig vot
 сейчас или NEG-2SG вот писать.IMP.2SG все вот

lor-pu on
 кончаться-PTCP быть.PRS.3SG

Текст 4. Змея

1. veel kōns ennä sõt-ta miä ku õl-i-n
 еще когда после война-PART я когда быть-PST-1SG

peeni mei-tä võtõ-tt-i kaaz einä-ä kuivatta-ma
 маленький мы-PART брат-IPS-PST с.собой сено-PART сушить-NMLZ-ILL

2. i čä-i-mmä müü halikka-ase 3. no i minnu-a
 и ходить-PST-1PL мы Халика-ILL ну и я-PART

saatõ-tt-i too-ma vet-tä bitoni ka 4. miä
 посылать-IPS-PST приносить-NMLZ-ILL вода-PART бидон.GEN с я

võt-i-n sene bitoni čätte-se i men-i-n
 брат-PST-1SG этот.GEN бидон.GEN рука-ILL и идти-PST-1SG

Т.Б.Агранат

(5) i suur muss mato tuli мілл vassa // (6) miä nii johzin seness
maoss vällä // (7) i kalluzin i meccä müüt johzin //

(5) И большая черная змея поползла мне навстречу. (6) Я так
бежала от этой змеи прочь. (7) И кричала, и по лесу бежала.

Текст 5. Жатва

Текст записан зимой 2003 г. в дер. Краколье. Рассказчик Нина
Александровна Ленивенко.

(1) kõns miä veel õlin peen / mam čäi nittämäs põltoa i võtti minua
kaas// (2) meit lahsij õpõtõtti tečemä tüüt // (3) i müü čäimm nittämäs //
(4) veel õlin / мілл vass õli viis voott / i мілл jo toož õli peeni sirppi // (5)
siiz miä toož niittin // (6) siiz müü teimm neit peenet vihgot //

(1) Когда я была еще маленькая, мама ходила жать поле и брала
меня с собой. (2) Нас, детей учили работать [=делать работу]. (3) И
мы ходили жать. (4) Я была, мне только было пять лет, и у меня
тоже был маленький серп. (5) Тогда я тоже жала. (6) Тогда мы
делали эти маленькие снопы.

too-ma vet-tä 5. i suur mussa mato
 приносить-NMLZ.ILL вода-PART и большой черный змея
 tul-i-ø mi-ллл vassa 6. miä nii johz-i-n
 приходит-PST-3SG я-AD навстречу я так бежать-PST-1SG
 sene-ssä mao-ssa vällä 7. i kalluz-i-n i meccä-ä
 этот-EL змея-EL прочь и кричать-PST-1SG и лес-PART
 müütä johz-i-n
 по бежать-PST-1SG

Текст 5. Жатва

1. kõns miä veel õl-i-n peen mama čä-i-ø
 когда я еще быть-PST-1SG маленький мама ходить-PST-3SG
 nittä-mä-z põlto-a i võtt-i-ø minnu-a kaaz
 жать-NMLZ-IN поле-PART и брать-PST-3SG я-PART с.собой
 2. mei-tä lahs-ij-õ õpõtd-tt-i teče-mä tüü-tä
 мы-PART ребенок-PL-PART учить-IPS-PST делать NMLZ.ILL работа-PART
 3. i müü čä-i-mmä nittä-mä-z 4. veel õl-i-n
 и мы ходить-PST-1PL жать-NMLZ-IN еще быть-PST-1SG
 mi-ллл vass õl-i-ø viis voot-ta i mi-ллл jo
 я-AD только быть-PST-3SG пять год-PART и я-AD уже
 toož õl-i-ø peeni sirppi 5. siiz miä toož
 тоже быть-PST-3SG маленький серп тогда я тоже
 niitt-i-n 6. siiz müü te-i-mmä nei-tä
 жать-PST-1SG тогда мы делать-PST-1PL этот.PL-PART
 peene-d vihgo-d
 маленький-NOM.PL сноп-NOM.PL

О.А. Казакевич, Н.К. Митрофанова, Е.Л. Рудницкая

Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов¹

Публикация вторая

Это вторая из двух задуманных журнальных публикаций текстов с морфологической индексацией и комментариями, подготовленных в рамках проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», реализуемого в НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова при поддержке РГНФ, грант 07-04-00332. Целью проекта является обработка, лингвистический анализ (морфологическая индексация, анализ синтаксических структур), дискурсивный анализ и содержательный анализ кетских, селькупских и эвенкийских рассказов о жизни, записанных во время лингвистических экспедиций в 1996-2006 гг. Тексты эти интересны не только как объект лингвистических исследований: жизнь человека в сибирской тайге представлена в них на фоне истории огромной страны. Настоящая публикация включает один селькупский и два эвенкийских текста. Используемый формат, представления текстов разработан в рамках проекта LangueDOC группой А.Е. Кибрика.

Ключевые слова: документация исчезающих языков, селькупский язык, эвенкийский язык, корпус текстов, морфологическая индексация, кодовые переключения, лингвистическая типология.

Настоящая публикация продолжает начатого в предыдущем номере² представления проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», работа над которым ведется в НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова с 2007 г. при поддержке РГНФ. Целью проекта является обработка, лингвистический анализ (морфологическая индексация, анализ синтаксических структур), дискурсивный анализ и содержательный анализ рассказов о жизни кетов, селькупов и эвенков на кетском, селькупском, эвенкийском, а иногда и русском языках и подготовка этих текстов к публикации³.

В данной публикации представлен начальный фрагмент (7 минут звучания) большого 25-минутного селькупского рассказа о жизни и два эвенкийских текста (воспоминания детства и охотничий рассказ). В представлении используется формат, разработанный в рамках проекта LangueDOC группой А.Е. Кибрика (см. <http://www.philol.msu.ru/~languedoc/>).

© Казакевич О.А., Митрофанова Н.К., Рудницкая Е.Л., 2009

Для каждого текста дается три его версии: пофразовый перевод на русский язык, оригинал в официально принятой графике (или некотором приближении к ней)⁴ и запись в фонетической транскрипции, приближенной к фонематической, однако отражающей специфику фонетики говора рассказчика. Слова в транскрипционной записи разбиты на морфемы, и каждая морфема снабжена смысловым либо грамматическим индексом. Случаи фонетических изменений на стыках морфем отмечаются в постраничных примечаниях. Фразы текстов пронумерованы. Под номером каждой фразы приведено время ее начала в аудио-файле, содержащем соответствующий текст. В селькупском тексте время дано в секундах, в эвенкийских – в минутах и секундах.

Сегодня все носители селькупского и эвенкийского языков владеют также русским языком, часто не хуже, а иногда и лучше, чем своим этническим. Поэтому вряд ли стоит удивляться, что среди записанных нами текстов нет ни одного без кодовых переключений – вкраплений русских слов, отдельных фраз или более обширных фрагментов. В текстах, а также в их переводе на русский язык кодовые переключения выделены полужирным шрифтом.

Мы видим свою задачу в представлении текстов в максимально аутентичном виде, так, как они были произнесены, без редактирования и какой-либо нормализации. Поэтому мы сохраняем оговорки рассказчиков, невербальное звуковое заполнение хезитационных пауз, повторы и т. д.

Селькупский язык относится к самодийской ветви уральской языковой семьи. Он существует как совокупность диалектов, носители которых расплывлены на обширной территории Западной Сибири. Численность этнической группы по переписи 2002 г. составляет 4249 человек. Селькупская языковая территория разделена на два крупных и почти полностью изолированных друг от друга массива – северный (тазовско-енисейский), где живет несколько более половины селькупов, и южный (тымско-нарымско-кетско-обский). По нашей оценке, основанной на результатах проводившихся в 1996–2003 гг. социолингвистических обследований, в северной группе на сегодняшний день остается не более 600 носителей селькупского языка, причем среди них очень мало детей. Количество носителей всех остальных селькупских диалектов сегодня, по оценкам томских исследователей, не превышает 10–15 человек, и все они старше 70 лет. Основной формой существования селькупского языка является устная речь. Сфера использования

селькупской письменности ограничена почти исключительно сферой образования.

На протяжении последних полутора столетий было записано большое количество текстов на разных селькупских диалектах, но лишь малая часть этих записей издана⁵. Селькупские тексты с грамматической индексацией публиковались трижды⁶, причем первую публикацию от двух последующих отделяет более 70-и лет.

Селькупский язык агглютинативно-синтетический, основное морфологическое средство – суффиксация. При этом на стыках морфем возможны фонетические преобразования. Синтаксически это язык номинативного строя с преобладанием порядка слов *sov* и препозицией определения. Характерной фонетической особенностью большинства селькупских диалектов, в том числе и всех говоров северного диалекта, является чередование конечных носовых согласных с гоморганными взрывными (*m~p, n~t, ŋ~k*), лишь отчасти обусловленных фонетическим окружением. При этом основным (встречающимся перед паузой) вариантом в одних говорах оказывается носовой, в других взрывной согласный.

В статье представлен текст на верхнетолькинском (ларьякском) говоре северного (тазовско-туруханского) диалекта, на котором говорят селькупы пос. Толька Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа; носители этого говора живут и в других поселках Пуровского района – Халясавэй, Харампур, Быстринка, а также в райцентре Тарко-Сале. Верхнетолькинский говор имеет сегодня примерно 150 носителей, среди которых есть представители молодого поколения, так что пока сохраняется потенциальная возможность естественной передачи говора от родителей к детям. Будучи одним из наиболее сохранных селькупских говоров, верхнетолькинский говор оказался наименее изученным. Ему посвящено только несколько небольших публикаций⁷. Текст на этом говоре публикуется впервые. При глоссировании текста мы опирались на грамматические описания среднетазовского говора тазовско-туруханского диалекта⁸ и на словарную информацию⁹.

Эвенкийский язык относится к сибирской подгруппе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурской языковой семьи. В России эвенки расселены на огромном пространстве от бассейна Таза и Оби на западе до Сахалина на востоке и от Таймыра на севере до границ с КНР на юге. В эвенкийском языке традиционно выделяют три наречия: южное (распространено по бассейну р. Подкаменная Тунгуска, верхнему течению р. Лена и в

Прибайкалье); северное (север Красноярского края и Иркутской области) и восточное (распространено от р. Лена до побережья Охотского моря, на о. Сахалин и в Прибайкалье). В основу литературного эвенкийского языка положена подкаменно-тунгусская группа говоров южного наречия.

Общее число этнических эвенков на территории России составляет около 30 000 человек, из них владеет эвенкийским языком в той или иной степени вряд ли более 6000 человек. Все эвенки владеют русским языком, а проживающие в Якутии и Бурятии, соответственно, якутским и бурятским языками. Нынешняя ситуация такова, что даже в селах, где основное население составляют эвенки (таких, например, как Суринда, Эконда, Чиринда на территории Эвенкийского муниципального района Красноярского края) основным языком общения жителей является русский. Владение эвенкийским языком среди молодежи – большая редкость. Среди западных эвенков естественная передача языка от родителей к детям в какой-то степени сохраняется только в поселке Советская Речка (Совречка), расположенном на территории Туруханского района Красноярского края; в Эвенкийском муниципальном районе внутрисемейная передача языка прервана повсеместно,

На эвенкийском языке издано большое количество текстов с параллельным переводом на русский¹⁰. Некоторые сборники снабжены сносками, пояснениями и комментариями¹¹, однако практически нет текстов, снабженных грамматическими глоссами, таких как, например, текст, приведенный в работе Н.Я. Булатовой и Л. Гренобль¹².

Эвенкийский язык агглютинативный, основное морфологическое средство – суффиксация. При этом на стыках морфем возможны фонетические преобразования. Синтаксически это язык номинативного строя с преобладанием порядка слов *sov* и препозицией определения.

В статье представлены тексты западных эвенков на полигусовском говоре подкаменно-тунгусского диалекта южного наречия и на совречинском говоре северного наречия эвенкийского языка.

При глоссировании текстов мы опирались на существующие грамматические описания эвенкийского языка¹³. По грамматическим описаниям были составлены сравнительные таблицы с предлагаемыми вариантами глоссирования, и выбор наиболее подходящей глоссы для каждого спорного грамматического показателя специально обсуждался.

Мы выражаем нашу глубокую признательность рассказ-

чикам, не пожалевшим времени и сил на то, чтобы поделиться с нами своими знаниями, опытом и видением мира. Именно они, наши рассказчики, являются главными авторами этой публикации.

Приложение

Условные обозначения к корпусу текстов

1 – 1 лицо, местоимения 1 лица	FUT – будущее
2 – 2 лицо, местоимения 2 лица	FUTCNT – будущее непосредственное
3 – 3 лицо, местоимения 3 лица	FUTRMT – будущее отдаленное
A – субъект двухактантного глагола	GEN – генитив
ABL – аблатив	HABIT – хабитатив
ACC – аккузатив	HABPROB – хабитуалис-пробабили-
ADJ – адъективизатор	тив
ADV – адвербиализатор	HES – гезитация
ALL – аллатив	HORT – гортатив
ATTEN – аттенуатив	ILL – иллатив
AUG – аугментатив	IMP – императив
AUX – вспомогательный глагол	INCEP – инцептив
(корень)	INCH – инхоатив
CAR – каритив	INCL – инклюзив
COUPH – кашель	INDEF – неопределенность
CAUS – каузатив	INDPOSS – косвенное обладание
COM – комитатив	INF – инфинитив
COND – кондиционалис	INS(TR) – инструменталис
CONJ – конъюнктив	INTNS – интенсив
CVB – деепричастие	INTR – непереходность
CVCON – деепричастие последо-	IPFV – имперфектив
вательное	ITER – итератив
CVCOND – деепричастие условия	LAUGH – смех
CVPURP – деепричастие цели	LOC – локатив
CVSIM – деепричастие одновре-	LOCALL – локатив-аллатив
менности	LOCDIR – локатив-директив
DATALL – датив-аллатив	NEARFUT – ближайшее будущее
DATLOC – датив-локатив	NEG – отрицание
DECAUS – декаузатив	NFUT – не будущее
DET – детерминатив	NMLZ – номинализатор
DIM – диминутив	NOM – номинатив
DISTR – дистрибутив	OBJ – объектное спряжение
DSPRS – многократный вид	PANT – причастие предшествования
DUR – дуратив	PASS – пассив
ELAT – элатив	PEJOR – пейоратив
EQT – экватив	PFV – перфектив
EVID – эвиденциалис	PHAB – хабитуальное причастие
EXCL – эксклюзив	PIMMFUT – причастие непосредств.
FOC – фокализационный аффикс/	следов.
частица	PINTNS – причастие интенсивности

PL – множественное число	RECIP – реципрок
PNEG – причастие при отрицании	RFL – рефлексив
POSS – поссессив	SG – единственное число
PPF – перфектное причастие	SLIP – оговорка
PROL – пролатив	SMLF – семейфактив
PRGRN – pereгринатив	STAT – статив
PROPR – проприетив	SBJ – субъектное спряжение
PRS – настоящее время	TR – переходность
PPRS – причастие настоящего времени	TRNSL – транслатив
PPST – причастие прошедшего времени	VBLZ – вербализатор
PSIM – причастие одновременности	VOC – вокатив
PST – прошедшее время	(...) – восстанавливаемый элемент словоформы, отсутствующий на фонетическом уровне
QA – быстрота действия	/ – варианты значения форманта

Условные обозначения в переводе текстов:

{...}	ситуативный комментарий.
[=...]	буквальный перевод оборота
(...)	элемент, отсутствующий в тексте на МЯ, но необходимый для грамматичности или облегчающий понимание текста литературного перевода
<...>	элемент, присутствующий в тексте на МЯ, но делающий литературный перевод неграмматичным или затрудняющий его понимание.

Примечания

- 1 Статья подготовлена в рамках проекта «Изменяющаяся Россия в рассказах о жизни кетов, селькупов и эвенков», грант РГНФ 07-04-00332а.
- 2 Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация первая // Вестник РГГУ. М.: Изд-во РГГУ, 2008. № 6. С. 246–285. (Серия «Языкознание»: Московский лингвистический журнал, том 10).
- 3 Подробнее о проекте см. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е. Указ. соч. С. 246–248.
- 4 Оба языка считаются письменными. Официально принятая для каждого из них система письма и орфографии ориентирована на один конкретный говор, выбранный в качестве базового. Одной из задач нашего проекта мы считаем выработку вариантов письма для локальных говоров рассматриваемых языков, на которых у нас имеются тексты, так чтобы эти варианты отражали специфику говоров.
- 5 Тексты на говорах северного (тазовско-туруханского) диалекта публиковались в следующих изданиях: Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский язык). Л., 1935. С. 101–132; Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю. Хелымский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / Под. Ред. А.И. Кузнецовой. Том 2. М., 1993. С. 6–88; Казакевич О.А. Автобиографический рассказ как жанр селькупского фольклора //

- Материалы международной конференции «XXII Дульзоновские чтения». Часть III. Томск, 2000. С. 81–89; *Kazakevitch O. Two Recently Recorded Selkup Shamanic Songs // Shaman. Szeged, 2001. N 1/9. Vol. 9. № 2. P. 143–152; Казакевич О.А. Жизнь фольклорных сюжетов северных селькупов во времени и в пространстве // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 483–497; Тучкова Н.А., Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Ким-Мелони А.А., Глушков С.В., Байдак А.В. Мифология селькупов. Энциклопедия уральских мифологий. Том 4. Томск, 2004. С. 331–336; Казакевич О.А. Селькупский язык // Малые языки и традиции: существование на грани. Выпуск 2. Тексты и словарные материалы / Под ред. А.Е. Кибрика. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 130–161; Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е. Указ. соч. С. 256–269.*
- ⁶ Прокофьев Г.Н. Указ. соч. С. 101–132; Казакевич О.А. Селькупский язык... С. 130–161; Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е. Указ. соч. С. 256–269.
- ⁷ Кузьмина А.И. О некоторых особенностях языка ларьякских селькупов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции. Томск. 1976. С. 107–111; Казакевич О.А. Язык верхнетолькинских селькупов: современное состояние и перспективы сохранения // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск-Омск, 2001. С. 270–273; Казакевич О.А. К вопросу о диалектном континууме селькупского языка: говор Пуровской Тольки // Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А.И. Кузнецовой / Сост. Т.Б. Агранат, О.А. Казакевич; М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 171–178.
- ⁸ Прокофьев Г.Н. Указ. соч.; Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. М-Л., 1937. С. 91–123; Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. / Под ред. А.И. Кузнецовой. Том 1. М.: Изд-во МГУ, 1980; Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Грушкина Е.В., Хелимский Е.А. Селькупский язык. Учебное пособие для педагогических колледжей и вузов / Под. Ред. А.И. Кузнецовой. СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002.
- ⁹ Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Указ. соч. С. 89–196; Казакевич О.А., Кузнецова А.И., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект / Под ред. А.И. Кузнецовой. Том 3. М.: Изд-во МГУ, 2002; *Selkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo / Ed. Alatalo, JarmoLexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft. 2004.*
- ¹⁰ Материалы по фольклору эвенков Сибири. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / Сост. Василевич Г.М., под ред. Я.П.Алькора. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1936; Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. С. 85–88, 105–108, 135–138, 154–157, 177–180, 257–261, 276–280, 293–297, 327–332; Исторический фольклор эвенков: Сказания и предания / Сост. Василевич Г.М. М.-Л.: Наука, 1966; Эвенкийские сказки / Сост. Суворов И.И.. Красноярск, 1960;

Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. Л. 1960; Фольклор эвенков Якутии / Сост. Романова А.В., Мыреева А.Н. Л., 1971; Эвенкийские героические сказания / Сост. Мыреева А.Н. Новосибирск: Наука, 1990 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); Сказания восточных эвенков / Сост. Варламова Г.И., Варламов А.Н. Якутск, 2004 и др.

¹¹ Материалы по фольклору эвенков Сибири С. 1–146; *Василевич Г.М.* Очерки диалектов... С. 85–88, 105–108, 135–138, 154–157, 177–180, 257–261, 276–280, 293–297, 327–332.

¹² *Bulatova N., Grenoble L.* Evenki // LWM 141. Lincom Europa, 1999. P. 59–62.

¹³ *Василевич Г.М.* Эвенкийско-русский словарь. М., 1958; *Мыреева А.Н.* Эвенкийско-русский словарь. Новосибирск, 2004; *Булатова Н.Я.* Эвенкийский язык в таблицах. Спб.: Дрофа, 2002; *Nedjalkov I.* Evenki. London: Routledge, 1997; *Bulatova, Grenoble.* Указ. соч.

Текст 4. История жизни (селькупский язык)

Текст записан от Афанасия Даниловича Камина, селькупа 63-х лет, в пос. Толька Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа 11 августа 2001 г. О.А. Казакевич и И.В. Самариной. Полевая расшифровка и перевод аудиозаписи текста сделаны О.А. Казакевич с помощью Альберта Григорьевича Кунина, ею же выполнены последующая корректировка транскрипции и перевода и морфологическое индексирование.

(1) Я возле внука вот, давай качай! (2) Женщинок почему-то нет. (3) Матери его нет, убежали от меня (самого). (4) Бабушка, бабушка его спит, он животом мается, я его покачиваю. (5) Я-то спать тоже хочу. (6) Разговариваю. (7) Мухи [=муха], мух столько [=муха в такой степени], ребенка разбудить норовят. (8) Посмотри, мушки жужжат [=мушка жужжит]. (9) Вот внук, спи!. (10) **Внук это.** (11) Вроде, внук мой. (12) Ты это знаешь...

(13) Я давно на этой земле родившийся старик. (14) Сейчас позади [=раньше] сколько-то, ну, прожитых [=задних] (лет) мне стало [=я стал], к скольким, к шестидесяти, к шестидесяти трем годам. (15) Шестьдесят, ты знаешь, три года. (16) Я же все еще, все еще хожу помаленьку. (17) Я всегда жил в лесу [=был только в лесу живя]. (18) Я теперь [=впредь] **пенсионер**, к реке (в поселок) спустился, из леса к реке.

(1) Са ман кэтсанляң ҳан на лақаптыммантал. (2) Ималян ҳойҳо чāңҗа. (3) Әмыты ҳуф чāңҗа, пактāлөтын онаң нөны. (4) Им'ыля, имылимыляты қонталā, пэрқальта, лақаптытаң. (5) Ман-я қонтықо ай эсымпах... (6) Т'этыңаң... (7) Тьпа, тьпа наннэр, йя иннā шиттықантэлэя. (8) Иллā мантāш, тьпаля қуңāлыммынты. (9) На кэтсан, қонтāш! (10) **Внук это.** (11) Қапї кетсанмы. (12) Тат намып тэнымал...

(13) Мат чаптāхуй тап тэттыҳын чөлыңпый ираңах. (14) Тї ухōхыт хушшай-ҳам, ну пүй эсоң хушшай қанты муксары, муксары нөры пөм. (15) Муксары, тэнымал, нөр пөм. (16) Ман эй ьрых, ьрых ҳāлтāптымпах. (17) Эсяң чаңах шөтҳын илылā. (18) Тї нөты **пенсионерах** харрā паньышшах, шөнмын харрā.

Текст 4. История жизни (селькупский текст)

1. sa man kətsan-ŀa-γ = χan¹ na
 03.48 HORT 1SG.NOM внук-DIM.SG-GEN= возле вот

laq-äpty-mma-nt-al² 2. imaŀa-n χoj-χo
 качаться-ATTEN.TR-DUR-EVID-2SG.OBJ 09.10 женщина-DIM-PL.NOM что-TRNSL

čäγγ-Ø-a 3. əmy-ty χuf
 иметься.NEG-PRS-3SG.SBJ 10.65 мать-SG.NOM-POSS.3SG человек.SG.NOM

čäγγ-Ø-a pakt-äl-Ø-ōty on-āŋ nōny 4.
 иметься.NEG-PRS-3SG.SBJ убежать-PLSBJ-PRS-3PL.SBJ/OBJ сам-1SG.GEN от 15.75

im'yŀa im'yŀim'yŀa-Dy qonta-lä perq-aŀ-D-Ø-a
 бабушка.SG.NOM бабушка.SG.NOM-POSS.3SG спать-CVB живот-VBLZ-IPFV-PRS-3SG.SBJ

laq-äpty-t-Ø-aŋ 5. man-ja qonty-qo aj
 качаться-ATTEN.TR-TR-PRS-1SG.SBJ 20.75 1SG.NOM-FOC спать-INF и/тоже

esymp-Ø-ax 6. t'ēt'y-ŋ-aŋ 7. tŷpa tŷpa
 стать-PRS-1SG.SBJ 25.45 говорить-PRS-1SG.SBJ 33.00 муха.SG.NOM муха.SG.NOM

nanner ija innä šitty-q = ant-el-ē-j-a
 настолько ребенок.SG.NOM вверх разбудить-INF=стремиться-PLSBJ-PFV.INTS-PRS-3SG.SBJ

8. illä mant-āš tŷpa-ŀa quŋ-äly-mmy-nt-y
 36.18 вниз посмотреть-IMP-2SG.SBJ муха-DIM-SG.NOM жужжать-PLSBJ-PSTN-EVID-3SG.SUB

9. na kətsan qont-āš 10. vnuk eto 11. qaBj
 43.95 вот внук.SG.NOM спать-IMP-2SG.SBJ 54.50 внук это 56.55 вроде

kətsan-my 12. tat na-my-p tenym-Ø-al
 внук.SG.NOM-POSS.1SG 59.80 2SG.NOM это-NMLZ-ACC знать-PRS-2SG.OBJ

13. mat čaptā-χy-j tap tətty-χyn čēlyŋ-pyŋ
 67.60 1SG.NOM давно-LOC-ADJ этот земля.SG-LOC родиться-PPFV

ira-ŋ-ax 14. tŷ uxōχyt xušša-j = χam nu pŷ-j
 мужчина-VBLZ-1SG 72.50 сейчас прежде сколько-ADJ-INDEF ну созда-ADJ

es-Ø-oŋ xušša-j = qan-ty³ muksary muksary nōry
 стать-PRS-1SG.SBJ сколько-ADJ=возле-ILL шестьдесят шестьдесят Три

pō-m 15. muksary tenym-Ø-al muksary nōr
 год.SG.NOM-POSS.1SG 86.25 шестьдесят знать-PRS-2SG.OBJ шестьдесят три

pō-m 16. man ej ŷryx ŷryx χälD-äpty-mp-Ø-ax
 год.SG.NOM-POSS.1SG 97.10 1SG.NOM FOC все.еще все.еще ходить-ATTEN-DUR-PRS-1SG.SBJ

17. ē-š-Ø-aŋ čaŋa-x šöt-χyn ily-lä 18. tŷ nōty
 100.38 быть-PST-1SG.SBJ только-ADVZ лес.SG-LOC жить-CVB 103.13 сейчас впредь

p'en's'ion'er-ax xarrä paŋyš-š-ax⁴ šön-myn xarrä
 пенсионер-VBLZ.1SG к.реке спуститься-PST-1SG.SBJ лес.SG-ELAT к.реке

1 < kətsan-ŀa-n qan; 2 < laq-äpty-mma-nt-al; 3 < kuššak qan-ty; 4 < paŋyš-s-ak

(19) В лесу что буду искать? (20) В **пенсионерах** вот сижу, пью, куда (-то) еще хожу помаленьку. (21) Проголодаюсь, в лес побегу [=побежавший], в лес, это, (тогда) соберусь бежать, (чтобы) рыбачить. (22) Неужели век без, кхе, без еды кто сидеть будет? (23) Сейчас я потому сижу, (что) все **мол** рыбы нет. (24) Рыба если придет, эй, к реке, к реке побегу, ноги у меня, вот шатаюсь помаленьку, имеются. (25) Потом рыба придет.

(26) Я человеком стал. (27) Отца моего век нет. (28) Я сам взрослым стал, вроде. (29) К реке спустившись, рыбу нашу добуду. (30) Дети [=ребенок] мне помогут [=поможет], детей много. (31) Неужели я один [=без товарища] сюда это рыбу поймаю, сети вытащу? (32) Домой придя, поем. (33) Сытый [=с теплым животом] и потом [=вперед] крепко, лежа, потом [=вперед] спать буду. (34) Утром встав, я сам что (-нибудь) делаю, сам **хозяйка, хозяин**.

(19) Шөтхүн хай пентах. (20) **Пенсионера**уын ыл, ылтам өмнэнтах, үтымпах, хуччә ай хәлтәптымпах. (21) Қәшалтах шөтты пактылымпыль шөтты мы пактықолампаһын қәлылыля. (22) Монты мөльты ав, қхе, авкөл куты өмнэнта (23) Тi ман натқо өмтах, қхе, хәлы, мы, қхе, хәлы мөль **мол** чәһүанты. (24) хәлыты түммә, үы, харрә, о, харрә пактәннаң топом на тәһүальпаң эңаны. (25) Ныны хәлы хәннэнта.

(26) Эсяң қуп. (27) Ман апам мөль чәһүа. (28) Онәң вәрқумха эсентаң. (29) Каррә паильля қәлывун қәттэнтах. (30) Йңа шiп пәлтэнтаты, йңа коччы эңөтын. (31) Монты мат пәлкөлың тi намы қәлы орқылытаң, поққы нәққылтэнтах? (32) Моқонә түлә амыртэнтах. (33) Пөтпый пәрүаль ай нөты шарай иппылә нөт қонтәлыльчэнтах (34) Қарын иннә вәшылә онәң қай мөтах, онәң **хозяйка, хозяин**.

Комментарии к представлению и глоссированию селькупского текста.

С целью отражения не только морфологической, но и фонетической специфики говора при записи текста используется не слишком подробная, но все же фонетическая, а не фонематическая транскрипция. Отличия от фонематической записи сводятся к следующему:

Ἰ.Α. Ἐὰς ἀεῖ ἀεὶ, Ἰ.Ἐ. ἰ ἐὸ δὲ οἶα ἰ ἄα, Ἀ.Ἐ. Δοαί ἐὸ ἐαυ

(35) Что делаю, то (и) буду делать. (36) Один [= без товарища], без дочери, ребенок, сына моего что-то нет, что ли верно услышит. (37) Маленько-то рыба, рыба когда появится [= станет], я спать потом не смогу. (38) Товарищ, давай, а людям потом помогать тоже надо. (39) Вот это рыбы нет, потому, видишь, я без еды летом живу. (40) Не умираю, грибы [= гриб], грибы, этим до середины лета живу, грибы эти еще в лесу, грибы оттуда собирая. (41) Продавца тоже нет, ничего нет. (42) Этим живем. (43) Сейчас если бы маленько рыбы было бы, маленько получше мне было бы [= я был бы]. (44) Потом [= впрямь] что я еще скажу? (45) Тяжело, и этот тоже совсем продавец плохой, вроде, ой! (46) В лес люди пойти не могут, <а> совсем не было [= не будучи], чего ни возьми, ничего не было. (47) Продавца, вроде, нет, ни муки, ничего нет.

(35) Қай мѣтах, намы мѣтѣнтах. (36) Пѣлыкѣл, нѣлякѣл, йяля, йямы хай-ѣмѣ чѣңңанта, хай ѣныль ѣңкѣйѣнта. (37) Кыпалѣ-то қѣлы, қѣлы эсыптѣхын, нымты мат қонтыха нѣны тачалтѣнтах. (38) Пѣлы, давай, а хумытыф пѣлѣ пѣлтыха эй чѣмпаты. (39) Таммы қѣлы чѣңҫа, натхо қѣ, ма амыкѣлың таңын илѣнтах. (40) Асса қутѣнтах, ақсыллаха, ақсыл, насѣ таңыль чонноты илѣнтах, ақсылты эй шѣтхын, ақсыл нѣмын таккалѣ. (41) Пыркаш эй чѣңңѣнта, қай ни чѣңҫѣнта. (42) Насѣ илысѣвын. (43) Тѣ кыпака қѣлы ѣсан ѣнѣ, кыпака сомаң ман ѣсан ѣнѣ. (44) Нѣты ман эй қайып кѣттѣнтах? (45) Кеккысѣ эй тап тѣтык ай пыркаш қошык ѣңа, ѣнты ѣй! (46) Шѣтты қумыт қѣнқо ашша ѣңа, а тѣтык ашша ѣлѣ, ашша ѣлѣ, қой ѣлѣ хәпѣ чѣңкыса. (47) Пыркасы хәпѣ чѣңка, хай **ни мукы**, хай **ни чѣңка**.

Комментарии к представлению и глоссированию селькупского текста

обозначается частичное озвончение интервокальных и находящихся в позиции между сонорным и гласным глухих смычных и щелевых (B, D, G, Ц, Ж, Ъ, Z передают полувзвонкие аллофоны глухих фонем /p, t, k, q, č, š, s/: kyBaʎa /кypaʎa/ 'маленький', orQyʎDaŋ /orqyltaŋ/ 'поймаю', nɨʎʒyk /nɨʎčyk/ 'так', čüʒa /čüša/ 'болит');

Ī .А. Ёаҗаёаёе-, Ī .Ё. ĩ ёооі оаі і аа, А.Ё. Доаі ёоёау

(48) Вот в лесу живешь, этим живешь [=живя], (все) стоит [=сидит], лишний день стоит. (49) С чем пойдешь? (50) Это **мука** ли, сахар ли, чай ли, соль ли - где (все это)? (51) Что взял (бы), совсем и нет. (52) С чем пойдут?

(53) Потом на но... на ноги мои посмотри. (54) В лес как пойду? (55) Я по воде бродил, по холодной воде. (56) Вниз тянуть (сеть), вверх, так [=настолько] холодно было. (57) **Может**, кто-то заболел [=больным человеком стал]. (58) Когда заболевает, опять **санзадание**. (59) Потом так скажет, **санзадание** что работают, только человек болеет. (60) Потом опять так закричат, че... человек снова заболевает и заболевает [=заболевает многократно]. (61) Тот болеет старик, назавтра потом говорит, **простуда**. (62) Почему, как болит, ты говоришь, (63) в грудной клетке, доктор, легкое болит. (64) Потом так говорят: (65) «Селькупы в палочки играют, балуются».

(48) Тап шотқын иланты, насә илылә, иннә өмта, кәль чёлы иннә. (49) айсә хэнтанты. (50) Тап хай **мука**, хай сөхры, чөй, сәх кут эя? (51) ай йтәңал, төтык и чәңка. (52) айсә хэнтөтын?

(53) Пүн топ... топам тө иллә маннымпаты. (54) Шөтты куттар хэнтах? (55) Ман үтхын сөтыртэнтах қоңуоль үтхын. (56) Иллә титықо иннә наннэрың чөсыхый эса. (57) **Может**, өмы хүттый хум эса. (58) хүтлә пүлә **опять самзаданя**. (59) Пүн ник кэтаты **сапзаданя** қай үчыкөн **только** хуп күта (60) Ныны ай ниль лаңхальөн ху хум ай хүтәлылельпа. (61) Тіна хүта ира, тәлы ныны кәтыңыт, **простуда**. (62) Қә куттар чүша, хәтал, (63) ускаш шүньчы, тотор, **лёгкае болит**. (64) Пүн ніх хәтөт: (65) “Шөлькумын аңылөн, тө сәлтөт”.

Комментарии к представлению и глоссированию селькупского текста

обозначается весьма характерная для верхнетолькинского говора спорадическая фрикативизация губных, заднеязычных и увулярного смычных, а также случаи озвончения образовавшихся при этом глухих щелевых в позиции после сонантов (хuf /qur/ ‘человек’, хarrä /karrä/ ‘к реке’ ‘человек’, хәly /qәly/ ‘рыба’ qәlywun /qәlywun/ ‘наша рыба’, awlä /amlä/ ‘съев’, laŋxaʽɔn / laŋkaʽɔn / ‘закричали они’, еҕа /еҕа/ ‘есть, находится’, чәҕҕа /чәңҕка/ ‘не имеется’);

обозначается спорадическое смягчение согласных (ešentan /esentan/ ‘стал я, вроде’; orŋylʽDaŋ /orqyltaŋ/ ‘схватчу’).

Ἰ.Α. Ἐαῖαῖαῖαῖα, Ἰ.Ἐ. ἰ ἐὸδῖ ὀαῖ ἰ αἶ, Ἀ.Ἐ. Ὁαῖ ἐὸῖαυ

(66) Видишь, зря **палочки**, по-русски [=русское слово]. **досыта** наедаюсь, **палочки** ест он. (67) Даже без обуви в воде бродя, вот это, босиком, вот это, в тальнике спит, сам себя-то замораживает. (68) Потом еще так говорят, **палочки съела**, ест. (69) Какие **палочки** я (съел), доктору и **не понятно**. (70) Так, так, потому заболевают, вот эта грудь, маленьких детей, вот это, в люльке [=с люлькой] в лес отвези, (71) сразу дыхание замораживает. (72) Замерзая, из избушки [=русского чума] на улицу выходишь дрова с улицы занести, о-о-о, сейчас кашель кхе-кхе-кхе кашляет многократно. (73) **Надо** сначала в лесу жить научиться надо. (74) Я маленько состарился [=состарившийся], в лесу я жил. (75) Мама моя тоже в лесу меня растила [=держала], к люльке [=с люлькой] моей прикручивала, до сих пор дошел [=дожил]. (76) Не то (что теперь), такой избы [=русского дома] совсем нет, вроде, в лесу, в лесу, когда глаза открылись, в лесу я жил.

(66) Қә! куных элә **палочки** па та рушый эты **досыта** авлә **палочки** амтылорыньняты. (67) Мыхай пемыкөл үтхын сөтырлә, мы няңычай топыты, мы тїтәхыт хонта, онгы-хос іллә хантаты. (68) Пүн эй нїк кәтыт, **палочки съела**, амтылорыччы. (69) Қайыль **палочки** ма токтырның, ай **не панятно**. (70) Нїльчык нїльчык натхо қўтәлыкыйымпөтын тап кылы, кыпа йльман тап питысә шөтты қәнтәты, (71) уккырна кәйып қәнтәйкыйымпаты. (72) Қәнтәйлә рушыль мөнмын понә таранты пөп пөмын мишшаллә, ̄-̄-̄, тї қотар қхә-қхә-қхә-қхә қотаркыйымпа. (73) **Надо** укөт шөтхын илыхо таннымпықо чөмпа. (74) Ман кыпака ирамэнтый шөтхын илысах. (75) Амам эй шөтхын шім вәрыса, ай нїль питанысә курумпа, ман тамыт тәтты на тулыччаң. (76) Ашша тїна, там рушый мөт чаңай чәңкынты, шөтхын шөтхын сайы оттәйтәхын шөтхын илысаң.

Комментарии к представлению и глоссированию селькупского текста

Наиболее яркой грамматической особенностью верхнетолькинчского говора, отличающего его от прочих говоров тазовско-туруханского диалекта, является использование показателя *-туп* не только в качестве маркера пролатива, но и для маркирования элатива (*ḡтуп* 'из леса').

66. qə kuŋy-x ē-lä päləçx'i pa ta rušy-j ǝty
364.90 чу зря-ADVZ быть-CVB палочки SLIP SLIP русский-ADJ слово.SG.NOM
- Dos'itə aw-lä¹ päləçxə am-ty-l-ory-ń-ń-aty² 67. муҳаж
досыга съесть-CVB палочки съесть-IPFV-CVB-AUX -DUR-PRS-3SG.OBJ 373.13 Даже
- pēmy-kāl üt-χyn sōty-r-lä my ńaŋyça-j topy-ty
обувь.SG-CAR вода.SG-LOC брести-НАВИТ-CVB это голый-ADJ нога.SG.NOM-POSS,3SG
- my tītā-χyt χont-Ø-a on-ty=χos illä χant-Ø-aty
это тальник.SG-LOC спать-PRS-3SG.SBJ сам-3SG=FOC вниз замерзнуть-PRS-3SG.OBJ
68. pūn ej ńik kət-Ø-yt päləçxə s'ieła
384.75 потом и/еще так сказать-PRS-3PL.SBJ/OBJ палочки съела
- am-ty-l-ory-č-č-y³ 69. qaju-l' päləčk'i ma
съесть-IPFV-CVB-AUX-DUR-EVID.PRS-3SG.SBJ 390.30 что-ADJ палочки 1SG.NOM
- toktyr-nyŋ aj n'i=pan'atno 70. ńił'žy-k ńił'žy-k
доктор.SG-DATALL и/еще не понятно 398.30 такой-ADVZ такой-ADVZ
- natχo qūt-äly-kojymp-Ø-ōtyŋ tap kŷly kupa
потому болеть-INCH-ITER-PRS-3PL.SBJ/OBJ этот грудь.SG.NOM маленький
- il'ma-n tap pity-Zä šöt-ty qən-t-äty 71.
ребенок-PL.NOM этот люлька.SG-INS лес.SG-ILL пойти-TR-IMP,2SG.OBJ 412.98
- ukkyrna kəju-p qant-ěj-kojymp-Ø-aty 72.
сразу дыхание.SG-ACC замерзнуть-PFV.INTNS-ITER-PRS-3SG.OBJ 417.93
- qant-ěj-lä rušy-l' mōn-myn ponä tar-Ø-anty
замерзнуть-PFV.INTNS-CVB русский-ADJ чум.SG-ELAT наружу выходить-PRS-2SG.SBJ
- pō-p pōmyn mišš-al-lä ō=ō=ō tī qotar
дерево.SG-ACC снаружи унести-SMLF-CVB о-о-о сейчас кашлять-SLIP
- qχə=qχə=qχə=qχə qotar-kojymp-Ø-a 73. nado ukōt šöt-χyn
кхе-кхе-кхе-кхе кашлять-ITER-PRS-3SG.SBJ 433.70 надо прежде лес.SG-LOC
- ily-χo tanny-mpy-qo⁴ čōmpa 74. man kupa-ka
жить-INF научиться-DUR-INF надо 439.35 1SG.NOM маленький-AUGM
- ira-m-ē-ntyj šöt-χyn ily-s-ax 75. ama-m
старик-VBLZ-PFV.INTNS-PPRS лес.SG-LOC жить-PST-1SG.SBJ/OBJ 441.80 мама.SG.NOM-POSS,1SG
- ej šöt-χyn šim wəry-s-a aj ńił' pita-ny-sä
и лес.SG-LOC 1SG.ACC держать-PST-3SG.SBJ и/еще так люлька.SG-POSS,1SG-INS
- kuru-mp-Ø-a man tamyt=tətty na tulyč-č-aŋ⁵ 76.
замотать-DUR-PRS-3SG.SBJ 1SG.NOM до.сих.пор вот дойти-EVID.PRS-1SG.SBJ 455.55
- ašša tina tam rušy-j mōt čaŋaj čāŋGy-nt-y
NEG тот.самый тот русский-ADJ чум.SG.NOM совсем иметься.NEG-EVID.PRS-3SG.SBJ
- šöt-χyn šöt-χyn saju ott-ěj-Dā-χyn šöt-χyn ily-s-aŋ
лес.SG-LOC лес.SG-LOC 1SG.NOM открыться-NMLZ-LOC лес.SG-LOC жить-PST-1SG.SBJ

1 < am-lä; 2 < am-ty-lä ory-š-n-anty; 3 < am-ty-lä ory-š-t-y; 4 < tany-mpy-qo; 5 < tulyš-t-aŋ

Текст 5. Лосенок (охотничья история) (эвенкийский язык)

Текст записан от Надежды Тимофеевны Хадончиной 72-х лет, в пос. Полигус в сентябре 2005 г. О.А. Казакевич и Н.К. Митрофановой. Расшифровка и перевод аудиозаписи сделаны с помощью жителя Полигуса Александра Павловича Кочнева 43-х лет Н.К. Митрофановой, ею же выполнена последующая корректировка транскрипции и перевода, а также морфологическое индексирование.

(1) Это было на (реке) Турами. (2) Чум наш. (3) Рыбачим. (4) Чумов наших много там у рыбаков было. (5) Три **или** четыре чума. (6) Тапачонки¹ там были, их чумы, Яданцевы, наши Хадончины, их чумы. (7) Мы с отцом стали рыбачить. (8) Я в лодке сижу. (9) Вверх по Турами рыбачим. (10) Рыбы много добываем, с отцом. (11) **Потом** пристали к берегу там. (12) Костёр, одеяло было. (13) Отец меня спать уложил. (14) На рассвете наши собаки подняли лаем лося - залаяли где-то. (15) Отец тихонько поднялся. (16) Меня не разбудив, ушел, (17) (чтобы) добыть того лося, (тех) лосей, на которых лаяли собаки. (18) Пошел поглядеть, на кого собаки лают. (19) Меня спящую оставил.

(1) Тар бичон Турāмидᠦ². (2) Дᠢᠦвун. (3) Олломоᠪᠷᠡв. (4) Дᠢᠦлвун кэтэкоᠬᠦн тадᠦ олломиᠮнᠶлдᠦ бичотын. (5) Илан дᠢᠦл **или** дыгин. (6) Тапачатыл тадᠦ бичотын, дᠢᠦлтын, Яданцэвил, мунңи һадончиныл, дᠢᠦлтын. (7) Амᠶнэн олломоᠪсинэв. (8) Бᠶ дяддᠦ тэгэм. (9) Дяддᠦ солᠣки Турāмива олломоᠪрᠡв. (10) Оллолво кэтэкоᠬунмэ вārэв амᠶнэн. (11) **Потом** āгрэв тадᠦ. (12) Гулувунмун, һᠦллаун бичон. (13) Амᠶнмᠶ минэ āсинмурэн. (14) Тыргаллан ңинакирвун мᠣтᠢво говолчол - говолло йдᠦвэл. (15) Амᠶнмᠶ араᠬᠦкан тэгэчон. (16) Минэ эчэ сэрᠶврэ суручон (17) тар мᠣтᠢво, ңинакирвэ говодерилво мᠣтᠢлво, вāнастэн, мᠣтᠢлво, (18) иченосчо, Экурва ңинакир говодёро. (19) Минэ āдеривэ омᠣнчон.

¹ Тапачата (Тапачонки), Яданцевы, Хадончины – эвенкийские фамилии.

² С 1937 года для эвенкийского языка существует письменность на основе русской графики. В настоящей работе мы стремимся, соблюдая основные правила орфографии, отразить фонетику описываемого говора. Кодовые переключения выделяются полужирным шрифтом.

Текст 5. Лосенок (охотничья история) (эвенкийский язык)

1. tar bi-čo-n turāmi-dū 2. d'ū-wun
00:49 тот быть-PST-3SG Турами-DATLOC 00:51 чум-POSS.1PL.EXCL
3. ollomō-rə-w 4. d'ū-l-wun kətə-kōkūn tadū
00:51 рыбачить-NFUT¹-1PL.EXCL 00:53 чум-PL-POSS.1PL.EXCL много-AUG там
- ollomīmni-l-dū bi-čo-tin 5. ilan d'ū-l ili diyin
рыбак-PL-DATLOC быть-PST-3PL 00:57 три чум-PL или четыре
6. tapačati-l tadū bi-čo-tin d'ū-l-tin jādantsəw-il
00:59 тапачонок-PL там быть-PST-3PL чум-PL-POSS.3PL яданцев-PL
- mun-ŋi hādonč'in-il d'ū-l-tin 7. amī-nən
1PL.EXCL-INDPOSS² хадончин-PL чум-PL-POSS.3PL 01:10 отец-COM
- ollomō-sin-ə-w 8. bī d'ab-dū təyə-Ø-m 9.
рыбачить-INCEP-NFUT-1PL.EXCL 01:13 1SG лодка-DATLOC сесть-NFUT-1SG 01:15
- solōki turāmi-wa ollomō-rə-w 10. ollo-l-wo
вверх (по течению) Турами-ACCD рыбачить-NFUT-1PL.EXCL 01:18 рыба-PL-ACC
- kətə-kōkūn-mə vā-rə-w amī-nən 11. pətom
много-AUG-ACCD добыть-NFUT-1PL.EXCL отец-COM 01:25 потом
- āg-rə-w tadū 12. guluwun-mun hūlla-wun
пристать-NFUT-1PL.EXCL там 01:31 костёр-POSS.1PL.EXCL одеяло-POSS.1PL.EXCL
- bi-čo-n 13. amīn-mī minə ā-sin-mu-rə-n
быть-PST-3SG 01:33 отец-POSS.1SG 1SG.ACCD спать-INCEP-CAUS-NFUT-3SG
14. tirga-l-la³-n ŋinaki-r-wun mōt̄y-wo
01:37 начинаться (о дне)-INCH-NFUT-3SG собака-PL-POSS.1PL.EXCL лось-ACCD
- gowo-l-čo-l⁴ gowo-l-lo-Ø idu-wəl 15. amīn-mī arakū-kan⁵
лаять-INCH-PANT-PL лаять-INCH-NFUT-3PL где-INDEF 01:45 отец-POSS.1SG тихо-DIM
- təyə-čo-n 16. minə ə-čə səri-w-rə suru-čo-n
сесть-PST-3SG 01:48 1SG.ACCD NEG-PANT проснуться-CAUS-PNEG уйти-PST-3SG
17. tar mōt̄y-wo ŋinaki-r-wə gowo-d'eri-l-wo mōt̄y-l-wo
01:50 тот лось-ACCD собака-PL-ACCD лаять-PSIM-PL-ACCD лось-PL-ACCD
- v⁶ā-nā⁷-s-tə-n mōt̄y-l-wo 18. iče-nō-s-čo āku-r-wa
убить-PRGRN-INCEP-NFUT-3SG лось-PL-ACCD 01:55 видеть-PRGRN-INCEP-PANT что-PL-ACCD
- ŋinaki-r gowo-d'oro-Ø 19. minə ā-d'eri-wə omōn-čo-n
собака-PL лаять-PRS⁸-3PL 01:57 1SG.ACCD спать-PSIM-ACCD оставить-PST-3SG

1 Показатель NFUT *-rA-* имеет алломорфы *lA, nA, tA, dA, A*. В 1SG и 2SG показатель *-rA-* отсутствует (здесь знаком *A* обозначается гласный, который может варьировать в соответствии с правилами сингармонизма). 2 О системе possessивных аффиксов эвенкийского языка см. комментарий ниже. 3 <+ rA. 4 В литературном языке *gogo-mi* 'лаять'. 5 <arakūn+kan. 6 Мы используем два знака [v] и [w] для двух реализаций одной фонемы. В начале слова фонема произносится как губно-зубной звук, а во всех остальных позициях - как губно-губной. 7 О показателе *nĀ* (перегрнатив), обозначающем "идти [куда-либо] с целью совершить там R" см. в комментарии ниже. 7 PRS (d'ArA)<IPFV (d'A)+NFUT (rA).

(20) Я проснулась. (21) Солнце, ну, как это – (22) на берегу чум-то – солнце. (23) Куда отец делся? (24) Лодка здесь, топоры наши здесь, собак наших нет. (25) Посмотрела, одного ружья его нет. (26) Куда ушел? (27) Слышу, собаки лают. (28) Я пошла на их далекий лай. (29) Надела летние унты. (30) Пошла на их лай. (31) Шла, шла, (32) поднялась на гору. (33) Слышу выстрел, бух, выстрел. (34) Собаки перестали лаять. (35) **Враз** тайга **тихой** стала. (36) Куда пойду? (37) Спущусь – **опять** дорогу потеряю. (38) **Обратно**, к своим следам (пошла), **обратно** чтобы возвратиться, ну, как это. (39) Отец вернулся, того лося не ободрав. (40) Побежал, (41) его ребенок (ведь) спит.

(20) Һэтэкэнэм. (21) Дылача аңидерэн – (22) угүдү дйовун-тэ - дылача. (23) Йлө амйнмй одан? (24) Дявивун эдү, сүкэлвун эдү, ңинакирвун ачин. (25) Ичетчерим умукон пэктыровунын ачин. (26) Йлөкэ сурудечо? (27) Дблдым ңинакирвун говодёро. (28) Горолөво говондулэтын сурум. (29) Тэтым локомйлви, тэтым. (30) Говондулэтын сурум. (31) Һэнэдедем, Һэнэдедем, (32) урэва куктым, урэва. (33) Дблдым пэктыронмэ дблдым, бүй пэктырон. (34) Ңинакирвун этэрэ говодеми, этэрэ. (35) **Враз тайга тихо** одан. (36) Йлөкэ сурудем? (37) Эвүсчам - **опять** һоктови сокорим. (38) **Обратно** удылави, **обратно**, эмэдөви аңилави. (39) Амйв эмэрэн, мөтйвэ эчэ һигрэ. (40) Түйсасинэн: (41) нуңан һутэв адерэн.

Комментарии к глоссированию текстов на эвенкийском языке.

В эвенкийском языке богатая система аффиксов и местоимений, выражающих possessивные и рефлексивные отношения. Имеется три вида аффиксов (личные possessивные, рефлексивные и суффикс отчуждаемой принадлежности), которые могут присоединяться как к существительным, так и к личным и рефлексивным местоимениям, образуя систему из пяти склоняемых и одной несклоняемой групп местоимений (рефлексивные, личные рефлексивные, личные possessивные, рефлексивные possessивные и личные рефлексивные possessивные)..

Теоретически возможны разные походы к глоссированию данных местоимений. Например, можно выделить отдельную глоссу для каждого вида. Однако мы предпочли подход, при котором глоссы получают отдельные морфемы, входящие в состав местоимений. Такой подход обеспечивает прозрачность структуры, которая, с одной стороны, важна при описании внутриязыковых различий между классами местоимений, а с другой стороны - привлекательна для типологических исследований.

20. hətəkə-nə-m 21. dilača aŋi¹-d'erə-n 22. ugū-dū
02:02 очнуться-PPF-1SG 02:03 солнце что-PRS-3SG 02:05 берег-DATLOC
d'ū-wun-tə dilača 23. i-lō amīn-mī ō-da-n
чум-POSS.1PL.EXCL-FOC солнце 02:08 где-LOCALL отец-1SG статья-NFUT-3SG
24. d'awi-wun ə-dū sūkə-l-wun ə-dū
02:11 лодка-POSS.1PL.EXCL здесь-DATLOC топор-PL-POSS.1PL.EXCL здесь-DATLOC
ŋinaki-r-wun āčīn 25. iče-t-čeri²-m umukōn
собака-PL-POSS.1PL.EXCL не иметься 02:17 увидеть-DUR-PRS-1SG один
pəktirowun-ən āčīn 26. i-lō-kə suru-d'e-čo
ружье-POSS.3SG не иметься 02:23 где-LOCALL-INDEF уйти-IPFV-PANT
27. dōldi-m ŋinaki-r-wun gowo-d'oro-Ø 28. gorolō-wo
02:25 слышать-1SG собака-PL-POSS.1PL.EXCL лаять-PRS-3PL 02:30 даль-ACCD
gowon-dulā-tin suru-Ø-m 29. tətī-Ø-m lokomī-l-wi
лай-LOCALL-POSS3PL уйти-NFUT-1SG 02:32 надеть-NFUT-1SG летние.унты-PL-RFL
tətī-Ø-m 30. gowon-dulā-tin suru-Ø-m 31.
надеть-NFUT-1SG 02:35 лай-LOCALL-3PL уйти-NFUT-1SG 02:36
ŋənə-d'e-d'e³-m ŋənə-d'e-d'e-m 32. urə-wa kukti-Ø-m
идти-IPFV-PST-1SG идти-IPFV-PST-1SG 02:38 гора-ACCD подниматься-NFUT-1SG
urə-wa 33. dōldi-Ø-m pəktiron-mə dōldi-Ø-m büh
гора-ACCD 02:42 слышать-NFUT-1SG выстрел-ACCD слышать-NFUT-1SG бух
pəktiron 34. ŋinaki-r-wun ətə-rə-Ø gowo-d'e-mi
выстрел 02:48 собака-PL-POSS.1PL.EXCL прекратить-NFUT-3PL лаять-IPFV-CVCOND
ətə-rə-Ø 35. vras tajga tihə ō-da-n 36. i-lō-kə
NEG-NFUT-3PL 02:54 враз тайга тихо статья-NFUT-3SG 02:57 где-LOCALL-INDEF
suru-d'e-m 37. əwū-s-ča-m əp'at' hokto-wi sokori-Ø-m
уйти-IPFV-1SG 03:00 спускаться-INCEP-STAT-1SG опять дорога-RFL терять-NFUT-1SG
38. ābratnə ud'a-lā-wi ābratnə əmə-dō-wi
03:02 обратно след-LOCALL-RFL обратно прийти-CVPURP-RFL
aŋi-lā-wi 39. amī-w əmə-rə-n mōtū-wə ə-čə
что-LOCALL-RFL 03:08 отец-POSS.1SG прийти-NFUT-3SG лось-ACCD NEG-PANT
hig-rə 40. tūhsa-sin-ə-n 41. nuŋan hutə-w ā-d'erə-n
обдирать-PNEG 03:11 бежать-INCEP-NFUT-3SG 03:12 3SG ребенок спать-PRS-3SG

1 О дискурсивном маркере aŋi см. комментарий ниже.

2 <d'ArA

3 <d'A+čA

(42) Собака, одну собаку повел не веревке; (43) пришел. (44) Меня не было. (45) Звал, звал, (46) ниоткуда <стала> я не видна. (47) Не слышу я в тайге. (48) Взял собаку (49) Какую собаку? (50) Собака была Дамка. (51) Большая, (52) имя свое знала. (53) Что-то там, он из одежды что-то, ну, как это, дал (ей), ну, как это, **нюхать**, нюхать. (54) Я все дальше иду. (55) Собака, ну, как это, побежала за чем-то (унюхала что-то). (56) Он за той собакой следом бежит, мой покойный отец. (57) Собаку ведет на поводке. (58) Собака мои следы нашла; по следам (пошла). (59) «Куда ты идешь?» - (спрашивает отец). (60) «Я твой выстрел слышала», - (отвечаю). (61) Он меня поругал. (62) «Зачем пошла? (63) Там ждала бы!» (64) **Так** она меня, собака помогла отцу меня найти. (65) Привела. (66) Мы вернулись к своему костру. (67) Свои вещи (собрали). (68) «Давай теперь в эту сторону пойдём. (69) Я лося убил, но не ободрал», - (отец говорит). (70) Покурил.

(42) Ңинакин, умук᠔нмэ элгэсинэн җинакинмэ, (43) эмэрэн. (44) Бй ачин бичом. (45) Орирэн, орирэн -(46) йдук-тэ отбн бй ичэврэ. (47) Эчэв д᠔лдыра бй тайгадᠦ. (48) Ңинакинмэ гадан. (49) Аҗи җинакинмэ? (50) Ңинакин бичон Дамка. (51) һэгдык᠔кун, (52) гэрбиви нуҗан сәнэ. (53) Эвавал тар, нуҗан тэтылвэ эваву аҗиран бᠦрэн аҗидан **нюхать** амтаттан. (54) Бй һата чᠠски җэнэдем. (55) Ңинаким аҗидерэн, һуктыдерэн эвун-то. (56) Нуҗан тар җинакинмэ һаҗидядя, амйҗасав. (57) Элгэдеден җинакинмй. (58) Ңинакин удялвав бакаран, удялдулив. (59) “Йл᠔ җэнэденнэ?” (60) “Бй синэ пыктыронмэс д᠔лдычав”. (61) Минэ нуҗан һэҗкэттын. (62) “Эва суруннэ, (63) тадᠦ алатчечабимчес”. (64) **Так** нуҗан минэ, җинаким бэлэрэн амйндᠦ минэ бакадави. (65) Эмэврэн. (66) Эмэрэв бᠦ гулувундулᠠвэл. (67) Сав᠔далвэр. (68) “Кэ эсилэ эло сурувот. (69) М᠔тᠦвэ вᠠми эчэм һигдерэ”. (70) Тᠠнисинэн.

Комментарии к глоссированию текстов на эвенкийском языке.

В описываемом говоре в качестве дискурсивного маркера, служащего для заполнения пауз гезитации, а также в функции корня-пустышки, присоединяющего как глагольные, так и именные аффиксы, используется корень *ауи*. Мы глоссируем этот корень как "что" + соответствующие аффиксы, а на русский язык переводим как "ну, как это". Ср. использование корня *эжун* в сходной функции в северном наречии.

71. tadū mū bi-si-n 72. tigə-kō-r-wi-s aŋi-kəl 73.
 04:32 там вода быть-NFUT-3SG 04:33 посуда-DIM-PL-ACCD-POSS.2SG что-IMP.2SG 04:35
- ollo-wo-to nādǝjɛlɔ ollo-wo d'ɛp-d'e-mi 74. tigə-kō-čon-mər
 рыба-ACCD-FOC надосло рыба-ACCD есть-IPFV-CVCOND 04:37 посуда-DIM-PEJOR-RFL.PL
- ga-da-w amī-nən 75. tar mōt̄y-wə əsilə d'uk
 взять-NFUT-1PL.EXCL отец-COM 04:40 тот лось-ACCD теперь SLIP
- hig-nō-sin-ə-w 76. hig-rə-w mōt̄y-wə tadū
 обдирать-PRGRN-INCEP-NFUT-1PL.EXCL 04:44 обдирать-NFUT-1PL.EXCL лось-ACCD там
77. tarə mōt̄y-t-kō-nən¹ tar bi-čo-n mōt̄y-t-ko-nən 78.
 04:47 тот лосенок-DIM-COM тот быть-PST-3SG лосенок-DIM-COM 04:54
- hujukū-kōn ərdi-kōn 79. tam nuŋan uj-čo minə
 маленький-DIM такой-DIM 04:57 там 3SG привязать-PANT 1SG.ACCD
- iče-t-to-wi ənīn-duk-pi 80. mōt̄y-t aŋi-ča 81.
 увидеть-DUR-CVPURP-1SG мать-ABL-RFL 05:01 лосенок что-PANT 05:02
- bu-čo-wə tar nuŋan ənīn-mī bu-čo-wə uku-d'ɛrə-n 82.
 убить-PANT-ACCD тот 3SG мать-RFL убить-PANT-ACCD сосать-PRS-3SG 05:08
- mōt̄y-t-kōn uku-mulčo 83. ə-če ŋolo-t-če-rə mōt̄y-t-kōn
 лосенок-DIM сосать-QA 05:11 NEG-PANT бояться-DUR-IPFV-PNEG лосенок-dim
84. davaj d'u-lā-wər mōt̄y-t-kōn-mə suru-w-wot
 05:13 давай чум-LOCAL-RFL.PL лосенок-DIM-ACCD уйти-CAUS-IMP.1PL.INCL
85. uŋi-got 86. aŋi-jə usi-jə aŋi-d'a-t
 05:16 привязать-IMP.1PL.INCL 05:17 что-ACC узда-ACC что-FUTCNT-1PL.INCL
87. i ətɔ hig-rə-w tar 88. əmə-rə-n
 05:20 и это обдирать-NFUT-1PL.EXCL тот 05:24 прийти-NFUT-3SG
89. pətom minə gun-ə-n 90. ədū aŋi-d'a-kal 91.
 05:25 потом 1SG.ACCD сказать-NFUT-3SG 05:28 здесь что-IPFV-IMP.2SG 05:29
- ulōkki-rə-n minə 92. bi nuŋan gun-ə-n
 обмануть-NFUT-3SG 1SG.ACCD 05:31 1SG.SLIP 3SG сказать-NFUT-3SG
93. ə suru-p-d'e-t suru-p-d'e-t mōt̄y-t-kōn-mə
 05:32 да уйти-CAUS-FUTCNT-1PL.INCL уйти-CAUS-FUTCNT-1PL.INCL лосенок-DIM-ACCD
94. tadū d'ū-dū-war uli-d'ə-d'e-t tuŋi 95. mū-jə
 05:34 там чум-DATLOC-RFL.PL кормить-IPFV-FUTCNT-1PL.INCL так 05:40 вода-ACC
- umi-pkan-d'e-t 96. aŋi-ŋačīn ō-d'a-n 97.
 пить-CAUS-FUTCNT-1PL.INCL 05:42 что-EQT делать-FUTCNT-3SG 05:43
- učalā²-d'e-t 98. oron-ŋəčīn ō-d'a-n
 везти.верхом-FUTCNT-1PL.INCL 05:45 олень-EQT сделать-FUTCNT-3SG

1 <kōn+nAn

2 < uča- 'ехать верхом' + -lā- суффикс, означающий ношение или перенесение чего-либо

(99) Я делаю, делаю. (100) Собаки залаяли. (101) А он потихоньку, чтобы я не видела, ножом туда, ну, как это, воткнул вот так. (102) **И** лосенок, ну, как это (умер). (103) Я глянула: (104) «Куда-то лосенок делся?»(105) А он собаку (ругает): (106) «Такая-растакая Дамка, ну, как это, (107) укусила лосенка» (108) **Так**, я плакала, плакала, **ну что теперь?** (109) Потом **так** лосенка того ободрали. (110) Мясо перетаскали в лодку. (111) И половину оставили **маленько сушить**. (112) Тогда у... ушли. (113) Уложили мясо в лодку. (114) (И) ушли **все опять**, ну, как это, к стойбищу.

(99) Бй эдыммал, эдыммал. (100) Нинакир говолло. (101) А нуңан аракукан, эдав ичерэ, пуртатпи эркбндүлй аңирэн аркирэн, тар эсилэ. (102) **И** мбтйткбн аңирэн. (103) Бй ичем (104) Илокэ мбтйткбн бдан? (105) Нуңан нинакирвэ: (106) “Умуңэсэ дамканэсэ аңирэн, (107) кикисинэн мбтйткбнмэ. (108) **Так**, бй соңом соңом, **ну что теперь**. (109) Талāvэр **так** мбтйткбнмэ тар нигрэв. (110) Уллэңилвэр дювурэв дявдулāvэр. (111) **И** һалватын омбнэв **маленько сушить**. (112) **Тогда** сэ... сурурэв. (113) Дявдүвэр уллэкбнмэ ноттэв. (114) Сурурэв **все опять** аңилāvэр дюлдулāvэр.

Комментарии к глоссированию текстов на эвенкийском языке.

В эвенкийском языке имеется ряд аспектуальных показателей, выражающих многократность действия (итератив, дисперсив и дистрибутив), семантику которых следует пояснить. **Итератив** (–вАн-/вАт-) имеет примерное значение ‘много раз’, типа русского «ходить-хаживать». Например, *гирку-* ‘ходить’ – *гирку-ван-* ‘ходить много раз’, *локо-* ‘вешать’ – *локо-вот-* ‘постоянно вешать’. **Дисперсив** (–кА-) имеет примерное значение ‘(перемещаться) туда-сюда, в разных направлениях’. Чаще всего употребляется с глаголами движения, например, *дявра-* ‘плыть на лодке’ – *дявра-кА-* ‘плавать на лодке в разные места’. **Дистрибутив** (–т(ы)), употребляется в основном с глаголами движения и позиции и имеет примерное значение ‘многократное действие с множественными одинаковыми объектами(один за другим)’. Например, *дява-* ‘брать’ – *дява-ты-* ‘взять несколько объектов один за другим’, *гарпа-* – ‘стрелять (из лука)’ – *гарпа-т-* ‘многократно выстрелить из лука’/ ‘убить много людей стрелами’ (см. Nedjalkov I. Ук. соч. С. 249-251).

99. **bī** ə-ɖ'a-m-mal ə-ɖ'a-m-mal 100. **ɲinaki-r**
 05:46 1SG делать-PRS-1SG-INDEF делать-PRS-1SG-INDEF 05:47 собака-PL
- gowo-l-lo-Ø** 101. **a** nuɲan ara-kūkān ə-dā-w
 лаять-INCH-NFUT-3PL 05:49 а 3SG едва-DIM NEG-CVPURP-1SG
- ičə-rə** purta-t-pi ər-kōn-dulī aɲi-rə-n arki-rə-n
 увидеть-ᑲNEG нож-INSTR-RFL этот-DIM-PROL что-NFUT-3SG воткнуть-NFUT-3SG
- tar əsilə** 102. **i** mōtýt-kōn aɲi-rə-n 103. **bī** ičə-Ø-m
 тот теперь 05:59 и лосенок-DIM что-NFUT-3SG 06:01 1SG увидеть-NFUT-1SG
104. **ilō-kə** mōtýt-kōn ō-da-n 105. **nuɲan** ɲinaki-r-wə
 06:02 куда-INDEF лосенок-DIM сделать-NFUT-3SG 06:03 3SG собака-PL-ACCD
106. **umu-ɲəsə** damka-ɲəsə aɲi-rə-n 107. **kiki-sin-ə-n**
 06:04 один-PEJOR дамка-PEJOR что-NFUT-3SG 06:08 кусать-INCEP-NFUT-3SG
- mōtýt-kōn-mə** 108. **tak** bī soɲo-Ø-m soɲo-Ø-m
 лосенок-DIM-ACCD 06:11 так 1sg плакать-NFUT-1SG плакать-NFUT-1SG
- nu čo t'ep'er** 109. **talāwər** tak mōtýt-kōn-mə tar
 ну что теперь 06:14 потом так лосенок-dim-ACCD тот
- hig-rə-w** 110. **ullə-ɲi-l-wər** d'uwu-rə-w
 обдирать-NFUT-1PL.EXCL 06:17 мясо-INDPOSS-PL-RFL.PL тащить-NFUT-1PL.EXCL
- d'aw-dulā-wər** 111. **i** halwa-tin omōn-ə-w mal'en'kə
 лодка-LOCALL-RFL.PL 06:21 и половина-3PL оставить-NFUT-1PL.EXCL маленько
- sušit'** 112. **tagda** sə suru-rə-w 113.
 сушить 06:27 тогда SLIP уйти-NFUT-1PL.EXCL 06:28
- d'aw-dū-wər** ullə-kōn-mə nōt-tə-w¹ 114. **i**
 лодка-DATLOC-RFL.PL мясо-DIM-ACCD свалить-NFUT-1PL.EXCL 06:31 и
- suru-rə-w** fs'e əp'at' aɲi-lā-wər d'u-l-dulā-wər
 уйти-NFUT-1PL.EXCL все опять что-LOCALL-RFL.PL чум-PL-LOCALL-RFL.PL

1 <nod+rA

Текст 6. Охота на медведя (эвенкийский язык)

Текст записан от Владимира Николаевича Сайготина, эвенка с селькупскими корнями 47-и лет, на его стойбище на озере Большое Советское (Туруханский район Красноярского края) в августе 2006 г. О.А. Казакевич и Л.М. Захаровым. Полевая расшифровка и перевод аудиозаписи текста сделаны О.А. Казакевич с помощью рассказчика. Последующая корректировка транскрипции и перевода и предварительное морфологическое индексирование проведено слушателями спецкурса «Документация исчезающих языков» Института лингвистики РГГУ (руководитель О.А. Казакевич)¹. Окончательная редакция морфологического индексирования и оформление текста выполнены Е.Л. Рудницкой при участии Е.М. Будянской, Н.К. Митрофановой и О.А. Казакевич.

(1) **Сейчас**, это самое, меня позвали, отец с родней сказали, там медведь ходит. (2) Оленя нашего задавил. (3) Сказал он, это самое, **надо** (как-то) пытаться его подкараулить. (4) **Ну ладно**, сказал я, **вечером** приду. (5) **Дед** Яков **тоже** сказал, приду туда к ним. (6) Пошли мы с Гошей вдвоем. (7) Пришли, чай попили. (8) Деды <их> сказали, сейчас **вечером** он придет, вечером. (9) Вечером прид... давайте мы пойдем. (10) Стали мы ждать до (самого) вечера. (11) Старики наши уснули. (12) Мы пошли втроем, вчетвером: Славка, Гоша, я, Валера, вчетвером пошли мы, смотреть пошли, караулить пошли. (13) Пешком пришли туда **и** объедки [=съеденное его] посмотрели мы. (14) Половина <его> (здесь) находится, **закопать**-то не **закопал** он. (15) **Потом** пошли <туда>, где подкараулить его хорошо. (16) Никакого [=какого-то] места нет там.

(1) **Щас**, Э́кунка, минэ орирэ, амиа гунэ, та́дү амáкá гиркудярэн. (2) Оронмэтын тырэ́чо. (3) Гунэн, Э́кунка, **надо** он-мэр некэми нуңэнмэн этэ́тнóми. (4) **Ну ладно**, гуним, **вечером** эмэдим. (5) **Дед** Ява **тоже** гунэн, эмэдим та́лá нуңэрдула́тын. (6) һурурэвун Гошанэн дү́ктэ. (7) Эмэрэвун, чаттырэвун. (8) Амáкáлтын гунэ, эгй **вечером** нуңэн эмэдин долболтонэ. (9) Долболтоно эмэ... һуруңнэт. (10) Алáгчилдэвун долболтонодулэ. (11) Амáкáлви а́һинэ. (12) Бу һурурэвун иланй, дыңнй: Славкам, Гоша, би, Валера, дыңнй һурурэвун-нэ, ичэтнóһинэ, этэ́тнóһинэ. (13) Гиркунал эмэрэвун та́лá **и** джэп... джэмңэнэлөн ичэттэвун. (14) Дулинин бидерэн, **закопать** эча-кэ, **закопать**тя бича. (15) **Потом** һурурэвун йдү этэ́тми нуңанмэн аят. (16) Э́кун-дá **местан** а́чин та́дү.

¹ Работа над текстом велась на семинаре осенью 2007 г.

Текст 6. Охота на медведя. (эвенкийский язык)

1.	š'as	əkun-ka	minə	ori-rə-ø	ami-ja
0:16	сейчас	что-FOC	1SG.ACCD	позвать-NFUT-3PL	отец-COLL
gun-ə-ø	tādū	amākā	girku-d'arə-n	2.	oron-mo-tin
сказать-NFUT-3SG	там	медведь	ходить-PRS-3SG	0:24	олень-ACCD-POSS.3PL
tirə-čə	3.	gun-ə-n	əkun-ka	nado	on-mər
давить-PANT	0:28	сказать-NFUT-3SG	что-FOC	надо	как-INDEF
ńəkə-mi	ətəjə-t-nō-mi	4.	nu = ladno		
пытаться-CVCOND	караулить-DUR-PRGRN-CVCOND	0:34	ну=ладно		
gun-i-m	v'ečərəm	əmə-ži-m	5.	žet	java
сказать-NFUT-1SG	вечером	ехать-FUTCNT-1SG	0:40	дел	Ява
				tože	tože
gun-ə-n	əmə-ži-m	6.	tālā	nuŋərdulātin	
сказать-NFUT-3SG	прийти-FUTCNT-1SG	0:46	туда	3PL.LOCDIR	
huru-rə-wun	goša-nun	d'uktə	7.	əmə-rə-wun	
пойти-NFUT-1PL.EXCL	Гоша-COM	вдвоём	0:53	прийти-NFUT-1PL.EXCL	
čət-ti-rə-wun	8.	amākā-l-tin	gun-ə-ø	əyī	
чай-VBLZ-NFUT-1PL.EXCL	0:57	дед-PL-POSS.3PL	сказать-NFUT-3PL	сейчас	
v'ečərəm	nuŋən	əmə-ži-n	dolboltonə	9.	dolboltonə
вечером	3SG.NOM	прийти-FUTCNT-3SG	вечером	1:01	вечером
əmə	huru-ŋnə-t	10.	alāt-č-il-də-wun		
SLIP	пойти-IMP.FUTRMT-1PL.INCL	1:06	ждать-DUR-INCH-NFUT-1PL.EXCL		
dolboltonə-dulə	11.	amākā-l-wi	ā-hin¹-ə-ø	12.	bu
вечер-LOCALL	1:09	дед-PL-RFL.SG	спать-INCEP-NFUT-3PL	1.13	1PL.EXCL
huru-rə-wun	ilanī	diŋnī	slafkə-m	goša	bi
идти-NFUT-1PL.EXCL	втором	вчетвером	Славка-POSS.1SG	Гоша	1SG
				valera	
diŋnī	huru-rə-wun-nə	ičə-t-nō-hin-ə²			
вчетвером	идти-NFUT-1PL.EXCL=FOC	увидеть-DUR-PRGRN-INCEP-CVSIM			
ətəjet-nō-hin-ə³	13.	girku-na-l	əmə-rə-wun		
караулить-PRGRN-INCEP-CVSIM	1.28	ходить-CVSIM-PL	прийти-NFUT-1PL.EXCL		
tālā	i	žəp	žem-ŋə-nə-lō-n	ičə-t-tə-wun	14.
туда	и	SLIP	есть-NMLZ-PPF-LOCALL-POSS.3SG	увидеть-DUR-NFUT-1PL.EXCL	1.33
dulin-in	bi-d'ərə-n	zakopat'	ə-ča-kə	zakopat'-t'a	bi-ča
половина-POSS.3SG	быть-PRS-3SG	закопать	NEG-PANT-FOC	закопать-PANT	быть-PANT
15.	patom	huru-rə-wun	idū	ətəjə-t-mi	
1.39	потом	идти-NFUT-1PL.EXCL	где	караулить-DUR-CVCOND	
nuŋanmən	ajat	16.	əkun-dā	m'estə-n	āčin
3SG.ACCD	хорошо	1.47	что-FOC	место-POSS.3SG	NEG
				tādū	там

1 = -sin южного наречия; 2 < ičət-nō-hin-nə; 3 < atəjet-nō-hin-nə

(17) Пришли мы, кочка одна **и все**, ничего **больше** нет, где спрятаться <чтобы> ждать. (18) «**Ну**, – я сказал, – здесь на кочке, **да черт с ним**, ждать будем». (19) **Пока** там крутились мы, обсуждали, увидели мы, вот он **уже** выскочил <со стороны> бугров. (20) «Скорей, – я сказал, – вон туда, назад немного отодвинемся к берегу. (21) **Ну** и вот-вот подойдет, отсюда виден будет». (22) **Пока** туда побежали, это самое, пошли мы, (23) этот наш бежит, увидели мы, **уже** к нам прибежал сюда. (24) Я сказал: «Сейчас выскочит он на кочку, я крикну, (25) тогда стрелять будем, когда встанет он». (26) Прибежал, выскочил, я не успел крикнуть [= не крикнул]. (27) Он **даже** не встал, **резко** развернулся, побежал обратно. (28) Друзья успели выстрелить. (29) Я так и не успел выстрелить. (30) Выскочил туда, **пока** там на кочку добежали мы,

(17) Эмэрэвун, дирикачāн умук̄эн **и всё**, э̄кун-дā **больше** āчин йд̄у чикилми, этэ̄тми. (18) «**Ну**, – гуним-нэ, – эр нэпкэкэд̄у-дā, **черт с ним**, этэ̄пкэлду». (19) **Пока** тād̄у хоролдичōвун, улгучōмотчичōвун, ичэрэвун-дē тавар-ка **уже уж** лопорōрэн дирикалтук. (20) «Аманя, – гуним-тē, – эрэ амаск̄йкāн ὀгат дяпкагидālā. (21) **Ну** и эмэлдэкин, эдук ичэвун ὀдян». (22) **Пока** тālā туксарэвун, эравун-кэ, нэнэрэвун, (23) тариңйвун дыңн̄йлэндирэн, ичэрэвун, **уже** мунтик̄й дыңн̄йлэнэн эд̄у. (24), Гуним: «Эһй лопорōракин нэпкэкэлā, тэпкэһиндēm, (25) тālй пэктыр̄улдēп илдакин». (26) Дыңн̄йлэнэ лопорōрэн-нэ, эчэв тэпкэһиним. (27) Эчэ **даже** иливун-да, **резко** һоролиһинэн, дыңн̄йлēһинэн амаск̄й. (28) Дялви успеттэ пэктыр̄үдōвэр. (29) Би тук-дō эчэв успеттэ пэктэр̄эндōви. (30) Лопорōрэн тālэ пала... **пока** тālā нэпкэкэлē туксаравун,

17. əmə-rə-wun ðirika-čān umukōn i fs'ə òkun-dā bol'šə

1.55 пойти-NFUT-1PL.EXCL бугор-DIM один и все что-FOC больше

āčin īdū čikil-mi ətəjə-t-mi 18. nu

NEG где спрятаться-CVCOND караулить-DUR-CVCOND 1.72 ну

gun-i-m = nə ər ŋəpkəkə-dū = dā č'ort s = nīm

сказать-NFUT-1SG этот кочка-DATLOC=FOC черт с=ним

ətəjə-p-kəldu 19. paka tādū horoŋ-đi-čō-wun

караулить-CAUS-IMP.2PL 1.88 пока там крутиться-IPFV-PST-1PL.EXCL

ulgučō-mot-či-čō-wun ičə-rə-wun = dū tawar = ka uže

рассказывать-RECIP-DUR-PST-1PL.EXCL увидеть-NFUT-1PL.EXCL=FOC тот.самый=FOC уже

uš loporo-rə-n ðirika-l-tuk 20. amaña gun-i-m = tē

уж выскочить-NFUT-3SG бугор-PL-ABL 2.07 скоро сказать-NFUT-1SG=FOC

ərə amaski-kān ō-ɣat žapka-ɣidā-lā 21.

это назад-DIM сделать-IMP.1PL.INCL берег-сторона-LOCALL 2.13

nu i əmə-ldək-in əduk ičəwun ō-žā-n 22.

ну и прийти-PIMFUT-POSS.3SG отсюда видный статья-FUTCNT-3SG 2.17

paka tālā tuksa-rə-wun ə-ra-wun = kə ŋənə-rə-wun

пока туда побегать-NFUT-1PL.EXCL что-NFUT-1PL.EXCL=FOC пойти-NFUT-1PL.EXCL

23. tari-ŋi-wun diŋnīlən-đirə-n ičə-rə-wun

2.23 тот-INDPS-POSS.1PL.EXCL бежать-PRS-3SG увидеть-NFUT-1PL.EXCL

uže muntiki diŋnīlən-ə-n ədū 24. gun-i-m

уже 1PL.EXCL.ALL бежать-NFUT-3SG здесь 2:31 сказать-NFUT-1SG

əɣī loporo-rak-in ŋəpkəkə-lā təpkə-hin-žə-m

сейчас выскочить-CVCOND-3SG кочка-LOCALL кричать-INCH-FUTCNT-1SG

25. tēlī pəktirū-l-žə-p il-dak-in

2:35 тогда стрелять-INCH-FUTCNT-1PL.INCL встать-CVCOND-3SG

26. diŋnīl-ə-nə loporo-rə-n = nə ə-čə-w təpkə-jin-i-m¹

2:39 бежать-PPF выскочить-NFUT-3SG=FOC NEG-PST-1SG кричать-INCEP-NFUT-1SG

27. ə-čə daže iŋiwun = dē r'eskə horoli-ɣin-ə-n

2:42 NEG-PANT даже стойка=FOC резко вертеться-INCEP-NFUT-3SG

diŋnīl-ɣin-ə-n amaski 28. đā-l-wi uspet-tə-Ø

бежать-INCEP-NFUT-3SG обратно 2:46 друг-PL-RFL.SG успеть-NFUT-3SG

pəktirū-dō-wər 29. bi tuk-dō ə-čə-w uspet-tə

выстрелить-CVPURP-RFL.PL 2:49 1SG так-FOC NEG-PST-1SG успеть-PNEG

pəktirən-dō-wi 30. loporo-rə-n tālā pala paka

выстрелить-CVPURP-RFL.SG 2:53 выскочить-NFUT-3SG туда.AUG SLIP пока

tālā ŋəpkəkə-lə tuksa-ra-wun

туда кочка-LOCALL побегать-NFUT-1PL.EXCL

¹ < təpkə-hin-i-m; ² < uɣū-čə-hin-čə-tin; ² При расшифровке рассказчик исправил оговорку, дав нужное слово užā-lā-n 'след' (LOCALL-POSS.3SG)

(31) он **уже** во-он поднимается на бугор. (32) Туда на берег поднялся, убежал, бегом ушел **уже**. (33) **Ну**, подраненый. (34) Мы пошли туда на кочку. (35) На снегу след посмотрели, кровь его видать >, попали они <пулей>. (36) **Ну и** оставили мы, обратно пошли мы. (37) Санки [=упряжки оленьи] там были у чума привязаны. (38) Пошли мы, санки взяли, на санках поехали [=пошли] мы. (39) Дед поехал [=пошел], **дед** Яков <родня>. (40) Туда на след с собаками пришли мы. (41) Собак пустили по следу. (42) Мы сами пешком пошли. (43) Там собаки наши залаяли. (44) **Ну**, пошли мы, собака... **значит**, поймали собаки наши. (45) Встретили одну собаку нашу, обратно побежала, испугалась. (46) Вторая облаивает. (47) Туда на след пришли: много [=сильно] крови-то! (48) Собак **оказывается** (он) гонял палкой. (49) Вторая-то собака испугалась, а другая [=вторая] там облаивает.

(31) нуңэн **уже** таркакән туктыдерэн дирикадӯ. (32) Тәлә-дә дьскй һуктылдэн, дыңнйләһинэн һурурэн **уже**. (33) **Ну**, гоёвлипчә. (34) һурурэвун тәлә һәпкәкәлә. (35) һиңилгәндӯ үдявэн ичәттәвун, һөксәлән, һәпчә бичә. (36) **Ну и** эмәнәвун, амаскйвэр һурурэвун. (37) һаңкәлвун тәлә бидичәтын дьлтү уючәйичәтын. (38) һурурэвун, һаңкәлвэр гәннәрәвун, һаңкәлди һурурэвун. (39) Амәкәтин һурурән, **дед** Яваң. (40) Тәлә удялән¹ һинакирди эмәрәвун. (41) Һинагйравун үдялйн. (42) Мәрвун гиркуна һурурэвун. (43) Тәлә һинакирвун гоголдә. (44) **Ну**, һурурэвун, һинаки... **значит**, дяваран һинакирвун. (45) Арчәрәвун умукөн һинакинмәвун амаскй дыңнйләйнән һәләлчә. (46) Гёваин гогодекөрән. (47) Тәлә үдялан эмәрәвун: һө һөксю-дә. (48) Һинакирвә **оказывается** аһактадечә бичо мөтә. (49) Гё-тә һинакин һәләлчә, **а** гё тәлә гогодекөрән.

¹ Вместо ошибочного *дювалән*

- 31.** nuḡən uḡe tar-kakān tūkti-ḡərə-n ḡirika-dū
 2:56 3SG уже тот-AUG подниматься-PRS-3SG бугор-DATLOC
- 32.** tālā-dā diskī hukti-l-də-n diḡnīlā-ḡin-ə-n huru-rə-n uḡe
 3:03 туда-FOC от.реки убежать-INCH-NFUT-3SG бежать-INCEP-NFUT-3SG пойти-NFUT-3SG уже
- 33.** nu gojōwli-p-čə **34.** huru-rə-wun tālā ḡəpkəkə-lā
 3:08 ну подранить-PASS-PANT 3:10 пойти-NFUT-1PL.EXCL туда кочка-LOCALL
- 35.** hiḡilḡən-dū ūḡə-wə-n ičə-t-tə-wun hōksə-lən
 3:12 снег-DATLOC след-ACCD-POSS.3SG увидеть-DUR-NFUT-1PL.EXCL кровь-PROPR
- nā-p-ča bi-čō-Ø **36.** nu i omōn-ə-wun
 попасть-CAUS-PANT быть-PST-3PL 31:87 ну и оставить-NFUT-1PL.EXCL
- amaskī-wər huru-rə-wun **37.** haḡkə-l-wun tālā
 обратно-RFL.PL пойти-NFUT-1PL.EXCL 3:21 нарта-PL-POSS.1PL.EXCL туда
- bi-ḡi-čə-tin ḡū-l-tū ujū-čə-ji-čə-tin² **38.**
 быть-IPFV-PST-3PL чум-PL-DATLOC привязать-STAT-INCEP-PST-3PL 3:26
- huru-rə-wun haḡkə-l-wər ḡənnō-rə-wun haḡkə-l-ḡi
 пойти-NFUT-1PL.EXCL нарта-PL-RFL.PL взять-NFUT-1PL.EXCL нарта-PL-INSTR
- huru-rə-wun **39.** amākā-tin huru-rə-n ḡet jawa-ḡa
 пойти-NFUT-1PL.EXCL 3:33 дед-POSS.3PL пойти-NFUT-3SG дед ява-FAM
- 40.** tālā ḡuwa-lā-n³ ḡinaki-r-ḡi əmə-rə-wun
 3:37 туда SLIP-LOCALL-POSS.3SG собака-PL-INSTR прийти-NFUT-1PL.EXCL
- 41.** ḡinayī-ra-wun ūḡa-lī-n **42.** mōr-wun
 3:42 пустить.собаку-NFUT-1PL.EXCL след-PROL-POSS.3SG 3:45 RFL.PL-1PL.EXCL
- ḡirku-na huru-rə-wun **43.** tālā ḡinaki-r-wun
 ходить-CVSIM пойти-NFUT-1PL.EXCL 3:49 туда собака-PL-POSS.1PL.EXCL
- ḡoḡo-l-də-Ø **44.** nu huru-rə-wun ḡinaki značit ḡawa-ra-n
 лаять-INCH-NFUT-3PL 3:39 ну пойти-NFUT-1PL.EXCL собака.SLIP значит поймать-NFUT-3SG
- ḡinaki-r-wun **45.** arčə-rə-wun umukōn
 собака-PL-POSS.1PL.EXCL 3:58 встретить-NFUT-1PL.EXCL один
- ḡinakin-mə-wun amaskī diḡnīlā-jin-ə-n ḡōlə-l-čō
 собака-ACCD-POSS.1PL.EXCL обратно бежать-INCEP-PRS-3SG бояться-INCH-PANT
- 46.** ḡēwa-in ḡoḡo-ḡə-kō-rə-n **47.** tālā ūḡa-lā-n
 4:04 вторично-POSS.3SG лаять-IPFV-AUG-NFUT-3SG 4:06 там след-LOCALL-POSS.3SG
- əmə-rə-wun hō hōksū-də **48.** ḡinaki-r-wə akazyvajica
 прийти-NFUT-1PL.EXCL сильно кровь-FOC 4:10 собака-PL-ACCD **оказывается**
- aha-ktə-ḡə-ča bi-čō mō-tə **49.** ḡē-tə ḡinakin
 гнать-DSPRS-IPFV-PANT быть-PANT палка-INSTR 4:14 второй-FOC собака
- ḡōlə-l-čə a ḡē tālā ḡoḡo-ḡə-kō-rə-n
 бояться-INCH-PANT a второй туда лаять-IPFV-AUG-NFUT-3SG

(50) Туда прибежали, уви... увидели: та-ам озерка с противоположной стороны (он) на собаку (пасть) разевает, злится. (51) На берегу озера оказались (мы) там. (52) (Я) выстрелил, попал в хребет. (53) Этот наш в воду навзничь упал. (54) **Потом** по берегу побежали туда. (55) При... пришли, там дед покойный мой ба-бах из тозовки в голову его (медведя) выстрелил, попал. (56) (Мы) прибежали, (он) сказал, это самое, быстро, быстрее за уши (его) поймите, (57) утонет в воде. (58) (Он) говорит, тонет. (59) Подбежали (мы), там (он) живой [=живет] еще, плавает, как поймашь-то? (60) **Потом** опять (он) выстрелил. (61) Он [= тот наш] там не утонул, на берег вышел (стоит), до дна доставая ногами. (62) (Дед) попал хорошо, там и умер (медведь), стоя в воде. (63) Еле-еле из воды на берег его (мы) вытащили. (64) Там и шкуру его, это самое сделали, ободрали его, разделали [=разрезали на куски], (там и) оставили.

(50) Тᠠᠯᠠ туксаравун ичэ... ичэрэвун: тᠡр амуткᠠн баргигитин нинакинмэ андерэн, бэйтчэрэн. (51) Амуткᠠн дяпкᠠлᠠн оравун тᠠдᠦ. (52) Пэктырэним, мэлчэчэ йкэрийвэн. (53) Тариңйвун мᠦлᠦ оңкᠠнэн бурурэн. (54) **Потом** дяпкᠠлй туксаһинэвун тᠠᠯᠠ. (55) **Потом** эмэрэвун тᠠдᠦ, детногов пэт-кэт тозовкатпи дылмᠠлин пэктырэнэн, нᠠпкᠠнэн. (56) Туксэрэвун, гундерэн, экалду кам, аманя һёрдукин дявакалду, (57) эдён мᠦдᠦ. (58) Гундерэн, ээпки. (59) Туксаравун тᠠдᠦ и... индерэн **еще**, тиһактадерэн нунэн, он дявадэндэ. (60) **Потом** нᠠн пэктырэнэн. (61) Тариңйвун тᠠдᠦ-дᠠ эчэде эёрэ, дяпкᠠдᠦ ирен һэрэкэчэничэ. (62) Нᠠвһирэн-кэ аят, тᠠдᠦ-дᠠ будэн иличэмнин мᠦдᠦ. (63) Арамᠠ дыскй нунэмэн урийһинэвун. (64) Тᠠдᠦ-дᠠ ирэксэвэн, эчавункэ, луктавун-дᠠ нунэмэн тэлгэтнэл эмэчэвун.

Ī .A. Eāçāēāāē÷, Ī .Ē. Ī ēōōī ōāī ī āā, Ā.Ē. Dōāī ēōēāy

65. ā-ja-n = dō ə-čā-wun ga-da 66. ā-wa-n = kə
5:41 что-ACCD-POSS.3SG=FOC NEG-PST-1PL.EXCL взять-PNEG 5:44 что-ACCD-POSS.3SG=FOC
- ga-da-wun hī-wo-n ga-čā-wun ā-wa-n = kə
взять-NFUT-1PL.EXCL желчь-ACCD-POSS.3SG взять-PST-1PL.EXCL что-ACCD-POSS.3SG=FOC
- irāksə-wə-n 67. i dū-lā-wər əmə-p-čā-wun 68. tuk = dō
шкура-ACCD-POSS.3SG 5:51 и чум-LOCALL-RFL.PL прийти-CAUS-PST-1PL.EXCL 5:52 так=FOC
- girku-nə-l = wse haŋkə-lā-wər uga-čā-wun irāksə-wə-n
ходить-CVSIM-PL=FOC санки-LOCALL-RFL.PL нести-PST-1PL.EXCL шкура-ACCD-3SG
69. tuk-dō bimnin omō-čā-wun ej ā-wa-n = kə
5:58 так=FOC целиком оставить-PST-1PL.EXCL HES что-ACCD-POSS.3SG=FOC
- uldə-wə-n ə-čā-wun ga-də ā-wa 70. āwūn = ka
мясо-ACCD-POSS.3SG NEG-PST-1PL.EXCL взять-PNEG что-ACCD 6:06 зачем=FOC
- bi-žə-n tādū čipkā-r əku-r polno bi-čō-tin 71.
быть-FUTCNT-3.SG.SUB там утка-PL что-PL полно быть-PST-3PL 6:09
- žet-pət¹ = kə jawa-ŋa a gun-ə-n āwūn bi-žə-n
дед-RFL.PL=FOC яков-FAM а сказать-NFUT-3SG зачем быть-FUTCNT-3SG
- čipka-ŋī-l-ti ŋuŋŋaki-ŋī-l-ti əlī-wər žəp-žə-p
утка-INDPS-PL-POSS.1PL.INCL гусь-INDPS-PL-POSS.1PL.INCL где-RFL.PL кушать-FUTCNT-1PL.INCL
72. tuk = dō omō-čō-wun 73. hələ-n mana-w-ra-n
6:18 так=FOC оставить-PST-1PL.EXCL 6:34 остаться-3SG кончить-PASS-NFUT-3SG
- nimŋakān 74. tuk bi-žə-n 75. tar = dā tarit = tā
сказка 6:38 так быть-FUTCNT-3SG 6:48 тот=FOC поэтому=FOC
- čərgə-čō-Ø 76. nu i fs'o zakončilis'
затихать-PST-3PL 7:01 ну и все закончилось

1 < d'et-pər

Abstracts

Shalyapina Z.M.

Recalling One Pioneering Paper, or Semantics and its Formalization in 1961

An review is given of the paper «On fundamental importance of taking account of semantics in machine translation» published in 1961 by A.K. Zholkovskiy, N.N. Leont'yeva, and Yu.S. Martem'yanov. It is argued that the paper in question not only introduced new means of formalized linguistic description that were more powerful and more adequate for the tasks of the day, but also revealed and defined a broad range of linguistic problems that until then had gone largely unheeded. Moreover, it pioneered in outlining the ways and principles of solving these problems that have retained their scientific validity up to the present time, thus becoming the source and building block for a variety of schools and avenues of studies on syntax and semantics in today's theoretical and computational linguistics.

Keywords: history of linguistics, semantic representation, communicative organization of meanings, semantic generation, synonymy, lexical functions, deep syntax.

Leontyeva N. N.

My Way to Machine Translation

Author's remembering of the early days of the famous Laboratory

Keywords: the laboratory of machine translation, semantic primitives

Leontyeva N. N.

On Semantics – in the Laboratory and After

Reflections on semantics in the sphere of theoretical and applied linguistics. Discussion on the “junction” problems, especially: what a borderline lies between linguistic knowledge and special (Domain) knowledge when designing an applied system. The properties of the proposed information-linguistic model (ILM) in comparison to famous “Meaning-Text” model are discussed.

Keywords: semantic atoms, semantic analysis, semantic relations, domain knowledge, information-linguistic model, “soft” understanding.

Bageeva O.O.

The Types of Punctuation Layout in the Letters of Semiliterate Authors

This publication highlights the results of analyses of using punctuation in the (body) collection of letters of semiliterate authors. The first part of the collection was published in the previous volume of the journal; the second part, in the next volume. Two aspects of studying the punctuation – a set of the punctuation marks and the systematic character of their use – are considered in the framework of this article. These aspects are united by the general notion of the “punctuation layout of a semiliterate text.” This article focuses on the classification of the types of the punctuation layout of the texts written by semiliterate authors.

Keywords: Classification, letters, punctuation, functions of punctuation marks, periphery of punctuation system, text, punctuation layout of a text, uneducated speech, corpus.

Bogushevskaya V. A.

Semantics of Colour Terms in Chinese Language: the Theory of Semantic Primitives' Approach

The approach of the theory of semantic primitives by Anna Wierzbicka is based on correlation of linguistic terms with basic universal definitions, known as semantic primes, i.e. elementary primitive meanings present in all human languages. According to this theory, colour terms can be associated with the following basic references: night, day, fire, sun, flora, sky and ground. The study of basic colour terms and their references in Chinese language discovered the conceptual differences in red-yellow part of the spectrum. The "macro-white" category appears to be more detailed than in A. Wierzbicka's colour terms' evolution order scheme.

Keywords: GRUE, semantic primitives, Wierzbicka, "macro-white", worldview.

Esipova A.V. , Arbachakova L. N.

Revitalized Words (on the Background of the Shor Heroic Epos)

The article is dedicated to analysis of archaic lexical forms met in unpublished heroic legends of the Shor people, which are included into the text basis of computer corpus of the Shor texts. The meanings of the bogatyrs' names and those of underground monsters, notions of some representatives of myth and real animals world's naming, the elements of the house, myth and real landscape and also figurative words, used for expression are analyzed. 46 words, revitalized by the language and cultural-historic analysis help to deeper understanding of the Shor folklore – depository of forgotten meanings and notions, names of gone things, reflection of the history of scanty ethnos of the Southern Siberia, which is now rescued to disappear.

Keywords: turkology, languages of the Southern Siberia, folklore, word-building, the Shor language.

Korotaev N. A.

Measuring Prosodic Integration in Clause Combining: Pauses at Syntactic Borders

The paper reports a corpus-based study of pauses occurring (or missing) between matrix and embedded clauses in complex oral structures. It is argued that the length of such pauses may be used to account for a degree of semantic integration. In complex clauses as a whole, boundary pauses are significantly shorter and less frequent than in arbitrary sequences of discourse chunks. At the same time, different pausation strategies are characteristic of the three traditionally recognized syntactic types: complement clauses, relative clauses, and adverbial clauses. The main part of the paper contains an analysis and a discussion of those differences.

Keywords: Oral discourse, pausation, complex clauses, discourse segmentation, syntax and prosody.

Muravenko E.V.

On Changes in Meaning and Government of the Verb *Skuchat'*

The article deals with changes in meaning and government of the Russian verb *skuchat'* 'be bored' from the end of 18th century to the present day. The reasons for these changes are analyzed, and it has been shown

that these changes are of system character. The author presents the project of a new specialized dictionary, reflecting changes in Russian language government over the period from the end of 18th century to the present day, and introduces a sample dictionary article for the verb *skuchat'*.

Keywords: verbs of emotional state; the verb *skuchat'* 'be bored'; verbal government; changes in government; diathesis; participant; experiencer; stimulus; dictionary, reflecting verbal government; dictionary, reflecting changes in government.

Pereverzeva S. I.

A Formal Definition of the "Body Parts' Orientation" Feature

In this paper I discuss some features of human body and body parts giving attention to the feature 'orientation'. I provide a formal definition of the notion 'orientation of body and its parts' and introduce some concepts closely related to this feature. I also outline a typology of minimal pairs of so-called 'gestures with orientation'.

Keywords: verbal, nonverbal, natural language, body language, body part, feature, orientation, gesture

Sharonov I.A.

Problems of Volitive Interjections Analysis and Description

Volitive interjections are defined in the article as a group of language appeal signals, which have no associations with other language units. The group consists of vocal gestures, loan words and transforms of imperative constructions. To describe usage of volitive interjections it is important to reveal their semantic characteristics. They are presented in the article as oppositions: completion or stop of activity VS modification of activity; warning VS stop of activity; stop of any activity VS stop of speech activity; command, order VS warn, calm; neutral VS stylistically marked form; obligatory gesture VS facultative gesture. These characteristics make possible to describe usage of volitive interjections in speech.

Keywords: interjections, functions of language, vocal gestures, imperative constructions, interpretation of interjections

Brechalova E.V.

On One Approach to the Formal Semantic and Syntactic Analysis of Korean Sentences

The purpose of the present paper is to describe a procedure designing some kind of syntactical marking of modern Korean sentences. The marking consists of two components. The first one shows some linear fragmentation of a sentence. To recover fragments, the procedure appeals to a short list of affixes. The second component shows a hypothetical actant-predicate structure of the same sentence. The procedure finds predicatives and their actants mostly within fragments. Rules designing the second component use a dictionary of predicatives which includes information on number of their valencies and grammatical forms of their potential actants. Such marking can be viewed as a good start for subsequent syntactical and semantic analysis. To prove the procedure, a computer program was realized in Python and tested on a set of Korean sentences.

Keywords: Korean language, automatic syntactic analysis, syntactic annotation, text segmentation, text analysis

Ermakov M. V.

Revealing the Lexical Nucleus of a Linguistic Situation (the Case of Criminal Reports)

In the scope of this paper is an important problem of text semantic analysis, specifically revealing the situations described in a text. The content of a situation is not always expressed by the syntactically main node (usually, by a verb). Meanings of syntactically main nodes of sentences are considered in this paper (on a corpus of criminal reports). The statistics is given. The main aim is to reveal the lexical nucleus of a situation – i.e. a word or a group of words most precisely reflecting the content of a situation. Some approaches to selecting lexical nuclei for different types of syntactically main nodes of sentences are suggested.

Keywords: semantic analysis, information-linguistic model, lexical nucleus, semantic relation, lexical function, information weight.

Kozintsev A. G.

Humorous Virtual Agents and the Theory of Humor

The article explores the relevance of artificial humorous agents (computer joke generators) for humor theory. All artificial jokes are based either on random inversions at any level or on punning. Any meanings generated that way appear to be artificial add-ons to a likewise artificial play of sounds, sentences, and situations. In humor, the inexhaustible generativity of language is even more evident than in serious discourse; however, rather than extending the boundaries of the admissible as the poetic speech does, humor oversteps these boundaries and turns verbal play into a means of undermining reference. Artificial humorous agents therefore function in full accord with the basic principles of humor.

Keywords: humor, computer-generated humor, humor theory, language play, artificial intelligence, virtual agents, anti-referential function of language

Koval A. I.

Alfred Naumovich Zhurinskij – the Scientist and Personality

The paper contains the memoirs of the author about her colleague and friend A. N. Zhurinskij. Especial attention is paid to his personal identity and scientific interests.

Keywords: linguistics, Department of Theoretical/Structural and Applied Linguistics, Olympiad in linguistics and mathematics, linguistic problems, African studies, folklore, puzzles

Muravenko E. V.

A. N. Zhurinsky's Linguistic Problems

The article is devoted to the memory of the talented linguist A. N. Zhurinsky. The author points out his role in the development of the genre of self-sufficient problem and of linguistic olympiads.

Keywords: A. N. Zhurinsky, Traditional Linguistic Olympiad, self-sufficient problem, problem teaching.

Kozmin A. V., Neklyudov S. Y.

A. N. Zhurinsky's "Riddles"

The article is on A. N. Zhurinsky as riddles researcher and on his posthumous "Riddles of Oriental Peoples" book.

Keywords: A.N. Zhurinsky, riddle semantics, riddle and similar genres.

Agranat T.B.

Votic texts with glosses

The article includes 5 texts in Jxgxperд subdialect of the Votic language, written down by the author during the field work. The texts are presented in the phonetic transcription, in Russian translation and in phonemic transcription with glosses. Votic is the minor unwritten Uralic (balto-finnic) language; only about 15 old persons speaking it remain in the two villages near Saint-Petersbourg.

Keywords: field texts records, phonetic transcription, phonemic transcription, glosses.

Kazakevich O.A., Mitrofanova N.K., Rudnitskaya T.L.

Life Stories of Autochthonous Populations of Siberia: Publication of Glossed Texts. Second Publication

The article is the second of the two planned journal publications of morphologically indexed and commented texts prepared within the project "Changing Russia in life stories of the Ket, Selkup, and Evenki" being realized at the Laboratory for Computational Lexicography, Research Computer Centre, Lomonosov Moscow State University with financial support from the Russian Foundation for the Humanities, grant 07-04-00-332. The objective of the project is the processing, grammatical indexing, discourse and content analyzing, and preparing for publication (both as a book and as an Internet resource) of Ket, Selkup, and Evenki life stories recorded during the linguistic expeditions to the Upper- and Middle Taz and the Middle Yenisei basins led in 1996-2007. The historical events form the background of personal life stories, and we can see these events from the view-point of the story-tellers, thus getting a new dimension in understanding the history of our country. The article presents one Selkup and two Evenki life stories. The form of the text presentation used in the publication was developed in the framework of the project LangueDOC led by Alexandr E. Kibrik.

Keywords: documentation of endangered languages, Selkup, Evenki, text corpora, morphological indexing, code-switching, linguistic typology.

Сведения об авторах

- Агранат Татьяна Борисовна* – канд. филол. наук, старший науч. сотрудник сектора финно-угорских языков Ин-та языкознания РАН, tagranat@yandex.ru.
- Арбачакова Любовь Никитовна* – канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института филологии СО РАН, lizabeth@mail.ru.
- Багеева Ольга Олеговна* – аспирант каф. теоретической и прикладной лингвистики и преподаватель каф. европейских языков Ин-та лингвистики РГГУ, olga-bageeva@mail.ru.
- Богушевская Виктория Алексеевна* – канд. филол. наук, специалист по китайской филологии, v-bogushev@yandex.ru.
- Бречалова Евгения Владимировна* – преподаватель корейского языка каф. Истории и филологии стран Дальнего Востока ИВКА РГГУ, evbrechalova@gmail.com.
- Ермаков Михаил Владимирович* – аспирант каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, mermakov@gmail.com.
- Есипова Алиса Васильевна* – канд. филол. наук, доцент Кузбасской государственной педагогической академии, lizabeth@mail.ru.
- Казакевич Ольга Анатольевна* – канд. филол. наук, зав. Лабораторией автоматизированных лексикографических систем Научно-исслед. вычислительного центра МГУ, доцент каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, kazakevich.olga@gmail.com.
- Коваль Антонина Ивановна* – канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та языкознания РАН, отдел африканских языков, aekibrik@gmail.com.
- Козинцев Александр Григорьевич* – главный науч. сотрудник музея антропологии и этнографии РАН, доктор историч. наук, agkozintsev@gmail.com.
- Козьмин Артем Викторович* – канд. филол. наук, науч. сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, kozmin@gmail.com.
- Коротаев Николай Алексеевич* – выпускник РГГУ, n_korotaev@hotmail.com.
- Леонтьева Нина Николаевна* – доктор технич. наук, профессор, ведущий науч. сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ, профессор каф. теоретической и прикладной лингвистики Ин-та лингвистики РГГУ, leont-nn@yandex.ru.
- Митрофанова Наталья Кирилловна* – младший науч. сотрудник Ин-та языкознания РАН, iling@iling-ran.ru.
- Муравенко Елена Владимировна* – канд. филол. наук, доцент каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ, emuravenko@yandex.ru.
- Неклюдов Сергей Юрьевич* – доктор филол. наук, профессор, директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, ctsf.rggu@gmail.com.
- Переверзева Светлана Игоревна* – аспирант каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ, kvipsi@mail.ru.
- Рудницкая Елена Леонидовна* – канд. филол. наук, науч. сотр. Ин-та востоковедения РАН, iling@iling-ran.ru.
- Шалапина Зоя Михайловна* – канд. филол. наук, зав. Отделом языков Ин-та востоковедения РАН, ZMShal@yandex.ru.
- Шаронов Игорь Алексеевич* – канд. филол. наук, доцент каф. русского языка Ин-та лингвистики РГГУ, igor_sharonov@mail.ru.

Information about the authors

- Agranat Tatiana* – candidate of Philology, senior researcher of the Finno-Ugric Department of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (RAS), tagranat@yandex.ru.
- Arbachakova Liubov'* – candidate of Philology, senior researcher of the Institute of Philology of the RAS' Siberian Department, lizabeth@mail.ru.
- Bageeva Olga* – lecturer of the Department of European Languages and graduate of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, RSUH, olgabageeva@mail.ru.
- Bogushevskaya Victoria* – candidate of Philology, specialist in Chinese Linguistics, v-bogushev@yandex.ru.
- Brechalova Evgenia* – lecturer in Korean, the Institute for Oriental cultures, RSUH, evbrechalova@gmail.com.
- Ermakov Mikhail* – graduate of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, RSUH, mermakov@gmail.com.
- Esipova Alisa* – candidate of Philology, associate professor of the Kuzbass State Pedagogical Academy, lizabeth@mail.ru.
- Kazakevich Olga* – candidate of Philology, head of the Laboratory for Automatic Lexicographic Systems (the Moscow University), associate professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, RSUH, kazakevich.olga@gmail.com.
- Koval' Antonina* – candidate of Philology, leading researcher of the African Department of the RAS' Institute of Linguistics, aekibrik@gmail.com.
- Kozintsev Aleksandr* – doctor hab. in History, main researcher of the RAS' Museum for Anthropology and Ethnography, agkozintsev@gmail.com.
- Kozmin Artjom* – candidate of Philology, researcher of the Center for Typology and Semiotics of Filklora, RSUH, kozmin@gmail.com.
- Korotaev Nikolaj* – graduate of the Institute of Linguistics, RSUH, n_korotaev@hotmail.com.
- Leontyeva Nina* – doctor hab. in Technologies, candidate of Philology, leading researcher of the Scientific Computational Center, the Moscow University; professor of Department of Theoretical and Applied Linguistics, RSUH, leont-nn@yandex.ru.
- Mitrofanova Natalya* – researcher of the Finno-Ugric Department of the RAS' Institute of Linguistics, iling@iling-ran.ru.
- Muravenko Elena* – candidate of Philology, associate professor of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH, emuravenko@yandex.ru.
- Neklyudov Sergej* – doctor hab. in Philology, professor, director of Center for Typology and Semiotics of Filklora, RSUH, ctsf.rggu@gmail.com.
- Pereverzeva Svetlana* – graduate of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH, kvipsi@mail.ru.
- Rudnitskaya Elena* – candidate of Philology, researcher of the RAS' Institute of Oriental Studies, iling@iling-ran.ru.
- Shalyapina Zoya* – candidate of Philology, head of the Department of Languages of the RAS' Institute of Oriental Studies, ZMShal@yandex.ru.
- Sharonov Igor'* – candidate of Philology, associate professor of the Russian Department of the Institute of Linguistics, RSUH, igor_sharonov@mail.ru.